

Зарубежная

фантастика

П.Керни
ПУТЬ
К ВАВИЛОНУ

П.Керни
ПУТЬ
К ВАВИЛОНУ

Фантастический роман

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

THE WAY TO BABYLON

Paul Kearney

Victor Gollancz Ltd

London

1992

Зарубежная

фантастика

П. Керни
ПУТЬ
К ВАВИЛОНУ

Фантастический роман

Перевод с английского
Т. Харисовой

Москва «Мир» 1996

ББК 84.4 Вл.
К36

Керни П.

К36 Путь к Вавилону: Пер. с англ. Т. Харисовой. — М.: Мир, 1996. — 608 с. — (Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-003154-5

Первый на русском языке роман молодого, но уже снискавшего популярность английского писателя, написанный в жанре «фэнтези». В книге причудливо переплетаются события в современной Великобритании и в прекрасной, вымышленной средневековой стране, скрытой в неприступных горах северной Шотландии. Распутывая интриги и преодолевая опасности, теряя верных друзей и любимых женщин, главный герой романа постигает, наконец, смысл своего существования на земле.

ББК 84.4 Вл.

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003154-5 (русск.)

ISBN 0-575-06310-0 (англ.)

© Paul Kearney 1992

© перевод на русский
язык, художественное
оформление, Мир, 1996

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Теперь, оглядываясь назад, он с трудом верил в то прежнее светлое времечко, когда разум его и тело составляли единое целое, до того, как мир обрушился на него, и в одно пронзительное мгновение он потерял все, что любил в жизни. И теперь он остался один.

Да уж, у кого-то там, наверху, и в самом деле пещерное чувство юмора. Ладно, я надеюсь, вы остались довольны моим фиглярством... и раскрошенными костями, и алой болью под веками, и месяцами неподвижности, когда собираешь себя по кусочкам. И друзьями, которые так за тебя переживают. Боже правый, вот уж от чего можно умереть со смеху — как мучительно они обдумывали, чтобы сказать мне, что ее больше нет. Что она умерла. Разбилась. Из-за троса, износившегося от долгого употребления. Почему-то мне всегда казалось, что это было бы пустым расточительством — покупать новый трос. Теперь это, должно быть, смешно. Так что умирай смеясь.

Теплый луч солнца лег ему на лицо. Он открыл глаза и увидел знакомую ленту реки и деревья на дальней стороне лужайки. Фигуры пациентов в больничных халатах казались здесь абсолютно не к месту. Как и одетые в белое медсестрички. Это так далеко от вересковой пустоши. И от орлов. И от гор.

Беркшир — самое что ни есть обжитое место на свете. Он рассеянно провел пальцами по подлокотнику кресла-каталки. Они все здесь такие старые, просто отвратительно старые. Старики и

старухи, готовящиеся разлечься на шезлонгах в Борнмуте, но пока нуждающиеся в услугах учреждений Министерства здравоохранения. Чтобы потом не вывалиться из шезлонга и не уронить мороженое. Постепенный уход в лучший мир.

Как раз то, что мне нужно. Тихонечко соскользнуть в забвение с непременно мягкими тапками, и лабрадором желтого окраса, и, возможно, с прогулками по воскресеньям. Он едва не рассмеялся, но судорога челюсти отдалась в черепе вспышками света. Он тихо, но смачно выругался, осторожно прикоснувшись рукой к металлическим спицам, вонзенным в лицо, точно иглы какой-то чудовищно неумелой акупунктуры.

Человек в Железной Маске. Это я.

Боль померкла, на лице остался лишь теплый луч солнца.

Мне, разумеется, повезло. Я должен был умереть. После падения с высоты в две сотни футов. Она умерла. Ушла навсегда, окончательно и бесповоротно. Настоящая жизнь кончилась. Это ужасно. Так мерзко. Этого не должно быть с людьми. Надо, чтобы оставалось какое-то время на приготовление к смерти, последнее «прости» и все такое. На последний поцелуй...

Вот черт, опять за свое. Безмозглый ублюдок.

Он зажал ладонью глаза, пока они не стали сухими. Пока голова не затрещала от боли снова.

Ладно, уж лучше эта проклятая боль. Жизнь — это стерва, вероломная стерва.

И за тысячу лет отсюда — смеющийся звонкий голос:

— А потом еще женишься на одной!

Правая рука легла на рычаг управления, и вот, — рывками и со скрипом, — он уже вырулил во внутренний двор, петляя туда-сюда, чтобы не врезаться в пациентов, прикованных к креслам.

Эй вы, отставные банкиры, держитесь теперь за свои подкладные судна!

А дальше, прямо по курсу, фигура в белом; поднос с бутылочками и пилюлями взметнулся в воздух; столкновение, испуганный женский вскрик.

О, черт. Он понесся дальше, немой и глухой. Пилюли рассыпаны по одеялу, по шее стекает какое-то липкое, точно сироп, лекарство.

— Мистер Ривен, вернитесь! Что вы такое творите?!

Нужно что-то придумать для этой штуковины. Довести ее до ума. Может быть, поставить движок помощнее. А то не нравится мне, как она ползает. Жалкое подобие пары ног.

Он остановился и терпеливо ждал, пока дородная медсестра не подошла к нему.

О, Боже. Ну и ножищи... у буровой вышки и то изящней.

— Мистер Ривен, я не раз и не два уже говорила вам насчет ваших гонок на кресле. Вы что, вообще меня не слышите? Здесь, в Центре, есть пациенты и кроме вас, и большинство из них — старые люди. Что если бы вы врезались не в меня, а в кого-то из них? Ведь по вашей вине мог бы произойти несчастный случай!

Поговори мне еще о несчастных случаях, корова жирная. Поговори мне еще о какой-то вине.

— Я вас вывезу на лужайку. Уж там-то вы не сумеете набедокурить. Будьте пайнкой. Посидите, погрейтесь на солнышке, пока оно светит. Вы должны радоваться возможности побыть на воздухе, мистер Ривен. Я так понимаю, вы вообще такой человек, который долго дома не усидит...

Это — да. Бегать, прыгать, карабкаться по горам. Страсть к движению и свежему воздуху едва меня не убила.

— Ну вот. Можете тут сидеть, наслаждаться солнцем. Через час будет ланч. Я за вами приду, а вы пока нагуляйте себе аппетит.

С тем она и ушла, чайки — за ней, в воздухе — запах нагретой солнцем травы. Ку-ку.

Боже мой. Даже если уйти на инвалидность... это не может быть до такой степени скучно!

Он опять дернул за рычаг в подлокотнике кресла, но двигатель не тянул на заросших травой рытвинах. Кресло его проползло пару футов и встало с каким-то зловещим скрипом.

Ой. Должно быть, опять забыл выжать сцепление. Вот интересно, а можно на этой штуковине ехать по трассе? Или хотя бы по проселку. Я вполне мог бы пристроить сзади своего золотистого лабрадора... Вот гадство, я и свистнуть-то ему прилично теперь не в состоянии.

Он сидел, жмурясь от солнца и унылых мыслей, пока снова не разболелась башка, потом вздохнул и уставился взглядом на свои колени. Такие худые, скрюченные, даже под одеялом заметно. Теперь в них больше металла, чем костей. Мы его соберем, будет как новенький,

даже лучше, чем было... Давай-ка следующего; этому ноги мы вставили.

Ладно, еще часок чудного южного воздуха, а потом сестра Бисби Волосатые Руки, — Та-Кого-Нужно-Слушаться-Беспрекословно, — оттащит тебя на ланч местных гурманов: парные котлетки с фруктовым пюре. Или — если повар настроен на авантюры — может быть, небольшой такой бифштекс или жареные почки с деликатной капелькой кетчупа. А потом мы отъедем в салон, нюхнем ихнего ликерчику, хлопнем наших болеутоляющих и будем ждать ужина, после которого весело отмаршируем в постельку. Жизнь замшелого сквайра из глубинки.

Подожди-ка минуточку; а вот и Моулси, полоумный старикашка, идет поздороваться. Невменяемый абсолютно. И единственный, кто со мной разговаривает. Ну, привет, Моулси. Так на какой мы сегодня планете?

Лицо старикана похоже на мятый коврик, красное, что печеное яблоко, но с сияющими голубыми глазами, — голубыми, как озеро под безоблачным небом. Он немного пожевал пустым ртом, потом скосил глаза и прошептал:

— Стало быть, вы не исчезли. Вы еще здесь?

Нет, старый дурак. Меня нет. Я — глюк.

— Я почему, знаете, спрашиваю: я подумал, что теперь вы ведь можете в любой день сорваться, и что тогда будет там... Ведь вы же там были. — Еще понизив голос, он украдкой огляделся. — Только мы с вами знаем. — В его голосе, огрубелом от виски, явственно проскальзывал акцент шотландских горцев и какой-то еще другой,

неуловимый. — Мы с вами там были, и там оно все и есть.

Когда-нибудь, Моулси, я как следует врежу по твоему большому красному носу. Ты достал меня. Ты и твои чертовы кельтские сумерки. Пропитанный спиртным жук навозный, который зажился на этом свете.

— Но вы не волнуйтесь. Я знаю, вы никому не скажете. Вы ведь вообще говорить не можете. Я знаю. Вот почему никто с вами не разговаривает. Они считают, что у вас крыша поехала вместе с голосом... и у меня тоже, они считают. — Он хохотнул, и молодые, озорные искорки мелькнули в его глазах. — Ну да ладно. Мы пока сохраним наш секрет, да, мистер Ривен? Какое-то время? Пока время есть, время терпит... — он вдруг умолк. — Что-то в последние дни в голове у меня все смешалось, в старой моей голове. Там, на Скае, в Мингнише было лучше... ветер, соленый запах моря. Лучше, чем дома, у меня дома.

Угу. Тебе, может быть, там и лучше. Но я уже вряд ли вернусь домой.

— Я испаряюсь. Мне уже пора. Эти проклятые санитарки... — И он отправился прочь, через лужайку, к больничному комплексу.

Пока время есть, время терпит.

При помощи движка и здоровой руки Ривену удалось вырулить кресло обратно во внутренний двор, хотя к тому времени, когда он добрался наконец туда, голова его так болела, что, казалось, взорвется. Все правильно, сволочи, все путем; и не вздумайте мне помогать. А то еще будет у вас обострение язвы...

Черт возьми, башка прямо раскалывается. Держу пари, череп сейчас треснет.

Пациенты уже подтягивались к корпусам. Время ланча. Пригревало осеннее солнце, а внизу, где блестела полоска реки, ивы клонились к воде. Ветви их окунались в поток, на ветерке кружились и падали в воду их узкие желтеющие листья. Ему нравилось сидеть там, где берег отлого спускался к песчаному пляжу и дно отражало солнечный свет. Типичный южный уголок, — сонный, тихий, теплый. Он с сожалением оглянулся. Как хорошо было бы посидеть там сейчас. Но старик вернул его к северному настроению. Настроению серого камня, папоротника и торфа. Самому что ни на есть препоганому настроению, ибо еще мгновение — и он вновь окажется на вершине Сгарр Дига и в ужасе взглянет на оборвавшийся трос.

В комнате отдыха включили музыку. Несколько секунд он слушал, — лицо его судорожно подергивалось, — а потом рывком рычага подтолкнул свое кресло и въехал внутрь, насвистывая про себя, вглядываясь в иные горы.

Горы. Спинной хребет мира. На севере — черные клыки Гресхорна, выступающие из-под белизны снега, такие высокие, что теряются в бесконечности облаков, а основанием припадают к земле, громадные и утрюмые, как свирепые великаны в тайном сговоре с северным ветром. Эти зубы дракона громоздятся над зеленым простором предгорья, — утесы над пропастью, далекие, как и река на ее дне, что отделяет их от людей, возделывающих поля и сады на пологих склонах.

И на западе, вгрызаясь в небо, вздымаются вершины. Здесь они уже не такие суровые, но выщербленные и обветренные каменистые осыпи, скалистые отроги, густо заросшие горным вереском. Они выходят на равнину пологими грядами хмурого камня, простираясь на сотни миль к югу, где волны моря бьются о берег, кроша твердь.

На востоке еще один заслон гор поднимается ввысь цепью утесов, расколотых и насупившихся подо льдом и снегом, которые ниже и дальше на восток переходят в пустынные просторы песка и камня, где солнечный свет рассеивается, а заросли кустарника, иссякнув, обращаются в холодную и бесплодную пустыню.

Горы. Они образуют три стороны света, а четвертой служит бескрайнее серебристо-синее море. Внутри подковы гор — зеленый и радостный мир, покрытый морщинками долин, быстрых, прозрачных рек и лесами — дремучими, непроходимыми, нетронутыми человеком. Просторный, теплый и чистый мир в солнечной дымке. Мир роскошный и яркий, щедрый, как летний ливень, и безмятежный, как полдень золотой осени.

И мир этот существует только в воображении калеки, который насвистывает в тишине больничного двора.

Ланч — аппетитное мясо и овощи на тарелках других пациентов — на его тарелке имел вид кашицы неопределенного цвета, которую он осторожно втянул в свой разбитый рот. В столовой стоял гул. Все вокруг него вели неумолчные

разговоры. Здесь питались те пациенты, которые могли уже кое-как передвигаться. Всем остальным доставляли пищу прямо в постели.

— Не хотите ли еще, мистер Ривен? — Он поднял глаза и с выражением страдания поглядел на молоденькую медсестру. Та рассмеялась.

— Намек понят. Хорошо еще, что вы не ворчите, как мистер Симпсон. — Она отвернулась.

Боже, полжизни за кружку пива.

С тех пор, как он в последний раз выпивал, прошел уже не один месяц. Ему сейчас запрещают употреблять алкоголь — постоянно колют какие-то наркотики. Сама мысль о том, чтобы напиться, одновременно и привлекала, и вызывала отвращение; хотя — и он не питал относительно этого никаких иллюзий, — теперь наклюкаться так, чтоб на ногах не стоять, он никогда не сможет. Он и без этого встать не может. Иногда, правда, ему хотелось напиться так, чтобы уже ничего не помнить; провалиться во тьму без видений и снов, где не будет этого обрывка потертой веревки, что качается перед глазами. Но ведь могло быть и по-другому. Что если все вернется, даже более отчетливо, как наяву?

Он влил в себя остатки жидкой пищи, не ощущая вкуса. Напротив него какой-то мужик средних лет неспешно и обстоятельно поедал свою порцию с таким видом, что, даже случись сейчас землетрясение, он бы, наверное, не увеличил темп, но и не перестал есть. Ривен чувствовал себя загнанным в угол. Наркотики, это дурацкое кресло, жидкая пища, почтенный возраст всех тех, кто его окружает. Он огляделся

и наконец-то заметил Дуди, санитаря, в противоположном конце комнаты. Ривен помахал ему рукой.

Дуди, негритос из Лондона, — бывший военный, как и сам Ривен, — состоял когда-то на Королевской военно-медицинской службе. Этаким беспаша-ный рубаха-парень. Так и светится беззаботностью.

— Здорово, сэр. Как у нас самочувствие?

Ривен беспомощно приподнял брови и приставил указательный палец к виску, щелкнув большим и средним, как курком.

— Вот блин... Это всегда успеется. Не вешайте нос. Чуток продержитесь еще, я вас вытащу! — Он отошел пошептаться с дежурной сестрой и тут же вернулся обратно. — Пойдемте, дружище. Пусть этих старых пердунов откармливают на убой, а мы выберемся на воздух.

Он снова вывез Ривена на улицу, в голубой с золотом день с рекой и деревьями на заднем плане. Ривену вдруг стало как будто легче дышать. От постоянного сидения в кресле ему уже начало казаться, что его легкие сморщились и скукожились. Когда-то, давным-давно, ему довелось немало побегать. Он мог пробежать не одну милю. И легкие работали как кузнечные мехи. Но все его прежние жизненные силы остались там, в пропасти под горой.

— Натэ, возьмите-ка, сэр, — Дуди протянул ему карандаш и блокнот, — Утром вы их специально оставили, да? Но я вас понимаю. Иной раз, наверное, очень не хочется с ними возиться.

«Иногда мне так легче», быстро нацарапал Ривен на листке блокнота.

Иногда... Он помедлил. «Иногда мне бывает на все наплевать».

Дуди непривычно серьезно взглянул на него.

— Но ведь на самом же деле — нет, правильно? Все так говорят, но вы, сдается мне, из тех немногих, кто понимает, что в действительности это не так.

Карандаш безмолвствовал. Дуди подался вперед:

— Теперь уже скоро, сэр. Очень скоро из вас повынимают эти поганые спицы. И вы сможете есть нормально, и говорить, и плевать мне на халат, если вам это будет приятно. — Он вдруг оглянулся через плечо и заговорщически склонился к Ривену. — И что самое главное, мне удастся тогда влить в вас немного пивка. — Он улыбнулся, на мгновение лицо его стало еще безобразней, и обменялся с Ривеном рукопожатием.

Чудо в перьях. Это ты не даешь мне сойти с ума.

Здравомыслие — штука шаткая; неустойчивый мостик между светом и тьмой. Он вспомнил скалы, проносящиеся мимо него вверх. Он удостоился зрелища, которое редко открывается тем, кто потом сможет о нем рассказать.

Он видел смерть.

Я здесь, с ухмылкой сказала Смерть. Я всегда рядом. Я терпелива и поджидаю конца каждой истории. Незванный, но непременно гость.

Очевидно, конец его истории еще впереди.

Ривен безотчетно улыбнулся. Он был готов встретиться с ней и пожать ее руку. Она забирала его с собой. Туда, куда он отправился бы охотно.

Печаль, вновь вскипев, прорвалась наружу. Неумолимая в своих решениях. Она раздражала его, постоянно захватывая врасплох. Недостойно. Нечестно. Так никогда не бывает в хороших книгах — в его книгах; но книги кончаются, время проходит, и даже печаль становится невыносимо скучной.

Он мотнул головой, — насколько вообще был способен ею двигать, — пытаясь выкинуть из нее и запах вереска, и журчанье горного ручья. Перед мысленным взором стояло лицо: смуглая девушка с густыми бровями и решительно сжатым ртом. Очень молоденькая. Кто она? Возможно, одна из его героинь. Дева из страны преданий и грез.

Неутомимое воображение — штука подчас утомительная.

Он развернул свое кресло. Дуди болтал с одной из медсестер. Лицо ее подозрительно напоминало лицо той девушки.

Это уж слишком. Даже для неутомимого воображения.

Дуди повернулся к нему:

— Похоже, сэр, вас назначили на прием к главному костоправу. Я сейчас вас отвезу.

Ривен кивнул. Улыбка сестры осталась без ответа.

Раз назначили, надо идти. Хорошо-хорошо.

Бодрые обещания, это уж непременно. Черт с ним, пусть правит. А вранье он пропустит мимо ушей.

Ривен не заметил, что Моулси наблюдает за ним из тени веранды. И что лицо старика на мгновение стало лицом молодого наблюдательного мужчины.

— Ну, Майкл, вы, похоже, делаете успехи... еще последний укольчик... ну, вот и все.

Он видел лишь яркий свет над головой. Чувствовал ловкие руки, обрабатывающие его лицо; легкий скрежет металла о кость. Как у зубного врача. Странно ощущать, как расслабляется челюсть. Ощущать, что возможно движение.

— Замечательно. Похоже, и шрафика не останется. Если и ноги у вас заживут точно так же, вы еще посмеетесь потом... — Ободряюще улыбнувшись, хирург умолк. — Можете поговорить. Но осторожнее поначалу. Никаких резких движений. Давайте-ка...

Получается. Бляха-муха, ведь получается же!

— Я могу говорить, — хрипло выдавил он. В первый раз за столько месяцев он услышал свой голос. Ему пришлось поднапрячься, чтобы сдерживать слезы. Она была последней, кто слышал его — его голос.

— Вам не больно? Не ощущаете неудобства? За исключением общей онемелости, я имею в виду.

Он покачал головой. Как обычно — не больше.

Доктор склонился над ним. Седовласый, орлиный профиль. Большие очки в черной оправе.

— Эй, док, а вы не такой уж урод, в самом деле. — Он усмехнулся, не обращая внимания на боль, что пронзила челюсть.

— Да и вы, в общем-то, тоже. Теперь. Уже почти совсем не похожи на телеантенну. Попробуйте сесть.

Он сел. Нижняя челюсть тут же заныла. Странно так ощущать ее вес, больше ничем не поддерживаемый, — точно маятник, подвешенный к подбородку. Он почувствовал, что у него потекла слюна, и вытер рот здоровой рукой.

— Боже мой, как будто всему учишься заново.

— Так и будет, еще денек-другой, пока вы не привыкнете.

— А все остальное?

Доктор помедлил.

— Боюсь, придется еще подождать. Какое-то время. Вам пока рано начинать ходить, но рука теперь с каждым днем будет набирать силу. Дайте лишь время...

Время. Ну что ж, у него полно времени.

Слова у него получались громоздкими, неуклюжими, как булыжники, без углов и зазубрин. Точно увязшие в грязи. Он продолжал таскать с собой блокнот. На тот случай, если ему станет вдруг слишком уж тяжело говорить. Или же если тот, кто попытается его понять, окажется непроходимой бестолочью. Дуди, только Дуди понимал каждое слово и частенько ругал Ривена за то, что тот специально шамкает ртом и глотает слова.

— Теперь, когда с вас уже сняли этот шлем пыток эпохи освоения космоса, вам следовало

бы расстараться и разобраться с этой старой коровой Бисби, сэр. А то она думает, что у вас все собаки сидят не на привязи, если вы понимаете, что я имею в виду. Вот с кем чертовски приятно поговорить. Она знает кучу умных слов: аспирин, например, и еще — эластопласт.

Ривен рассмеялся. В первый раз за столь долгое время он рассмеялся, пусть даже мышцы лица разболелись ужасно.

Белая бесформенная масса — сестра Бисби — всплыла в палату, словно тяжело груженный корабль на всех парусах. Дуди закатил глаза:

— Вот, черт побери, дождались. Предполагается, что я сейчас должен вытирать чью-то задницу, или лизать полы, или как там?

— Дуди, по-моему, ты сейчас должен быть в другом месте? — насупилась сестра Бисби. — Уж не в прачечной ли?

— Да, мэм, туда-то я и направляюсь, — отозвался Дуди и, уходя, подмигнул Ривену. Даже когда он уже скрылся за дверью, сестра Бисби по инерции продолжала хмуриться ему вслед, но лицо ее вновь стало добродушным, когда она повернулась к Ривену. Взбила подушки за его спиной, обращаясь с ним точно с дитем неразумным.

— Надеюсь, мистер Ривен, вы себя чувствуете хорошо, потому что к вам пришли. Солидный такой господин, очень внушительный с виду, да. Адвокат, я так понимаю, или что-нибудь в этом роде. Я только устрою вас поудобней и сразу его приглашу. Ваш блокнот при вас? Хорошо. Пойду, позову его.

Ко мне пришли. Поболтать с Майклом Ривеном, снова обретшим голос. Не было печали.

Посетитель. Пухленький коротышка в строгом костюме, сидящем на нем как-то очень уж неуютно, как на корове седло, точно ему — то есть, костюму, естественно, — хотелось тихонечко улизнуть куда-нибудь подальше отсюда. С квадратным, бодро-румяным лицом и волосами, постриженными почти по-военному коротко, посетитель мог бы быть кузнецом или старшим сержантом, если бы не эта мягкость взгляда. На лице его сияла улыбка, нацеленная на Ривена. Он выбросил руку вперед.

— Привет, Майк.

Ривен пожал ему руку. Улыбка наощупь пробралась наружу, к губам.

— Привет, — отчетливо произнес он. Человек этот — его редактор, повивальная бабка всех его книг. Которые Ривен писал, когда мир был юным.

Хью — так его звали — пододвинул стул и уселся подле кресла Ривена. Стул царапнул по полу. Хью, казалось, избегал смотреть Ривену в глаза.

Боже мой! Неужели это так страшно?

Наконец он решился и поглядел на Ривена. Пожал плечами:

— Вот черт. Даже сказать нечего.

— Да, — отозвался Ривен. Слово вышло чистым как стекло.

Хью махнул рукой.

— Предполагалось, что я тебе выдам должную порцию сочувствия, а потом, выждав для приличия

некоторое время, стану расспрашивать, как там с твоей писаниной. — Он усмехнулся, и на мгновение весь его облик стал каким-то мальчишеским. — У меня пересохло в горле. Язык такой, знаешь, черствый, словно вчерашний хлеб. Подобные вещи... они легче проходят под культурным воздействием алкоголя. Но это табу, как мне сказали.

Ривен кивнул.

— Я бы душу, наверное, продал за кружку пива.

Лед сломался. Хью заметно расслабился. Оглядевшись по сторонам, он достал из кармана одну из своих жутко вонючих сигарет и с наслаждением закурил.

— Наркота. Понимаю. Я говорил с твоим доктором. Судя по дозам, что они в тебя тут вливают, ты давно должен был отлететь как бумажный змей... — Он вдруг умолк и принялся созерцать свою тлеющую сигарету. — Мне так жаль, Майк. Тебя... ее. Что так все паршиво вышло. Но что такое сказать, чего еще не было сказано? Ты знаешь, как я к ней относился, Майк. Я обожал ее. Очаровательная была женщина, восхитительная. Такая потеря.

Ривен снова кивнул. Скорбь не только обременительна. Она банальна до пошлости. Общедоступна.

— Я знаю, — сказал он. Слова как будто сваливались с неуклюжих губ. Голос его звучал как из приемника, у которого подсели батарейки.

— Оставим это, Хью.

Над пальцами редактора вился дым.

— Хорошо, что ты левша.

Ривен нахмурился. О чем речь? Но потом понял. Моя здоровая рука. Моя «пишущая» рука. Вот она — ирония судьбы.

— Я теперь не пишу. Уже сколько времени не пишу... давно, Хью.

Хью, смущенный, кивнул.

— Честно говоря, другого я и не ждал. Тебе нужно время. С моей стороны было бы просто бесстыдно разглагольствовать тут о корректурах или дальнейших планах... — Но, судя по его виду, Хью хотелось сейчас обсудить именно эту тему. — Ты теперь быстро идешь на поправку, вот что самое главное. Еще на прошлой неделе ты вообще не мог говорить. Врачи считают, что скоро ты поправишься окончательно... Мы тебя не торопим.

Ты, черт возьми, прав.

— Хотя вот есть одна вещь, Майк... твоя третья книга. Общественность, знаешь ли, требует... последняя в трилогии. Фанаты твои завалили нас письмами.

Ривен фыркнул, напугав самого себя. Фанаты! У меня есть фанаты. Бог ты мой!

В ответ Хью улыбнулся.

— Я понимаю. После несчастного случая продажа твоих книг выросла вдвое. Такова человеческая натура — непостижимая и временами сволочная. Случилась трагедия, настоящая, в жизни, и вдруг всем приспичило читать твою беллетристику. Лично я не смог бы объяснить этот странный феномен.

Смех застрял комком в горле Ривена, казалось, еще немного — и он просто подавится смехом.

— Я, может быть, опишу все это в следующей своей книге, — прохрипел он. Глаза его блеснули.

Утес на Скае. И сам он, сидящий на каменном выступе. И безжизненно повисший трос. Он все еще слышал крик. Ее крик.

Почему это казалось особенно ужасным, что она при падении выкрикнула его имя?

— Мне очень жаль, — повторил Хью, ерзая на стуле. Потом посмотрел на часы. — Я пойду. Ты вполне обойдешься без всей этой мутотени. Позвони мне, когда... когда немного придеешь в себя. — Он встал и, по-видимому, хотел опять подать руку, но потом передумал. — Я пойду, — повторил он снова. — Ты держись тут, Майк. — После чего, не оглядываясь, ушел. Ривен принялся теревить рычаг управления в подлокотнике кресла.

Почему, интересно, эти штуковины наводят на людей такой ужас? Сидишь вот в такой, и ты уже вроде не человек, а какой-то железный кентавр. И люди отводят глаза. Пусть Дэн Дэйр лопнет от зависти. Это Майкл Ривен собственной персоной — на своих самых крутых реактивных салазках.

Он направил кресло к окну и выглянул наружу.

Осень. Осень на Скае. Папоротник скоро станет совсем-совсем бурым. Ты успеешь еще застать первый снег на Квиллинских высотах. Не верится даже, но и там, наверху, ноябрь бывает на удивление теплым.

— Какой-то он кислый был с виду, этот ваш визитер, — весело объявил Дуди. Он толкал перед собой тележку, нагруженную бельем для прачечной, и резко затормозил подле кресла Ривена.

— Сейчас бы бренди, — рассеянно отозвался Ривен. — Крепкого бренди. И много.

— А я-то думал, что вы уже вроде избавились от этой пагубной привычки. Пребывание в больнице все же имеет свои преимущества.

Ну да. Преимуществ не счесть.

— Дуд, какое сегодня число?

— Двадцатое ноября. Вот ведь гадство, эти чертовы простыни меня заколебали. Наш старый говнюк, мистер Симпсон, снова ведет себя, скажем так, небрежно. Можно было бы предположить, что уж банкир должен контролировать свою задницу. Да только вот светофор у него не горит, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Получается, я здесь четыре месяца. Боже правый!

— Дуди, а сколько ко мне приходило людей с тех пор, как я сюда поступил?

Дуди помедлил, соображая.

— Да куча народу. Заходили сюда частенько. Просто вы никого не видели. Валялись в беспмятстве. — Тут он сморщил лоб. — И вы ни разу не сказали, почему не хотите их видеть.

Воспоминания. Сочувствие. О боги!

Он снова уставился в окно, глядя на реку и прибрежные ивы. Однажды он заметил, как там промелькнуло что-то синее — зимородок. Зимородок, лето...

Как он пробрался сюда, ко мне?... Белый кит, разумеется. На что это было похоже? Ну, да, адвокат. Вот она — личина респектабельности. Старина Хью.

— А знаете, сэр, как ни странно, в последнее

время вы стали таким молчуном, прямо ужас. Раньше, когда с блокнотом, вы были гораздо разговорчивее, чем теперь, когда у вас снова есть голос. — Дуди с сомнением поглядел на Ривена, сжимая в руке ворох льняных наволочек.

Взгляды их встретились.

— Ладно, Дуд, ты же понимаешь, в чем дело, да? — печально проговорил Ривен.

Дуди мотнул головой.

— Это просто симптом алкогольного голодания.

— А-а! — Дуди глубокомысленно кивнул и направился прочь, толкая перед собой тележку. — Теперь, когда вы слезаете с наркоты, уж я позабочусь о том, чтобы вы получили необходимую терапию, мистер Ривен, сэр...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Медицинский Центр в Бичфилде — дорогая лечебница санаторного типа для тех, кто предпочитает, чтобы за ними ухаживали в частном порядке. Не будучи заведением, определяемым термином «привилегированный», Центр поощрял, если так можно сказать, «крупный калибр» клиентуры. Похоже, одной из главнейших задач этого учреждения была ненавязчивая подготовка наиболее привилегированных представителей старшего поколения к неумолимо надвигающемуся переходу в мир иной. Так что артрит, ревматизм и старческий маразм стояли в самом начале списка недугов, представленных внутри этих белых стен. Случай Ривена представлял собой вопиющее отклонение от нормы, но его все равно приняли в Центре радушно. У него было какое-то имя в литературе: он написал два добротных романа в жанре «фэнтези», которые прошли вполне сносно и принесли ему скромный, но все же приличный доход, — на жизнь, по крайней мере, хватало, — да иногда еще Ривен брался за подворачивающуюся работенку, чтоб приток средств не прерывался. Но лишь иногда. Его родители всегда мечтали о том, чтобы сын получил «приличное» место, и хотя они, прямо скажем, не прыгали от восторга по поводу службы в армии, но это, по крайней мере, еще не выходило за пределы их представлений о приличной работе. Однако Ривен уволился из армии в чине лейтенанта, решив, что ему уже хватит армейской службы сполна. Дело нужное, да, и полезное, но не на всю же жизнь! Тем не

менее Ривен гордился тем, что был солдатом; служба, во-первых, реализовала его ребячью мечту, а во-вторых, дала ему время подумать. Так что начальство Центра в Бичфилде даже осталось довольным тем, что заполучило его к себе, пусть поведение его иногда выглядело несколько эксцентричным. Тот факт, например, что он не хотел принимать посетителей. Или наотрез отказывался общаться кое с кем из персонала. Но ведь он пережил двойную трагедию: гибель жены, тяжелейшие увечья. Так что его можно понять. Вобщем, пока его страховая компания исправно платила за пребывание Ривена в Центре, на все его странности смотрели сквозь пальцы. Врач-консультант, доктор Лайнам, частенько заглядывал к Ривену с неизменной улыбкой. Он был из той породы мужчин, которые курят трубку с неподражаемой неумелостью, но мужественно продолжают ее мусолить. Наверное, он когда-то решил для себя, что к тому времени, когда вернется в свой домик в Котсволде, он все же ее освоит, трубку. К пациентам своим он относился с тем же самым рассеянным расположением, которое питал и к своей собаке, что вовсе не делало его плохим врачом, просто у пациентов возникало чувство неловкости за то, что, приставая к нему со своими болезнями, они тем самым как бы нарушают спокойное и размеренное течение его жизни.

За Ривеном, кроме того, присматривали две медсестры: сестра Бисби и сестра Коухен. Бисби — великодушная и милосердная воспитательница, ходячий пережиток викторианской эпохи. Лицо ее больше всего походило на неотесанный валун

нежно-розового цвета. Волосы она убирала назад и так туго их стягивала, что Ривен не сомневался: если она их распустил, лицо ее тут же обвиснет складками кожи, как у блаухаунда.

Сестра Коухен, в противоположность Бисби, была молода и стройна. В ее озорные глаза Ривену почему-то было больно смотреть.

Имелся также кое-какой санитарный персонал на подхвате. И небольшой поварской штат. Дуди — вроде как и уборщик, и санитар по совместительству, а иногда еще помогает на кухне. Похоже, никто в Центре толком не знает, каковы обязанности Дуди. И вообще, кем он тут числится.

В девятнадцать лет, дослужившись до чина капрала, он добровольно ушел из армии, не дожидаясь повестки в военный суд за избиение офицера. Дело было в Ирландии. Его группа набрела на какой-то странный с виду автофургон. Разведка сообщила, что в этом фургоне содержится подозрительное устройство, и группу Дуди загнали на наблюдательный пост на холме, чтобы держать под контролем окрестность. А потом вдруг возник командир роты и стал орать, чтобы они спустились к колымаге и проверили ее. А когда Дуди отказался, тот обозвал его трусом и еще всяким нехорошими словами... в общем, Дуди его нокаутировал, офицера. И буквально через пару минут в фургоне взорвалась бомба. Тогда-то Дуди и попросился на Королевскую военно-медицинскую службу. Он неплохо справлялся с работой, но у того офицера оказались обширные связи. Вот так и вышло, что в возрасте двадцати лет капрал Дэвид Дуди оказался не у дел. Обученный в армии

двум, так сказать, специальностям: убивать людей и врачевать. И это — как он любил повторять — вполне логично. Для армии.

— И вот теперь я здесь, — заключал он обычно, — подтираю им задницы, этим чокнутым старикашкам, и стараюсь держаться подальше от нашего Сталина в белом халате.

— Замечательная погода, просто чудо, — объявила сестра Коухен. — Настоящая золотая осень.

Ривен кивнул. Она толкала его кресло через лужайку на задворки Центра. Его укутали с головы до ног, чтобы он не замерз, на колени набросили одеяло, но на улице было тепло и ясно, а над ивами вились скворцы. Как весной.

— Я пока вас оставляю. Вернусь через десять минут, чтобы вы не простыли. Все в порядке, мистер Ривен?

Он снова кивнул и даже выдавил улыбку.

А у нее длинные волосы, интересно, когда она их распускает... тьфу, черт.

Он сидел, слушая плеск чистой струи и вскрики скворцов. Небо над головой такое чистое, по-зимнему чистое. И хотя времени после полудня прошло немного, солнце уже начало потихоньку клониться к закату, удлиняя тени в дымке бледно-оранжевого света.

Рука легла Ривену на плечо. Явно не рука сестры. Он резко обернулся. Моулси.

— Ну вот, мистер Ривен, — старик лукаво огляделся по сторонам. — Я слышал, вы снова можете говорить.

— Угу. — Это ты, Моулси, именно ты ткнул меня снова в это дерьмо. Ты мне напомнил про

Скай. И уж калека увечный я там или нет, теперь я заткну твой фонтан.

Персонал в Бичфилде буквально помешан на гигиене, но о старике никак нельзя было сказать, что он чист и тщательно вымыт; наоборот, от него исходил запах земли и пота. Моулси как-то удавалось избежать их предупредительного внимания. И, уж во всяком случае, Ривен ни разу не видел, чтоб старика сопровождала сестра или кто-то из санитарок. Сейчас в нем шевельнулось какое-то странное тревожное чувство. Здешний медперсонал как будто и не подозревает о существовании Моулси.

Тот вновь огляделся по сторонам. Как всегда, старикан насторожен. Он что, не хочет, чтобы его тут видели? Ривен нервно заерзал в кресле.

— А вы здесь давно уже, Моулси? — спросил он.

Старый шотландец пропустил вопрос мимо ушей. — Мы знаем тайну, мы вдвоем, — сказал он, и снова в провинциальном его говорке мелькнул этот странный акцент, который Ривен никак не мог уловить. — Но вы не волнуйтесь, я умею хранить тайны.

— Что еще за тайна? — раздраженно спросил Ривен.

— Да ладно вам, мистер Ривен, не смейтесь над стариком. Вы ведь родом из Эйлин-А-Шео. И вы знаете, что там таится в горах над морем, где водопад низвергается на Мыс Волчьего Сердца.

Да он же тронутый. С приветом. Полоумный, как кенгуру.

Но лицо старика стало вдруг пронизательным и озорным, взгляд тут же сосредоточился. На

мгновение его губы как будто сжались, и в этот миг Ривену показалось, что Моулси вовсе не старый. Но уже в следующую секунду это впечатление пропало.

— Когда вы, наконец, выздоровеете и снова сможете ходить, не забудьте, что нужно вернуться домой. В конце нам всем нужно вернуться домой, — серьезно проговорил Моулси. — Потому что вы нужны там... там, где горы встречаются с морем. В его голубых глазах промелькнули искорки. — Там еще многое надо сделать.

Ривен увидел, что к нему уже направляется сестра Коухен. Проследив за его взглядом, Моулси скривился и тихонько выругался себе под нос.

— Ну, мне пора сматываться, — буркнул он. — Пора снова пройти по Северной Тропе. Не забывайте запах моря, мистер Ривен, и как кричат кроншнепы на вершинах Черного Квиллинса. Не забудьте об этом здесь, на юге, где воздух тяжел от дыма, а затхлая вода пахнет гнилью. Помните, куда вы должны вернуться.

Он опрометью бросился прочь по высокой прибрежной траве в сторону больничного корпуса и налетел на какого-то пациента. А потом растворился под сенью деревьев, и только слабый запах земли и пота еще задержался в воздухе, подтверждая, что это было не наваждение.

— Все хорошо, мистер Ривен? — сестра Коухен, была, как обычно, приветлива.

— Кто он такой, черт возьми? — спросил Ривен, думая о своем, хотя Коухен уже взялась за ручки на спинке его каталки.

— Кто?

— Этот старик... шотландец. Он постоянно ходит один.

— Здесь, в Бичфилде, нет никаких шотландцев, мистер Ривен. Только один ирландец, и сейчас он собирается ужинать. Что-то похолодало, вы не находите?

Ривен поежился. Но не от холода.

В последнее время, когда стало рано темнеть, он почти все вечера проводил в комнате отдыха. Пациенты развлекались просмотром телепередач, игрой в карты и безобидной болтовней. Ривен читал. Честно пытался «держаться в струе» современного потока «фэнтези», как сие называл его постоянный редактор. Иной раз он задавался вопросом, а будет ли он снова писать — хоть когда-нибудь. Но каждый раз, когда ручка касалась бумаги, тут же его мозг охватывало какое-то оцепенение, которое парализовало его или же обращало каждое написанное им слово в ерунду. Никудышнюю ерунду. Приближалась зима. Изнывая от безделья, он кое-как коротал долгие осенние вечера в ожидании перемен к лучшему. За исключением Хью, Ривен не общался ни с кем из своей прежней жизни. «Прежней» он называл ту жизнь, что была до того, как все сломалось. Теперь ему уже даже не верилось, что раньше вообще была жизнь. Насмешливый командир боевого подразделения, любовник, муж и писатель. Это был кто-то другой.

Он глянул в окно. Туда, где во тьме бежала река. Где скрылся Моулси.

Предстояла еще одна мрачная ночь. Что ж, не первая и не последняя. Сколько ночей миновало

с тех пор, как я побывал на Скае впервые? То посещение, забыть которое невозможно. Я тогда еще не ушел из армии. Той зимой. Давным-давно.

Он наблюдал, как дикие гуси с криком садятся на воду. Последние отблески солнца уже растворялись во тьме хребта, придавая облакам, что сложились в вечернем небе «елочкой», бледно-розовый оттенок. Закат бросился в озеро, и рябь на воде засверкала.

Ноги он промочил; костерок догорал вместе с закатом. «Посуда» стояла тут же, под боком. Жестянки, почерневшие снаружи, внутри — жирные от тушенки с кэрри. Потом, попозже, он вымыл их в ручье.

Палатки не было, а дождь вроде бы собирался. Он не особенно доверял своей спально-походной хламиде. Запрокинув голову, он глядел в темнеющее небо и отдирал от пальцев смолу. Он не замечал шума моря: уже не одну ночь он спал на берегу. Он слышал лишь ветер, зарождающийся у горных вершин... и еще пронзительные крики гусей на озере.

Так бы гадов и убил. Он оскалился на костер и свои сапоги, от которых шел слабый пар. Потом лег навзничь, ощущая, как дождевые капли покалывают запрокинутое вверх лицо. В эту ночь ему опять предстояло промокнуть до нитки. Пару дней назад он проснулся буквально зачоченевшим. Морозно, а ночи уже длинные. И все удлинялись. Но, хорошо еще, снег не валил. Только горы были присыпаны снегом. Те самые горы, куда ему надо подняться. Завтра он начнет восхождение.

— А знаете, сэр, у меня иногда возникает такое чувство, что, если б не я, вы бы, наверно, давно уже вырыли себе норку поглубже и забились туда. Что вы тут делаете, интересно? Сидите, глядите в пространство...

Вздвогнув, Ривен оторвал взгляд от окна и увидел, что Дуди пристально наблюдает за ним с выражением крайнего неодобрения. Он покорно развернул кресло.

— Я, в общем, явился не просто так. — Дуди зашел за каталку и взялся за ручки. — Мы отправляемся в гости к волшебнику, то есть ко мне, старому шельмецу... Но если кто-нибудь спросит, я везу вас в сортир. — Он выкатил кресло Ривена из комнаты отдыха, прочь от грохота телевизора. Потом, озираясь по сторонам, словно он вышел в патруль, потащил Ривена по коридору, немелодично насвистывая.

— Могу я спросить, что происходит, или это государственная тайна? — с раздражением буркнул Ривен.

Дуди расхохотался.

— Сегодня, сэр, поскольку уж вам прекратили колоть наркоту, мы с вами нарежемся до коматозного состояния.

Наконец они остановились у двери в кладовку. Дуди торжественно вытащил связку ключей и, отперев дверь, отвесил Ривену поклон. Ривен, дернув за рычаг, вкатился внутрь.

— Что там у нас? Уж не пещера ли гребаного Алладина? — спросил Дуди, закрыв за собой дверь. И включил свет. Ривен разразился смехом. На столике в центре захламленной комнатухи

стояло шесть упаковок пива и бутылъ ирландскаго виски. Также имелись в наличии две пивныя кружки и два низких стакана.

— И только не говорите, что я чего-то недосмотрел. Уж я позаботился, чтобы пиво как следует охладилось, — самодовольно ухмыльнулся Дуди.

Ривен потянул за колечко — банка отозвалась шипением.

— Музыка, — сказал он и опрокинул содержимое банки в кружку. Дуди тут же присоединился.

— Энн Коухен нас прикроет, — объявил он, — так что мы можем не переживать насчет нашей коровушки в оловянных штанах.

— Как тебе удалось протащить это все в здание?

Дуди сделал приличный глоток и на секунду прикрыл глаза.

— Плевое дело. Я таскаю корзины в прачечную. Бельевые корзины, они здоровенные. Можно туда положить что угодно. Я, наверное, сумел бы сюда протащить группу кордебалета в полном составе, если б это понадобилось.

Ривен жадными глотками осушил полкружки и, запрокинув голову, уставился в потолок на одинокую лампочку.

— А знаешь, Дуди, сегодня я хотел бы уключаться в дым...

— В доску, — предложил Дуди.

— В сосиску.

— До пороссячьего визга.

— До полной отключки.

— Итак, за забвение, сэр. — Они звонко чокнулись.

Они бесшумно крались по улицам. На лице в камуфляжной раскраске выделялись лишь белки глаз. Он опустил руку вниз, подавая знак. Группа продвигалась уверенно; четверо рядовых слились с тенью дверных проемов, винтовки их выпирали из защитных чехлов. В темноте их можно было бы принять за переполненные мусорные мешки, сваленные на крыльце. Легонько потрескивала рация. Вокруг хмурились темные мертвые окна и закрытые наглухо двери. Кое-где окна были забиты досками, кое-где выбиты. Забрехала собака. Откуда-то издалека донеслось слабое жужжание запоздалого автомобиля.

— Эй, один-ноль, прием, я — ноль. Проверка связи. Перехожу на прием.

Он надавил на кнопку и сразу же ощутил давление микрофона на горле.

— Один-ноль-альфа, все о'кей. Перехожу на прием.

— Я — ноль. Вас понял.

Они вышли на перекресток, освещенный янтарным мерцанием единственного фонаря. Все вокруг было усыпано битым стеклом; обгорелый остов автомобиля, служившего вчера баррикадой, прижимался к обочине, черный и искореженный. Они перебежали через опасно освещенное пространство, гуськом — по одному, и каждый потом сдерживал дыхание в темноте на той стороне.

Они шли дальше по темному узкому переулку, мимо брошенных домов и исписанных стен. Один из солдат случайно задел ногой камень, и тот покатился по мостовой. Остальные застыли в испуге, осыпая его безмолвными проклятиями.

А потом ночи не стало. Ослепительная вспышка света. Мощный толчок сбил их с ног и выдавил воздух из легких. Через мгновение раздался грохот, сверху обрушился град раскрошенного камня и пыли. Головной дозорный, — тот, который шел первым в цепочке, — исчез. Его просто засыпало.

Ривена отбросило на противоположную сторону улицы. В руках у него ни с того ни с сего выстрелила винтовка, хотя он был уверен, что она стоит на предохранителе. Он лежал в куче битого кирпича, на краю разворошенного сада, и думал: ну вот, кажется, я поймел МВМС.

Из дома чуть дальше по улице стали стрелять. Вспышки, треск. Пули ложились совсем рядом. Он нажал кнопку рации.

— Один-альфа, прием...

Ему пришлось отползти: тротуар у него перед носом взорвался.

— Бельшам! Джонсон! Джордж! — заорал он, как-то смутно, словно бы издалека, осознавая, что Джонсон был у него дозорным и, вполне вероятно, теперь уже никогда никого не услышит.

В рации что-то трещало; голос прозвучал совсем рядом:

— Бельшам здесь, сэр. Джордж ранен. А где Пит, я не знаю!

— Один-альфа, прием... — он огляделся по сторонам, — угол Креггана и Вишингвелл-стрит. Двое раненых. Находимся под огнем как минимум одного противника. Высылайте отряд СБР. Перехожу на прием.

— Я — ноль, вас понял. СБР высылаем. Конец связи.

Он осторожно выглянул из-за забора, что окружал его садик. Вспышки и треск прекратились. Автоматчик, похоже, решил сделать ноги.

— Бельшам! Мать твою, где ты есть?

— Здесь, сэр; сразу за гаражом.

Он рванулся туда. Бельшам стоял на коленях над лежащим ничком Джорджем и яростно раздирал его камуфляжную рубашу. Ривена вдруг замутило.

— Куда его ранило?

— В грудь, сэр. Я справлюсь.

— Ладно. Пойду погляжу, что там с Питом. — Пригнувшись, он выбрался к тому месту, где их настиг взрыв. Куча раскрошенного камня перекрывала дорогу. Он едва не споткнулся об искореженный корпус рации, а потом нашел то, что осталось от его головного дозорного. Ривена вывернуло в тот самый момент, когда лендроверы СБР вырулили в переулок у него за спиной.

Свет лампочки стал ярче, гора пустых банок — выше, разговор — громче.

— Ну и как оно было в первом батальоне? — спросил Ривен.

— Лафа, расслабуха. А в третьем?

Ривен громко рыгнул.

— «Смирно! Ать-два!» Там не любили ирландцев.

— А ведь забавно так вышло, что мы с вами служили в одном полку, сэр.

— Только я — в Ирландии, а ты — в Белизе.

— Почему вы ушли из армии?

— Женился.

— Надо же, блин. Прошу прощения, сэр.

Ривен махнул рукой.

— Да ладно, теперь уж без разницы. — Он криво усмехнулся. — Жизнь — это стерва. — Он уставился в пустую свою кружку. — Без разницы, — пробормотал он опять.

Дуди подлил и себе, и Ривену. При этом немного пролил. Шмыгнул носом.

— А какая она была, ваша жена?

Ривен так и смотрел сквозь кружку, легонько покачивая головой.

— Моя жена. Черт возьми. — Он моргнул. — Высокая. Смуглая и высокая. Совсем как девчонка. У нее брови сходились на переносице. Я называл ее ведьмой. — Он улыбнулся воспоминаниям. — Ведь она меня околдовала. Дженнифер Маккиннон с острова Скай... Остров Неба... Остров Туманов по-гэльски... да что там... — Он прикончил очередную порцию несколькими глотками. Пустая кружка пустила зайчика в электрическом свете. Ривен причмокнул губами. — Чертово пиво... что плохо — с него быстро отходишь.

Дуди торжественно откупорил виски. Молча чокнувшись, оба влили в себя по стакану. Ривен почувствовал, как крепкая жидкость обожгла горло, — словно бы возвратилось что-то давно утраченное. Комната легонько качнулась.

— Черт возьми, — повторил Ривен, пока Дуди разливал по второй. — А хороша гадость.

— Дерьма не держим, — подтвердил Дуди и, шмякнув бутылку на стол, грозно уставился на нее. — А если и держим, то высшего сорта.

Они опрокинули по второму стакану, как и в первый раз — точно воду. У Ривена глаза понем-

ножку сходились в кучку, — со зрением творилось что-то неладное. За спиной у Дуди — окно, за окном — только темень ночи, но Ривен мог бы поклясться, что на мгновение в окне возник чей-то смутный силуэт: странная такая фигура с заостренными ушами...

Господи, и это с двух-то стаканов!

Дуди тихонечко затянул песню, — армейский марш, состоящий в основном из изощренной непечатной лексики, — Ривен с энтузиазмом принялся ему подпевать. Вместе они составляли вполне приличный дуэт для сбора милостыни. Ривен махал в такт здоровой рукой и сбил-таки свой бокал на пол. Бокал разбился. Они осоловели и уставились на осколки. А потом в дверь постучали. Дуди с Ривеном переглянулись.

— Я лишь калека убогий! — запротестовал Ривен. — Это все он! Он заставил меня!

Дверь открылась, и вошла сестра Коухен.

— Вы еще здесь? А нельзя ли немного потише?

Мгновение Дуди тупо смотрел на нее, а потом на него снизошло озарение.

— Да это ж наш ангел-хранитель. — Он икнул. — Наш дозорный. На берегу все спокойно, Энн?

— Да вы же оба лыка не вяжете, — пробурчала сестра Коухен.

— Я — да, — рассеянно отозвался Ривен.

— Дуди, бога ради, ты ж напоил его вусмерть... Через час Бисби-старушка идет на обход. С санитарками я еще справлюсь, но с ней — нет. Нужно его отвести в палату.

Дуди отсалютовал ей с блаженной улыбкой на своем безобразном лице, а потом — очень мед-

ленно — повалился на пол. Сестра Коухен молча склонилась над Ривеном и отобрала у него кружку.

— Ну, давайте я вас отвезу, а то как бы не вышло больших неприятностей. — Бросив последний отчаянный взгляд на отключившегося Дуди, она вывезла Ривена из кладовки.

— Сестричка... — жалобно запричитал Ривен. — Сестричка...

— Ну что еще? — шикнула на него она, с опаской оглядываясь через плечо.

— Мне бы пописать, сестричка...

— О Боже! Вы что, издеваетесь?

Ривен молча мотнул головой. Она прикатила его в уборную, которой пользовались ходячие пациенты Центра.

— Придется мне вас поддержать. Ну, давайте. — Она легко приподняла Ривена — он похудел ужасно — и едва ли не на себе подтащила его к писсуару. И держала его, пока он облегчался.

— Это за столько месяцев в первый раз. Чтобы я стоял прямо, — сказал он. А потом вдруг как-то болезненно ощутил, что она женщина. Прикосновение ее, запах ее волос. Он сжал зубы и только кивнул, когда она спросила его, закончил ли он со своими делами. Она опять протащила его на себе и усадила в каталку, как маленького ребенка.

— Ну, вот. Теперь я могу отвезти вас в постель. — И она улыбнулась ему, заправляя под шапочку выбившуюся прядь волос.

Он отвернулся и прошептал:

— Вы уж меня извините.

Она рассмеялась и покатила кресло по коридору.

— Мужики есть мужики, ничего не поделаешь. Но завтра утром, мистер Ривен, помяните мое слово, голова ваша просто вас возненавидит. — Она уложила его в кровать. — Жить вы, я думаю, будете, но только, на вашем месте, я бы не стала в ближайшем будущем повторять этот эксперимент. Давайте-ка спать. Мне еще нужно что-то придумать с этим болваном Дуди.

Выключив свет в палате, она ушла. Он лежал в темноте с открытыми глазами.

Забвение все же не наступило.

Ривен закрыл глаза.

Мокрый снег хлестал его по лицу, в скалах свистел ветер. Ледоруб выскользнул. Он вонзил его глубже, подтянувшись вверх и нащупав опору для ног. Он уже ободрал руки в кровь об острые выступы камня. Руки заледенели. Сильный ветер грозил сорвать его с утеса. Прикрывая глаза от ветра, он наощупь карабкался вверх.

Зачем? Для чего?

Нога в тяжелом ботинке приподнялась, ища трещину или выступ в покрытом льдом камне. Снег набился во все щели в его одежде, — в каждую складочку. Снег лип к шее, забивал уши.

Я все равно это сделаю. Потому что...

Поскользнулся. Молниеносно потерял равновесие, вскрикнул. Оскалил зубы в беспомощной ярости. Но все-таки удержался; побитый бураном, он удержался.

Упрямый кретин.

Лицо, на которое он смотрел, было худым и бледным. Скулы выпирали вперед, так что глаза,

казалось, ввалились в темные впадины, хотя взгляд этих серых глаз был спокоен и тверд. Светлые волосы прикрывали шрамы на лбу, а подбородок зарос бородой точно такого же, как и волосы, цвета. Рука задумчиво поскребла бороду.

Боже правый. Вот он я. Новый я. А где же прежний бравый широкоплечий солдат? — Он отвернул свое кресло от зеркала над раковиной и покати́л его по направлению к коридорчику, который вел во двор.

Он не отличался громадным ростом, но был, что называется, крепко сбит. По крайней уж мере. А теперь похож на гнилую палку от швабры.

На улице было морозно и ясно. Туман, утром поднявшийся от реки, к полудню рассеялся. Он поглядел через лужайку. Туда, где клонились ивы и поблескивала вода́.

Сегодня нужно немного развлечься.

— Как у вас голова, мистер Ривен? — поинтересовалась сестра Коухен, бесшумно подойдя к нему сзади.

— Бывало и лучше. Но, с другой стороны, бывало гораздо хуже... Как Дуди?

— Взял выходной. У него прихватило живот.

— Ой! Надеюсь, что ничего серьезного?

— Что-то я сомневаюсь.

— У вас не было из-за нас неприятностей, сестричка?

Она покачала головой.

— В конце концов я просто закрыла Дуди в кладовке, чтоб он проспался как следует. Хорошо еще, что его там не вывернуло. Утром я его выпустила, и он тут же рванул в уборную. Похоже,

он, бедный, терпел, скрестив ножки, не час и не два. — Она рассмеялась. — Ну, мне надо идти, готовить мистера Симпсона встретить новый день. — Она легонько коснулась его плеча, задержав на мгновение руку, и ушла.

Ривен еще посидел на месте, подставляя лицо прохладному ветерку и наблюдая, как посредине лужайки, в купальне для птиц, вздорят скворцы. Потом включил двигатель, и кресло с грохотом покатилося по внутреннему двору. Он въехал в траву; его боевой конь глухо ударился и протестующе всхлипнул. Ривен, дернув ручку, продолжал ехать вперед, но уже чуть медленнее. Движок кресла громко протестовал. Каталка тряслась и колыхалась, попадая в рытвины и ямы, — лужайка была вовсе не такой ровной, какой казалась с виду. Кресло опасно накренилось, и Ривен бесславно остановился на последнем крутом уклоне перед рекой. Он выругался и попытался отъехать назад, но спохватился поздно. Каталка свалилась набок, и Ривен глухо ударился о землю. Ноги буквально взорвались болью.

— Черт возьми!

Влажная от росы трава прильнула к его щеке, в ноздри ударил запах земли. Ривен выбрался из-под каталки и даже сумел сесть. Лицо и руки перепачкались. Земля забилась под ногти. Ноги вязли в одеяле, — спутанный клетчатый клубок на траве.

Ты безмозглый говнюк, Ривен. У тебя что, в самом деле, садистские наклонности — издеваться над собственным телом?

Он огляделся. Из Центра его не видно — закрывает бугор. Река — ярдах в пятидесяти

отсюда, за плакучими ивами. Ноги его и рука пылали от боли.

Он попытался выправить кресло, но оно было слишком тяжелым и упало не очень удачно. А силы пока не хватало. Слабость эта взбесила его. Он ударил по траве кулаком. Здоровой рукой.

Кретин! Урод! Ни на что не годный ублюдок!

Очень во-время пошел дождь. Начался он бризом измороси от ив, сырым ветерком, шевелящим легонько его волосы, потом обратился во влажный туман, наползающий на землю, и, наконец, — в нормальный бесконечный осенний дождь. Струи били по глазам. Рубашка промокла. Ривена разобрал желчный смех.

Как всегда, одно к одному, твою мать!

Он пополз, скребя здоровой рукой по размокающей земле.

Ярдов сто, не больше. Господи Боже ты мой, в Сэндхерсте столько раз ползал на брюхе, — раз десять, — при всем боевом снаряжении. Давай, Ривен, слизняк. Мужик ты, в конце концов, или мокрая курица?

Он выбрался на бугор и прилег в изнеможении, судорожно глотая воздух. Вниз по склону стекала вода. Он продрог до костей. Поднял глаза к низкому пасмурному небу, из которого продолжали сыпаться дождевые капли, а затем принялся вглядываться сквозь серую пелену в сторону Центра. Помахал рукой фигурам в окнах.

Ну давайте, маразматика. Хотя бы один из вас должен меня увидеть.

Он уронил голову в грязь.

Только этого не хватало. Умереть от переох-

лаждения в этом паршивом Беркшире. Впрочем, я еще раньше умру от стыда.

Он снова пополз. Теперь он поставил себе целью добраться до купальни для птиц и больше уже не смотрел на корпуса Центра. Он ощущал, как все тело постепенно немеет. Дождь постепенно переходил в мокрый снег.

Зима расстаралась — выбрала самый удачный момент для своего прихода.

Кто-то к нему подошел по размокшей земле, — в белых туфельках, — чьи-то руки подхватили его.

— Что с вами, мистер Ривен? Что стряслось? — его подняли с земли, и он оказался лицом к лицу с сестрой Коухен. Ривен с трудом улыбнулся.

— Очень во-время, черт возьми, вы подоспели.

Она была без своей медицинской шапочки, мокрые волосы облепили лицо. Он не мог на нее смотреть и закрыл глаза.

Над ним склонилось лицо в обрамлении темных, почти черных, волос. За окном — сияние солнца, отраженного от снега. На глаза навернулись слезы, он моргнул, и лицо словно бы встало в фокус.

Серьезные карие глаза. На губах — сдержанная улыбка. В черных волосах, длиной до плеч, запутались солнечные зайчики.

— Как вы себя чувствуете? — Тихий голос. С заметным шотландским акцентом.

Он лежал на кровати, укрытый яркими разноцветными одеялами. За спиной у девушки было окно, в окне — чистая синева небес. Он слышал, как ветер воет в стропилах.

— Я... думаю, ничего. Где я?

— Недалеко от Гленбриттла, — мягко, певуче проговорила она. — Мы нашли вас вчера вечером, вы лежали на западной осыпи Старр Дига. Нам показалось, что вы разбились. Ваш фонарь горел. Лежал рядом с вами. Так мы вас и нашли.

Он прикоснулся к повязке на голове и выдохнул воздух, не разжимая губ.

— Теперь я вспомнил. У меня сорвались кошки, и я полетел вниз. — Он поморщился. — Боже правый, как же я остался жив еще после этого?

— У вас сильные ушибы, и вы поранили голову, но в остальном вы здоровее меня. Может быть, вид у вас сейчас неважнецкий, но скоро вы будете в полном порядке.

Он приподнял брови и не без труда сел на постели. Девушка помогла ему. Он скривился: ушибленные места отозвались болью.

— Вот уж повезло.

— Тут не везенье, тут просто чудо, — отозвалась она и помогла ему встать с постели. Он в замешательстве обнаружил, что одет в старомодную ночную рубашку.

— Это единственное, что мы сумели для вас подыскать, — не без озорства улыбнулась она. Залившись румянцем, он встал. Девушка приобняла его за талию, поддерживая на ногах. Она была почти одного с ним роста. Голова закружилась — он пошатнулся, и она прижала его теснее. Он почувствовал аромат ее волос. Ему захотелось вдруг поцеловать ее, но он удержался и лишь спросил, как ее имя.

— Дженнифер Маккиннон. Отца моего зовут Кэлам Маккиннон. И это наш дом.

— А я Майкл Ривен. Спасибо вам.

Она пожала плечами.

— Не могли же мы, в самом деле, оставить вас там валяться. Пойдемте посмотрим, какой путь вы проделали вниз по Дигу. — Она подвела его к окну.

Снаружи все было покрыто ослепительно белым снегом. Горы громоздились уступами, насушенные и суровые; там, где ветер и крутизна не давали закрепиться снегу, из белизны выступал темный гранит. Ривен взглянул на выщербленную осыпь. Вот по ней он скатился вниз. Кубарем.

— И я после этого остался жив?

— Ну да, — тихо проговорила она. — Я так думаю, не у каждого бы это получилось. И чего вы полезли наверх в самую непогоду? За вами что, злая собака гналась?

Лицо его помрачнело.

— Возможно. Та, что гналась за мной всю дорогу. С самого юга. И до сих пор еще гонится.

— Это просто безобразие. Именно безобразие, по-другому и не назовешь. Вам уже столько раз было сказано, мистер Ривен, не выезжать в своем кресле на эту лужайку. Теперь нужно еще вызывать электрика, чтобы оно заработало снова. А пока вам придется лежать в постели... это, будем надеяться, как-то убережет вас от бед. А вы хотя бы раз подумали о персонале Центра, мистер Ривен? Мне непонятно ваше отношение. Вам бы надо пересмотреть его, иначе я буду вынуждена обратиться к вашему лечащему врачу и поговорить с ним серьезно относительно целесообразности вашего здесь пребывания.

Выдержав паузу, сестра Бисби продолжила:
— Вы мне ничего не хотите сказать?

Ривен продолжал молча смотреть в окно. Там была ночь; дождь стучал по стеклу.

— Ну что ж, больше я не желаю терять с вами время. Здесь есть пациенты, которым я действительно нужна, мистер Ривен.

С тем она и ушла. Ее уши, казалось, дымились от праведного возмущения.

Он лежал, тупо глядя в потолок, не в силах прогнать те видения, когда сестра Коухен тащила его в палату. Ее руки, обхватившие его...

Боже мой, вот и все, что мне нужно. Приступ лихорадки.

Оконное стекло дрожало под напором ветра. Он закрыл глаза и услышал вой штормового ветра в Квиллинских горах, крики кроншнепов, шум моря.

Я здесь валяюсь четыре месяца. Даже не был на похоронах. В беспамятстве пролежал в больнице, пока меня собирали по кусочкам.

Его кресло починили только через неделю. Все это время Ривен лежал в постели и оборонялся от наплыва воспоминаний. Дуди частенько к нему заглядывал и поддразнивал насчет утреннего похмельного синдрома и высшего пилотажа на инвалидной каталке. Сестру Коухен Ривен почти и не видел. О нем заботилась сестра Бисби. Либо в гордом молчании поджимая губы, либо изрекая совершенно бесспорные замечания о погоде, которые обычно приберегала для больничных старых мухоморов. Еще она говорила с ним про Рожде-

ство, которое уже приближалось и которое вынудило Ривена лютой ненавистью возненавидеть сестрицу Бисби. Слишком ярки были воспоминания о последнем Рождестве.

Доктор Лайнам осмотрел Ривена на предмет прогрессирующего выздоровления нижних конечностей, каковые были объявлены им «вполне даже здоровыми». Постукивая по столу своей трубкой, добрый доктор настоятельно порекомендовал Ривену опробовать их через пару дней и посмотреть, как они заработают. словно бы речь шла о новом автомобиле.

Дуди с сестрой Коухен решили взять на себя эту задачу и поднять Ривена с постели. Они раздобыли ему ходовую раму и принялись «выгуливать» Ривена по больничному коридору. Каждый шаг давался ему с огромным трудом; руки и ноги дрожали, в висках стучало, на лбу выступил пот, глаза застилал туман. Больше двадцати ярдов он сделать не смог. В палату пришлось возвращаться в кресле.

— Вы не волнуйтесь, сэр, — сказал Дуди. — Этот, как там его, тоже не сразу строился, верно? Если вы будете в состоянии, завтра мы можем попробовать еще раз.

Ривен слабо кивнул. Сестра Коухен заботливо подоткнула ему одеяло.

— А если хотите, завтра можете отдохнуть. Все зависит от вас.

Он все же сумел улыбнуться ей. Я такой слабый. Как недоутопленный котенок. Мои ноги разбиты, что называется, вдребезги. Боженька миленький, смогу ли я когда-нибудь ходить сам, как все нормальные люди?

Он ничего не мог с собой поделаться: в голову так и лезли мысли об армии. Как он носился там и скакал, ползал по-пластунски и совершал маршброски. Долгие переходы. Почему все, что ему нравится делать, неизбежно подразумевает «общую мобильность организма»? Все эти прогулки по холмам, все подъемы к вершинам гор. Как-то он представил себе, что будет делать, если вдруг лишится ног. Тогда он решил, что будет писать книги. Что он полностью погрузится в творческий процесс. Но теперь... даже этого выхода у него нет. Теперь он в ловушке.

Он остался один. Как в самом начале: один. Многого добился, многое сам же отринул, и что осталось? Только одно: то, что было вначале.

Огромный мир превратился в какую-то зыбкую, неясную тень.

Утешение или, быть может, помеха.

Было время, когда мир книг, мир его воображения, находился совсем рядом, — протяни только руку, — словно дожидался его, и Ривену достаточно было просто обернуться, чтобы заглянуть в глаза... кого-то, кто явственно присутствовал в его комнате, и увидеть ответную улыбку в этих глазах. Он сотворил мир, населенный простыми, искренними людьми, которые понимали добро и зло как исключительно черное или белое, безо всяких полутонов. Там, в его книгах, все было намного проще. В его книгах существовали высокие снежные горы и синее море; первозданный, нетронутый мир, где всегда оставалось место для тайны... и даже, быть может, для магии. Было в том мире что-то от Ская. Камень и вереск. И чистый воздух.

Примерно то, о чем говорил Моулси. И еще — великолепные, пусть и придуманные персонажи: люди, живущие в этом мире так же естественно, как люди в мире реальном водят автомобили, играют в гольф или потребляют спиртные напитки. Он едва не погубил себя, пытаясь доказать, что он такой же, как они. Это они побудили его стать солдатом. Это они гнали его наверх, в горы. Пока он не сорвался и не нашел у подножия горы эту девочку, которая стала его женой. Он потерпел неудачу в горах, но он продолжал писать, продолжал сочинять истории об этих людях — истории, наполненные борьбой и славой, благородством, вероломством и любовью. О да. Но он все же, по-своему, предал этот воображаемый мир, отдав свою любовь существу из мира реального. И он вовсе не был уверен, примут ли они его обратно теперь, когда он терзается потерей, столь огромной, что жизнь его опустела, когда у него не осталось ничего, кроме этих книг и персонажей, в них действующих. С самого начала он думал, что ему, кроме них, ничего больше не нужно, но теперь... теперь многое изменилось. Ему так хотелось, чтобы мир был проще и чище, но Ривен чувствовал: он сам замутил, залил грязью и кровью все то, что дало ему воображение.

Он больше не может писать. Ему не о чем писать. Совсем.

Ривен вообще никогда не отличался терпением, и его успехи в попытках научиться ходить — как бы бурно ни восхваляли их «инструктора», Дуди с сестрой Коухен, — для него самого были

подобны успехам при проходке тоннеля через горный массив швейной иглой. Ривен ужасно злился и раздражался, смутно осознавая, что его пребывание в Бичфилде подходит к концу. Такие мысли пугали его. Он даже представить себе не мог, что будет потом.

Ничего, мы все обдумаем в будущем году. Этот уже на исходе.

— Уже на Рождество, сэр, вы у нас сможете совершать забеги на длинные дистанции; если кто из сестер станет вас доставать, вы всегда сумеете спастись бегством, — изрек Дуди, наблюдая, как Ривен ковыляет по коридору со своей ходовой рамой. — Впрочем, сдастся мне, Энн и так никого к вам не подпустит, — с хитрющей ухмылкой добавил он.

Ривен остановился и обернулся.

— Хватит юродствовать, Дуди. Я теперь шлеп-нога на железных болтах, и мне следует привыкать к этой дряни.

Дуди замотал головой.

— Идиотина. Должно быть, вам при падении головку зашибло.

Ривен, шатаясь, как пьяный, толкал раму вперед.

— Я... не могу, Дуд.

Дуди сменил тон.

— Тогда, похоже, нам с вами опять предстоит нализаться, сэр. Вы сейчас вряд ли в том состоянии, чтобы всю ночь напролет танцевать.

Интересно, когда-нибудь я смогу танцевать?

Он решительно опустил раму и подтянул за ней свои ноги.

Пелена белизны, покрывавшая горы, постепенно опускаясь к морю, сходила на нет. Море сияло в лучах зимнего солнца, беззвучно мерцая под замершим без движения холодным простраством. Он вдыхал студеный воздух. Снег под ногами тихонько поскрипывал в тишине. Его ушибы болели.

— Бла-Бейнн, Сгарр-Алисдайр, Сгарр-нан-Гиллеан... — мелодичным голоском проговорила девушка, указывая рукой, затянутой в перчатку, на зазубренные ледяные пики, что громоздились вокруг. Названия звучали как языческое моление.

Ривен пристально поглядел на нее. Лицо ее покраснелось на морозце, в карих глазах мерцали искорки, влажные губы слегка приоткрылись.

Перехватив его взгляд, она вдруг зарделась.

— Знаете, это невежливо — так откровенно пялиться. — Но она продолжала улыбаться.

— Наверное, — ответил он просто, — но меня впечатляет пейзаж... с тобой.

Они рассмеялись; смех их слышали горы. Ему хотелось прикоснуться к ее лицу, но он заставил себя отвести глаза, чтобы невольно не выдать взглядом напряжения своих мыслей.

— А шумный и суматошный Белфаст далеко-далеко отсюда, — сказал он, глядя, как пар их дыхания растворяется в морозном воздухе.

— Угу, — сказала она. — Я вообще не люблю города. Ненавижу их. Даже Эдинбург. А Лондон — особенно. Горы и море, они у меня в крови. Я пропитана ими насквозь. Настоящая девчонка со Ская.

— Девчонка со Ская, — повторил он, точно опробуя слова. Звучало великолепно.

Она развернулась, — снег скрипнул под ногами — и указала рукой на восток.

— Вон, видишь Бла-Бейнн? Который нависает над Слайгаханской долиной, а она прорезает Квиллины насквозь. Там, где долина открывается к морю, находится старое пастбище, Кемасанари, и там у отца есть небольшой домик. Это лучшее место на свете. Никаких дорог, только тропинка, что проходит под хребтом к Торрину. Я там провожу каждое лето.

— Я его видел. Останавливался неподалеку, по дороге в Гленбриттл, — Ривен выдавил кривую улыбку. — Дул такой ветер, что дождь летел горизонтально, а если встать лицом к морю, то нельзя было дышать.

Она улыбнулась.

— Да уж. Здесь приходится ко всему быть готовым.

На этот раз побуждение было неодолимым: он прикоснулся к ее щеке, провел ладонью по волосам.

— Мне бы очень хотелось жить здесь и не возвращаться на юг. Чтоб мне незачем было возвращаться.

Она смотрела на него с улыбкой, которую он успел уже изучить. Застенчивая, заговорщическая улыбка: один уголок рта немного приподнят. Она легонько коснулась пластыря у него на лбу.

— Тогда погости здесь еще, — сказала она.

Бичфилд потихонечку продвигался к Рождеству через темное средоточие зимы, и даже больные прониклись тем, что зовется праздничным настроением. Ривен, впрочем, держался особняком, не

принимая участия в хлопотах. С отвращением он наблюдал за тем, с каким воодушевлением многочисленные старички взялись за изготовление бумажных гирлянд и прочей ерунды. Он теперь проводил много времени, сидя у какого-нибудь окна, выходящего на реку, с нечитанной книгой на коленях, стараясь по возможности избегать доброжелательного внимания персонала — даже Дуди. Чтобы не думать о Сгарр Диге, он думал о вершинах, что были и выше, и дальше.

«К востоку от западного хребта, севернее сурового моря, земля горбилась холмами и ниспадала в Долы и моховые низины, заросшие вереском. Пастухи в Долах пасли стада, крестьяне обрабатывали ячменные поля — житницы хлеба и пива. Жители Долов держались особняком и сходились друг с другом только для купли-продажи, а зимой еще — чтобы защитить дома от волков и иного изголодавшегося зверья. В каждом Доле была своя древняя крепость: у слияния рек или на тучной земле. Эти крепости, опоясанные торфяным валом и каменной стеной, строили еще первые поселенцы — пришельцы с севера. У жителей каждого Дола был свой Рорим, — оплот и твердыня, — дом властителя Дола и его войска. Воины Долов сражались со Снежными Исполинами, гриффешами, оборотнями и прочими тварями, которых немногим доводилось видеть вблизи, — лишь мельком, за темным окном, глухой ночью...»

Ривен моргнул. Почти слово в слово он повторил про себя отрывок из своей книги. В сознании его это звучало почти столь же торже-

ственно, как мог бы звучать стих из Библии. Он уставился в ночь за окном, словно бы выглянул из бойницы крепости. Может быть, Моулси сейчас там? Моулси — не пациент, это ясно.

Что-то зашевелилось в зарослях ив у воды — низкорослая фигура, перебегающая от одной тени к другой. Ривен приподнялся в кресле. Собака. Какой-нибудь беспризорный пес подбирает объедки.

Вот он опять... нет, это другой. Еще один пес. Теперь Ривен не сомневался уже: их двое — крадущихся в густой тьме под обнаженными кронами деревьев. Ему стало как-то не по себе. Собаки, только и всего. Но он чувствовал на себе их взгляды. Они терпеливо ждали в ночи и глядели, не отрываясь, на освещенные окна больничных корпусов.

Собаки... да. Но они пробудили в нем страх. Древний, забытый страх.

Воображаю черт-те что и сам себя довожу до психоза. Так и свихнуться можно.

Собаки... но они так похожи на волков.

— Приближается Рождество, мистер Ривен, а вы как тот гусь, который вовсе не разжирел, — проговорила сестра Коухен у него за спиной. Она неодобрительно окинула взглядом его костлявую фигуру. — Нам бы надо постараться и немножечко вас откормить. И особенно теперь, когда вы совершаете все эти свои прогулки.

— Прогулки! — воскликнул Ривен. — А я и не знал, что это так теперь называется.

— Это только начало, мистер Ривен, и у вас замечательно все получается. Как я вижу, вы твердо намерены встретить Рождество на ногах.

Ривен склонил голову.

— Вы часто бываете ночью на улице? — спросил он, ощущая себя идиотом.

Вопрос, кажется, озадачил ее.

— В такие холодные ночи не особенно тянет на улицу. Когда кончается моя смена, я пулей несусь к машине и еду домой. Но почему вы спросили?

Он помрачнел.

— Просто так. — Его самого так тянуло на улицу, в ночь, к холодному мерцанию реки. Как будто что-то звало его туда. И в то же время он знал: ничто сейчас не заставит его выйти во тьму в одиночку.

Что это? Больное воображение?

Ничего. Все это просто фигня. Не будь идиотом.

Сестра Коухен вдруг положила руку ему на затылок, руку нежную и легкую, точно перышко. Прохладные пальцы. Он вдохнул льняной чистый запах ее медицинской формы и застыл. Челюсти непроизвольно сжались. Ее лицо внезапно обратилось в лицо той молоденькой смуглой девушки, которая была недавно в его видениях. Он отшатнулся от ее руки. Сестра тихо вздохнула и потрепала его по плечу.

— И что вы сидите тут в одиночестве? Почему бы вам не присоединиться ко всем остальным? Они так все оживились с приближением Рождества. Как детишки, в самом деле.

Он отрицательно покачал головой, и через мгновение она ушла. Обратно к теплу и свету комнаты отдыха.

В ту ночь он увидел сон.

Был настоящий мороз. Снег густой пеленой укутал землю. Близ заснеженных холмов река казалась серой и тяжелой, точно клинок меча. В первый раз за столько веков Исполины спустились с гор.

На третий день после того, как они вышли из Рорима, поднялась снежная буря; мир обратился в клубящуюся пустоту белизны. Они долго искали укрытие на подветренной стороне холма и, наконец, набрали на скопление валунов, которое художественно спасало от ветра. Они сидели там, а вокруг их укрытия образовался снежный занос, и воровски крадущаяся стужа уже проникала под их меховые плащи. Их было трое. Первый — смуглый и худощавый, второй — могучий, коренастый и рыжебородый, а третий — весь в шрамах и хромой, — вероятно, сам Ривен.

Именно Смуглый встрепенулся первым, вскинул голову и, прищурившись, вперил взгляд в бьющуюся на ветру завесу снега.

— Что там такое? — тут же спросил его Рыжебородый. — Ты что-нибудь видишь?

Смуглый поморщился.

— Даже не знаю. Может быть, ничего... тень на ветру. — Но теперь они все молча уставились в вихрь метели покрасневшими от усталости глазами.

— Что за тень? — спросил Ривен, растирая сведенные болью ноги.

— Огромная, — коротко отозвался Смуглый, и Ривен выругался.

Тут до слуха донесся хруст снега — все трое мгновенно замерли.

— Слышите, — выдохнул Ривен.

— Заткнись! — прошипел Смуглый.

Они умолкли на долгое время, отмеряемое тревожным биением сердца. Ветер немного унялся, стало потише. Снег бесшумно падал на землю. Они снова слышали этот звук — шорох движения чего-то огромного по глубоким сугробам. И еще, может быть, прерывистый шум дыхания.

— С какой стороны? — спросил Рыжебородый.

За спиной у них камень ударил о камень. Трое, как один, развернулись в ту сторону.

Что-то поднялось из снега, подобно серой стене: десяти футов ростом, бледное ото льда и вьюги. На бесформенном лице, точно шары голубого огня, горели два глаза, размытая тень исполинской руки мелькнула в воздухе и отбросила Рыжебородого ярдов на десять. Ривен в ужасе закричал.

— Бежим! — проорал Смуглый, выдернув меч из ножен, но Ривен не мог даже сдвинуться с места. Снег, глубиной по колено, обратился в лед, сковав его ноги. Он увидел, как Смуглый отлетел в сторону, словно поломанный пруттик, а потом голубые огни — глаза Исполина — надвинулись на него. Они его знали.

— Никогда не женись на девице, у которой брови сходятся на переносице, — сказал Исполин голосом Дженни и рассмеялся. Смех, чистый, как звон колокольчика, утонул в шуршании снегопада.

Ривен закричал.

Ночь была тихой-тихой. Так кричал он или нет? Единственный звук, который Ривен сейчас различал, — бешеное биение крови в висках. Ноги

его запутались в одеяле. В окно лился таинственный, сверхъестественно яркий лунный свет. Ривен сел на постели, потирая шрам на виске. Дверь в палату была закрыта. Если он и в самом деле кричал, то, скорее всего, никто не услышал его. Хотя нет: дежурная сестра должна была слышать.

Только сон, слава Богу.

Но Исполин ведь был из его книги. Одно из любимых его чудищ. А те два человека... откуда-то он их знал.

— И что за чушь, — пробормотал Ривен вслух.

После сна во рту остался какой-то неприятный привкус. Ему не давало покоя свербящее чувство тревоги, в чем-то схожее, но все же отдельное от миазмов печали, с которой он непрестанно боролся. Действительно, а какая сейчас погода на Скае? В такую ночь, как сегодня, море сияет лунным светом, а волны с тихим плеском набегают на гальку.

Вот проклятье.

Он опустил ноги с кровати и потянулся за одеждой и костылями. Сон как рукой сняло. Холодный пол, подобно горному льду, остудил ноги. Ривен потряс головой. Уже сказочные великаны являются во сне. А что будет дальше?

Стуча по линолеуму костылями, Ривен доковылял до окна и забрался в кресло. Сад снаружи обратился в серебряно-серую вязь, между деревьями темнели омуты тени, в лунном свете холодно мерцала река. С некоторой тревогой он всмотрелся в густые тени у реки, но сегодня собак там не было. Или волков, если на то пошло. Он улыбнулся. Воображение — это одно, а паранойя — совсем другое.

Воспоминания уже подкрались вплотную, но он сердито прогнал их прочь и принялся думать об иных вещах. О своих книгах. Теперь он припомнил, что во второй у него было два персонажа, похожие на тех двоих из сна, но он никак не мог вспомнить их имена, и это его раздражало. И великаны, что жили на вершинах гор, — Снежные Исполины, — создания ледников, в самую лютую пору студеных зим спускающиеся в низины для разбоя...

Лунный свет залил лужайку и превратил ее в безупречное снежное поле. Ривен скривился. Зима. Ему никогда уже не освободиться от зимней стужи. Слишком много дверей в закоулках его сознания намертво вмерзли в стены и закрыты теперь для него. Корка скрипучего льда затянула воображение. Мое средство к существованию, угрюмо подумал он и вспомнил слова Хью. Значит, фанаты на взводе: ждут — не дождутся завершения трилогии. Ну что ж, если он все же сподобится сесть за стол и начать писать, ему будет что рассказать им.

Но там, в том мире заснеженных гор, ледовых великанов и отчаянных рубак осталась Дженни.

Он отшатнулся от этой мысли. Время лечит, с горечью напомнил себе Ривен. Вот только когда мне достанет мужества снова вернуться домой? Он припомнил бредовые речи Моулси. «Помните, куда вы должны вернуться». Тебе легко говорить, старый шельмец, полоумный.

Он с силой ударил кулаком левой руки по подлокотнику кресла. Ну давай же, Ривен. Что там было дальше, с тем солдатом? Куда пошел он?

Когда он учился в Оксфорде, там был один

бывший зеленомундирный офицер, крайне доброжелательный джентльмен, который однажды повел свой отряд в атаку, распевая англосаксонскую «Мальдонскую битву». И это каким-то странным образом завершило круг: миф сошелся с реальностью и сам обратился в реальность.

Вот почему я и начал писать. Чтобы создать свой миф. Но реальность всегда найдет способ посмеяться над создателями мифов.

Дверь распахнулась, Ривен встрепнулся как заяц, — он едва ли не ждал, что в палату к нему вломится неуклюжее ледяное чудище с пылающими глазами. Но то была сестра Коухен. В своей белой форме она казалась ему призраком.

— Мистер Ривен, почему вы не в постели?

Он пожал плечами.

— Не мог заснуть.

Она легонько коснулась его руки. Пальцы ее были теплыми-теплыми.

— Да вы же холодный как льдышка! Давайте-ка я помогу вам лечь.

Он покачал головой.

— Да все в порядке, сестричка.

Некоторое время она изучала его, стоя в тени сбоку от окна.

— Дурные сны?

— Возможно. Откуда вы знаете?

Ему показалось, что она улыбнулась:

— Я время от времени к вам заглядываю, когда вы спите. Это моя работа. Вы кричите во сне, мистер Ривен.

Ривен тихонько ругнулся себе под нос и снова уставился в окно.

— Это, черт побери, не спектакль.

— Мне очень жаль.

— Всем очень жаль. А мне не нужна жалость. Я хотел бы, чтобы меня оставили наконец в покое. — Он закрыл глаза. — Прошу прощения.

— Все просят прощения, — тихо проговорила она.

— Я действительно виноват. Иногда я бываю невыносимо сварливым. — Он помедлил. — И сквернословом. — Дженни всегда бесилась, когда он ругался.

— Не имеет значения, — сказала она и уселась на подоконник. Лунный свет очертил ее серебристым контуром, и лицо ее стало непроницаемым в этом свете. Ривен поймал себя на размышлениях о том, сколько ей может быть лет.

— Вы будете снова писать? Когда-нибудь? — совершенно неожиданно спросила она.

Он не ответил, и она продолжала:

— Я читала ваши книжки. Очень красивые книжки. Все горы, и кони, и сильные немногословные люди.

Он невольно рассмеялся.

— Вы закончите эту историю? Напишете третью книгу?

Он промолчал, потому что в горле был комок. Эта история прикончила меня. Мое участие в ней завершилось. Мое и Дженни. Теперь в ней будут другие персонажи. Он почувствовал, как к глазам подступают слезы.

— Слизняк, — пробормотал он еле слышно.

— Все будет хорошо, — сказала она. — Послу-

шайте, я совсем не хотела... вот черт. — Она вдруг подалась вперед и крепко прижала его голову к себе, так что слезы его намочили ей шею. Он сжал зубы, Держись, дружище. Сквозь ее медицинский халат он ощущал мягкую упругость ее груди.

Она отстранилась, оставив его в каком-то странном опустошении.

— Я, пожалуй, пойду, — проговорила она. — Меня будут искать на вахте. Вам не нужна помощь?

Он покачал головой.

Она словно бы в нерешительности посмотрела на него, потом снова подалась вперед и быстро поцеловала покрытый шрамами лоб.

— Это обычная процедура по уходу за болящими? — с деланной легкостью в голосе спросил он.

Она резко выпрямилась.

— Если я вам понадоблюсь, просто нажмите на кнопку вызова.

— Гораздо удобнее, чем свистеть, — улыбнувшись, заметил он.

— И постарайтесь не переохладиться. Я загляну к вам попозже, проверю. И смотрите мне: чтобы вы лежали в постели и спали. Спокойной ночи.

Он проводил ее взглядом до двери. Спокойной ночи, девчонка.

— Мне уже скоро пора отправляться, Дженни.

Огонь потрескивал в очаге, торфяные брикеты разваливались и вспыхивали неверным оранжево-голубым пламенем, отбрасывая на стену у них за спиной причудливые тени.

— Я отсутствовал десять дней.

За окном снова поднялся ветер; стекла в окне дребезжали под напором ветра, рвущегося с вершин к морю. Со Старр Дига, по крутым склонам, кровоточащим и избитым. Порывистый, судорожный ветер, — он то ревел, то внезапно смолкал. Попеременно.

— Тебя кто-нибудь ждет? — тихо спросила она, не отрывая взгляда от пламени. Волосы ее переливались в мерцающем алом свете очага.

Он с горечью усмехнулся.

— Едва ли, но у меня еще есть незаконченные дела. Я не могу здесь остаться насовсем. — Он повернул голову, чтобы лучше видеть ее лицо, обращенное к нему в профиль. — Хотя мне бы очень хотелось.

Не глядя на него, она положила ладонь ему на руку.

— Майкл? Тебе действительно нужно вернуться назад?

— Я должен вернуться. У меня увольнительная на две недели.

— Но ты мог бы остаться здесь. Это место как раз для тебя, и папе ты нравишься.

Он не ответил. Светотень мечты поднялась из огня и замаячила перед ним, дразня. Разве не мечтал он о чем-то подобном?

— Еще на две недели, — сказал он.

Дженни улыбнулась и склонила голову, прислушиваясь к завываниям ветра.

— Ладно, времени, думаю, хватит...

Ривен спал, теперь уже без сновидений. Снаружи сквозь легкие облака изливала свой свет

луна, и края облаков тоже были в световой виньетке. Кто-то — темнеющая в ночи фигура — ждал терпеливо в тени деревьев. Двое волков примостились у его ног. То были зимние волки, громадные, серые, будто призрачные в лунном свете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сколько Ривен себя помнил, еще ни разу не было настоящего снежного Рождества. И в этом году декабрь тоже выдался ненастным и хмурым; сильный порывистый ветер трепал ветви ив и рябил поверхность обычно спокойной реки. В корпусах уже появились разряженные елки и блестящая мишура.

— Они еще не то удумают, обрядят меня Санта Клаусом, — ржал Дуди.

К концу ежедневной пытки утренней «прогулкой» Ривен обычно выматывался до такой степени, что какое-то время лежал в постели пластом. Иногда рисовал, — в основном лошадей и пейзажи, — а иногда предавался размышлениям. Было так заманчиво вновь удалиться в тот, другой, мир, распростершийся буйной зеленью внутри подковы гор; в мир, где все обустроено так, как он любит. Было так приятно пусть на короткое время забыть о своем разбитом теле и пройти по широким Долам пешком — и чтобы ноги повиновались тебе — или проехать верхом на послушном коне в компании тех, кого сотворило твое воображение.

Их было много, и они были такие разные. Он, как пилигрим, делил дорогу со всеми, кто появлялся в его сознании, ненадолго составив ему компанию в пути, а потом уходил своей дорогой — прочь от людей. Фермеры и пастухи, корабейники и бродяги, прекрасные дамы и воины с тяжелым взглядом. Они возникали в его воображении, облаченные в кожу и полотно, пахнущие землей и потом, благоухающие духами и ароматными

пряностями. Хмурая серость декабрьских дней лишь подчеркивала яркие краски их одежд.

Он объехал тучные Доли вдоль и поперек: торфяные болота и древние крепости, где препоясанные кушаками воины стояли дозором на бастионах. Он останавливался на постоянных дворах, где пиво крепче вина, и горячий ячменный дух опалял его горло. Он вслушивался в долгие рассказы путешественников о далеких краях, что лежат по ту сторону гор, но сам не рассказывал ничего — ему уже нечего было рассказывать. Он только слушал, и наблюдал, и дивился. Дни напролет проводил он с Гвионом, трактирщиком, опекавшим своих постояльцев, словно те были детьми неразумными, чья обширная лысина сверкала то здесь, то там, подобно зеркалу, при свете свечей, зажигаемых по вечерам. Ривен напивался почти до бесчувствия с Рыжебородым из сна. Как обнаружилось, тот представлял собой истинный кладезь доморощенной мудрости, замешанной на неиссякаемом юморе. Звали его Ратаган. Были там и другие. Молодой человек с голубыми глазами и язвительным изгибом губ разглядывал Ривена в упор, без улыбки, и чесал за ушами двух прирученных волков, которые всегда его сопровождали. Его звали Мертах: Мертах — меняющий облик, Мертах-оборотень. И красивая дама — одетая в черное демоница на рьяном коне... тут его грезы рассыпались, и оставался лишь дождь, терпеливо стучащий в окно.

Он не переставал изумляться. Ведь все они — персонажи его собственных книг, и все же там, в его грезах, они жили своей, независимой от него

жизнью, и у каждого была своя история, которую он мог поведать другим. Они были ему спутниками и друзьями, и в конце концов лица их стали Ривену знакомы, даже привычны, как, например, лицо Дуди или сестры Коухен. Они помогали ему отгонять черные воспоминания, и лишь когда не являлись в течение дня, отчаяние вновь подступало к Ривену, вонзаясь во все его болячки.

— Опять вы, сэр, — сказал ему Дуди.

— Что я опять?

— Грезите наяву.

Ривен потер глаза.

— Тогда займи меня чем-нибудь.

— Уж я-то найду, чем вас занять.

— Только, пожалуйста, не предлагай мне выделывать эти долбаные гирлянды. Уже к двенадцати годам вся эта мутотень успела мне изрядно поднадоесть.

Дуди покачал головой.

— Вы таким вредным становитесь, до невозможности.

Ривен нахмурился.

— Все равно Санта Клаус не принесет мне в подарок на Рождество то, чего я хочу.

Потом воцарилось молчание.

— Я знаю, сэр... только этим ее не вернешь. Давайте. Дадим миру шанс.

Ривен рассмеялся.

— Почему нет? Ведь он мне давал столько шансов. — Он похлопал Дуди по руке. — Ты извини, дружище. В следующий раз, когда ты застанешь меня таким невыносимым, можешь пнуть меня так, чтоб я летел через весь коридор.

— Это уж непременно. Напоминаю на всякий случай: я однажды уже отлупил офицера.

Рождество устраивалось, вероятно, для самых старых и самых немобильных обитателей Бичфилда. Персонал Центра приложил немало усилий, чтобы все было по первому разряду: утром для желающих отслужили мессу. Ривен к числу желающих не относился. Тем не менее, он сподобился нарисовать две открытки — для Дуди и сестры Коухен. Странно, но он все еще рисовал вполне сносно. Но вот писание — не столь инстинктивное мастерство — никак ему не давалось.

В его «прогулках» наблюдался некоторый прогресс; разумеется, до бега и прыжков было еще далеко, но несколько дюжин шагов он проделать уже мог. Теперь Ривен уже не колупался с ходовой рамой и вполне управлялся одним костылем. Ему двадцать восемь, но выглядел он лет на сорок с этой своей бородой, согбенной спиной и костылем. С каждым днем лицо, глядящее на него из зеркала, становилось все мрачнее, а недавно легшие в уголки рта морщины — глубже.

Спицы в его ногах до конца жизни обеспечат Ривену писк металлодетекторов в аэропортах, шрамы на лице никогда не исчезнут полностью, но тело его все же боролось за выздоровление и целостность, без особой помощи со стороны его духа. Жуткие головные боли донимали Ривена все реже и стали менее острыми, а боли в ногах то и дело сменялись просто ощущением слабости.

По случаю Рождества Дуди с сетрой Коухен притащили ему здоровенную бутылку эля.

— Это согреет вас в зимние вечера, сэр, —

подмигнув, сказал Дуди. Акварели Ривена, конечно, не шли ни в какое сравнение с таким роскошным подарком, хотя и Дуди, и сестра Коухен выразили по их поводу самый что ни на есть бурный восторг.

Рождественское утро, рождественский день и рождественский вечер прошли с Ее Величеством по телевизору и пациентами, счастливо клюющими носом перед оным. Потом пасмурный вечер сменился ночью, на сем Рождество и закончилось. Священная ночь миновала и стала съезживаться в ожидании следующего года. В ту ночь Ривен трупом лежал на кровати и отчаянно отражал натиск воспоминаний, гнал их прочь от себя, пока не затер в самый темный уголок подсознания. Наутро та долгая и упорная битва сполна проявилась в усталости и угрюмом выражении лица.

Потом, как водится, наступило каникулярное затишье, которое обычно длится до самого Нового Года. Дуди и сестра Коухен взяли вполне заслуженные выходные. Ривен понаблюдал за тем, как они уезжают вместе: Дуди вызвался подвести сестру Коухен до станции. В общем, Ривена препоручили заботам сестры Бисби. Отчасти он был даже рад. Потому что те двое тянули его обратно, в полноценную жизнь, а он пока еще не был готов к этому.

Старые друзья, в основном еще по Оксфорду, прислали ему поздравительные открытки; не забыли его и армейские сослуживцы. Он часами сидел над ними и размышлял, он еще не был готов поверить, что все эти люди сохранили на

него какие-то притязания. Внешний мир сделался для него лужайкой и рекой в обрамлении ив; всего остального просто не стало. Как только он начинал думать о чем-то, что лежало вне этих пределов, занавес начинал подниматься, обнажая за собой тьму.

Одним серым утром, пробираясь через комнату отдыха к туалету, Ривен наткнулся на пациента, который читал его книгу. Сначала ему это доставило удовольствие, на мгновение он даже возгордился, но потом его вдруг охватила какая-то жуткая паника, как будто враги ворвались в его укрытие или раскрыли его маскировку. Тот мир, который создал он сам, который когда-то вдохновлял его на творчество, на поступки... а теперь кто-то другой бесцеремонно тащит его сюда. Сначала сестра Коухен, а теперь вот этот старикан. Как же он может исцелиться, ведь Дженни была и в том мире тоже, в каждом написанном Ривеном слове, столь же явственно, как если б она улыбалась за каждой строкой? Когда старик пошел завтракать, Ривен потихонечку слямзил книжку и унес ее к себе в палату.

«Пламя древних». Первая. Та самая, которую начал писать еще мальчишкой и забросил потом, пока не встретил ее. Радостная книжка. История со счастливым концом. Он тогда еще верил в счастливый конец.

Он открыл книгу.

«Тот край был суров, но плодороден и даже обилен. В Долах, в уголках, укрытых от северных ветров, вызревал добрый ячмень. Капуста тоже родилась на славу; густые и сочные травы на лугах

под покос нежились под теплым солнцем. Холмы словно бы проридались из-под земли сквозь доли, как огромные и неуклюжие гранитные кроты, — они были покрыты громадными валунами, поросшими мхом и пожухлой травой. Росшие здесь вереск и терновник искорежил леденящий сиверко; деревца и кусты походили на злобных калек, пусть увечных, но закаленных, как и сам камень, на котором они примостились.

Там и расположился Рорим. Рорим Раларта — твердыня южных Долов. Он опоясывал невысокий пологий холм. Одни утверждали, что холм этот насыпали люди, другие — что он был здесь всегда. Крепостная стена спускалась в широкую долину, где петляла река и стояли хутора людей Дола. Прямые межи разграничивали поля, стада паслись на обширных лугах. Из труб домов и постоянных дворов, коровников и кузниц тянулись в чистое небо струйки сизого дыма. Ветер доносил до реки суетливый шум базара. Точно цветастое лоскутное одеяло, базар покрывал склоны холма ниже Рорима: там покупали и продавали, торговались и вздорили.

За пределами Дола Раларта мягкими увалами вздымались холмы, а на горизонте, в туманной дымке смыкалась с небом зубчатая цепь суровых гор. Испещренные щебнем холмы, утонувшие в вереске и зарослях грубых нагорных трав: простор для ястребов и канюков — парить над ним в вышине, для волков — рыскать в поисках добычи, для оленей — с опаской с опаской щипать траву. Южные склоны холмов покрывал лес; словно темное тихое море, он венчал каменистые высоты

сосной и елью, пихтой и буком. На опушках встречался и дуб, а поляны утопали в буйных зарослях папоротника и куманики. У леса было имя — Лес Скаралл; дом для диких тварей. А еще дальше на юг, за лесом, плоскогорье обрывалось ступенчатыми гранитными утесами, которые языками между ущельями выходили прямо к морю, что непрестанно билось о бастионы тверди в своей бесконечной битве.

Конный отряд появился с севера, ветер дул всадникам в спину, справа от них догорал закат уходящего дня. Десять всадников на крупных конях темной масти были облачены в кожу, проклепанную металлом, и препоясаны синими кушаками. Их мечи тяжело бились о бедра, с седел свисали пустые мешки из-под провизии.

Завидев Рорим Раларта, всадники остановились и привстали на стременах, чтобы получше разглядеть громадную чашу Дола, на дне которой сгущались сумерки. Освещенные окна мерцали, словно самоцветы, издалека доносилось мычание коров, которых сейчас гнали с пастбищ в хлева.

— Снова дома, — с удовлетворением произнес рыжебородый гигант, Ратаган. — Я же говорил, если мы поторопимся, то успеем еще до заката.

Смутный худощавый мужчина с резко очерченными чертами лица согласно кивнул.

— Хотя лошадок придется за это отблагодарить. И все-таки, как хорошо, что эту ночь мы проведем, наконец, под крышей.

— И за крепкими стенами, — добавил Ратаган

и окинул взглядом цепь холмов. — А то как-то мне надоело отбрыкиваться от голодных волков. Я волчарами сыт по горло, надо немножко передохнуть.

— Стало быть, Мертах ты теперь станешь обходить за милю? — спросил Смуглый с улыбкой, которая была подобна блеску ножа в тихих сумерках.

Ратаган рассмеялся, голос его гудел в бороде.

— Эти его дворняги! Да они от собственной тени шарахаются. Наверно, мамаша у них — овца, отбившаяся от стада. Но видок у них грозный, надо признать.

— Мертах говорит, что обличье — это все, — заметил Смуглый.

— Да уж, ему виднее... на то он и оборотень, Меняющий Облик. Предвкушаю, сколько он выставит пива за все эти сказания, которые я подсобрал!

— Тебе их и рассказывать, — улыбнулся Смуглый. — Ну, ладно, хватит стоять, кони простудятся. Что-то холодно на ветру, а нам еще нужно проехать одну-две мили до того, как совсем стемнеет.

Они тронули лошадей, и маленькая кавалькада начала спуск по склону увала к огням Дола, все ярче горящим в сгущающейся темноте.

Да. Но иногда темнота наступает так быстро, что приходится останавливаться.

Ривен закрыл книгу, затем — глаза, но вечерние лесистые холмы из другого мира продолжали стоять перед его мысленным взором. Он медленно встал, опираясь на свой костыль, и направился в

комнату отдыха, чтобы оставить свое творение там, где оно лежало раньше.

Если Рождество вышло праздником для самых дохлых пациентов Бичфилда, то Новый Год предназначался для тех, кому до могилы — по выражению Дуди — пока еще больше пяти мизинчиков. На праздники многие пациенты разъехались по домам, но немало осталось и в Центре. Персонал тоже собрался, дабы обеспечить больным должный уход.

— Ну что ж, сэр, — объявил Дуди, вернувшийся с выходных накануне Нового Года, — я твердо намерен отметить праздник, как бы там ни возникала старая корова Бисби. Апельсиновый сок, мать моя женщина! Мы с Энн попытаемся раздобыть доброй выпивки для ребят, которые могут себе позволить. Вы бы, сэр, изумились изрядно, узнав, сколько народу здесь воспряло духом при одном только упоминании крепкого пошла.

Новый Год. В Шотландии это всегда — событие. Встречи старых друзей, новые знакомства и все такое.

В тот день сестра Коухен вывезла Ривена в кресле на лужайку. Он слушал вполуха ее щебетанье про Новый Год, про грандиозную вечеринку и про тиранию Бисби, но почти не улавливал смысла слов.

Было прохладно, но дождь все же перестал, и сквозь облака стал просвечивать диск солнца. Река с шумом несла свои полные воды, захлестывая прибрежные камни и отражая бликами солнечный свет.

— Скоро появятся подснежники, — сказала сестра Коухен. Ветер растрепал ее волосы, но она вновь убрала их под шапочку. — А за ними и нарциссы. По всему берегу. Зрелище впечатляющее. — Кресло остановилось. — Но вас, наверно, уже здесь не будет, чтобы все это увидеть, мистер Ривен?

Он пожал плечами.

— Возможно. Я уже вроде как снова весь сросся. У меня нету повода здесь задерживаться. — И мне еще многое нужно сделать. — Он заставил себя улыбнуться. — Скажу точно под Новый год.

— Новый год. Что ж, в этот раз я не давала себе никаких обещаний, так что, при всем желании, я не смогу их не сдержать, как я обычно и делаю. Дуди вот обещает исправиться, хотя я ни разу еще не встречала поросенка с крыльями. Я так думаю, старушка Бисби решится-таки вытащить кочергу, которую она проглотила.

Ривен от души рассмеялся.

— Мистер Ривен?

— Да?

— Знаете, если хотите, можете называть меня просто Энн. Меня так многие называют, из пациентов.

— Спасибо. Значит, Энн.

— Вот и хорошо. — Она подняла глаза к небу. — Кажется, дождь собирается. Лучше я отвезу вас в палату. Нельзя допустить, чтоб пациент промок. — Развернув кресло, она покатила его к корпусам.

Праздничный ужин был не столь грандиозен, как на Рождество, зато гораздо оживленнее. Се-

годня персонал и пациенты ужинали вместе, и на ривеновском конце стола, где расположились Дуди с сестрой Коухен — Энн, — царило самое настоящее веселье. На столе перед ними стояли бутылки, вполне невинные с виду, но с достаточно горячительным содержимым. Результатом этого были шум, и гам... и недоуменные взгляды сестрицы Бисби в их сторону.

Какой-то колдун от электроники соорудил устройство, выводящее бой Биг Бена на настенные громкоговорители. Когда праздничный ужин закончился и волшебное мгновение приблизилось, все собравшиеся притихли. Ривен откатил свое кресло от стола и занял позицию у окна, что выходило в сад, теперь скрытый тьмой.

Замечательная новогодняя ночь.

Звезды сияли так ярко, что даже отсюда, из помещения, он разглядел Сириус. Ему так хотелось на улицу — снова побыть одному в тишине, как частенько бывало прежде. Свет в комнате притушили, громкоговорители начали тихонько потрескивать. Раздался голос, вещающий о громадных толпах, наводнивших Трафальгарскую площадь, и о представлении у фонтанов. Дуди отплясывал джигу с какой-то старушкой, которая светилась от радости. Судя по ее виду, старушенция не танцевала уже, наверное, лет тридцать. Сестра Коухен присоединилась к ним на пару с восьмидесятилетним старцем, который в другое время лежал бы себе в теплой постельке и изводил всех своим нытьем.

Забили куранты — танцы тут же прекратились. Ривен встал, сжимая в руке бокал.

Девять, десять, одиннадцать... На последнем ударе он осушил свой бокал и поднял его к потолку.

За тебя, моя красотка. С Новым Годом!

Когда он уходил из комнаты, Дуди целовал сестру Коухен. Пациенты, по новогодней традиции, по-старчески чмокали друг друга. Трясущиеся руки сплелись, и зазвучало «Доброе старое время». Мелодия летела за ним по пятам, пока он выбирался на улицу, к безмолвной ночи и холодным звездам, к лужайке и тихо струящейся реке.

Трава была влажной и мокрой, так что продвигался Ривен медленно. Устав, он остановился и попытался определить созвездия. Орион со сверкающим своим поясом. Ковш Большой Медведицы и Полярная звезда. Яркая Венера низко над горизонтом и сияющий Юпитер. В прежние времена они ему были проводниками. И теперь они тоже вели его, как будто время могло повернуть вспять, и он опять оказался на Скае, и его сердце еще не разбилось, и рядом был кто-то, кто любит его.

Река отражала Млечный Путь и словно лилась через край под обнаженными ветвями ив. Ривен уселся на землю и стащил ботинки слегка дрожащими от усталости руками. Потом — носки. Студеная роса приятно холодила босые ноги.

Поначалу речная вода обожгла его холодом, но потом жжение сменилось жарким покалыванием. Он стоял, позволяя ему — этому восхитительному ощущению — подниматься от ног по телу, и

смотрел на звездный купол неба. Купол как будто вращался в бархатной темной безмерности. А он, Ривен, стал его центром, осью вращения. Он понял: время его в Бичфилде истекло. Наступило время уйти. Время вернуться в горы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ривен возвращался в Кемасанари не для того, чтобы писать свою книгу. Он просто пытался рассеять призраков, исцелить себя. Он думал так: если он и возьмется писать, то это будет одним из средств его исцеления, но он не был уверен, что это средство понадобится. Как бы то ни было, он все же едет туда, на поезде, — все его вещи собраны в рюкзаке, который валялся теперь у его скрюченных ног, — Бичфилд остался за полдюжину графств отсюда, и новый год раскрывался перед Ривеном как загадочный цветок.

Ночь в поезде. Он не побеспокоился даже о том, чтобы взять билет в спальный вагон; это было уже своего рода традицией — добираться до Ская с максимумом неудобств. Казалось, от этого, по контрасту, Квиллины при взгляде на них через Саунд-оф-Слит становились еще более прекрасными и притягательными. Он глядел в серое марево за окном. Если так будет и дальше, то я вообще ничего не увижу, — только эту бесконечную изморось.

Проехали Карлайл и вместе с ним — Англию. Движение поезда убаюкивало Ривена. Он задремал. Несколько часов спустя он пробудился от своего судорожного сна, ощутил боль в ногах и увидел, как над нагорьем разливается свечение рассвета. Кое-где холмы уже были покрыты снегом. Интересно, спросил себя Ривен, а есть ли снег на островах. В первый раз за все время пути ему пришло в голову, что добраться до домика будет,

наверное, не так-то просто. Придется топать через перевал, выбора нет. Вряд ли он там отыщет кого-то, кто потащит его на себе.

В Маллейге он сошел с поезда в пасмурное утро и добрался пешком до гавани, — благо от станции было рукой подать. У причала качались рыбацьи лодки и какие-то транспортные катера. Над головой кричали чайки; Ривену казалось, что с тех пор, как он слышал крик чаек последний раз, прошли годы. Он поднял глаза и увидел большой особняк, абсолютно неуместный на покрытом пожухлым папоротником каменистом склоне горы, что возвышалась над гаванью. Ривен повернулся в сторону моря — за проливом в туманной дымке угадывался Скай. Он снова вернулся сюда, в край моря и камня.

Он подоспел как раз к полуденному парому и, ступая на палубу маленького суденышка, испытал странное чувство, больше всего похожее на суеверный страх. Вновь оказаться так близко. Это ли нужно ему сейчас? Но он уже принял решение.

Всю переправу Ривен простоял на палубе; свежий ветер играл его бородой. Уже приближался Армадейл, заросшее лесом местечко в низине. Отсюда еще долго-долго пилить на автобусе, а потом — на своих двоих через перевал.

Плыви, мой челн...

Палуба качалась под ногами, за кормой носились и резко кричали чайки. Зачем он вернулся сюда? Его мутило при одной только мысли о Кемасанари, мертвом, — как мертва она, — о вещах ее там, внутри, как они были оставлены тем летним утром. Мрачное настроение черным

вороном кружилось над его головой, опускалось ему на плечо.

Быть может, Моулси был не так уж прост.

Едва ступив на мол Армадейла, Ривен стал беспомощной жертвой изощренных причуд островной системы автобусного сообщения. Впрочем, ему все-таки удалось добраться до Бродфорда без особой головной боли. Здесь можно будет подсесть на почтовый автобус, который проходит через Торрин; но сначала Ривен заглянул в отель и подкрепил дух свой и тело глоточком-другим виски Маклеода. Умение потреблять крепкие напитки относится к жизненно важным навыкам современной общественной жизни, и за то время, что Ривен провел в Шотландии, он изрядно поднатерел в этом искусстве.

Маленький красный автобус, развозящий по острову почту, как обычно, опоздал. Водитель его не узнал, за что Ривен был ему искренне благодарен. Он промолчал всю дорогу, пока автобусик кружил средь холмов, пробираясь на юго-запад к Торрину. Для Ривена это было путешествие в прошлое. Месяцы, проведенные им в Центре, казались теперь серым туманным сном, от которого он, наконец, пробудился.

И вот, наконец, его взору открылся перевал: горные склоны, бурые от пожухлых зарослей папоротника, вершины кряжа засыпаны снегом. Ривен смотрел на них, вдыхая свежий горный воздух всей грудью и теребя в руках палку. Поблизости от остановки очень кстати оказалась чахлая рощица орешника, Ривен вырезал себе настоящий посох, пригодный для горной тропы,

и начал свое долгое восхождение. Ветер нес с собой промозглую изморось, и уже через пару минут все тепло виски выветрилось. Ривен мерно шагал, наклонившись вперед и пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Узкую тропку пересекали шумные ручейки, и вскоре Ривен промочил ноги. Спина и подмышки уже вспотели, хотя лицо и уши мерзли под холодным ветром. На мгновение остановившись, он выпрямил спину и вгляделся в подъем впереди, стараясь не обращать внимания на боль в ногах.

Я, должно быть, с ума сошел.

Но он снова двинулся вперед, опираясь на ореховый посох. На склоне холма паслись коровы. Не переставая жевать свою жвачку, они оглядели Ривена с выражением спокойного любопытства. Он прошкандыбал мимо и бросил взгляд на хмурое небо.

Похоже, оно готовилось разразиться чем-то действительно неприятным. Ривен знал этот кряж, эту тропу. Все повороты ее и изгибы, подъемы и спуски, заболоченные низины, по которым нехотя стекали в долину черные торфяные воды. Вот только тело, которое брело по тропе, изнывая от боли, было ему незнакомо. Новая, неизвестная прежде слабость сопровождала его восхождение, как будто он шел по этой тропе в первый раз, ничего не зная об усилиях, необходимых для идущего по ней.

Он пересек снеговую границу; дождь обратился теперь в мокрый снег, который, падая, скапливался на камнях и на вереске, затем сползал слякотью, а сверху снова валили свежие белые хлопья. Тихий,

погожий денек, сказал бы Кэлам со своей вечной трубкой во рту и глазами, которые привыкли видеть погоду похуже. Но Кэлам умер, опередив дочь свою лишь на год, умер ясной лунной ночью, сломленный грузом бездействия, которое сердце его отказалось выносить. И пес его жалобно выл, свернувшись у ног хозяина.

Ривен добрался до перевала и уселся на камень; внизу, словно бы выцветшая в сгущающейся темноте и кружащейся метели, простиралась Слай-гаханская долина. За долиной громоздились горы, а слева шумело море, бесконечной пенистой лентой набегаая на берег. Ну да. Тихий, погожий денек; но следующая ночь будет отнюдь не тихой. Он растер свои ноги. Изуродованный и одинокий. Такой одинокий. Только упрямство и, быть может, еще привычка к военной дисциплине удерживали его от того, чтобы не разрыдаться, как удержали от слез тогда, в Ирландии, когда прямо под носом у Ривена взрыв разметал на куски его капрала, или когда он узнал, что Дженни мертва.

И он снова видел ее как живую — ветер треплет ее волосы, а она смеется и поторапливает его. Вниз по склону этого увала, на который он сейчас взобрался. Ривен направился дальше, проклиная свои бедные ноги, и грязь, и слякоть, и зиму, но больше всего — себя.

Спуск оказался гораздо труднее подъема: икры болели, колени ныли. Ему приходилось глубоко втыкать посох в размокшую землю, хвататься за вереск и камни. Склон был настолько крут, что тропа петляла причудливым серпантином. Ручьи теперь текли почти прямо вниз, часто пересекая

извилистую тропу. Его промокшие ноги уже больше не ощущали никаких неудобств от сырости, но боль донимала Ривена. Ему казалось, что спицы в ногах у него сдвигаются с места, винты врезаются в мышцы, металл царапает по кости.

Пока Ривен спускался, снег опять перешел в дождь. Студеный, мелкий, нудный дождь, разбрасываемый порывами ветра с моря. Внизу, в заливе, ревели волны и крошились о мыс в белой ярости. Ривен обвел взглядом прибрежную луговину, и ему показалось, что он разглядел темное пятнышко на том конце залива — домик.

Перешагивая один из ручьев, он поскользнулся на влажном камне и упал, и покатился вниз по склону. Цепляясь руками за камни и стебли травы, он смог удержаться только перед черной торфяной топью; еще бы дюйм, и он въехал бы туда лицом. Он полежал там с полминуты, пока вода болота не успокоилась и в ней не возникло его отражение, потом поднялся на четвереньки, при этом руки его по запястья погрузились в тину. Промокший до нитки и весь черный от грязи, Ривен заставил себя встать и, проклиная свое упрямство, продолжить свой путь вниз по склону сквозь дождь и ветер.

— Ты погляди только, какое сегодня море. Синее-синее, — сказал он и остановился на вершине, засунув большие пальцы между лямками рюкзака и плечами.

Она поглядела на него. Ветер немилосердно трепал ее длинные черные волосы.

— Летом оно всегда синее или бирюзовое. И

спокойно-сонное, гладкое, как зеркало. Хорошо, что здесь, наверху, нет мошкеры. — Сняв рюкзак, она бросила его на землю. — Давай пару минут отдохнем.

Он тоже снял свой рюкзак.

Ветер неся по склону неритмичными волнами, пригибая траву, сверкающую на солнце каплями росы. В суровом бледно-голубом небе плыли белые косматые облачка. День выдался ясным и свежим; воздух был прозрачным, точно хрусталь. На самом краю горизонта виднелись каменистые пики Квиллинской гряды.

Они лежали в хрустящем папоротнике. Волосы Дженни разметались как веер. Она откинула их с лица и, повернувшись на бок, привсталала, опершись на локоть. В небе, пронзительно вскрикивая, кружил одинокий кроншнеп. Облака стали темнее и то и дело набегали на солнце. Должно быть, над морем копился дождик, готовясь вылиться на гористую преграду.

Дженни заерзала.

— Знаешь, люди — как времена года, — рассеянно проговорила она. Ривен нахмурился. Она лежала теперь на животе, подперев подбородок руками. Его лицо приняло озадаченное выражение, и в глазах Дженни вспыхнула искорка смеха. — Правда-правда, — сказала она. — Кто-то — зима, кто-то — лето, кто-то — весна или осень.

Он рассмеялся. Она взъерошила ему волосы.

— А я кто, по-твоему? — спросил он.

— А ты балда, — рассмеялась она в ответ.

Он сгреб ее в охапку и держал, не давая вырваться, но она продолжала брыкаться.

— Балда! — победно выкрикнула она и за-
вертелась в его объятиях, но вырваться так и не
сумела. Наконец она успокоилась и затихла.
Ветер, несущийся по холмам и швыряющий чаек
как листья, разметал ее волосы. Они улыбнулись
друг другу. Лишь несколько дюймов разделяло
их лица.

— А ты, — проговорил Ривен, затаив дыха-
ние, — ты весна с порывистым ветром, и цвете-
нием вереска, и грозой... — Он легонько коснулся
губами ее губ. — И осень с богатой жатвой.

И снова губы их встретились. В папоротнике
и вереске шуршал ветер. Облака и тучи громоз-
дились на небе, загораживая солнце.

Было темно. Он брел по колено в грязи,
отмечающей нижний край склона. Заснеженная
изломанная кромка хребта выделялась на фоне
темнеющего неба. Облака поднялись вверх, и
дождь почти прекратился. Скоро взойдет луна.
Ривен продрался через заросли камыша, покрыва-
ющие низину. Боль в ногах превратилась в
ослепительный свет в мозгу.

Самбе трудное позади, дружище. Осталось
только обойти залив.

Дождь, наконец, перестал, но соленый ветер
швырял брызги моря в лицо Ривена, жаля кожу,
привкусом соли ложась на губы. Белая пена и
лунный свет омывали берег, далеко в море уходили
белыми барашками волны.

Ривен уже выбрался из грязи заболоченной

низины на гальку, его ноги съезжали с крупных голышей, посох стал ненадежной опорой. Он задел посохом ракушку странной формы; открылась неожиданная бледность перламутра.

Тяжело дыша, Ривен остановился. Отсюда уже можно было отчетливо разглядеть домик. Темный дом, за ним — нагромождение гор, а справа — бескрайняя ширь моря и неба, сливающихся на горизонте.

Ни света. Ни огонька.

Печаль накатила волной, потом отступила прочь. А он остался таким же холодным, как галька у моря.

Приехали, твою мать.

Он вонзил посох в землю и сделал еще шаг, прикрывая глаза правой рукой от брызг соленой воды. Штормовой ветер рвался с моря в долину. Ривен представлял себе, как ветер бьется о ставни, воеет в трубе. Как хлопает калитка.

Эта калитка. Этот порог.

Он долго возился с ключами, застрявшими в кармане. Ветер безжалостно рвал с него одежду — окоченевшего, ни на что не способного.

Наконец, дверь открылась.

Он стоял, едва держась на ногах, в дверном проеме, за спиной — рев черного с серебром моря. Дверь ударилась о стену, и ветер ворвался в дом, просвистев мимо Ривена, взметнул кучку золы в давно остывшем камине, прошелестел бледными страницами книги, оставшейся недочитанной. Потрепал рукав джемпера, брошенного на стуле. Брошенного ею.

«Он мне не понадобится... сегодня очень жарко,

я в нем задохнусь. Давай, Майкл, пройдемся, пока еще солнышко светит». — И вскрики чаек снаружи.

Он закрыл за собой дверь, захлопнув ее перед носом настывшего ветра; комната вновь стала мертвой, темная комната. Только сквозь оконные стекла лился лунный свет.

Он швырнул на пол рюкзак и посох и сам упал на каменный пол. С одежды стекала вода, влажные волосы липли ко лбу. Из сумрака на каминной полке на Ривена смотрела их фотография, два медных подсвечника холодно блеснули дуэтом. А там, на его рабочем столе, — пишущая машинка и толстая пачка бумаги, придавленная круглым камушком, найденным на берегу. И большая кофейная чашка.

«...— Но я еще не закончил...

— Передохни. Твоей голове очень не помешает сейчас свежий горный воздух».

Вот тут, у двери, высокие сапоги. И еще прогулочные его ботинки и пара ботинок поменьше. Он рассеянно прикоснулся к шнуровке, потом отвернулся и встал на ноги.

Как я устал. Господи, как я устал.

Он прошел через комнату и уставился в черный камин. Здесь когда-то зажигали огонь. Он тащит торф, шурясь от солнца и ветра, бросает его в камин. Тепло первых язычков пламени гладит его по лицу. Внезапно его охватил приступ ярости.

— Мне это не нужно. Боже милостивый, мне это не нужно! — Он ударил кулаком по каминной полке с такой силой, что та задрожала, взгляд его упал на фотографию, и Ривен отшатнулся. Дверь в спальню осталась открытой. Придавленный

обрушившимися воспоминаниями, он заковылял туда.

В спальню. Где разобранная постель и разбросанные подушки. На одной до сих пор еще осталась вмятина от ее головы. И ее ночная рубашка лежит поперек кровати.

Теплый комочек волос и плоти, пахнущий лавандой, свернулся калачиком в его объятиях, чуть-чуть хмурясь во сне. Холодные пальчики ее ног тычутся ему в ноги, чтобы согреться. Нос уткнулся ему в плечо.

Из груди его вырвался странный звук, нечто среднее между рыданием и рычанием. Он уже чувствовал, как знакомые черные крылья безнадежности бьются в опасной близости от его головы, но все равно встал на постель коленями и сжал обеими руками ее рубашку. Ее запах давно уже ушел, но Ривен все равно прижал рубашку к лицу и упал на холодный матрас. Так и не сняв мокрой одежды, он сжался на кровати и спрятал голову под подушку, чтобы не видеть, не слышать канонады морского прибоя, завывания ветра, скрипа петель и стука ставней опустевшего дома.

Кэлам набил трубку прямо пальцем, ставшим за долгие годы такого использования бурым и огнеупорным, и выпустил струйку сизого дыма сквозь сжатые зубы. — Итак, ты, стало быть, намерен жениться на ней, — проговорил он спокойно, не отрывая взгляда серых глаз от морских волн, выгоняемых бризом на берег.

— Да, — подтвердил Ривен.

Кэлам носил старый твидовый пиджак, латаный-перелатанный: шляпа его, как обычно, была надета набекрень. На его худом морщинистом лице выделялись пронизательные глаза, которые спокойно глядели на собеседника, а уголок его рта, почти постоянно занятый трубкой, то и дело весело приподнимался, выдавая смешливый и добрый нрав. Вот и теперь уголок его рта был приподнят, пока Кэлам обдумывал предложение этого ирландского солдата, который, в прямом смысле слова, одним зимним вечером свалился почти им на голову и потом наезжал к ним с завидной регулярностью.

— Ты уволишься из армии? — спросил он.

— Да, и по возможности побыстрее.

— Кое-где бы, наверное, сказали, что в наши дни это уже старомодно: просить у отца руки дочери, — в серых глазах Кэлама вспыхнул огонек.

— Может быть, но вы — вся семья Дженни. И это важно.

Кэлам одобрительно кивнул. Глаза его сузились, следя за полетом кроншнепа над береговой кромкой, длинный изогнутый клюв кроншнепа был отчетливо виден в вечернем свете, — силуэт на фоне темнеющего неба.

— Ее мать была удивительной женщиной, — наконец, сказал он, оторвав взгляд от птицы. — Дженни, она из того же теста. Таких, как она, очень мало.

— Я знаю, — тихо сказал Ривен.

Кэлам выдохнул дым.

— Да, ты знаешь. Я знаю об этом, Майк. — Он улыбнулся. — А как насчет приданого?

— Что?

— Если ты начал в такой старомодной манере, то нужно уж выдержать тон до конца.

— Нет, Кэлам. Вовсе не нужно...

— Вам ведь нравится Кемасанари, тот домик; вам обоим.

— Ну, да.

— Он, правда, порядком обветшал, нужно там кое-что подремонтировать, ну уж от ветра-то и дождя он защитит.

Ривен улыбнулся. В первый раз за все время беседы Кэлам посмотрел ему в глаза, и морщины его расправились.

— Как насчет тяпнуть по маленькой, дабы смочить вечерок?

— Почему нет?

И они вернулись к дому, где через открытую дверь лился вечерний свет и ждал ужин, приготовленный Дженни.

Он проснулся на рассвете, продрогший и с болью во всем теле. Открыл глаза и пошевелился. Боль в ногах отдалась огнем в голове. Он сел и увидел, что стало с постелью: вся сырая, в грязи, простыни смяты.

— О Боже.

Он потер руками лицо и посмотрел пустыми глазами вокруг.

Вот я и здесь.

С трудом он встал. Кружилась голова. Повсюду вокруг, как следы кораблекрушения, бросались в глаза ее и их общие вещи. Они глядели на Ривена с туалетного столика, из гардероба, со стен и

полок. Осиротевший дом совсем выстыл в одиночестве. Из рта у Ривена шел пар.

Он остановился и прикоснулся рукой к фотографии, на которой они были сняты вдвоем, — еще одна царапина на душе, — а потом двинулся в гостиную. Рюкзак его съехал в луже у двери, рядом валялся посох. Ривен поднял ореховую палку и провел ладонью по ее гладкой поверхности. Это его успокоило. Действительно, у него здесь есть что-то, не имеющее никакого касательства к прошлому.

Он огляделся. Когда-то дом этот был для него самым счастливым местом на свете. Родное гнездо. Когда-то, но не теперь. Ривену захотелось поджечь его. Она бы это поняла. Однако пришлось удовольствоваться решением подмести и вычистить камин. Когда взгляд его упал на давно остывшие угли, останки последнего зажженного здесь огня, Ривен понял, что ему вовсе не хочется их выметать. Они стали реликвией. Но хранить такую реликвию больно. Он пересилил себя, преисполнился яростью вызова и выкинул их. От одежды его теперь шел пар, но он даже не замечал этого. Здесь слишком многое живо, слишком много напоминаний. Ривен тряхнул головой, словно отгоняя назойливую муху.

Он вскипятил воду в чайнике и сварил себе кофе, старательно избегая мысли о своей походной фляжке, наполненной виски. На это еще будет время, потом. Утро выдалось пасмурным и унылым. Ветер так и не унялся. Моросил дождик. Солнце только мельком выглядывало из-за быстро несущихся облаков. Шум моря был слышен даже внутри дома.

Все скоропортящиеся продукты давным-давно испортились. Ривен безразлично просмотрел свою писанину: ему попалось несколько страничек с карандашными поправками, замечаниями, и едкими шуточками, нацарапанными на полях рукой Дженни. Она частенько этим занималась — правила потихонечку его рукописи.

Он поспешно отвернулся. Еще так близко. Совсем недавно. Быть может, потом. Но не сейчас. Он выудил свой рюкзак из лужи и развесил вещи сушиться у камина. Как всегда, языки пламени зачаровали его. Чайник громко засвистел. Он налил кружку и глотал обжигающий кофе, собираясь с духом.

Итак, за работу.

Он начал со спальни. Собрал все ее вещи; их вещи. Свалил все в кучу: фотографии, плюшевого мишку, одежду и обувь, гребенку с приставшими к ней черными волосами. Куча росла, Ривен методично опустошал шкафы и буфеты. Даже под кровать заглянул. Потом точно так же прошелся по остальным комнатам. Фотография с каминной полки тоже полетела в кучу, оставив после себя брешь.

Ривен собрал все вещи-напоминания, сложил их в большой гардероб и запер дверцу, с треском провернув ключ. Ключ положил на каминную полку. В камине гудел огонь, сыпля искры на каменный пол. Наконец, он снял сырую одежду и повесил сушиться. Ривен бросил взгляд на свои ноги. Бледные, тонкие, все в шрамах. Не без горечи он вспомнил о своих прежних пробежках и восхождениях в горы, после чего надел сухие

брюки и безучастно зашнуровал свои прогулочные ботинки.

У камина, в сухой одежде, он почувствовал себя гораздо лучше и принялся вынимать из рюкзака продукты. Сахар намок, и Ривен положил его у плиты. Свой ореховый посох он пристроил у камина, подтащил поближе к огню деревянную скамейку с высокой спинкой и сел.

И что теперь?

На глаза опять попалась машинка. Ривен выругался. Эта чертова писанина все еще там. Ладно, он ее сожжет потом. Может быть.

Он окинул взглядом комнату. Теперь ничто не указывало на то, что она вообще была. Жила. Кроме могилы в Портри и, возможно, пятен крови на камнях Сгарр Дига — Алой Горы. Впрочем, дожди и снега давно уже смыли кровь.

И теперь ничего не осталось.

Это несправедливо. Просто несправедливо.

Он взял посох и вышел из дома; там его встретило суровое море и свинцовое небо, и волны с шипеньем набегали на гальку.

Он принялся собирать всякую всячину, выброшенную на берег прибоем, отчасти — в силу привычки, отчасти — затем, чтобы отвлечься от мрачных раздумий. Прошлой ночью был шторм, и добыча выдалась богатой. Неизбежные садки для рыбы, обрывки лески, пластиковая бутылка, несколько обтесанных деревяшек и дохлый тюлень. Серый тюлень; у него было срезано полголовы, так что с одной стороны на Ривена глядел мертвый все еще влажный глаз, — карий, — а с другой щерился оголенный череп. Должно быть, задело

винтом. Он пнул тюленя, туша грузно перевалилась со спины на брюхо.

По привычке Ривен сложил добычу у дома. На северной стороне не было окон. Ветер легонько дернул его за бороду. Ривен машинально поскреб пятерней подбородок.

Он тщательно вычистил домик, подмел и протер влажной тряпкой каменный пол, вынес проветрить постельное белье и подушки. Торфа здесь более чем достаточно, до конца зимы хватит с избытком, — дом пустовал давно. В воде недостатка нет, поблизости протекает ручей, надо только немного подняться вверх по течению, куда не доходит прилив. Единственное, с чем могут возникнуть проблемы, — так это с едой, как всегда было в Кемасанари. Здесь, правда, есть неплохой погреб с большой морозильной камерой, подключенной прямо к генератору, но за долгие месяцы, пока дом простоял заброшенным, агрегат этот пришел в негодность. Ривену пришлось повозиться, перебрать двигатель генератора и привести его в более-менее божеский вид, после чего двигатель весело забубнил.

Всю ночь и на рассвете в долине вопили олени-самцы. Древний, первозданный клич. Глядя в пламя очага, повернувшись спиной ко тьме снаружи, Ривен слушал их вопли, словно какой-то пещерный житель на заре истории, переживающий зиму.

Берег моря в том месте, где стоял домик, был крутым и каменистым; зимой дорога к Лох-Корайску и Гленбриттлу была просто жуткой, особенно у Крутой Пади, которая и в лучшее

время года представляла опасность для путников. Ривен принялся заново знакомиться с этим местом, взбираясь на обломки скал и утесы, что нависали над пенящимся морем — насупленные и суровые, дозорные Квиллин. Большей частью он шел по оленьим тропам, иногда — на четвереньках, карабкаясь по каменным выступам, заросшим вереском. С вершины утеса высоко над головой Ривена взмыл в небо орел; перья на его крыльях растопырены, точно пальцы.

Потом, когда силы его уже были на исходе, Ривен остановился и постоял, привалившись к заросшему мхом валуну, пока огонь в ногах у него не унялся и он не смог идти дальше. Он пытался заставить себя быть сильным и делал это, может быть, излишне жестко, не позволяя себе никакой, даже маленькой, слабости. Он измотал себя до предела, но зато получил вознаграждение — забвение, — как только в тот вечер его голова прикоснулась к подушке. Он твердо решил продолжать в том же духе, не давая себе послабления. С каким-то садистским удовлетворением он специально выбирал самые сложные маршруты вдоль каменистого берега и предгорьям.

На следующий день он пошел к Лох-Корайску и увидел в озере выдру. Ее темная голова то погружалась в воду, то выступала из нее, и сначала он принял ее за тюленя, но потом разглядел в цепких лапках буюк, оставленный рыбаками, и остановился понаблюдать. Зверюшка утягивала буюк под воду, потом разжимала лапки, и он выпрыгивал на поверхность. Выдра забавлялась буйками, снова и снова, в каком-нибудь десятке

ярдов от каменистого берега. Ривен смотрел на эту картину безлюдного горного озера с забавляющей выдрой как зачарованный, и пошел домой, только когда совсем проголодался.

Чтобы как-то поправить плачевную ситуацию с едой, Ривен разыскал в чулане свою винтовку 22 калибра и отправился поохотиться. Побродив по долине с полчаса, он наткнулся на куропаток и подстрелил двух, а затем еще зайца; потом погода испортилась, и Ривену пришлось вернуться. Дома он общипал, освежевал и выпотрошил свою добычу, причем проделал все это едва ли не с удовольствием. Он давно уже не использовал это свое умение — не было случая. Он припомнил промозглые биваки в Дартмуре, как они там пытались зажарить тощего зайца на жалком костре. Навыки выживания, так это называлось. Всем была противна такая игра в выживание, но, как это обычно бывает в армии, потом, за пивком в столовой, об этом было приятно вспомнить.

Он прервал на мгновение свою кровавую работу у раковины, ощутив внезапную боль одиночества. И не только из-за Дженни. Он понял вдруг, что тоскует по своей юности. Юность! Он громко фыркнул. И юность давно ушла, и до пенсии еще далековато, но ощущение старости появилось. Он запихал почти всю добычу в морозильную камеру и принялся колдовать над бульоном из потрохов. Во время работы Ривен тихонько насвистывал, а потом ветер снаружи стих, и он вскинул голову. Ветер больше не громыхал по долине. Снаружи теперь доносились только легкие вздохи моря: его любимая колыбельная. Тихий плеск волн и пых-

тение маленького дизельного генератора. Ривен прислушался к тишине — кто-то невидимый и бесшумный стоял у него за спиной. Он резко обернулся, — руки в крови зайца и куропаток, — но за спиной была только стена с дверью и шипение огня в очаге. Генератор вел свой приглушенный монолог; море тихонько вздыхало.

Но ведь что-то его заставило обернуться.

Он поспешно отошел от раковины и схватил свой ореховый посох, продолжая прислушиваться. Ничего. Только обычные звуки ночи. Где-то вскрикнул кроншнеп, пролетел под окнами и умчался прочь.

А потом генератор умолк.

У Ривена перехватило дыхание, когда свет в кухне стал меркнуть и, наконец, погас совсем. Теперь единственным освещением было шафрановое сияние огня камина. Все затихло, осталось только два звука: плеск волн, набегающих на берег, и потрескивание огня в камине.

Ривен вышел на крыльцо. Ночь была тиха, в чистом небе только что появилась новая луна. Галька хрустнула у него под ногами. На берегу, у самой воды, виднелась черная туша мертвого тюленя. Тишина и покой. Не было даже легонького ветерка.

Звездная, безлюдная ночь. Рука Ривена, сжимающая посох, расслабилась. Чертов генератор. Ривен круто повернулся — ему показалось, что он краем глаза ухватил какое-то движение у ручья, — и на мгновение остановился в нерешительности. Потом смачно выругался. Туманы с гор тебе в бороду, псих.

Ривен запустил генератор по-новой, не обнаружив, впрочем, никаких причин для такого сбоя, и когда вернулся в дом, в кухне уже сиял свет. Ему показалось, что в доме как-то странно пахнет. Он сморщил нос; но его обоняние, похоже, едва уловив этот запах, тут же привыкло к нему, и запах исчез. Muskusный запах животного. Должно быть, убитой им дичи.

Ривен вернулся к своей работе у раковины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Писать — это рисовать на чистой бумаге, выдавливая кровь из собственных пальцев.

Постепенно они вновь выступали из тумана и становились ясны и отчетливы, все его персонажи. Они долго отказывались выходить на бумагу из-под клавиш машинки, не позволяя ему запечатлеть себя на листе, только их тени ложились ему на плечи, когда он сидел за столом и без особой надежды стучал по клавишам.

Он замыслил описать стремительное возвышение и падение властителей, сражения за власть в дикой зеленой стране своих книг, осады и битвы, и трагическую любовь, которую он так пока и не мог в полной мере представить себе.

Нет, бесполезно. Все это уже не воплотить в жизнь.

Мир его книги стал безжизненным и плоским, а герои — марионетками на неумело размалеванной сцене. Картины, которые он создавал, тускнели прямо на глазах, как цветник после заморозка. Воображение его растворилось в ледяной беззвездной мгле. Битвы смелых, сильных и великодушных людей обращались в кровавую бойню: бессмысленные стычки, после которых на снегу оставались горы трупов. Волки терзали тела убитых, копоть пожаров повисла в воздухе. В отчаянии он стучал пальцами по клавишам, но из-под них выходили только мертвые слова. Наконец, ему пришлось остановиться.

Я — время года, подумал он. Я — зима в ожидании весны. И мне еще долго ее ждать

Потянулись угрюмые, мрачные дни. Целыми днями Ривен сидел за столом, глядя в окно на долину и навязчивое нагромождение гор. Он наблюдал, как ссорятся чайки над трупом тюленя, и жалел, что не закопал его. Потом он склонял голову и снова пытался вызвать жизнь из клавиш машинки. Но как этотдохлый тюлень, повествование его источало только трупный запах.

Он вышел на воздух, ища поддержки у морского простора и свежего ветра. Со своим теперь неизменным ореховым посохом он спустился к ручью и, усевшись на валуне у воды, принялся потягивать виски из фляги.

Он рассеянно оглядел скопление камней на той стороне ручья, причудливый узор лишайника, темные влажные пятна мха, понаблюдал за кружением песчинок на перекате. Виски согрело его, обожгло пустой желудок; в голове слегка поплыло. Ривен растер колени. Чайки прекратили свой шумный спор и улетели прочь, образовав в небе над морем восьмерку.

Он снова уставился на валуны. Узор лишайника изменился; он менялся прямо на глазах. Ривен прищурился, угадывая очертания и силуэты. Лошадь, башня, корона, лицо... Худощавое смуглое лицо с резкими чертами, черные бусинки глаз, остренькая борода, и губы в усмешке — как щель.

— Боже правый!

Он вскочил на ноги, пустая фляжка, глухо стукнув, упала на землю. Перед глазами все поплыло, Ривен буквально впился взглядом в валун... но там был только лишайник и пупырчатый гранит. Он зажмурил глаза и зажал их пальцами.

Не стоит пить до обеда.

В тот вечер он сел у камина и тщательно вычистил винтовку. Он провозился с ней дольше, чем обычно. Во-первых, ее давно уже нужно было как следует вычистить, а во-вторых его успокаивало ощущение гладкого деревянного приклада в руках, ему хотелось выбрать воображаемую мишень в сумерках на берегу. Ему всегда нравились ружья. Он любил разбирать их и чистить — кроме тех, конечно, случаев в армии, когда чистка оружия превращалась в нудную работу. Это было священнодействие с реальным результатом. Доставляющее удовольствие.

Он передергивал и очищал затвор, пока окончательно не убедился, что на нем не осталось ни ржавчины, ни сажи. Потом зарядил магазин и дослал патрон в ствол. Он до сих пор еще не был уверен в том, что увиденное им сегодня днем не было просто игрой воображения...

Пришла ночь. Ривен задремал в кресле, убаюканный треском огня и шумом прибора. Винтовка лежала рядом с ним на полу, масло на ней поблескивало в неверном свете пламени. Он не включал электрический свет, в колеблющемся пламени камина огня лицо его — худое, заросшее бородой — обратилось в резкий горельеф, сумрач-

ный свет подчеркнул шрамы на лбу и морщины у глаз и у рта, которые не разгладились даже во сне.

Тепло очага уняло боль в ногах, а мерный плеск волн за окнами умиротворил его; обычное хмурое выражение лица во сне сгладилось. Он дышал глубоко и ровно. Торф в очаге осыпался с шуршанием, выгорая; стропила легонько поскрипывали под ветром.

Раздался какой-то едва различимый звук. Ривен приоткрыл глаза.

У очага кто-то сидел. Молча сидел, глядя в огонь.

У Ривена перехватило дыхание. Кресло под ним скрипнуло. Воздух, не находящий дороги из легких, громовым раскатом отдался у него в висках. Он отважился приоткрыть глаза пошире, заставляя себя дышать ровно и тихо. Сердце его, казалось, вот-вот выскочит из груди — бьется, будто рыба, выброшенная из воды.

Рука потянулась к огню — погреться в тепле, пальцы шевелились от удовольствия. Потом вновь раздался тихий звук, очень похожий на вздох, и тень на камине — сотканная из мрака и отблесков пламени — передвинулась ближе к очагу. Ривен явственно увидел лицо в обрамлении черных волос, брови, сходящиеся на переносице... а затем ему на глаза навернулись слезы и заслонили видение; Ривен решил, что спит и видит сон.

Внезапно лицо повернулось к нему, и Ривен теперь увидел нищенскую его худобу, грязь на щеках, спутанную копну черных волос; он почувствовал слабый мускусный запах плоти, который

пропал, как только Ривен определил его. Но глаза... эти глаза. Они пристально смотрели на него словно бы сквозь черную пропасть потери и кошмарных видений. Они глядели ему прямо в глаза из-под сходящихся на переносице бровей, и Ривен задохнулся, не веря.

Мгновение или, может, столетие они смотрели друг на друга, как когда-то давным-давно. Была у них такая привычка: смотреть друг другу в глаза ясной ночью, когда в камине трепит огонь и ветер с воем носится по долине. Она обычно садилась у самого очага и поднимала к Ривену лицо, и глаза ее смеялись. А потом очаг остыл, и место ее опустело.

Но в этих глазах не было ничего... Почти ничего. Ни намек на узнавание. Словно это была лишь безжизненная оболочка прежней Дженни. Пустая оболочка.

И все же это была она. Здесь, в его сне.

— Дженни... — выдавил он. Она вдруг рванулась, пробежала через комнату, шлепая босыми ногами по полу, лязгнула дверной щеколдой и пропала в ночи.

Он бросился следом за ней, веря и не веря. Ночь встретила его глухой черной стеной и швырнула в него пригоршнями дождя, едва он выскочил за дверь.

— Вернись! Дженни, ради Бога, вернись!

Но берег был пуст, волны набегали на гальку и, шипя, отступали, ветер трепал его волосы.

Вернись...

Там, у самой воды, валялсядохлый тюлень.

Ривену показалось, что что-то плеснуло на мелководье. Ветер был влажен и прохладен, в просвете туч невообразимо огромного небосвода светилась одинокая звезда. Ноги Ривена сделались ватными, по всему телу разлилась слабость. Он привалился к дверному косяку и закрыл глаза.

Звезды вращались над головой, Большая Медведица понемногу уходила к северу; приближалась полночь.

Поставив винтовку поближе к камину, он уселся у догорающего огня. Ему хотелось уехать домой, но теперь у него не было дома. Такого места, которое он мог бы назвать своим домом. Любой дом теперь для него будет чужим.

Но ведь не тронулся же он умом. Он ее видел; он слышал, как стукнула щеколда. И дверь ведь была открыта, когда он бросился следом за ней, а он точно помнит: дверь он закрывал. Она была здесь. Он не спал.

Быть может, цыганка? Бродяжка? Какая-нибудь заблудившаяся девчушка?

Здесь? У моря, в этих горах?

Он попытался вспомнить получше ее лицо. Смутное впечатление смутной худобы. Босые ноги... в такое-то время года! Но эти глаза... Глаза Дженни. Глаза, захватившие его душу.

Просто не может быть.

Вероятно, это кто-то из гостиницы на той стороне долины... скорее всего, заблудилась. Он потряс головой, прогоняя наваждение. Куда, интересно, она побежала глухой, темной ночью? Наконец, он заснул, прямо на стуле, уронив голову на грудь. Одна рука свесилась на пол.

Он проснулся наутро, почти не ощущая затекшее тело. Кряхтя и кривясь, Ривен встал, проклиная холод в доме и пустоту очага. Его уже тошнило от болезненной слабости, от одиночества, но точно так же тошнило и при одной только мысли о людях.

Еще один серый день.

Изморось, как обычно. Небо занавешено свинцовым пологом облаков. Горы, похоже, приготовились снова накинуть вуаль тумана.

От дождя тоже мутит.

А вдруг будет снег. Холодрыга такая — как раз для снега, хотя здесь, у берега моря, снег ложится очень редко. Может быть, горы снова завалит снегом. Может быть, облака разойдутся, и удастся увидеть небо.

Ривен повернулся на стук в окно: на него глядело лицо, заросшее бородой. Глядело и улыбалось. Губы задвигались, но из-за стекла слов не было слышно. Подхватив винтовку, он распахнул дверь.

На лице пришельца — вспышка мгновенного изумления; едва уловимое выражение замешательства промелькнуло и тут же исчезло.

— Прошу прощения. Я вас напугал?

Ривен проследил за взглядом незнакомца и в смущении опустил винтовку. Ему вдруг стало стыдно. Гостеприимство — давний обычай на этом острове.

— Простите, просто вы так неожиданно появились. — Какое-то время они оба молчали, каждый как будто оценивал про себя другого. Эти размышления, казалось, наполнили воздух, а потом громовой раскат вспорол небо и пронесся волной по долине. Ривен вздрогнул.

— Похоже, суровый будет денек. Еще утром было видно, как гроза собирается, — проговорил незнакомец. Голос его звучал тихо и ровно; в нем проскальзывал какой-то неуловимый акцент, хотя Ривен не сомневался: он уже слышал такой акцент раньше. — Могу я зайти на минутку?

Ривен попятился, освобождая проход.

— Да, конечно. — В этот момент на землю упали первые капли дождя.

— Благодарю, — незнакомец вошел и закрыл за собой дверь. Одет он был по-походному, с рюкзаком. — Последнюю пару недель я только и делал, что карабкался по горам. Я здесь уже второй раз. — Рюкзак шлепнулся на пол. — Но в первый раз дом пустовал, и я залег спать в том сарайчике на задах. Я подумал, что это, скорее всего, летний домик. И не ожидал, что здесь кто-то будет. Вы здесь живете?

— Я здесь живу, — эхом отозвался Ривен. — Просто я... уезжал.

— А-а. Понятно. — Теперь уже дождь барабанил повсюду.

— Да. — Он взглянул за окно. — Гроза чуть-чуть за мной не поспела. — Посмотрел на ноги. — Ботинки новые. Стер все ноги. У меня там волдыри, здоровенные, как рыбы пузыри. — Он поднял глаза. — Ой, я извиняюсь... у него была закрыта. — Протянул руку.

— Меня зовут Байклин Варбутт. — Сухое, твердое рукопожатие, слишком крепкое для таких тонких, изящных пальцев.

— Байклин?

Смех звонкий, как колокольчик.

— Именно. Так звали какого-то древнего моего предка, вот меня и называли в честь него. Ответственные родители. Здесь меня зовут просто Байкер.

— А я Ривен, Майкл Ривен.

Он вроде бы где-то слышал уже это имя? Оно показалось Ривену как-то странно знакомым, словно сон, который не можешь припомнить.

— Очень рад познакомиться... и спасибо, что вы впустили меня. Вы не будете против, если я задержусь, пока не закончится дождь? — И снова улыбка.

Держись, Ривен.

— Нет. Нет, конечно. — Он приободрился. Ему давно не приходилось играть роль радужного хозяина. — Если хотите, можете снять ботинки. — Опять громовой раскат, на этот раз ближе, громче. — Я сейчас растоплю камин. — Пока незнакомец, Байкер, возился со своей обувью, Ривен отошел к камину, не забывая при этом украдкой поглядывать на неожиданного гостя.

Была в нем какая-то непреходящая опрятность: как бы неотъемлемая часть всего его облика, а не то чтобы он именно сейчас старался не испачкаться. Быть может, это его аккуратная борода и ясные глаза придают ему франтоватый вид, независимо от аккуратности в одежде. Кисти рук у него правильной формы, стопы — маленькие, фигура — крепкая, ладная, как тело оленя. Одет по сезону, тепло, но, казалось, зима никак на него не влияет. Судя по виду его, он вообще

никогда не страдал от каких-то там волдырей на ногах, или усталости, или чего-то подобного. О таких говорят: он так и пышет здоровьем. И улыбка у него всегда наготове. Ривену он не понравился, просто так, безо всякой разумной причины, и ему, Ривену, стало даже немного стыдно за себя: это похоже на то, как больной человек недолюбливает здорового. Но было и что-то еще — другое, — что его беспокоило. Неуловимое, словно дымок от тлеющего торфа. Если бы только он смог вспомнить!

Огонь заплясал в очаге, согревая Ривена и распространяя мягкие волны тепла по комнате.

Много всего происходит. Слишком много всего. Он не хотел ничьего общества... пока еще не хотел.

— Ну вот, уже лучше, — проговорил Байкер, пошевелив пальцами ног. Снова грянул гром, дождь забарабанил по оконным стеклам. Ривен уставился на горящий торф в очаге, снова уйдя в себя.

— ... должен сказать, что вы очень любезны, пустив к себе незнакомого человека. — Смуглый гость встал и приподнял ботинки свои за шнурки. — Куда мне их поставить?

— У двери будет в самый раз. — Не глядя на гостя, Ривен мешал кочергой угли и наблюдал, как искры улетают в черноту дымохода.

— Ничего, что я спрашиваю, но вы ведь не дешевый, вы из-за моря, да?

Ривен кивнул.

— Да. Северная Ирландия.

— Понимаю. Перебрались сюда, полагаю, чтобы забыть обо всех треволнениях. И никто вас за то не осудит. Место там, что и говорить, трагическое.

Ривен яростно ткнул кочергой в угли.

— Вы, наверное, голодны. Сейчас я чего-нибудь соображу. — Он поднялся, но тут же нахмурился и не сдвинулся с места. Встал к камину спиной и вытянул руки к теплу. Байкер рылся в своем рюкзаке.

— Это не вы вчера проходили по склону, который ведет к ручью?

Байкер поднял глаза.

— Ну да, я там был. Вы меня видели?

— Мне кажется, и вы меня видели. Вы мне еще улыбнулись.

Эта улыбка.

— Я, может быть, и улыбался, дружище, но едва ли кому-то конкретно. Видите ли, я, когда поднимаюсь в горы, обычно смотрю под ноги, а а не по сторонам...

Ривен, заметив, как бегают у Байкера глаза, понял, что тот солгал.

— Неплохое у вас ружьишко, — продолжал Байкер, кивнув на винтовку. — Охотитесь?

Ривен молча кивнул.

— Вы, когда шли сюда, случайно не встретили смуглую девушку?

Байкер, похоже, встревожился, но овладел собой. Казалось, он обдумывает ответ.

— Нет, не встречал. Она что, здесь живет?

— Нет. Я не знаю... где она живет. — Он ощутил какое-то смутное беспокойство. Как будто

привидение прокралось в дом и дышит ему прямо в затылок. Нервным движением Ривен вытер руки о рубашку.

Должно быть, я просто привык быть один.

Он отправился на кухню разогревать вчерашний бульон из местной дичи. Было слышно, как гость ходит по гостиной. Ривен едва поборол желание выглянуть украдкой в приоткрытую дверь.

Вновь прогремел гром, в окне промелькнула вспышка молнии.

— Здесь всегда так зимой?

— Не всегда. Хотя часто штормит.

— Но вы, как я вижу, мужественно встречаете все невзгоды, — отозвался Байкер.

Ривен на мгновение застыл, сморщив лоб, а потом снова принялся мешать бульон.

К вечеру буря совсем рассвирепела. Дождь почти перестал, зато ветер выл и свистел, точно локомотив, проносясь по прибрежным утесам. Ривен нашел себе занятие: уселся за машинку и бездумно стучал по клавишам — всякую ерунду, лишь бы не разговаривать с гостем. Детские стишки, рифмованные обрывки, что угодно. Один стишок так настойчиво привязался к нему, буквально звенел у него в голове, доводя до бешенства, и Ривен никак не мог от него избавиться:

— *Сколько миль до Вавилона?*

— *Два десятка, вероятно.*

— *Я успею до заката?*

— *Ты успеешь и обратно.*

Коль ходок хороший ты,

Будешь здесь до темноты.

— Хороший стишок, мне нравится, — раздался голос из-за спины. — Древний такой стишок, да?

Байкер, или Варбутт, или как он еще себя там называет, заглядывал Ривену через плечо — так всегда делала Дженни — и читал, что тот печатает. Ривен буквально вспыхнул от ярости.

— А вам-то какое дело?

— Прошу прощения. — Байкер отступил с выражением искреннего сожаления. — Я знаю, как это раздражает... я и сам не люблю, когда мне вот так заглядывают из-за плеча.

Ривену очень хотелось треснуть его машинкой по голове, но он лишь выругался себе под нос и, пробормотав, — Ничего, — вернулся к своей «работе». Он так и не понял, сердится он на себя или на Байкера.

Немного выдержки. Я ведь могу быть пожеливее, разве нет? Клавиши машинки запнулись, остановились.

Мать твою.

Он явно был не в настроении. Да что там, он просто вышел из себя. Сие плачевно. Но так уж устроены люди — сами доводят себя до белого каления.

Он поднялся из-за стола. Байкер сосредоточенно читал книгу. Ривен мог бы поклясться, что читает тот вслух: губы его беззвучно складывали слова. Ривен тряхнул головой, а потом пошел на кухню и притащил бутылку эля и два стакана. Один он поставил перед Байкером, а сам уселся со своим стаканом у камина прямо напротив гостя.

Пора уже восстановить доброе имя гостеприимных горцев.

— Вот, — сказал он, наполняя стакан Байкера янтарной жидкостью. Потом налил и себе. — Я, наверное, не слишком хороший хозяин, но зато у меня припасен добрый эль. Хорошо согревает, по крайней мере.

Байкер улыбнулся. Первая искренняя улыбка.

— Благодарю. Кто-нибудь скажет тост?

— Слайнт.

— Что?

— Слайнт. На гэльском: пей до дна! Вот послушайте, «слоунш». Я, вероятно, произношу на ирландский манер. Гэльский шотландцев звучит немного грубее.

Байкер приподнял стакан.

— Ну что ж... значит, слайнт и за вашу удачу.

— Да попадете вы на небеса за час до того, как дьявол прознает о вашей смерти, — сказал Ривен и осушил свой стакан. Потом снова наполнил его, не забыв подлить и Байкеру. — Как-нибудь перебьемся, и эль нам в этом поможет. Как говорится, прогонит волков со двора.

Байкер глянул в окно, потом рассмеялся своим сухим, словно бы нарочитым смехом и отхлебнул глоток.

— И давно вы тут обитаете?

— Прилично, — ответил Ривен, глядя в огонь. — Только я... уезжал.

— Да. Вы говорили.

— Говорил? — Ривен потягивал крепкий напиток. Ему было тепло и спокойно. Все как будто бы встало на свои места. — Я служил в армии. — Он всегда это говорил. Он заметил, что это

позволяет людям отнести его к четко определенному слою общества.

— То есть, вы были офицером?

— Всего лишь четыре года. Потом я уволился и поселился здесь.

Осторожнее, Ривен; этого хватит. Дальше не нужно.

— А что вы печатаете на машинке, не считая детских стишков?

— Да так, одну книгу. А что вы такое читаете?

— Да так, одну книгу. — Байкер, однако, не показал Ривену обложку. — Стало быть, вы — писатель.

— Да. То есть, был. — Вот, черт. Что я несу?

— Что, надоели истории?

Нет. Похоже, что это я им осточертел. Они просто бегут от меня без оглядки, и я не могу их догнать.

— Можно сказать и так. — Он слушал вой ветра, а внутри поднималась волна жгучей жалости к самому себе. Он мрачно глядел в свой стакан и сердито моргал, проклиная себя.

— Здесь, должно быть, одиноко. — Ривен ничего не ответил на это. — Я бы на вашем месте хотя бы собаку завел для компании. — Голос Байкера звучал беззаботно, но Ривен знал, что тот пристально наблюдает за ним. Эль уже улетучился из головы, и Ривен вновь почувствовал себя неуютно. Кто он вообще такой, этот тип?

— А чем вы занимаетесь, Байкер?

Тень удивления пробежала по его лицу.

— Ну, в основном пустяками. Просто брожу себе с места на место.

Ривен не без труда подавил раздражение. — Но вы же кем-то работаете? Что-то делаете? — Но уж точно не кирпичи кладешь.

Байкер пожал плечами.

— Да все делаю, лишь бы платили. — Он поставил стакан и от души потянулся. — Я понимаю, не мне это говорить, но уже поздно, а я хочу завтра выйти пораньше. Если вы не против, то я бы сейчас завалился спать.

Ривен встал, сообразив, что придется оставить гостиную с камином гостю.

— Надеюсь, что пол здесь не слишком жесткий.

— Ну, бывало и хуже. Где только ни приходилось спать. Спокойной вам ночи. И спасибо за выпивку.

Ривен неопределенно махнул рукой и отправился в темную спальню, прихватив с собой бутылку.

— Спокойной ночи. — Он закрыл за собой дверь, отрезая сполохи огня, и сел, зевнув, на кровать. Байкер прав. Уже поздно. Да и выпил он хорошо.

Ривен поставил бутылку на пол у кровати, разделся и лег. Подкатила знакомая боль: здесь без Дженни. Он еще долго слушал рев ветра и грохот волн, а когда, наконец, заснул, спал на этот раз без сновидений.

Пение птиц, солнечный свет, льющийся в комнату через окно. Он улыбнулся, заслушавшись. Пение птиц и плеск моря.

С добрым утром, Ривен. Спасибо, и вам того же. Из кухни доносился запах жарящегося бекона. Ривен с удовольствием потянулся. Она...

Мертва, Ривен. Мертва. Это вчерашний твой гость. Чувствует себя как дома. Он лежал, слушая крики чаек и наслаждаясь потоками животворного света, что струились сквозь оконное стекло. Он подумал о том, что хорошо бы остаться в постели, пока Байкер не уйдет восвояси, но это не очень удобно. К тому же, запах бекона звал и манил.

Ривен встал и прошаркал на кухню, зевая и почесывая затылок.

— Ты как любишь яйца? — спросил его Байкер.

— Что? А, ну да, в виде яичницы. — Он запнулся. — Но у меня нет яиц. И бекона тоже, раз уж на то пошло.

— У меня с собой были кое-какие запасы. Так что я тоже на что-то сгодился. В знак благодарности за ночлег. Ничего?

Ривен наполнил чайник.

— Да нет... очень даже замечательно. Правда. Продолжайте. Мне, пожалуйста, пару яиц. Спасибо. — Просыпайся, лентяй.

Он еще раз потянулся и вышел на улицу. К соленому свежему ветру и отблескам солнца, разлитым на поверхности моря.

Вот теперь это похоже на весну. Дженнино время года.

— Кушать подано, — позвал Байкер.

Ривен еще мгновение постоял, глядя на море. Знакомые слова как будто ужалили его. С добрым

утром, моя девчонка. Надеюсь, ты чувствуешь солнце. Где бы ты ни была.

— Остынет.

Он поспешно вернулся в дом, где на столе уже ждал горячий завтрак.

— Хороший денек, а? — Байкер, сиял, как медный таз. Похоже, энтузиазм его был заразителен. И солнце заливало всю комнату. Ривен сдержанно улыбнулся, ощутив укол прежнего беспокойства.

— Прелестный. — Ривен уже начал думать, что Байкер, может быть, не такой уж и мерзкий тип. Особенно после того, как приготовил завтрак.

— Я собираюсь сегодня дойти до Гленбриттла, — сказал Байкер. — Отсюда вдоль берега миль, наверное, четырнадцать будет. По хорошей погоде это не очень много. Я уже тут ходил, так что дорогу немножко знаю. Вот только меня несколько беспокоит Крутая Падь.

Ривен пил чай. Дружелюбие буквально переполняло его.

— В такую погоду ее пройти нетрудно. Нужно только быть поосторожнее, вот и все. Я как-то даже прошел там осенью под дождем, когда камень был мокрым и скользким, и пер на себе рюкзачок фунтов на шестьдесят.

— Правда?

Ривен прикусил язык. Пари держу, этот мужик забирался на Эйгер и теперь тихо ржет надо мной про себя.

— Я думаю там пока остановиться, в Гленбриттле, в какой-нибудь гостинице. А потом соби-

раюсь попробовать свои силы на Алой горе... Сгарр Диг, так она называется.

Ривен отставил свою чашку.

— Только вы поосторожнее с этой горой. Знаете, как еще ее называют?

Байкер покачал головой.

— Непрístupный пик.

— Я понимаю... да, — задумчиво проговорил Байкер. — Я слышал, там кто-то в прошлом году убили.

Ривен молча намазывал маслом хлеб.

— А почему бы тебе не пойти со мной?

Ривен вздрогнул и поднял глаза.

— Что?

— Пройтись со мной вдоль берега. Ты можешь быть моим проводником. Денек выдался замечательный, и ты вроде сейчас ничем таким срочным не занят, если мое замечание тебя не обидит. Я собираюсь остановиться в Слайгахане. Пробуду там пару дней. И приглашаю тебя со мной. В конце концов, должен же я отплатить тебе за гостеприимство.

— Зимой Гленбриттлский отель закрыт, — сказал Ривен и понял, что отчаянно ищет пути к отступлению.

— Ну и ладно, у меня есть... палатка. — Складывалось впечатление, что Байкер, прежде чем произнести, очень тщательно подбирал слово. Ривен молчал. Снаружи громко кричали чайки. Вероятно, опять ссорятся из-за тюленя.

— А почему бы и нет? — наконец, сказал он. — Мне это только на пользу пойдет. Но

на Сгарр Диг я не полезу. — Байкер как-то странно взглянул на него, но и рта еще не успел раскрыть, как Ривен поднялся из-за стола. — Ты давай, мой посуду, а я пойду соберу рюкзак. Я быстренько.

И он скрылся в спальне, не дожидаясь ответа Байкера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дженни назвала бы этот день чудесным. Воздух был так прозрачен, что со склона мыса виднелся Скай в сиянии залитого солнечным светом моря, а чуть дальше за ним — темные утесы Рама. Ривен сел и, улыбаясь, всей грудью вдохнул чистый, прохладный воздух. Байкер прав: это именно то, что ему сейчас нужно. Снять паутину. Открыть окна настежь.

Мне так нравится это место.

Байкер внимательно изучал карту.

— Это вот мыс Альфат, — сказал он. — Мыс Волчьего Сердца. То есть, самую трудную часть мы прошли. Хотя засветло до Гленбриттла нам уже не добраться.

Ривен не слушал его. Сейчас ему больше всего хотелось впитать в себя этот вид, сохранить у себя в памяти, как сверкающий драгоценный камень.

Это стоит того, чтобы жить, Дженни. Пока способен еще помнить такое, все это стоит того, чтобы жить. Наконец, он повернулся к своему спутнику.

— Если мы пройдем по этой тропе чуть дальше, то выйдем к дубовой рощице на склоне. Оттуда можно будет подняться на плато. За рощей тропа не такая крутая. Дальше будет водопад. Как только мы до него доберемся, сразу начнем подъем. Плато ровное почти всю дорогу до Лох-Бриттла, разве что заболоченное местами. Идти там легко даже когда темно.

Байкер сложил карту.

— Тебе она не нужна, как я вижу, — проговорил он со своей неизменной усмешкой.

Ривен с трудом оторвался от великолепного пейзажа и машинальным движением растер ноги. Они затекли и немного побаливали, но похоже, что до Гленбриттла дотянут. Настоящее испытание еще впереди: подъем на плато. Он поднялся, по опыту зная, что истинное удовольствие никогда не следует затягивать надолго, и, больше ни разу не взглянув на море, сосредоточился на тропе впереди. День уже угасал. Они слишком много времени потратили на переход вдоль берега. В основном из-за слабости Ривена. А вот выносливость Байкера вызвала у Ривена невольное восхищение с завистью пополам; этот смуглый парень уже сейчас был бы, наверное, в Гленбриттле, если бы шел один. Правда, была у него одна странность. Ривен давно уже заметил, что его спутник часто достает свою карту и пялится на нее совершенно невидящим, рассеянным взором. Непонятно, зачем она ему нужна.

Они миновали группу прибрежных скал, потом пробрались сквозь рощицу чахлах дубов. Им было жарко и неудобно, тем более, что каждый пер на себе тяжелый рюкзак. Ривен был из тех путешественников, которые, прежде чем выйти из дома, набивают рюкзак по завязку — мало ли что может понадобиться в дороге. Он захватил с собой даже яркий нейлоновый трос, хотя твердо знал: больше никогда в жизни не даст втянуть себя в ситуацию, когда понадобится эта штука. Но привычка — вещь странная.

— А вот и водопад, — сказал Байкер, когда они выбрались, наконец, из зарослей. Вышли они почти к тому месту, где Ривен видел выдру. Он

обвел взглядом озеро, но сегодня в волнах его не было ничего, даже буйка.

Они на мгновение остановились, и Ривен сумел, наконец, перевести дух.

— Местность за Гленбриттлом называют Мингниш, — проговорил Байкер, — а сам Скай называют еще Эйлеаном, что значит Остров Туманов.

— Больше похоже на остров измороси, — раздраженно пробурчал Ривен. Собственная физическая слабость бесила его.

— Странные такие названия. Они вроде не все из гэльского.

— Да, не все. Здесь, на этих островах, были когда-то поселения викингов. Так что много названий осталось от них.

— Викинги, надо же! — Байкер, похоже, искренне изумился. — Ты имеешь в виду этих рослых блондинов с дальнего севера, в шлемах с рогами и с такими здоровенными топорами?

— Они были совсем не такими, — раздраженно отозвался Ривен.

— Я думал, они пришли из-за моря. Ну уж никак ведь не из Шотландии?

— Норвежцы постоянно совершали набеги на этот берег. Им принадлежали Оркнейские и Шетландские острова и весь край за Пентленд-Фертом.

Байкер присвистнул.

— Ничего себе бродяги.

— Они открыли Ньюфаундленд.

— А я всегда думал, что его открыл... этот испанец.

— Колумб приплыл в Карибское море спустя целых четыре века.

— И откуда ты все это знаешь?

Ривен пожал плечами.

— Из программы колледжа. Но мне казалось, что это все знают, насчет Колумба. Как он искал заднюю дверь в Индию.

Теперь уже Байкер пожал плечами.

— Так мы поднимаемся или нет? — спросил он, вдруг потеряв интерес к разговору. Ривен кивнул. Для такого самоуверенного и явно неглупого человека, каким он казался, Байкер выказывал более чем странные представления об истории и географии. Или, может быть, просто это его не интересовало.

Склон горы был так крут, что временами им приходилось взбираться на четвереньках. Этот подъем стоил Ривену немалых трудов и невыносимой боли. Закусив губу, он карабкался и совсем ничего не видел, только камни и море внизу, да желтую траву под носом.

— Да, нелегко, — резюмировал Байкер. — Но это последний бросок, дальше уже будет легче.

Ривен хмыкнул, выражая согласие, при этом ему хотелось лишь одного: передышки. Он запыхался, пот заливал ему глаза.

Наконец, они добрались до вершины. Там неожиданно стало теплее. Ривен сбросил рюкзак и навзничь упал на траву. Небо очистилось, облака остались только на горизонте. Почти как летом. Байкер внимательно изучал тропу. Потом наклонился и принялся рыться в своем рюкзаке.

Ривен сел, огляделся и смачно выругался.

Никакого Лох-Бриттла не было и в помине, как, впрочем, и Квиллинской гряды. Скай просто пропал. Его не стало. Перед Ривеном, насколько хватало глаз, простирались невысокие холмы, — буйная зелень свежего папоротника и золотистая россыпь лютиков, — словно залитое солнцем безбрежное желто-зеленое море света и тени, что разлилось до горизонта, где возвышались малиновые вершины: где — голый камень, где — сверкающая струйка водопада, где — темные пятна деревьев. Привольный край под высоким небом. Неподвижный, тихий. Только ветер слегка шевелил траву. Далеко-далеко на западе, — или там, где еще только что был запад, — виднелся синий силуэт исполинского горного кряжа. Очень далеко. Но Ривен все равно инстинктивно определил: они, эти горы, были намного выше самой высокой вершины в Шотландии. Снег на их склонах переливался на солнце.

Пьянящий весенний ветерок ласково шевелил его волосы. И еще запах... Похоже, в этом краю неизвестно, что такое завод или бензиновый мотор. Запах травы, цветов, свежего папоротника, тонкий аромат смолы, принесенной из хвойных лесов на склонах гор, — запах весенней цветущей земли. Запах ворвался, как глоток целебной родниковой воды. На мгновение глаза защемило от слез. А потом, словно темная туча, поднялась волна смятения, подкатив к горлу комком.

— Боже мой!

Он повернулся к Байкеру — посмотреть: может быть, у того тоже глюки. Его спутник наблюдал эту волшебную картину, развернувшуюся перед

ним, с выражением, больше всего похожим на восторг.

— Байкер, что это такое? Ради Бога, где мы? Тот рассмеялся.

— Успокойся, Майкл Ривен. Незачем так волноваться.

По спине Ривена пробежала дрожь. Ему стало страшно.

— Кто ты такой? — Голос его тоже дрожал. — Что это? Что ты наделал? — Он внимательно рассмотрел зеленые холмы впереди, потом оглянулся и увидел знакомый каменистый холм, откуда он наблюдал за выдрой, водопад, низвергающийся прямо в море.

— Ничего я не делал, — ответил Байкер.

— Кто ты? — заорал Ривен и внезапно все понял. Едва только Байкер ему улыбнулся, он узнал его. И узнал этот край.

«...зеленый и радостный мир, покрытый морщинками долин, быстрых, прозрачных рек и лесами — дремучими, непроходимыми, нетронутыми человеком...»

Нет. Должно быть, я просто умом тронулся.

— Я Байклин Варбутт, наследник владений Рорима Раларта, твердыни людей из Долов.

«Тот край был суров, но плодороден и даже обилен. В Долах, в уголках, укрытых от северных ветров, вызревал добрый ячмень...»

Нет. Быть такого не может.

— Это просто невозможно, — прошептал Ривен.

— Это твоя страна, — мягко проговорил Байкер. — Вот она, здесь. Наяву. Перед нами. — Он

широко раскинул руки. — Порождение твоей фантазии. Наяву.

Голова Ривена закружилась. Его мозг, казалось, раздваивался, и два параллельных потока мыслей нейтрализовали друг друга: одна часть мозга усваивала сказанное Байкером, пытаясь понять, какой в нем таится смысл, а другая — беззвучно вопила, целиком отвергая услышанное и увиденное. Ривен встретился взглядом с человеком, с которым они уже были вместе, когда на них напали Снежные Исполины. С человеком, который в книгах его был принцем... Вот он стоит в походных ботинках и красной куртке с капюшоном. Байклин Варбутт, наследник Рорима Раларта.

Которого он выдумал. Которого нет и никогда не было.

Он зажмурил глаза, не желая об этом думать. Но мысли его уже понеслись бешеной гонкой в голове, пытаясь найти во всем этом какой-то смысл. А та часть существа Ривена, которую обычно определяют как здравый смысл, продолжала тихонько скулить в растерянности.

— Этого просто не может быть, — промолвил он тихим, но твердым голосом. А потом осторожно поднялся — ноги были какие-то ватные — и с опаской взглянул на Байкера.

— Как такое могло случиться? Как я здесь оказался? Куда делся реальный мир? Что происходит?

— Слишком много вопросов. Боюсь, я не сумею ответить на все. Я постараюсь, конечно, тебе объяснить, что смогу, а остальные ответы получишь потом. Потерпи.

— Отвечай! — закричал Ривен, в его голосе уже слышались нотки истерии. Ноги его подкоились, и он упал на траву.

Чушь какая-то. Просто вздор. Я, наверное, тронулся. Или слишком увлекся. Или где-то я круто ошибся.

— Ты не сошел с ума, — сказал ему Байкер. — Попробайся принять все, что ты видишь здесь... просто прими это. Ты уже здесь. Я хорошо себе представляю, что ты сейчас должен чувствовать. Мы все это знаем, все, кто прошел сквозь одну из Дверей.

— Что за двери еще? — простонал Ривен.

— Мы с тобой прошли сквозь Дверь из твоего мира в мой... с Острова Туманов, который вы называете Скаем, сюда. В Мингниш.

— Мингниш, — повторил Ривен. — Но ведь это на Скае.

— Край по ту сторону гор Квиллина. Я знаю. Но это наше название нашей земли.

— «Нашей»? — переспросил Ривен, выдохнув весь воздух из легких. — В моих книгах нет никакого Мингниша. Я ничего так не называл.

— Не все подчиняется твоему воображению, — отозвался Байкер. — Я прочел твои книги, Майкл Ривен. Здесь, в этом мире, есть много того, о чем ты даже не упомянул. — Лицо его вдруг помрачнело. — И каждый день появляется что-то еще.

О Боже.

Ривен указал рукой в том направлении, откуда они пришли: вниз, на знакомый мыс и на водопад.

— Но вот же он, Скай. Море, берег. Все это есть в моем мире. Оно существует.

— Да, существует. Но ты не сможешь вернуться обратно по этой дороге. А если попробуешь, то очутишься на берегу южного океана... нашего океана, не вашего. Двери открыты только в одну сторону.

Ривен сидел, обхватив голову руками.

— Но должно же быть какое-то всему этому объяснение. Квантовая физика, теория относительности или что-нибудь в этом роде. — Он поднял глаза. — Так ты говоришь — этот мир соответствует описаниям его в моих книгах?

Байкер кивнул.

— В основном.

— И у вас тут есть огромные волки, и Снежные Исполины, и все остальное?

— Да. Более чем достаточно.

— И... все герои моих книг, — голос Ривена дрогнул.

— Ратаган, Мертах, Гвион... и ваш покорный слуга. Все здесь, — мягко проговорил Байкер. Ривен буквально почувствовал, как волосы у него поднялись дыбом.

Дженни.

— А смутлая женщина... или девушка? Черт. — Теперь он вспомнил. Та девушка в пустом прибрежном доме, которая не была сном.

— Нет, — поспешно ответил Байкер. Слишком поспешно.

— Должна быть, — упорствовал Ривен. Матерь Божья, ну что я такого сделал? — Нет, — решительно сказал он. — Я не согласен. Это вообще

возмутительно. Я не знаю, чего тебе от меня надо, но ты ничего не получишь, так вот и знай. Все: я ухожу домой, и ты меня не остановишь.

— Ты не сможешь вернуться по этой дороге, — сурово отрезал Байкер.

— Если тебе это так нравится, то ищи приключений на свою голову, а меня, пожалуйста, оставь в покое. — Ривен подхватил свой рюкзак и решительным шагом направился вниз по склону горы.

— Все равно ты не сможешь вернуться! — крикнул Байкер ему вдогонку.

А вот поглядим, огрызнулся про себя Ривен.

Смуглый вздохнул и принялся распаковывать свой рюкзак.

Пока Ривен спускался к мысу и восвояси поднимался обратно, уже успело стемнеть. Ноги разболелись ужасно. Его охватила дрожь — после захода солнца заметно похолодало. В небе сияли далекие — но странные — звезды. Байкер, закутанный в теплый плащ, ждал Ривена наверху у весело пылающего костра. Ривен сбросил рюкзак на землю и прорычал:

— Сукин сын, — а потом повалился без сил у россыпи золотых углей. Ему было уже наплевать, Скай это, Англия или волшебная страна Оз. Он вымотался совершенно и, кажется, растянул себе ногу во время подъема. Так что когда Байкер, одетый теперь в черную кожу и препоясанный перевязью с мечом, укрыл его плащом, Ривен не стал протестовать.

Костер тихонько потрескивал, ветерок, дующий с моря, пригибал пламя к земле. Его отблески

отражались в глазах Байкера, пристально наблюдающих за Ривеном.

— Проголодался, наверное?

Ривен молча кивнул. Обернув руку полый плаща, Байкер снял с огня небольшой, давно почерневший котелок и поставил перед Ривеном. Бульон. Тот склонился над котелком, вдыхая аппетитный запах. Потом заморгал, глаза наполнились слезами, откуда-то из глубин его существа поднялось глухое рыдание. Он пытался перебороть себя, но казалось, что оно разорвет ему грудь, и всхлип все же вырвался наружу. За первым последовал и второй; Ривен в отчаянии вцепился в котелок, не ощущая ожога от горячего металла.

— Господи Боже, — язык Ривена разбух во рту. Прекрати. Прекрати пускать слюни, парень. Но золотистые в отблесках пламени слезы уж потекли по его щекам. На окруженном стеной ночного мрака пятачке у костра теснились и подступали к нему незримые причудливые фигуры. Ривен еще раз всхлипнул, заскрежетав зубами. Что-то болезненное шевельнулось внутри, что-то надломленное давно, и Ривен испугался, что боль эта убьет его.

Наконец, он взял себя в руки, налил бульон в кружку и выпил ароматную, горячую жидкость. Потом растянулся на траве, пристроив рюкзак под голову, и уставился в ночное небо.

— Байкер, — прошептал он. — Что со мной творится?

На лице смуглого человека читалась жалость, которая в любой другой ситуации взбесила бы Ривена.

— Если бы я это знал, я нашел бы ответы и

на многие свои вопросы. Вопросы жизненно важные. Давай пока что не будем об этом. Тебе нужен хороший отдых, да и ответы на все вопросы лучше приходят при свете дня.

Неужели? — спросил себя Ривен и вперил взгляд в синюю тьму за пределами круга света. Он вдруг испугался того, что принесет ему утро.

— А как ты попал на Скай? — спросил он Байкера.

— Через другую Дверь. Что в северных горах...

— Байкер умолк в нерешительности.

— Гресхорн.

— Да. Он самый. Там есть гора, называется Стэйр. У самой вершины ее — каменистый провал, через него можно пройти из Мингниша в ваш мир... на Остров Туманов.

— А как все это началось? Почему? Как вы нашли эти двери? И что вам понадобилось от меня?

Байкер лишь покачал головой и подбросил в огонь сухой вереск. Ярko вспыхнуло пламя, Ривен почувствовал тонкий запах горящего вереска.

— Это долгая история. Я расскажу тебе, но не сегодня... — при этом он бросил на Ривена такой взгляд, что тот сразу понял: спорить бесполезно. — Завтра я попытаюсь тебе объяснить... кое-что...

— Он вздохнул, и печать усталости легла на его лицо. — Это не так-то легко объяснить. Но у тебя есть право знать. Да что там: ты должен знать. А сейчас тебе надо поспать. Я немного еще посижу, покараулю, хотя звери вряд ли полезут к костру.

— Звери? — переспросил Ривен.

— Давай спать, — отозвался Смутлый.

Рассвет был ярок и холоден, солнечный свет

серебрил влажные камни и росу на траве, отражался от завесы пурпурных облаков на западном горизонте. Холмы звенели пением птиц, но никаких других звуков не было.

Проснувшись, Ривен лежал еще пару минут, глядя в небо. Байкер был уже на ногах и возился теперь у догоревшего костра. Даже сквозь спальный мешок Ривен ощущал сырость раннего утра. Больные ноги ломило. А ведь еще предстоит идти. Да уж, сегодня прогулочка будет адом.

Нет, то была не зима. То вообще было совсем не то место, откуда Ривен вчера начал свой путь. Все это действительно с ним происходит. На самом деле. Реальное, как капли росы на траве или поднявшийся ветер, который разогнал облака, открыв синее-синее небо... ни разу в жизни не видел Ривен такой синевы. Ничего, что напоминало бы о шумной и чадной цивилизации. Никаких автомобилей. Никакого индустриального шума и дыма. Воздух был прозрачен, как сверкающий в солнечном свете алмаз.

Это не Скай. Это вообще не Земля.

Ривен на мгновение прикрыл глаза, решив, что это сон. Байкер обещал объяснить ему всё сегодня. Побойстрей бы уж.

Морщась, он сел. Смуглый спутник его уже разжег костер, в котелке закипало какое-то варево.

— С добрым утром, — сказал ему Смуглый. — Надеюсь, спалось тебе хорошо.

Ривен кивнул и выполз из спальника.

— А разве тебе не положено жарить кролика на вертеле и все такое?

Байкер попробовал свою стряпню и, похоже, остался доволен.

— В данный момент эта штука гораздо удобнее, потому что не требует особых хлопот. Нам сегодня с тобой предстоит пройти не одну милю.

Ривен не сдержал слабый стон. Только этого мне не хватало. Тут он заметил, что рюкзак Смуглого куда-то делся, а вместо него появились кожаный вещевой мешок и короткий меч в ножнах. Ривен потряс головой, отгоняя наваждение.

Я не верю. Мечи и всякое колдовство.

— Может быть, я должен к тебе обращаться «принц Байкер»? — спросил он, воюя со шнурками ботинок.

Смуглый улыбнулся в ответ.

— Мы здесь, в Мингнише, не церемонимся. Байклин вполне сойдет. Слово «принц» встречается лишь в твоих книгах. Оно не совсем соответствует моему титулу в этой стране.

— Прошу прощения, — буркнул Ривен. — В следующий раз я постараюсь все сделать правильно. — Он полез в свой рюкзак. Прежде всего нужно выпить кофейку. Без кофе он не жилец. Байклин наблюдал за ним с искренним интересом, ложку за ложкой отправляя в рот свой жуткий завтрак.

— Что это за дрянь у тебя? — спросил Ривен, когда кофе сварился.

— Бобы с ветчиной по-охотничьи, — невозмутимо ответил Байклин. — Подходящая штука из вашего мира, которую я просто не мог упустить.

Ривен отхлебнул свой кофе.

— А ты хорошо знаешь мой мир?

— Я провел там немало времени. Поначалу

мне было очень неудобно и жутко, я все боялся, что не сумею отсюда выбраться и никогда уже не вернусь домой. Это я нашел первую Дверь. Совершенно случайно. А вот ту Дверь, через которую можно вернуться, мне пришлось искать очень долго... ту самую Дверь, через которую мы с тобой прошли.

Ривен нахмурился.

— Что за чушь! Какой в этом смысл? Как такое могло случиться? — В голове его это не вмещалось, а в голосе слышны были нотки истерии, но ему было уже все равно. Он был совершенно сбит с толку. В реальной жизни такого просто не может быть. В другом мире. Его мире, черт побери.

Байклин покончил с завтраком и встал.

— Нам пора уже выходить. Поговорить можно и по дороге.

Они быстро собрались. Байклин завязал вещевой мешок и закрепил на перевязи меч. Ривен уставился на него во все глаза. Он бы, наверное, рассмеялся, если бы не побоялся задеть Байклина. А еще через пару минут только черный кружок от костра говорил о том, что кто-то здесь останавливался на ночлег, да и его Байклин прикрыл травой и забросал камнями. Они зашагали на север.

Ривена восхищала дикая красота этого края. Ближе к полудню воздух прогрелся; он уже обливался потом, вещевой мешок тянул плечи, ноги ныли, не переставая, — но несмотря на все это, на душе у Ривена было спокойно и даже приятно. Ему нравился этот простой пустынный

пейзаж, не тронутый, не обезображенный человеком. Не было здесь ни дорог, ни телеграфных проводов или следов самолетов в небе. Никаких свалок мусора. И почти никаких звуков. Если бы не шелест ветра и пение птиц, этот край можно было бы назвать безмолвным. Здесь даже тише, чем там, в уединенном доме у моря, где непрерывно шумели ветер и волны. Все было бы прекрасно, если бы не одно обстоятельство — видеть все это, не говоря уж о том, чтобы шагать в этом пейзаже, — само по себе уже бред, сумасшествие. Ривен решительно взялся за Байклина.

— Ты обещал рассказать мне, как это все завертелось... почему ты пришел на Скай. И зачем меня притащил сюда.

Смутный вздохнул.

— Да, обещал. — Он умолк на мгновение. Лицо его стало непроницаемым. — История долгая и запутанная, так что придется тебе запастись терпением. Я не слишком хороший рассказчик. Вот Ратаган, тот другое дело. — Он быстро взглянул на Ривена. — Но ты и так уже знаешь об этом.

Ратаган, здоровенный рыжебородый детина. Пьяница... балагур. Ривен знает его. Да, конечно.

— Ну что ж, начну, как говорится, с начала.

А началось это в прошлом году, в самый разгар лета. Я бродил по северным холмам, что по ту сторону Талскера... — Ривен хотел было что-то сказать, но Байклин жестом остановил его. — Замечательный был денек: лютики, легкая дымка, спеющий ячмень. И мне вдруг взбрело в голову

подняться на Алую гору и поглядеть на все это сверху, я ведь не просто так там ходил. В то время я подрядился на службу к барону Квириниусу, вроде как бы проводником и разведчиком, хотя почти ничего и не делал. Та весна была мирной, лето — изобильным. Погода держалась прекрасная, так что прогулки в горах не доставляли совсем никаких хлопот. Зимой, понятно, другое дело. Так вот, я поднимался по западному склону. Солнышко припекало. Я нашел один уступ в скале, укрытый от ветра и не очень доступный. Там-то я и уселся. А потом, не прошло и четверти часа, меня сморил сон. — Байклин надолго замолчал. Лицо его оставалось таким же непроницаемым.

— Разбудил меня крик; кто-то падал. Потом я услышал еще один крик. Кто-то кричал от боли. Но я никого не видел, хотя кричали, похоже, совсем-совсем близко. Я огляделся и что, ты думаешь, я увидел? Крошечную долину внизу, — такой вообще нет в Мингнише, — а в долине несколько домов. Я таких в жизни не видел. А передо мной висела такая яркая цветная веревка, обернутая вокруг валуна. Я потянул и без труда вытащил ее. Конец оказался оборванным.

— «Майкл!» — вот что выкрикнул женский голос. Голос той, которая падала. Но это я уже вспомнил потом. А тогда я подумал, что мне просто напекло голову. Но я все равно не забыл.

Я зажмурил глаза, а когда снова открыл их, то опять оказался на Алой горе, где все мне было знакомо. Вот только все словно бы замерло. Ветер стих, земля как будто приумолкла. Ни птичьего крика, ни жужжания пчелы. А люди в долине

побросали работу свою на полях и все, как один, воззрились в небо, потому что по небу разлилось сияние, похожее на кровоподтеки. И даже солнце поблекло в сравнении с этим сиянием. Тишина буквально оглушила меня. Я выбрался из-под карниза скалы и понесся вниз со всех ног, насколько вообще можно нестись по крутому склону... Но еще до того, как настала ночь, туча, черная, как смола, затянула собой все небо. Ветер поднялся снова, он нарастал и нарастал, — бури такой никогда еще не было прежде. Кое-кто утверждал, что настал конец света. Ячмень ветром прибило к земле. Молнии так и разили людей и скотину. А потом хлынул дождь, точно на землю обрушился потоп. Реки вышли из берегов, затопили поля. — Байклин прищурил глаза, взгляды его где-то блуждал, далеко-далеко, в воспоминаниях. Рука сомкнулась на рукояти меча.

— Вот так она и началась, Большая Зима. Лето умерло, снег покрыл землю еще до осени; дикие звери повывлезли из своих горных берлог и принялись рыскать в поисках добычи. И Исполнины — никто уже даже не помнил, когда они появлялись в Долах в последний раз — вышли из снежных своих убежищ, наводя ужас на Роримы. Волки были у самых ворот Талскера. Мингниш умирал.

Я вернулся на юг, домой... в Рорим Раларта. Там все было засыпано снегом. Лютая зима заморозила землю, и никто не мог этого объяснить. — Он опять на мгновение умолк. — Никто, кроме меня. Я, кажется, понял, в чем дело. Я рассказал о догадках своих Варбутту — моему

отцу, — а потом снова ушел на север. В этот раз Мертах пошел со мной. Мы направились вдоль Великой Реки, а затем пошли по ущелью к перевалу. Мы скользили по камням и тонули в снегу. Наконец, у перевала мы прошли через Дверь. И оказались на вершине горы под названием Старр Диг, на Острове Туманов. Так мы впервые вдохнули испорченный воздух вашего мира...

Он замолчал и понурился.

— Что и говорить, переживание не из приятных. Странно, но оказалось, что мы говорим на том же языке, на каком говорили и люди на Острове... на каком ты писал свои книги. Только звуки у нас были немного другие, но нас все равно понимали. У Мертаха получалось лучше, он почти в точности скопировал их акцент, людей с острова.

Мы жили как нищие или воры. Чтобы жить, приходилось красть. Нам, впрочем, хватало. Мы даже одежду сумели добыть подходящую. Но настоящей проблемой были зверюшки Мертаха. Надо же было их где-то прятать.

— Зверюшки? — переспросил Ривен.

— Волки, Майкл Ривен. Мертах повсюду таскает с собой двух волков: Флейта и Барабан, его любимцы.

— Погоди-ка...

Но Байклин покачал головой.

— Дай мне закончить, иначе я вообще ничего не сумею тебе рассказать.

Во всяком случае, мы частенько наведывались во всякие питейные заведения на Острове, и в конце концов нам удалось разузнать, что случилось в тот летний день на склоне Алой горы. Женщина

разбилась насмерть, мужчина сильно покалечился. Мы узнали, как звать мужчину. Ну а дальше уже было проще простого взять след. За тобой пошел Мертах; золото Мингниша облегчило ему путь на юг. А я остался на севере и начал искать еще одну Дверь, которая привела бы нас обратно домой. А он в это время искал тебя.

— И нашел. — То ночное видение: волки под сенью ив. Значит, ему не почудилось. Он действительно видел их.

— Да. Когда он уверился окончательно, что ты вернешься на Остров, он и сам поспешил обратно. Как он добирался, рассказывать долго: то пешком, на своих двоих, то на этих машинах, внутри которых передвигаются ваши люди. А Флейта с Барабаном создавали ему всю дорогу сложности. — Байклин хохотнул. — Скажу тебе, бывали они в переделках. Но все закончилось благополучно. Они вернулись и сообщили, что ты и сам вскоре сюда вернешься.

Но Мертах принес с собой кое-что еще, Майкл Ривен. Он принес твои книги, мы без труда прочитали их, ведь мы могли говорить на вашем языке. И когда мы прочли их, они нас ошеломили. Нам стало понятно, что тот твой несчастный случай, твоя утрата, они как-то связаны с тем, что происходит на нашей земле. Каким-то образом ты связан с Мингнишем. И, что еще важнее, каким-то непостижимым образом ты явился причиной всех тамошних перемен к худшему. Над этим стоило поразмыслить.

Ривен рассерженно встрепнулся, но Байклин не дал ему заговорить.

— Это еще не всё. Неподалеку от Сгарр Дига, вблизи моря, что в вашем мире, я нашел Дверь обратно. В Мингниш.

— Как? — резко спросил Ривен. Он чувствовал, что ответ очень важен. Байклин смотрел куда-то в сторону, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Когда я бродил по горам, я случайно столкнулся с темноволосой девушкой. Я незаметно пошел за ней и видел, как она исчезла, пройдя через Дверь. Возможно, она сейчас здесь, в Мингнише.

— Ты подлец! — взорвался Ривен. Взгляд его потяжелел от гнева. — Ты знал о ней! Все это время ты знал! И знал, что она значит для меня!

— Прости, — сдерживаясь проговорил Байклин. — У меня не было выбора.

— Это моя жена! Но ведь она умерла. То есть, так думали.

— Я знаю. И я знаю, как тебе больно. Но попытайся принять это. Просто принять и все. Так будет легче. Может быть, от деяний твоих теперь зависит жизнь многих людей, друг мой... и даже судьба всего мира.

— Только избавь меня от торжественной проповеди, Байклин.

Итак, получается, Дженни здесь. Может быть, бродит по этим холмам, среди диких зверей, совершенно одна.

Печаль и тоска тошнотой подкатили к горлу. Как она узнала, что он вернулся в их дом? И почему, почему она от него убежала тогда?

Он пнул травянистую кочку. Это все сумасшествие... Бред. Он расхаживает по миру, которого

не существует. Который есть лишь в его книгах. И жена его — погибшая — снова жива.

Боже правый!

Ему пришлось остановиться и прислониться к валуну. Ноги не держали его.

— Не могу... не могу я принять это, Байклин. Для меня это слишком. Так не бывает.

— Да, — согласился Смуглый. — Но тем не менее это так.

— Это неправильно. Несправедливо. Она умерла. Господи, неужели же на земле нет ничего святого? Она же была мне женой.

— А это моя страна.

Ривен резко повернулся к нему.

— Это твоя страна? Тогда где этот снег и лед? Где Исполины и волки? Насколько я вижу, здесь все прекрасно, как в раю... или я, может быть, что-нибудь упустил?

Байклин, похоже, растерялся. В первый раз.

— Да, я понимаю, о чем ты, — сказал он. — Я не могу этого объяснить. Когда я был здесь в последний раз, вся земля была укрыта снежным саваном и скована лютым морозом. Но тебе же здесь нравится, правда, Майкл Ривен? Тебе приятно идти здесь, по этому краю?

— Да. Ну и что?

— Возможно, это и есть объяснение. Возможно.

— Черт возьми! Я, по-твоему, кто? Заклинатель погоды?

— Может быть, — мягко проговорил Байклин и пошел дальше. Через минуту Ривен догнал его, чертыхаясь про себя на чем свет стоит.

— Куда мы идем? — спросил он.

— В Рорим Раларта... куда же еще? И нам еще дня два пути, никак не меньше. Так что лучше не будем задерживаться, Майкл Ривен. И молись, чтобы погода эта продержалась. До того, как стемнеет, нам нужно пройти немалый путь.

И Ривен покорно поплелся следом за Байклином. А что еще ему оставалось?

В ту ночь пошел дождь, тихий, как шепот на похоронах. Они сидели у костра, свет дня медленно угасал, и капли дождя запутались серебристым туманом в их волосах. Этот костер Байклин зажег при помощи кремня и кресала. Ему пришлось повозиться — воздух был влажным. Поужинали они консервами из запасов Ривена, потом закопали мусор и сидели, завернувшись в плащи, в полном молчании глядя в огонь. Дождь моросил беспрестанно. Тихая, мирная ночь. Нет, подумал Ривен, земля эта скорбит вместе с ним, и в горле его застрял комок.

— Байклин, — позвал он тихонько, и его зов впелся влажным узором в мягкий шелест дождя. — Расскажи мне какую-нибудь историю.

Байклин поднял глаза, — на лице его бесшумно скользили тени, но в глазах отражался свет пламени.

— Нет, это ты — Сказитель, — возразил он. Ривен безнадежно помотал головой и уставился на догорающие угольки. Искры рассыпались веером, когда Байклин подбросил хворосту в костер.

— Мне почти нечего и рассказывать, — сказал он. — У нас, в Мингнише, мало сказаний. Хотя я знаю одну историю, очень древнюю, про мирканов.

— Про мирканов? — Теперь Ривен вспомнил. — Мирканы — солдаты, воители.

Байклин поморщился.

— Нет, не воители. Они солдаты и только солдаты. — Он вдруг нахмурился и поджал губы.

— Когда-то и я был солдатом.

— Да, ты говорил. Но мирканы рождаются солдатами и солдатами умирают. Я расскажу тебе эту историю, чтобы ты знал. Потому что ты скоро их встретишь. — Байклин подправил костер. А потом начал свою историю:

— Жили-были на севере Исполины, громадные, точно утесы. Среди них были добрые, были и злые, ибо так уж в мире заведено — нет худа без добра. Но Исполины и есть исполины, если добры они, то беспредельно добры, если же злы... — Байклин пожал плечами. — В общем, был среди них один, жил он в горах за Дан Дринаном, и был он ужасно злым, просто воплощение Зла. Он поработил людей из ближайшего Дола и заставлял их платить ему дань. Он отбирал у них скот. И их женщин, чтобы было чем поразвлечься. Он крушил стены, которые они возводили с таким трудом. И убивал их мужчин. Просто так, для забавы. Короче, были они несчастны, те люди за Дан Дринаном. Но кто же станет спорить с Исполином?

Итак, Исполин этот — Мирка, так он себя называл, хотя его звали многими именами, — преисполнился, наконец, такой гордыни, что взбрело ему в голову, чтобы черты его запечатлелись навечно на лицах людей из Дола. И он заставил их сделать свое изваяние. И чтобы было оно в

полный рост. Горных гномов он тоже заставил работать, ибо искусны они в резке камня, да и покрепче людей... но забыл он, что гномы сильнее сердцем и не прощают обид, но жестоко мстят за них. В общем, они изваяли громадную статую, и вид ее впечатлял всякого. И нависла она над Долем, и тень ее накрыла дома людей. Когда Исполин поглядел на статую, что, ты думаешь, он увидел? А увидел он, что камень повторяет его облик до мельчайших деталей, вплоть до дубины, которую он неизменно носил с собой. И был он доволен весьма. Но когда Исполин внимательнее взгляделся в лицо изваяния, он увидел, что не лицо это вовсе, а свиная морда, с малюсенькими такими глазками, кривыми зубами и длинным рылом. Тут он разъярился, и рев его, точно гром, прокатился по Долу, устрашая людей. А что он сделал потом? Он замахнулся своей дубиной, размером с вековое дерево, и обрушил ее на статую, да так, что та разлетелась на куски... Но эти обломки камня окружили Мирку-Исполина со всех сторон. И каждый осколок разбитой статуи стал солдатом с суровым взглядом и руками могучими, точно камень. Испугался Мирка-Исполин и упал замертво. Со временем тело его и кости удобрили почву, и с тех пор Дол этот стал самым богатым во всем Мингнише. А солдаты, умертвившие Исполина, назвали себя мирканами и разошлись по всем Долам Мингниша, дабы защищать людей от Зла. И по сей день мирканы, едва ли не единственные из всех, живущих здесь, оберегают Дола от напастей. От лютых зверей, что спустились с гор.

Байклин замолчал. Костер уже догорал.

— Вот и вся история. — Он поднял взгляд к небу. — Похоже, к утру мы промокнем до нитки. Ты давай-ка, поспи, а я покараулю еще немножко.

Но когда Ривен проснулся вдруг; ни с того, ни с сего, в глухой предрассветный час, Байклин стоял рядом с обнаженным мечом в руке, подняв лицо вверх, будто охотничий пес, напавший на след.

— Что такое? Что-то не так?

— Кажется, все нормально. Просто ветер подул с другой стороны, запах какой-то странный. Нет, ничего. — Байклин убрал меч в ножны. — Но мы все равно выйдем прямо сейчас, не задерживаясь. А позавтракаем где-нибудь в другом месте.

Пальцы Ривена окоченели и не хотели слушаться. Байклин помог ему собраться в предрассветном полумраке.

В чистом небе сияло солнце, тепло его приятно согревало больные ноги Ривена. Сырая одежда быстро высыхала.

Если идти и дальше, я просто свалюсь. Никакие спицы такой нагрузки не выдержат.

Интересно, сколько они прошли за последнюю пару дней. Ривен долго вычислял, но в конце концов бросил это дело, когда обнаружил, что складывает несовместимое: мили, пройденные на Скае, с расстоянием, которое они одолели здесь, в Мингнише.

Просто прими все, как есть.

— Там, впереди, дым какой-то, — заметил Ривен и бросил взгляд на Байклина. Тот, казалось, был доволен.

— Вижу. Но ты не волнуйся. Нас ждут. — Поднятая рука отмела все расспросы. Про себя Ривен обругал его последними словами, но вслух не сказал ничего.

Еще одна миля — и они вышли к костру, вокруг которого расположилась небольшая компания. Две зверюги, — что-то вроде больших серых собак, они сидели на задних лапах и внимательно изучали вновь прибывших, принюхиваясь к ветру, — и два человека. Они встали, едва только Байклин с Ривеном приблизились: первый — громадного роста, широкоплечий, второй — невысокий и хрупкий, с фигурой подростка. Они широко улыбались.

— С Острова Туманов он явился, и вид у него был ужасен, даже страшней, чем в тот день, когда он родился на свет, — сказал тот, что поменьше. Одет он был в льняную рубаху, в нечто похожее на овчинный тулуп и в кожаные штаны. Из-за плеча у него торчала рукоять меча. На загорелом лице сияли голубые глаза. Два волка тихонько устроились у его ног.

Ривен нахмурился.

— Мертах, от тебя несет, как от дохлой овцы жарким летом, — весело парировал Байклин, одной рукой похлопав его по плечу, а вторую протянув волкам. Те дружелюбно ее облизали, потом обнюхали его и Ривена, — незнакомые запахи, — желтые их глаза были остры и внимательны. Ривен буквально похолодел, когда влажный, прохладный нос волка ткнулся ему в ладонь.

— А как же я, ах, ты, лисье отродье? Неужели же нет у тебя доброго слова для Ратагана? —

Здоровенный детина был тоже наряжен в овечий тулуп, перевязанный вокруг пояса синим кушаком. За кушак заткнут топор. На лице его, грубом, как дикий камень, лежали морщинки, но не от возраста, а от смеха; рыжая борода топорщилась во все стороны. Он сгреб Байклина в объятия, приподнял его, точно ребенка, и так тряхнул, что у того лязгнули зубы.

— Собачья ты шкура! — выдавил Байклин. — Сказал бы я тебе, если б знал, что ты трезв... — Тут гигант бросил его на землю. Байклин приземлился легко, по-кошачьи, и внимание тех двоих тут же переключилось на Ривена. Он даже грешным делом подумал, что его сейчас тоже швырнут, как какой-нибудь половичок.

— Так ты все же привел Сказителя, — сказал Мертах. — Он сейчас выглядит поздоровее, чем тогда, когда я в последний раз его видел. — Он вышел вперед и низко поклонился Ривену. — Мертах Моул, к вашим услугам, Майкл Ривен. Приятно видеть вас у нас, в Мингнише. Мы так вас ждали.

— Моулси! — в изумлении воскликнул Ривен.

Мертах улыбнулся. Белые зубы резким контрастом блеснули на загорелом лице.

— Он самый. — Он согнул плечи, словно старик, и проговорил с шотландским акцентом: — Как вы сегодня, мистер Ривен, хорошо себя чувствуете?

Ривен в изумлении разинул рот.

— Вы здесь одни, или еще кто-то есть? — спросил Байклин Мертаха.

— Сейчас, пока мы тут балаболим, за округой

приглядывают два миркана, — отозвался тот. — Их знание леса просто прискорбно, но в лугах и холмах они ориентируются неплохо, так что если за нами вдруг будет погоня, они быстренько от нее избавятся.

Байклин приподнял бровь.

— Мирканы. Язык у тебя, должно быть, подвешен изрядно, раз ты сумел убедить их влезть в это дело.

Мертах вдруг посерьезнел.

— Многое здесь изменилось, пока тебя не было, Байклин. Снег сошел, но даже теперь мало кто отважится просто так подняться в горы. Погода стала лучше, да, но это не значит, что горные твари прекратили свои набеги.

Байклин поморщился.

— Мы еще это обсудим, потом. Когда будем дома. У меня есть что сказать Варбутту.

— Боюсь, у него тоже есть что сказать, — проговорил Ратаган, затапывая костер. — С тех пор, как ты ушел, он стал мрачнее тучи. В Рориме тоже многое изменилось.

— Но разговор об этом может пока подождать, — прервал его Мертах. — Нам пора в путь; хотя до ночи еще далеко, впереди у нас много миль.

Байклин кивнул. Ратаган и Мертах подхватили свои мешки, и небольшой отряд двинулся в путь. Волки вприпрыжку неслись впереди. Продвигались они быстро: утро было прохладным, местность — достаточно ровной. Голова Ривена буквально гудела от вопросов, но он давно уже понял, что лучше пока помолчать.

Сегодня четверг. А вчера была среда, а позавчера я был еще на Скае. Ел вместе с Байклином на завтрак яичницу с беконом. Было чудесное утро. Просто чудесное.

Вот они: порождения твоей фантазии.

Но что здесь творится? Возможно ли это? Что со мной происходит?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Они шли весь день, причем в темпе, очень мучительном для Ривена, так что в конце концов он начал чувствовать себя каким-то затравленным пленником. Вот почему он обрадовался сумеркам, хотя с наступлением темноты на горизонте появилась зловещая темная полоса.

— Скаральский лес, — пояснил Байклин. — Немало мы отмахали. Переночуем здесь, а уже завтра к вечеру будем в Рориме Раларта. — Он поглядел на Мертаха. — А где мирканы?

— Присоединятся к нам чуть позже. Если мы разобьем свой лагерь на южной опушке леса, они без труда нас найдут.

Через час они добрались до опушки леса. Ратаган тут же вынул из-за пояса свой топор и встал на страже, пока остальные готовили лагерь к ночлегу. Флейта с Барабаном улеглись на землю и дышали, раскрыв пасти и высунув языки, как собаки. Желтые глаза их мерцали в полумраке.

Вскоре после того, как запылал костер, послышался шорох опавших прошлогодних листьев, и два человека, словно бы выросли из-под земли у костра. Ривен едва сдержал вскрик изумления — так внезапно они появились — и во все глаза смотрел на первых встреченных им мирканов.

В его книгах это были суровые неразговорчивые солдаты, нанимающиеся на службу к властителям Долов. Короче, наемники. Однако, судя по тому, что рассказывал Байклин, их роль была более сложной. Они с оружием в руках защищали Добро от Зла. Ему было странно наблюдать за ожившими

героями своих книг, — людьми и характерами, созданными его фантазией, — наблюдать, как они ходят, жестикулируют, разговаривают; все равно, что попасть внутрь фильма. Но самое, может быть, странное во всей этой истории, — что персонажи его жили собственной жизнью, проявляли такие черты характера, каких и в помине не было в его книгах. Они были, подумал он, более цельными, более полными, что ли. Впрочем, жизнь всегда полнее любого искусства. И еще вопросы не давали Ривену покоя. Это он создал Мингниш и каким-то непостижимым образом вдохнул в него жизнь, или он просто — опять неведомо как — извлекал информацию для своих книг из уже существующего мира?

Эти мирканы выглядели гораздо более земными, чем он всегда представлял их себе. Никогда в жизни Ривен не видел людей более цельных и крепких. О таких говорят: соль земли. Низкорослые, широкоплечие, что называется, крепко сбитые. Глядя на их пружинистую походку, можно подумать, что они постоянно готовы к стремительному прыжку. Их темные волосы пострижены очень коротко, лица — чисто выбриты. Одеты они в плотно облегающие кожаные штаны, высокие, до колен, сапоги и куртки из той же кожи с защитной металлической сеткой на плечах, на груди и на чреслах. Как и Ратаган, оба миркана были препоясаны синими кушаками. В руках каждый держал по посоху из какого-то темного дерева, — длиной пять футов, не меньше, — переплетенного по всей длине металлическим кольцами, которые блестели при свете пламени.

Лица их были суровы, агатовые глаза мерцали. Полоса белой краски, от уха до уха через переносицу, пересекала лица обоих. Должно быть, они были братьями-близнецами. Ни один из них не сказал ни слова. Они просто молча уселись у костра. В конце концов Ратаган не выдержал и нарушил молчание:

— Какие новости, друзья мои? — прогремел он с того места, где стоял на самом краю круга света от пламени костра.

Металл посоха блеснул, когда миркан заговорил:

— За нами нет никого. Все тихо. Мы видели зимних волков, но теперь они далеко. — Миркан так пристально разглядывал Ривена, что тому даже стало немного не по себе. Он нервно заерзал и тихонько шепнул Байклину:

— Скажи ему, что я друг, хорошо?

Байклин улыбнулся.

— Орд, это Майкл Ривен, Сказитель. Тот самый, о котором тебе говорил Мертах. Он пришел с Острова из-за моря, чтобы помочь нам. — Байклин повернулся к Ривену. — Это Орд и Юниш. Они из мирканов.

— Очень рад, — сказал Ривен. Во-первых, потому, что надо же было хоть что-то сказать, а, во-вторых, потому что он хотел сразу рассеять все подозрения, которые могли возникнуть насчет него у этих замкнутых и суровых людей.

Мирканы молча посмотрели на Ривена, но вскоре, кажется, утратили к нему всякий интерес. Он устал. Он был раздражен. Похоже, никто не собирался ему ничего объяснять. Он вытащил

спальный мешок — мирканы снова устали на него — и улегся, пока остальные готовили ужин.

Ривену показалось, что земля под ним вздрогнула. Он сел и, нахмурившись, потрогал почву руками.

— Что такое? — спросил Байклин.

— Ничего. Я просто почувствовал... что-то. Такое.

— В земле?

— Наверное, просто почудилось, — сказал Ривен, ощущая себя невзрастеником. Но Байклин с Мертахом встревоженно переглянулись.

— Ведь со Скараллом все в порядке, да? — спросил Байклин.

Мертах явно забеспокоился.

— Я думаю — да. — И в это мгновение земля под Ривеном вспучилась и просела. Он вскочил на ноги.

— Вот черт. Там что-то есть, под землей. Оно движется.

Все, как один, вскочили и обнажили мечи. Флейта с Барабаном глухо зарычали, шерсть встала дыбом.

— Что это? Что-то не так? — Ривен настойчиво требовал ответа.

Земля перед ним разверзлась.

Что-то громадное, черное, скользкое вырвалось из-под земли и бросилось на Ривена. Тяжелые, будто камень, лапы сбили его с ног, и в свете костра Ривен увидел морду огромного пса, она нависла над ним, — безглазая, — зияя черной пастью. Однако в то же мгновение посохи мирканов вонзились псу в спину, и тварь с воем

бросилась на них. Ривен инстинктивно отскочил назад и замер от ужаса. Черный пес — громадный, футов шесть от носа до хвоста, — раскидал мирканов в стороны, точно тряпичные куклы. Флейта и Барабан безуспешно терзали его задние лапы. Со свистом рассекая воздух, меч Байклина обрушился на голову чудовища и отскочил, срезав лишь тонкую стружку.

Никакой крови. А там, куда ударил меч, появился лишь неглубокий рубец цвета свежей древесины.

Древёсины? Какое-то смутное воспоминание забрезжило в самых глубинах сознания. Деревянный пес, обитающий под землей... но у Ривена не было времени на раздумья.

Ратаган с яростным ревом кинулся в битву, его топор со всего маху вонзился в шею чудовища. Всего лишь на несколько дюймов. Ратаган выдернул топор и снова занес его, а мирканы тем временем колотили зверя своими боевыми посохами. Мертах отозвал Барабана и Флейту, и они, недовольно урча, покинули поле сражения. Казалось, удары не причиняют чудовищу никакого вреда. Посохи мирканов просто отскакивали от деревянной спины. Громадная пасть сомкнулась на ноге Ратагана, тот закричал и повалился на землю, колотя пса кулаками по голове.

Мирканы разом отбросили посохи в сторону и навалились на зверя. Голыми руками они оторвали его от Ратагана и потащили к костру. Пес бешено отбивался, и ему удалось отшвырнуть одного из мирканов к стволу дерева. Второй — в одиночку — не удержал могучего пса, и тварь

все-таки вырвалась. Ривен, онемев от ужаса, ждал, когда она снова кинется на него.

Но Байклин с Мертахом, вооружившись горящими головешками из костра, уже бросились псу наперерез. Мертах ткнул свое огненное оружие прямо в морду неуязвимой твари, и в первый раз чудище взвыло от боли и слепо шархнулось в сторону. Мирканы тоже схватили горящие головни, и, хотя у одного из них рука безжизненно свисала вдоль тела, все четверо окружили зверя, тыча в него огнем. Тварь вертелась и лязгала зубами, однако пламени сторонилась. Наконец, она яростно взвыла, и Ривен увидел, что задние лапы ее ушли под землю. Она пятилась, погружаясь в почву, как в воду. Вот осталась лишь черная морда, а потом исчезла и она, и ничто не указывало на то, что земля под ней разверзалась. Даже трава не была примята.

Люди застыли на месте, их тени плясали среди деревьев в дрожащем свете факелов. Тишина опустилась на лес, слышались только треск пламени, тяжелое дыхание бойцов и глухое рычание волков, которые приникли к Мертаху, удостоверясь, что тот не ранен.

— Он ушел, — Байклин первым нарушил молчание и швырнул свою головешку обратно в костер. Остальные последовали его примеру. Ратаган лежал, морщась от боли, на самой границе круга света, и Байклин принялся осматривать его ногу. Миркан — тот, который не был ранен, — уже помогал раненому товарищу. Ривен встал и присоединился к Мертаху, который стоял чуть в стороне, держа в руке топор Ратагана.

— Это же был гогвульф, — сказал он, дрожа. Любимцы Мертаха не сводили с Ривена подозрительных глаз.

Их хозяин утрюмо покосился на него.

— В самом деле. Еще одно из твоих любимых чудовищ. Создание гор и леса, оно движется под землею с той же легкостью, с какой мы движемся по земле, ориентируясь по древесным корням.

— Но он и вправду выглядит так, словно сделан из дерева.

Мертах, похоже, начал терять терпение.

— Он из дерева и есть. И шкура его так же тверда, как кора векового дуба. — Тут он пожал плечами. — Нам бы следовало об этом не забывать, но уже столько лет никто из нас не видел гогвульфа, и мы даже предположить не могли, что они выйдут так далеко на юг из своих горных лесов. Вот уж точно — плохие новости.

— А что теперь с Ратаганом?

Выражение тревоги на лице Мертаха слегка смягчилось. — С ним? Да он же живучий, как тот гогвульф. Какой-то укус за ногу не слишком его беспокоит.

Они замолчали. Байклин уже вскипятил воду в медном котелке и теперь рвал на бинты рубаху.

— Он не вернется? — спросил Ривен. Он все еще не пришел в себя, увидев собственными глазами чудовище, вызванное к жизни его воображением.

Мертах отрицательно покачал головой.

— Мы его ранили. И он напал на нас в одиночку. Если бы их было несколько, нам бы не поздоровилось, но сейчас, мне кажется, до утра

все будет спокойно. В этом нам повезло, потому что этим двоим, по всей видимости, нужно как следует отлежаться. По крайней мере, до утра.

— Он приходил за мной, — вдруг понял Ривен. Черная пасть так и стояла у него перед глазами.

— Может быть, — отозвался Мертах. — Но мы это обсудим в Рориме Раларта. Нам еще много чего предстоит обсудить. — Кажется, Мертах не был расположен продолжать разговор. Он замолчал, рассеянно почесывая за ухом Флейты.

Байклин окликнул их и попросил вскипятить еще воды. В рану Ратагана попала грязь, и ее нужно было промыть как следует. Вся икра правой ноги представляла собой сплошную кровавую рану. Гигант перемежал стоны ругательствами, наблюдая за тем, как Байклин обрабатывает ему раненую ногу.

— Паскудная зверюга. Как доберемся до дому, придется улежаться в постель на несколько дней.

— Зато потом от женщин отбоя не будет. Шрамы, видишь ли, украшают мужчину, — отозвался с усмешкой Байклин. Ратаган разразился богатырским смехом и огляделся по сторонам.

— Моул, паршивый карлик, где мой славный топор?

— В столь же славных руках, дубина. Он не перестает удивляться: не был ли пьян его хозяин, когда налетел на зверюшку.

— Пьян ли, трезв, но уж произвел на гогвульфа больше впечатления, чем эти ваши хворостины.

Ривен переключил свое внимание на мирканов. Они молча сидели у костра. Тот, что ранен, — Ривен до сих пор еще не различал их, — держал

руку на перевязи. Ривен пожал плечами. Неразговорчивые ребята, эти двое.

Байклин встал, потирая руки.

— По-хорошему, нам бы надо отсюда двигать, но ладно уж, подождем до утра. С такими ранами лучше переждать. — Жестом руки он остановил протесты Ратагана. — Мы будем дежурить по очереди. И костер будем поддерживать до рассвета. Больше мы не позволим, чтоб нас захватили врасплох. Если в Скаралле появились гогвульфы, то вполне вероятно, что здесь теперь есть и другие твари. — Он залез в свой дорожный мешок и долго там рылся, пока не нашел, что искал. Он махнул рукой, в воздухе блеснул какой-то предмет, — кинжал вонзился в траву у ног Ривена.

— Это для Сказителя. — Взгляды их встретились, и Байклин криво усмехнулся. — Чтобы чудовища, им же придуманные, часом, не слопали его.

Ривен вытащил кинжал из земли. Тяжелый нож с широким и длинным, — дюймов двенадцать, — клинком, заточенным с обоих краев. Он провел лезвием по ногтю и присвистнул.

— Да, ваши люди шутить не любят.

— Просто мы не можем позволить себе такой роскоши, — резко ответил Байклин. — И ты знаешь уже, почему. — Он завязал свой мешок. — Мы с тобой в дозоре первыми. Сегодня мы вряд ли как следует выспимся, но уже завтра, в это самое время, будем в Рориме.

— В Рориме Раларга.

— Да. Там уж, по крайней мере, тебе все

знакомо. Но в Мингнише есть много такого, чего нет в твоих книгах.

— Охотно верю.

Все спали. Ривен сидел и клевал носом, кинжал холодил ему руки. Он растер глаза.

— Байклин?

— Да?

— Поговори со мной. А то я засыпаю.

Байклин правил свой меч куском кожи.

— Еще историю? Благодаря тебе я и сам скоро стану Сказителем.

— Расскажи мне о том, как Мертах разыскал меня. Он был там, в Бичфилде, но он тогда был стариком. Как это получилось? Сколько ваших знают обо мне?

Байклин щелкнул языком.

— Мы все — что-то вроде тайного общества, мы — он указал рукой на спящих — мы хотим это остановить, то, что сейчас происходит с Мингнишем. Мертах с Ратаганом — мои молочные братья. В точности так, как ты это вообразил. Орд и Юниш — оба они из мирканов-хранителей Рорима Раларта. Сам я — наследник Варбутта, хотя и не принц. — Он скривил губы в усмешке. — Варбутт не слишком-то одобряет мои... блуждания по свету.

— А он знает, что здесь происходит?

— Конечно. Мирканы-хранители не шляют по стране без разрешения своего властителя.

— Расскажи мне про Рорим Раларта. Расскажи о своей семье. — Было несколько вопросов, которые особенно интересовали Ривена, в частности, — все, что касается Дженни, но он рассудил, что еще не время задавать их.

Байклин задумчиво поскреб бороду.

— Да и рассказывать, в общем-то, нечего, ты и сам почти все уже знаешь. Рорим — старое, наверное, самое древнее поселение в Мингнише. Он был возведен задолго до того, как лютые звери спустились с гор в первый раз; но его строили в те времена, когда Долы были еще не в ладах друг с другом. Постоянно случались набеги. В основном — ради оружия и скота. Иногда — из-за женщин. Так что Рорим наш не просто город, но действительно крепость. И сейчас немало людей живет там постоянно, но при необходимости он может вместить еще столько же. Стены его не высоки, но прочны, а внутри есть и пастбище, и родник, который не иссякает.

Мгновение Ривен молчал, осмысливая услышанное.

— А семейство твое? — спросил он.

— Матери нет. Умерла, — коротко ответил ему Байклин. — С Варбуттом, моим отцом, ты уже скоро встретишься сам. Мертах и Ратаган — сыновья старых соратников отца. Больше нет никого. Вот и вся семья.

— А люди Рорима? Какие они? Они такие... какими я их описал?

Байклин улыбнулся.

— В основном. Есть еще дюжины две стражей: это воины, специально обученные мирканами. Их предводитель — Юдайн, отец Ратагана. Гвилламон, отец Мертаха, — самый мудрый человек во всем Мингнише... по крайней мере, так утверждает Мертах. Он — воевода Раларта. Говорят, он еще и волшебник. — Байклин бросил пронзительный

взгляд на Ривена. — В твоих книгах ведь есть волшебник.

Ривен нетерпеливо кивнул.

— Никто не знает точно, сколько у нас людей, но немало. В основном — фермеры и пастухи. Сейчас, правда, они не в ладах: дикие звери повытеснили стада с пастбищ в предгорьях, и теперь пастухи препираются с фермерами за луга вокруг Рорима. Были даже столкновения, и стражам пришлось приложить немало усилий, чтобы навести порядок.

— А что это за звери такие с гор?

Байклин пробежал пальцами по клинку меча.

— Гогвульфа ты уже видел... хотя это первый гогвульф, который забрался так далеко на юг. Дурной знак. Есть и обычные волки, только они совсем обнаглели. А есть вообще мерзкие твари. Гриффешы, — крысы-вепри. Снежные Исполины и Ледовые Черви. Конечно, мы знали всегда, что они существуют, но уже столько лет никто из них не покидал своих высокогорных убежищ, и только охотникам да пилигримам иногда доводилось их повстречать. Мне приходилось слышать их рассказы долгими зимними вечерами. Но теперь эти звери терроризируют даже Доли и рыщут по холмам, так что селения отрезаны друг от друга. Сейчас только отчаянные смельчаки выходят из Долов, да и то только при крайней нужде.

— Снежных Исполинов я знаю, — сказал Ривен, глубоко вонзив свой кинжал в дерн. — Как-то, еще в больнице, я видел сон. Тебя видел и Ратагана. Мы сражались с Исполином. — Он не стал говорить о том, что во сне Исполин обратился к

нему голосом Дженни. Здесь, в этом мире, мысли о Дженни не только несли с собой рвущую сердце печаль, но и пугали.

— Гвилламон, отец Мертаха, тоже видел тебя во сне, — серьезно проговорил Байклин. — Он-то и настоял, чтоб я вернулся на Стэйр, хотя батюшка мой был против. Мертах тоже пошел со мной. Он вообще любит всякие приключения, да и эти его способности могли нам очень пригодиться. Так оно и получилось.

— У меня в книге он... может менять свой облик, — сказал Ривен, тщательно подбирая слова. Байклин кивнул.

— В вашем мире нет волшебства, но здесь, в Мингнише, его хватает.

— Он у меня был вервульфом, оборотнем. — Ривен покосился на двух волков, которые дремали за пределами круга света. По спине у него пробежали мурашки.

— Мертах может менять свой облик, у него много личин, — уступил Байклин. — Он человек, наделенный особым даром, как и его отец. А для нас это если не благо, то немалое преимущество.

Ривену вспомнилась сцена, которую он описал в своей книге: Мертах, обернувшийся седым огромным волком, рыщет по толям под полной луной, и любимцы его — волк и волчица — вместе с ним. Он потряс головой, отгоняя наваждение.

— Так не бывает, — пробормотал он себе под нос и вдруг вспомнил, как они с Дуди напились и он увидел в окне странный силуэт с заостренными ушами: кто-то глядел на них из темноты.

Волшебный мир, мир древней магии, недо-

ступный обычным людям... Все это... все эти беды. Зима, что вдруг настала и прошла. Чудовища с горных вершин. Это все началось только в прошлом году, после... после Старр Дига? — задумчиво спросил Ривен.

— Да.

— И ты думаешь, виноват в этом я?

Байклин ничего не ответил.

Утром они пошли дальше. Мертах с волками шагал впереди, следом за ними — Байклин, поддерживающий Ратагана, который тяжело опирался на свой топор и проявлял явные признаки раздражения. За ними — Ривен со своим новым кинжалом, заткнутым за пояс. Мирканы замыкали шествие.

Пейзаж постепенно менялся. Сначала они брели по заболоченной в низинах холмистой равнине, густо заросшей вереском; но уже очень скоро дорога пошла под уклон, и впереди открылась широкая панорама низины, сверкающей лентами ручьев и рек и испещренной темными пятнами лесов. Она простиралась в безбрежную синюю даль, и лишь далеко-далеко на севере угадывался силуэт горной цепи. Ривен смотрел во все глаза. Мингниш оказался гораздо обширнее и красивей, чем Ривен представлял себе, глядя на эту страну с того холма, где была Дверь. В небе носились жаворонки и коростели. Вереск почти исчез, трава стала густой и зеленой. Ривен как будто вошел в иллюстрацию книжки. Он так и не понял, тревожит это его или, наоборот, успокаивает.

Теперь он уже различал поля, золотисто-зеле-

ные под солнцем, и оранжевые черепичные крыши домов, и струйки дыма. В верхней части долины светились осколками зеркала небольшие озера, а в тени крутых склонов лежали остатки снега.

— Раларт, — сказал Байклин, и в его голосе слышалась радость. — Сколько же времени миновало с тех пор, как глаза мои видели Раларт в последний раз!

— Никуда он не делся, стоит на месте, — пробурчал Ратаган. — А вот ушам твоим придется потерпеть. Варбутт, я думаю, скажет тебе пару ласковых, когда мы придем в Рорим.

— За все нужно платить.

Послышался топот копыт, и на гребне холма впереди показались два всадника. Куски дерна летели из-под копыт лошадей, словно перепуганные жаворонки. Всадники были в полном боевом облачении, стальные кольца кольчуг сверкали на солнце, бликами горели медные шлемы, конская сбруя позвякивала. Ривену подумалось вдруг, что он в жизни не видел такой красоты. Всадники подъехали к ним и, остановившись в каких-нибудь десяти футах, вскинули руки в приветственном жесте.

— С прибытием, Байклин! А что, Ратаган оступился и повредил ногу?

Байклин осклабился.

— Да уж! И, между прочим, на этот раз он был трезвым.

— Ах ты щенок, Данан! — прорычал Ратаган. — Пока твоя задница грела стул, мы доблестно бились с горными чудищами и привели с нами Сказителя с Острова Туманов.

Стражи вытаращили глаза.

— Вот это новость. Помощь вам не нужна? Может быть, лошади?

Байклин покачал головой.

— Сами дойдем, ноги, чай, не подведут. Даже у Ратагана. Лучше езжайте вперед и скажите там, в Рориме, что мы скоро будем.

Данан поднял руку в прощальном приветствии.

— Охотно. Сдается мне, Байклин, что моя сестра Мира будет очень рада увидеть тебя. — Всадники развернули коней и умчались прочь.

Прошел еще час. Они поднялись на вершину последнего из холмов, и их взорам предстала долина — Дол Раларта.

Кольцевая стена высотой в семь футов, сложенная из камней, не скрепленных раствором, змеилась по краю долины. В ней было несколько ворот, каждое — с высокой башенкой и сторожевым шатром. Ривен прикинул: стена опоясывала пространство площадью примерно в три квадратных мили. За стеной виднелись стада, пасущиеся на лугах, и скопления домов.

В самом центре огороженного пространства была еще одна каменная стена, — на крепостном валу, поросшем травой, — эта внутренняя стена была выше и толще, чем внешняя. Перед стеной располагался ров с водой, а за ней — большие строения из камня и бревен, крытые черепицей. Стояли они так тесно, что стены их соприкасались друг с другом, и Ривен разглядел флигели и закрытые переходы, соединяющие постройки. Самое высокое здание, высотой в три этажа, — Дворец, — было сложено из камня, и в его

больших окнах играли солнечные зайчики, хотя даже в этом здании окна первого этажа больше походили на узкие бойницы, а двустворчатая входная дверь была тяжела и крепка. За зданием возвышалась массивная квадратная башня с широкими окнами, откуда просматривался весь Рорим, а на шпигеле ее реял синий флаг. Из полдюжины труб там и сям поднимался дымок. Сонное с виду местечко, только какой-то мужчина вел лошадей через двор за высоким домом.

— Варбутт наверняка наблюдает за нами, — сказал Байклин и помахал рукой в сторону Рорима.

— Пока в корчме у ратушной площади пенится пиво, пусть он хоть палец сосет у себя на ноге, мне дела нет, — сказал Ратаган. Он заметно устал, и теперь в его голосе явственно слышалась боль. Он тяжело опирался на Байклина, хмурия лоб.

— Что, хуже стало? — спросил его Байклин.

— Да уж не лучше, чернявый, но я все равно не могу допустить, чтобы меня ввели в наш Круг под руки, точно бабу на сносях, так что побереги мозоли и продолжим наш путь.

Данан ждал их у ворот во внешней стене. Он был в кольчуге, перетянутой синим кушаком, точно таким же, как у Ратагана. Упрямый гигант наконец согласился взобраться на лошадь, так что дорога от Круга до центра Рорима не заняла много времени.

Они перешли вброд речушку, берущую начало из городских ключей — вода в ней была чистая, точно роса, — и направились к воротам Рорима. Тяжелые створки их были открыты, но на стене выше ворот несли стражу воины, облаченные в

кольчуги; наконечники копий грозно поблескивали на солнце. Все оружие свое путешественники сложили у сторожевой башни, хотя Ривен заметил, что мирканы оставили посохи при себе. Он отдал стражу свой кинжал и огляделся по сторонам.

Они вышли на площадь перед самым высоким из зданий Рорима, Дворцом правителя. Площадь устилала булыжная мостовая, а ближе к ее центру был колодец. У колодца толпились женщины в невзрачных, мышиного цвета платьях, набирая воду в деревянные ведра. Они тут же прервали свое занятие и воззрились на вновь прибывших, в особенности — на Ривена. В своей спортивно-прогулочной одежде с рюкзаком за плечами Ривен чувствовал себя здесь абсолютно не к месту. И, к бесконечному своему изумлению и досаде, он вдруг обнаружил, что стесняется своего лица, изборожденного шрамами. Вот это уж полный абсурд! Но, проклиная свою неожиданную стеснительность, он все равно отвернулся от этих пытливых взглядов.

Массивные двери Дворца беззвучно распахнулись, и на крыльцо вышли двое в сопровождении двух же мирканов. Один был в кольчуге, препоясанной синим кушаком, как у стражей, — широкоплечий, казалось, он едва прошел в дверь, — с золотистой бородой, закрывающей половину груди. Второй, седовласый и безбородый, был и ростом поменьше, и сложением полегче, с пронзительными, точно наэлектризованными, голубыми глазами. Одевание его было самым простым: серый плащ и короткие штаны, но на шее сверкал

золотой обруч. Мирканы, как и следовало ожидать, оказались братья-близнецы Орд и Юниш.

Крякнув от боли, Ратаган слез с коня и оперся на плечо Мертаха.

— Ну, здравствуй, отец, — сказал он.

Золотобородый сжал свой кушак обеими руками.

— Опять неприятности, да? Твоя матушка места себе уже не находит, испереживалась вся, Ратаган. И на этот раз, я смотрю, не без причины. — Он улыбнулся, едва ли не извиняясь, но Ратаган в ответ только сморщился.

Все вместе они вошли в дом. На Ривена, казалось, никто и внимания не обратил, но когда взгляд его встретился с пронизательным взглядом седовласого, он поспешил отвести глаза в сторону.

— Варбутт ждет вас. Всех вас, — голос седого был сух, точно осенний лист. — Я могу осмотреть ваши раны и за разговором, ибо он с нетерпением ждет новостей. И особенно от тебя, Байклин.

Байклин вздохнул.

— Так я и думал, Гвилламон. Я слишком долго отсутствовал.

— Но ты исполнил ту миссию, ради которой ушел так надолго. — Это было утверждение, не вопрос.

— Да, — Байклин повел головой в сторону Ривена, и снова пронзительный взгляд голубых глаз задержался на нем на мгновение, прежде чем скользнуть мимо.

Они вошли в небольшой коридор: стены темного дерева, каменный пол. Здесь мирканы незаметно покинули их. Потом Гвилламон и отец

Ратагана провели путешественников через двустворчатую дверь в большой зал с высоченным потолком в перекрестии массивных балок. Сквозь высокие окна лились лучи желтого света. В лучах света плясали пылинки, на стенах тускло мерцали древние клинки, золотистые нити поблескивали на гобеленах. Очаг не горел, и только в самом дальнем конце зала рядом с парой кресел с высокими спинками, похожих на троны, дымилась жаровня. В правом кресле неподвижно сидел человек. Когда вошедшие приблизились, — их шаги отдавались гулким эхом в громадном зале, — человек встал.

— Байклин. Мой сын вернулся.

Он был стар, очень стар, но его белые волосы были еще густы, а орлиный профиль не утратил выразительности. Он и вправду походил на орла, только немного взъерошенного, в период линьки.

— Отец. — Байклин обнял старика, и тот снова сел в кресло.

— Вижу я, с Ратаганом случилась беда. У вас, наверное, есть немало о чем рассказать. Гвилламон, не распорядишься ли, чтобы сюда принесли воду — умыться, еду и питье? Я бы позвал прислугу, но чем меньше будет ушей, тем лучше.

Гвилламон молча кивнул и скрылся за маленькой боковой дверью слева от кресел.

Воцарилось молчание. Оно нервировало Ривена, и он беспокойно переминался с ноги на ногу. Байклин между тем разбинтовывал ногу Ратагана. Мертах хмурился, уставившись в каменный пол, где, облегченно вздохнув и высунув языки, растянулись его волки.

Через пару минут слуги внесли в зал нагруженные с верхом подносы, а потом Гвилламон быстренько выпроводил их. Он низко поклонился Варбутту и уселся напротив честной компании на возвышении у незажженного очага. Каждому принесли таз с горячей водой, серебряный песок и большое мягкое полотенце. На подносах было холодное пиво в громадных кружках, мясо и хлеб, сыр, мед и яблоки. Путешественники умылись, соскребая грязь песком, и поели в полном молчании под пристальным взглядом Варбутта. Лицо старика было абсолютно непроницаемым. Флейта с Барабаном громко хрустели мозговыми костями. Кроме этого хруста, в зале было так тихо, что Ривен слышал голоса снаружи, чей-то смех вдалеке и мычание коров. Ратаган отодвинул пустую кружку и вытер рукой рот.

— Уф, — сказал он. — Вот оно — лучшее из всех лекарств. И гораздо приятнее пиявок.

Гвилламон хохотнул, но Юдайн, отец Ратагана, даже не улыбнулся.

— Кто это сделал? — спросил он, указав взглядом на ногу сына.

Ратаган небрежно пожал плечами.

— Гогвульф, в Скаралльском лесу.

Двое старших мужчин переглянулись, но тут Варбутт поднял руку, не давая им заговорить.

— Всею свое время, — возгласил он вроде бы невозмутимым тоном, но глаза его вспыхнули.

И только когда рану Ратагана перебинтовали, Варбутт попросил Байклина рассказать ему подробно о его пребывании на Острове Туманов. Тот покосился на Ривена, самочувствие которого после

умывания и пива заметно улучшилось, и начал рассказ.

— Мне сейчас кажется, что я отсутствовал целую вечность. Восемь месяцев миновало с тех пор, как мы с Мертахом отправились к Стэйру сквозь пургу и метели, что захватили наш край в самом разгаре лета. Восемь долгих месяцев... проведенных на странной, чужой земле. В незнакомом, неприятном мире, где все нам чуждо. Действовать приходилось на свой страх и риск. Были моменты, когда я всерьез начинал опасаться, — а не слишком ли умничают сын Варбутта и не повредит ли хитроумие его здоровью.

Он усмехнулся.

— Мертах сам расскажет обо всем, что случилось, начиная с того момента, как он отправился на юг в поисках Майкла Ривена и до нашей последней встречи в том мире, перед тем, как он шагнул через Дверь сюда. Все, что я знал тогда, это то, что я все еще нахожусь на Острове и что мне придется там оставаться, пока Сказитель Историй не вернется на север. Я знал, где он живет... я вообще многое узнал о нем за время общения с местными выпивохами. Остановился я в маленькой хижине, неподалеку от его дома, и ждал. Долго и терпеливо. У меня еще оставалось немного золота, мы с Мертахом меняли его на деньги того мира, но я в основном перебивался охотой, а иногда делал набеги на окрестные огороды, словно какой-нибудь дикий зверь или мелкий воришка. — Байклин умолк на мгновение и отпил пива.

— Я обнаружил другую Дверь, следуя по пятам

за смуглой девушкой, с которой случайно столкнулся на Острове. Я видел, как она пропала, пройдя через Дверь. Она была не из того мира... в этом я уверен. Пугливая, дикая, как лань, она не позволила мне приблизиться. Я поначалу подумал, что она — из наших: вышла на Остров случайно и от испуга рехнулась, но было в ней что-то такое... непонятное, что ли. Она, похоже, что-то искала, — или, быть может, кого-то. У нее брови сходились на переносице.

Но что самое странное: вскоре я снова увидел ее. Сначала она пропала, но через несколько дней появилась опять. Я видел, как она бродит вокруг старого заброшенного поселения в долине, — местные называют его Гленбриттлом. За это время она никак не могла бы дойти от одной Двери в Мингнише до той, другой, так что она либо знала еще одну Дверь, либо могла проходить через Дверь в обе стороны, а не только в одну, как все мы. С того дня я ее больше не видел. Это было в последний раз.

А потом и Майкл Ривен вернулся, и я хитростью заманил его в Мингниш. И теперь вот он здесь... и, надеюсь, не слишком расстроен. — Байклин умолк и покосился на Ривена, но тот, казалось, не видит его.

Гленбриттл. Она была там, у своего старого дома, где мы встретились с ней впервые. Но там не осталось уже никого, кто мог бы узнать ее.

Гвилламон кивнул.

— Ты все сделал правильно, Байклин, если хотя бы половина того, на что вы с Мертахом

намекали насчет этого человека, — правда. Но скажи нам: что приключилось, когда вы вернулись в Мингниш? Откуда у Юниша и Ратагана такие раны?

— Скажу я. И еще много чего скажу, — вдруг произнес Мертах. Голубые глаза его были зеркальным отражением глаз отца. — Две недели назад мы с Ратаганом в сопровождении Орда и Юниша вышли из Рорима навстречу Байклину. Сначала мы договаривались, что встретимся у самой Двери, но потом Байклин все-таки уговорил меня подождать его на расстоянии дня пути от Двери, чтобы Майкл Ривен успел слегка осмотреться до того, как встретится со всеми нами. Чтобы в голове у него не случилось какой мешанины. — Здесь он усмехнулся, бросив взгляд на Ривена, но тот только нахмурился.

— Видишь ли, для Ривена я незнакомец, и в то же время он меня знает. Ему уже доводилось встречаться со мной, на юге, только тогда я был в облике тихопомешанного старика; я надел на себя эту личину, чтобы беспрепятственно проходить на территорию лечебницы, где он тогда обитал. Но Майкл Ривен знает меня и из другого источника... как, вероятно, он знает всех нас, как знает многое о Мингнише.

— Пока хватит об этом, — прервал его Гвилламон, и Мертах поклонился отцу.

— Об остальных приключениях моих в Ином Море вы уже знаете, — сказал он. — Неприятное, должен заметить, место. Воздух там заражен, вода затхлая и безвкусная, сама земля скована варом и плитами камня. Над городами висят облака зловон-

ного тумана, воды рек грязны. Не из тех это мест, где бы мне захотелось опять побывать. Мы с Флейтой и Барабаном... — волки приподняли головы и вопросительно уставились на хозяина. — Нам там туго пришлось, несмотря даже на то, что у меня с собой было золото. Даже за гостеприимство в том мире нужно платить, а к странникам там относятся с недоверием. Несколько раз я едва не попался тамошним стражам. Меня хотели посадить в темницу. Но я всякий раз менял облик и ускользал. Как я понял, в мире по ту сторону Двери нет волшебства. Однако те люди тоскуют о нём в своих сказаниях. Вот, вкратце, и все. — Мертах пожал плечами и отпил пива, подтолкнув локтем Ратагана, который, похоже, задремал.

Тот вздрогнул и пробудился.

— Как я понимаю, продолжать рассказ мне. — Он поморгал и с сожалением заглянул в свою пустую кружку. — Впрочем, кажется, почти все рассказано. Только вот надо заметить, что мы были правы, когда взяли с собой Орда и Юниша. По дороге к холмам нам не раз встречались зимние волки, но держались они поодаль. Видели мы и гриффешей, хотя их было немного. Крались за нами по снегу на первых вершинах. Половину их мы перебили, остальные убежали. Потом была оттепель, снег осел, идти стало легче. Знать бы наперед, взяли бы лошадей. В назначенном месте мы дождались Байклина, — в первый раз за всю свою жизнь бездельник явился более-менее вовремя, — и все вместе мы двинулись обратно на север... приятный путь при хорошей погоде... но в Скаралле на нас напал гогвульф. Мы ему дали

выволочку, но он успел-таки тяпнуть меня и прокусить руку Юнишу. Все остальное вы знаете.

Юдайн покачал головой.

— Гогвульфы! Так близко к Раларту! Это уже что-то новое. И мне это не нравится. Нужно предупредить стражей.

— А здесь что-нибудь происходило, пока меня не было? — спросил Байклин и поглядел на отца, но тот ничего не ответил.

— Да ничего особенного, — небрежно проговорил Гвилламон. — Как Ратаган уже отметил, в Раларте появились гриффешы, так что стада теперь просто так не оставишь на выпасе. Пастухи и стражи с ног уже сбились. — Он взглянул на Юдайну, и тот тяжело вздохнул.

— Двадцать шесть стражей, восемь мирканов, большинство из которых охраняют сам Рорим... им просто физически невозможно уследить за всем Долом и за предгорьями вокруг. Мороз уничтожил посевы. Тепло пришло слишком поздно. На полях теперь нечего делать, так что мы пока учим людей обращаться с оружием. Данан следит за этим. Я собираюсь пополнить число стражей и даже дал Данану в помощь двух мирканов, Льюба и Друима, но результаты проявятся только к весне, не раньше. Хорошие воины не вырастают на грядках и не выскакивают из-под земли, в отличие от тварей, что рыщут в окрестностях Дола.

Едва он замолчал, заговорил Варбутт, обращаясь к Байклину.

— Пока тебя не было, дюжины наших людей полегли в схватках со злобными горными тварями,

а стада их разбежались. Пастухи насмерть дрались с фермерами за земли Дола. Волки так обнаглели, что подходят к самым стенам Круга. Постепенно Рорим превращается в остров, отрезанный от остального мира. Если так пойдет дальше, через несколько месяцев будет голод. Ты нужен здесь, а не где-то там по ту сторону Двери.

Байклин вскипел.

— Значит, ты сомневаешься в том, что я занимался важным делом?

— Еще посмотрим, что это даст, — мягко ответил старик, бросив взгляд на Ривена.

Теперь уже Ривен с трудом сдерживал возмущение. Он буквально впился взглядом в старика, восседающего в кресле. До последнего момента он сидел молча и тихо, ошеломленный рассказами Байклина, Мертаха и Ратагана, теряясь в деталях, пытаясь хоть как-то осмыслить услышанное. И темный ужас медленно поднимался в нем по мере того, как ситуация прояснялась и Ривен начинал понимать, во что именно втянул его Байклин... и какая ему уготована роль во всем этом. А за нарастающим этим ужасом таилась согревающая душу надежда, что Дженни жива и что, скорее всего, она сейчас здесь, в Мингнише. Он едва справлялся с желанием немедленно встать и броситься прочь из этого зала, прочь из Рорима, — в предгорья, где бродят лютые хищные звери, — на поиски своей жены. Ему вдруг представились ее глаза, как она смотрела на него, тогда, в доме... глаза, в которых был только страх и еще — пустота. Он едва не взвыл от отчаяния.

И вот теперь этот старик, которого сам же Ривен и создал в своей книге высокомерным и самодовольным хранителем традиций Раларта, с таким неприкрытым презрением взирал на него.

— Какого черта! — возмутился он. — Что это вы о себе возомнили? Да кто вы такие, чтобы распоряжаться мной? Так вот запросто взяли и выдернули меня из моего мира, из моей жизни, затащили в какой-то этнографический парк, повесили на уши мне лапши, ужасы всякие, смерть, разрушение... и при этом на ваших глазах меня едва не прикончил деревянный пес. Побойтесь Бога! Сидите тут вокруг и обсуждаете меня, словно меня здесь и нет. Но я здесь, если вы еще не догадались. Здесь, в вашем хваленном заколдованном мире. И если я, как предполагается, чем-то могу вам помочь, что ж, хорошо... но тогда уж, ради Христа, прекратите обращаться со мной как с малым ребенком, который в силу своей неразвитости не способен понять, что происходит. Я все это создал! — он запнулся.

— Я создал вас... — повторил он неуверенно.

Воцарилась тишина. Флейта с Барабаном навострили уши. Наконец, Варбутт нарушил молчание.

— Итак, — тон его оставался таким же мягким, — у него все-таки есть язык. Меня это радует. — Проницательные глаза старика поймали взгляд Ривена. — Если мы оскорбили тебя, то я искренне прошу нас простить. Боюсь, мы здесь, в Рориме Раларта, не привыкли к особым церемониям. Я вижу, что ты настоящий мужчина, пусть ты и не из Мингниша. Совет наш открыт для тебя; наш дом — твой дом.

Ривен молча кивнул — в знак согласия или благодарности.

— Но слова твои лишний раз подтвердили то, что Байклин с Мертахом уже говорили нам.

— И что же такого они говорили? — огрызнулся Ривен, так и не успокоившись до конца. Варбутт повел головой в сторону Байклина. Тот осушил свою кружку и промолвил с кривой усмешкой:

— Я опять буду сейчас говорить о тебе, словно тебя здесь нет, — после чего отвернулся от Ривена и начал, уставившись в пол и вертя в руках пустую кружку:

— Как мы все уже знаем, Ривен — Сказитель. В своем мире он пишет истории, им придуманные, на бумаге, чтобы люди потом могли их прочесть. В его мире так много людей, что там невозможно ходить по свету, как это делают наши Сказители, и рассказывать людям истории в обмен на еду или ночлег, или чтобы снискать благосклонность властителя. Он пишет их на бумаге, и уже так, на бумаге, они расходятся по свету, — ибо в том мире бумага дешевая и ее много, — так люди их и узнают, а он сам сидит дома и сочиняет истории.

Тут Байклин поднял голову и поглядел на отца.

— Мы с Мертахом прочли два тома его историй, и все они оказались про Мингниш. Он все описал так, как есть: Горы и Доли, море и города. Он знает про Снежных Исполинов и гриффешей, про стражей и мирканов. И про нас тоже знает. Мы все есть там, в его книгах. Там рассказано про то, как Мертах меняет свой облик,

и про ратагановы пьяные дебоши... — Услышав это, гигант засмеялся.

— Но Ривен, хотя и писал про Мингниш, сам здесь не был ни разу. Все эти истории родились у него в голове. — Байклин вновь посерьезнел и покачал головой. — Но есть и еще кое-что. Мы все уже знаем, когда и как открылась та первая Дверь; и как это связано с известным событием из жизни Сказителя. И мы также знаем, что после этого стало с Мингнишем — холод и хищные горные твари. А теперь на минутку задумайтесь вот над чем. Была оттепель. Снег начал таять. Когда, Ратаган?

Бородатый гигант наморщил лоб.

— За два дня до того, как мы встретились в горах к югу от Скаралла. И растаял он как-то слишком уж быстро. Неестественно быстро. Так же, как и появился, — буквально за день.

Байклин утрюмо кивнул.

— Как раз тогда, когда мы с Ривеном покинули его дом на Острове и начали свой путь по берегу.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Ривен.

— Только вот что: когда ты покинул тот дом, где вы жили с женой, и направился к нам, зима отступила от Мингниша... первая передышка, которую эта земля получила за восемь месяцев, с тех самых пор, как погибла твоя жена, там, на Острове. Это ты, Майкл Ривен, твое подсознание, твои переживания управляют судьбой нашего мира.

Все остальные взорвались криками протеста, даже Варбутт в негодовании сказал свое веское слово. Это обыкновенное совпадение, возражали

они. Не может целый мир так зависеть от одного человека, тем более, что он этого и не подозревает. Наконец, Ривену надоело.

— А что с моей женой? — выкрикнул он в отчаянии, пытаясь перекрыть общий шум.

Все притихли.

— Она умерла. Я своими глазами видел. Она умерла. И вот теперь она бродит здесь, снова живая. Можешь ты объяснить это, Байклин!

Тот только руками развел.

— Не могу.

— Я не верю в привидения, — в ярости продолжил Ривен.

— А в волшебство ты веришь? — спросил Мертах каким-то странным тоном, и когда Ривен взглянул на него, он увидел, что глаза его невысокого худощавого провожатого стали вдруг яркожелтыми и заблестели в сумрачном свете уходящего дня, который струился косыми лучами сквозь высокие окна.

— Хватит, — сказал Гвилламон. Он, кажется, раздражен. — Разговор наш, похоже, ходит по кругу, кусая собственный хвост.

— Верно замечено, — согласился Варбутт. Выглядел он усталым. В глубоких морщинах его лица собирались тени. Снаружи медленно догорал свет дня. С холмов на востоке уже спускалась ночь.

— Пусть мой сын и мои советники еще побудут со мной, — сказал Варбутт. — Остальные могут идти. Дворецкий проводит вас. Сегодня вы все будете спать здесь.

Они молча поднялись. Ривен чувствовал себя никому не нужным и вообще был не в своей

тарелке; слова Байклина отдавались навязчивым эхом в его сознании. Мертах взял Ратагана под руку и помог ему выйти из зала. Ривен поплелся следом. Ему очень хотелось остаться, продолжить разговор и, может быть, выудить хоть какой-то смысл из всего этого безумия; но он здесь чужой. Посторонний. Не ему вмешиваться в их жизнь. И все-таки, если предположение Байклина верно, он, Ривен, убивает этот мир.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гвион, дворецкий, оказался плотненьким приземистым мужичком с добродушным лицом. В том сне наяву, который пригрезился Ривену в Бичфилде, Гвион был одиноким трактирщиком, — держал постоянный двор. Второстепенный персонаж одной из ривеновых книг. В этом же мире, однако, у него была жена, Игельда, властная женщина с бронзовой кожей, копной медных волос, которые она закручивала на затылке, и дородной фигурой матроны. Она лишь один раз снисходительно взглянула на Ривена, уперев руки в бока, — тот почувствовал себя точно школьник, уличенный в проделке, — и поручила супругу проводить Ривена в самую тихую комнату, потому что «у бедняги такой вид, будто он сейчас грохнется на пол». Гвион молча повиновался, застенчиво улыбаясь, — точно так же он улыбался и в той давешней грезе. По пути в комнату Ривен, не стесняясь, разглядывал дворецкого почти так же пристально, как все здесь пялились на него.

Ему предоставили небольшую комнату для гостей на первом этаже, выходящую окнами на север. Каменные стены ее были обшиты деревянными панелями. Кровать застелена ярким покрывалом, на столе не было свободного места: лохань с теплой водой, большой кувшин пива и кружка, тарелка со свежими фруктами. На покрывале лежала смена одежды. После ночей, проведенных в горах под открытым небом, непритязательное убранство комнаты показалось Ривену роскошным.

Он налил себе пива и встал у окна, глядя на

Круг и на Дол за ним. Закат оставил на небе лишь оранжевый след; в комнате становилось сумрачно. Предполагалось, вероятно, что он должен лечь спать вместе с солнцем, рассеянно подумал Ривен, как вдруг в дверь постучали, и в комнату вошел Гвион с двумя деревянными подсвечниками и несколькими восковыми свечами.

— Закрутился за день, так едва не запомнил, — проговорил он скороговоркой. — Прошу прощения. Куда это годится? Чтобы гости сидели в потемках. Что ж вы о нас-то подумаете?! — Он расставил свечи в канделябры, достал кремень с кресалом и какую-то железную коробочку. — Ну вот. — Он покосился на Ривена, который утрюмо потягивал пиво. — Еще что-нибудь нужно вам, сударь? Я, признаюсь, немного растерян: не знаю, что может понадобиться иноземному рыцарю.

Ривен невольно улыбнулся.

— Да нет, больше ничего не нужно. Все хорошо. Лучше и быть не могло.

— Ну, рад стараться, — сказал Гвион, явно польщенный. — Доброй вам ночи, сударь.

С тем он и ушел. Ривен продолжал улыбаться, глядя на свет, что начал уже зажигаться в окнах Дола, — точки, сверкающие в темноте, словно самоцветы во тьме штольни. В комнате сгустился сумрак. Ривен налил себе еще пива. Что ему сейчас нужно, — так это помыться как следует и сменить носки, но теперь, когда все это доступно, можно было и потянуть время. Слишком о многом ему надо было подумать, — мысли неслись в голове, точно песчинки в суматошном потоке, — и Ривену

хотелось сначала разобраться хотя бы с какой-то частью возникших вопросов.

Он прикончил очередную кружку, убедился, что в кувшине еще есть пиво, потом разделся. Его ноги невыносимо устали и просили ухода. Но Ривен тянул — был рад занять себя переживанием только физической боли, приятным ощущением пива в желудке, предвкушением мягкой постели. Ему хотелось отключиться на время, вообще ни о чем не думать, наблюдая, как темнота наполняет комнату.

Вода в лохани успела остыть и была едва теплой, но Ривен все равно с удовольствием поплескался в ней и оттер себя с головы до ног. Потом, то и дело откидывая со лба мокрые волосы, чтобы не лезли в глаза, рассмотрел одежду, которую оставили для него на кровати. Было у Ривена подозрение, что это одежда Байклина, — у них со Смуглым почти одинаковые фигуры. Брюки, вроде бы из замши, льняная рубаша без воротника и с широченными рукавами. Он оделся и решил зажечь свечи. В жестяной коробочке он обнаружил обрезки лоскутков, судя по слабому запаху — пропитанные каким-то горючим веществом, и осторожно высек кремнем искру. Лоскуток загорелся мгновенно, Ривен зажег свечу и, погасив лоскуток, закрыл крышку коробки.

Мир вокруг снова стал видимым: комната, озаренная светом свечи, и он сам. Ривен зажег три свечи, расставил их по разным концам комнаты и улегся, не забыв пододвинуть поближе к себе кувшин с пивом.

Свечи не успели сгореть и на дюйм, когда его

дрему нарушил стук в дверь. Ривен вздрогнул, пробудившись, вскочил с постели и распахнул дверь. На пороге стояли, сжимая бутылки и стаканы, Мертах с Ратаганом.

— Мы тут подумали и решили, что просто не можем оставить тебя одного в твою первую ночь в Рориме Раларта, — сказал Мертах, когда Ривен посторонился, впуская их. Флейта с Барабаном бесшумно проскользнули следом за Мертахом и улеглись на полу у входа.

— Мы пришли не с пустыми руками, — добавил Ратаган. Лицо его покрывал нездоровый румянец, а сам он тяжело опирался на палку, но глаза его так и сияли.

Бутылки и стаканы были водворены на стол, и Мертах без лишних слов принялся открывать вино.

— Пусть великие мира сего там у себя обсуждают дела большой важности, — сказал он, — у нас есть чем заняться, попробовать, например, дринанского двадцатилетней выдержки, пропажу которого Гвион, может быть, и не заметит. — Наконец пробка выскочила, и Мертах, понюхав горлышко бутылки, зажмурил глаза. — Нектар. — Он наполнил три стакана густой красной жидкостью, переливающейся, будто рубин, в свете свечей.

— Кое-кто полагает, что вино нужно дать подышать, — сказал он, беря стакан. — Но по мне, оно, бедное, и так ждало достаточно долго и заслужило того, чтобы мы без промедления оценили его. За огонь в твоих чреслах! И чтобы он никогда не обжег тебе пальцы. — Он отпил вина.

Ривен последовал его примеру. Сладкое, с фруктовым привкусом, но очень крепкое, вино обожгло ему горло. Свечи, казалось, вспыхнули ярче.

— Ну, Майкл Ривен, — проговорил Мертах, вдруг посерьезнев, — как тебе нравится Рорим Раларта... и вообще Мингниш?

— Вопрос так вопрос, — Ривен отпил еще вина. Он вовсе не был уверен, что ему сейчас хочется обсуждать с Мертахом эту тему, но Изменяющий Облик не стал дожидаться ответа. Наклонившись немного вперед и упершись локтями в колени, Мертах заговорил сам:

— Когда я был в вашем мире, я увидел твои книги, выставленные в окне магазина. Я их купил. И прочел... Оказавшись у вас, наши люди легко могут читать письма вашего мира... Я был потрясен. Я испугался, мистер Ривен, потому что я был в этих книгах. И Ратаган, и Байклин, и Варбутт, и сам Рорим Раларта. И знаешь... Ты помнишь, о чем там написано, в твоих книгах?

Ривен старался не встречаться с ним взглядом.
— Помню.

Мертах кивнул. — Ну, конечно, ты помнишь. Ты — Сказитель, и ты их создал, все эти истории.

— И о чем же истории? — без церемоний спросил Ратаган. В его голосе явственно слышалось нетерпение.

Мертах улыбнулся.

— Это летопись истории нашего края: нашествия, войны, интриги, сражения и споры... вплоть до самой Большой зимы. Все основное действие там происходит зимой, зима губит землю, гонит

зверей из горных убежищ в долины. Трое героев отправляются в странствие, дабы исполнить свой подвиг и спасти погибающий мир. Они идут на север, в темную пасть пурги.

— И что? — в нетерпении перебил его Ратаган.

— И ничего, мой пивной бочонок. История не закончена. Еще должна быть третья книга, повествующая о спасении — или крушении, надо думать, — мира. — Мертах на мгновение умолк, и на лице его появилась какая-то дьявольская усмешка. — Мы и есть эта троица. Ратаган, Байклин и я.

Ратаган так и застыл, не донеся свой стакан до рта. Потом поглядел на Ривена:

— Понятно.

Ривен залпом осушил свой стакан, — вино тут же ударило в голову, — но он все равно протянул стакан Ратагану, и тот наполнил его по-новой. Лицо великана выражало тревогу, однако больше он ничего не сказал.

— Итак, — продолжал Мертах, — теперь ты, наверное, понял уже, почему и зачем мы притащили тебя в Мингниш, Майкл Ривен. Мы должны выяснить, как твои книги связаны с этой землей. Там, в Зале приемов, ты говорил, что ты создал всех нас. Может быть, это и правда.

— Сумасшедший дом, — огрызнулся Ривен.

Мертах лишь на мгновение задержал на нем взгляд.

— Ты сидишь здесь и пьешь вино в компании людей, которых всегда считал плодом своего воображения. В мире, который по законам вашего мира просто не может существовать. По-моему,

такими словами, как «сумасшедший дом», здесь не отделаться. — Мертах вновь улыбнулся, но только губами: глаза его были серьезны.

— Я согласен с Байклином в том, что поворотным моментом явилась гибель твоей жены. Смерть ее вызвала в Мингнише те изменения к худшему, которые происходят в твоей истории. Ее смерть открыла ту первую Дверь, разорвав ткань пространства между вашим миром и нашим.

— А до этого? — спросил Ривен. — Ваша история?

— Точно такая, как ты описал, — признал Мертах. — Есть какие-то мелкие различия, конечно, — само название Мингниш, к примеру, — но в большинстве своем твои описания этой страны, ее людей, и событий очень точны.

— Гип-гип-ура, — пробормотал Ривен.

— А какая она была, Майкл Ривен, твоя жена?

Кажется, кто-то уже задавал ему этот вопрос. Он помотал головой. Он не хотел сейчас думать об этом. Потом — да, но не сегодня.

— Забудем об этом.

Мертах мрачно взглянул на него.

— Она может быть здесь.

— Она мертва! — простонал Ривен в ответ и хлебнул еще вина. Пламя свечей наполняло комнату неверным светом, и лишь за окном сгустился мрак ночи. Где-то там, в темноте, была Дженни. Он вновь ощутил давно знакомый уже приступ тоски с яростью пополам. Дженни, которая не узнала его тогда в доме. Которая от него убежала. Но все равно — Дженни, его жена.

— Я согласен с Байклином в том, что неесте-

ственная эта зима прекратилась, едва ты покинул свой дом... Едва ты оставил все воспоминания позади и, — кто знает? — может быть, даже обрел некоторый покой. То есть, что получается? У тебя улучшается настроение, а у нас тут начинает сиять солнце. Но посевы уже погибли. Этой зимой все равно будет голод. И кровожадные дикие твари все еще ходят по нашей земле, бесчинствуя и убивая. Когда, в свое время, настанет сезон холодов, первыми поумирают старики и ребятишки. Так что Долам, по крайней мере, уже нанесен невосполнимый урон.

Ривен поник головой.

— Ну так что ты теперь ждешь от меня? Я всего-то и сделал, что написал пару книг, а потом у меня погибла жена, и я сам разбился. Не могу я приказывать своим чувствам. Вы хотите от меня невозможного... В это невозможно поверить, — закончил он жалобно.

— Невозможно поверить! — воскликнул Мертах. — Вот ты сидишь здесь, среди нас! И не можешь поверить?

— Потому что все это как будто из книги.

— Это и есть из книги... из твоей, между прочим, книги! Пока ты забавляешься своими сказаниями, наши люди умирают. По-настоящему!

Они молча смотрели друг на друга. Волки Мертаха напряглись и выжидающе застыли, наострив уши, на полу у двери. А потом глухой бас Ратагана прервал тишину:

— Боги вышние, у меня в животе так и крутит, словно маслобойка работает. А и крепкая ж гадость,

это вино. Верно, не стоило мне изменять старому доброму пиву.

И Мертах и Ривен поглядели на Ратагана с выражением, больше всего похожим на облегчение. Он хмурился, осторожно поглаживая свое пузо.

— Но, наверное, я все же выживу. — Он поглядел на Ривена с Мертахом и расплылся в улыбке. — Я что, помешал вашему серьезному разговору?

Мертах расхохотался и потрепал его по плечу:

— Ты, медвежище, когда пьян, гораздо трезвей, чем когда трезв. — Потом он поднялся и отвесил Ривену церемонный поклон. — Как справедливо заметил Варбутт, учтивые речи, равно как и манеры хорошего тона, в наше время прискорбно редки. Ты здесь гость, а я пытаю тебя расспросами. Прошу извинить меня. Я просто дурно воспитан. Все, больше ни слова о сложных проблемах... это портит вино. — Он вновь уселся и разлил вино по стаканам, опорожнив первую бутылку. — Давай, лучше ты задавай вопросы, а я попытаюсь тебе ответить. Тебе, я уверен, есть о чем расспросить, про Рорим и про Мингниш.

На мгновение у Ривена возникли подозрения, но Мертах, похоже, и не думал над ним издеваться. Ривен отпил вина.

— Вот Рорим... он ведь не один такой, есть еще, да?

Мертах кивнул.

— Ближайшие наши соседи — Рорим Карнаха на востоке, властитель там — Магейри, и Гаррафад на севере, там властитель — Брагад. Карнах расположен повыше в горах и больше всего

пострадал от набегов диких тварей... и особенно — Исполинов. Гаррафаду повезло больше. Брагад быстро мобилизовал людей, организовал дозоры по всему Долу. Было там несколько крупных стычек с волками и с крысами-вепрями, они бродят там целыми полчищами. Мы, впрочем, почти не имеем с ним дела, с Брагадом. Он — человек замкнутый, себе на уме. И хорошо говорит, заболтает кого угодно. Я ему не доверяю.

Есть и другие Роримы, понятно, еще дальше к востоку и западу: Тальм и Грамах, Поллаган и Мунен. И у всех сейчас те же проблемы. У нас не хватает обученных воинов, чтобы как следует охранять Долю и прилегающие к ним предгорья.

— Не удивительно. С двумя дюжинами человек многого не добьешься.

— Стражей обучают мирканы, — вступил в разговор Ратаган, пропустив руку под синий кушак на поясе. — И потом, у нас восемь мирканов. И каждый стоит целого отряда. При острой необходимости мы вербуем Вольную Братию — наемников, запроедающих свои мечи тому, кто предложит наивысшую цену. Но вот уже год, как никто из воителей Вольной Братии не появляется у нас здесь, на юге. Должно быть, их всех наняли города — защищать предместья, что расположены за пределами городских стен. Брагад все пытался склонить Роримы к тому, чтобы они объединили силы и вместе предприняли что-то вроде обширной военной компании: поднялись бы в горы и перебили по возможности больше тварей, что угрожают Долам. Но это ведь не решение проблемы.

— Почему? — не понял Ривен. — По мне, так идея хорошая.

— Нет, не слишком хорошая, и по ряду причин, — сказал Мертах. — Во-первых, этих тварей не заставишь принять бой, как организованное войско, даже если они иногда действуют как сплоченная армия. Во-вторых, Брагад особенно настаивает на том, чтобы эти объединенные силы Роримов вышли под безраздельным его командованием, поскольку, мол, у него есть уже опыт обращения с большим количеством людей — ведь он организовал патрульные отряды. Это настораживает, поскольку властитель Гаррафада всегда стремится надеть сапоги больше тех, в которых он ходит сейчас.

— И что ж вы тогда собираетесь делать?

Мертах потрепал Флейту за уши.

— Организовать людей. Создать ополчение. Увеличить число стражей, как уже говорил Варбутт. А больше и делать особенно нечего.

Разве что еще пораскинуть мозгами насчет моего во всем этом участия, подумал Ривен про себя. Неужели ему суждено стать простой пешкой в этой — им же и выдуманной — истории?

Нет, надо попытаться как-то этому воспрепятствовать.

Но все это было странно. Сидеть в этой комнате, в старинном доме за крепостной стеной. Нарядиться в необычного покроя чужую рубаху и замшевые штаны. Пить вино в мерцающем свете свечей в то время, как на полу, у самых ног, дремлют два волка. Теперь у него появилось какое-то мучительное ощущение: сожаление, что

тогда, в том мире, печаль его затмила собой все. И он тут же возненавидел себя за это. Как он может сидеть здесь, и наслаждаться, подчиняясь очарованию этого мира, когда...

Они пили еще и еще, пока слова их беседы не стали невнятные, а свечи не догорели до низких огарков. Но вот Ратаган разлил по стаканам остатки вина, и они осушили их в последний раз.

— Нам пора, — сказал Мертах, поднимаясь. Его шатало. Он зажмурился и потряс головой. — Мне бы, кажется, не помешало глотнуть свежего воздуха.

Все трое двинулись к окну. Окно распахнулось, протестующе скрипнув петлями. Холодный воздух ночи ворвался в комнату, освежая им головы. Ратаган что-то мурлыкал себе под нос. Оберегая ногу, он оперся о плечо Ривена.

Внизу в сумраке звездной ночи распростерся Раларт, усыпанный точками света из окон домов, — за ним темными силуэтами громоздились холмы. Где-то, совсем близко, проухала сова. Было так тихо, что даже отсюда, из комнаты, слышался плеск реки. Вдалеке проблеяла овца. Забрехала собака. И вновь стало тихо.

Ратаган глубоко вдохнул воздух. Мертах оперся о подоконник, вперив взгляд в темные холмы и звездное небо над ними.

— Я люблю этот край, — сказал он тихо.

Они долго стояли молча у окна, а потом, пожелав Ривену доброй ночи, Мертах и Ратаган ушли, беззвучно прикрыв за собою дверь.

Когда Ривен проснулся, шел дождь, — капли летели в комнату сквозь распахнутое окно. Он еще

полежал, соображая, где вообще он находится, потом встал, трясаясь от холода, закрыл окно и снова забрался в постель. Он вспомнил вчерашний вечер. Теперь его интересовало, в котором часу здесь обычно завтракают. К несказанному его облегчению, голова не болела и была на удивление ясной. Ривен отхлебнул пива из кувшина, что стоял у кровати, и прислушался к шуму дождя. Потом сжал обе руки, захватив льняные простыни в кулак, явственно ощущая ладонями грубую текстуру ткани. Из неплотно закрытого окна тянуло холодом. Ноги еще не согрелись после того, как он прошелся босиком по каменному полу.

Это все настоящее. И я внутри всего этого. Дышу, осязаю, ем и пью, и чувствую вкус.

Но как такое возможно?

Он перебрал в уме то немногое, что знал из физики, но его скудных знаний явно не хватало, чтобы найти какое-то приемлемое объяснение. Впечатление было такое, что он случайно попал на сцену, в хорошо поставленный спектакль по знакомой ему пьесе Шекспира. Только это было не представление. Вокруг него были не декорации, а реальный мир, и окружавшие его люди не были актерами.

Он почему-то вдруг вспомнил Гвиона, дворецкого, и ощутил какое-то странное удовольствие от того, что ему встретился персонаж его книг. Точно такой же, как в книге. Господи Боже мой, абсолютно такой же, вплоть до суетливых манер и радушной улыбки.

Я знаю этих людей.

Что-то похожее на логическое объяснение замаячило где-то на краю сознания, — но пока еще ускользало, хотя, казалось, еще чуть-чуть, и все станет ясно, — когда он припомнил вчерашние посиделки: раскрасневшиеся от вина, озаренные колеблющимся светом свечей лица Мертаха и Ратагана. Еще тогда у него появилось странное ощущение узнавания уже виденного, *déjà vu*; но здравомыслие не позволяло Ривену дать этому какое-то разумное объяснение. Даже пытаться не стоит — безнадежно.

Он так и лежал в постели. Ноги постепенно согрелись. Он глубоко вдыхал чистый, чудесный воздух, и на мгновение почувствовал себя ребенком в родительском доме.

В дверь легонько постучали, и в комнату вошла юная девушка с подносом в руках. Лишь один раз она бросила быстрый взгляд на Ривена, пожелав ему доброго утра, и вновь потупила взор. Ривен пожелал ей того же, опять очень болезненно осознавая свое обезображенное — в шрамах — лицо.

Она поставила поднос и занялась сервировкой стола к завтраку.

— Меня зовут Мадра, — застенчиво проговорила она. — Ратаган велел мне принести вам ванн завтрак сюда, сударь, а заодно справиться... — она невольно улыбнулась, — ...не раздружились ли голова ваша с желудком. Он просил передать, что вы найдете его в Зале приемов, если у вас будет настроение туда пойти. — Она качнула головой. — Вы поешьте, пока не остыло. — И ушла, прикрыв за собой дверь.

Ривен встал, быстро оделся, позавтракал — пахта и овсянка — и вышел из комнаты в коридор. А чем, интересно, сейчас занимается Байклин, спросил себя Ривен и вспомнил вдруг напряженный взгляд Мертаха и вчерашние его слова: «Это и есть из книги... из твоей книги.»

Из моей книги. Что ж, может быть. Но есть еще кое-что.

Дворец представлял собой настоящий лабиринт извилистых коридоров, окон, арок и лестниц, расположенных в самых неожиданных местах, многочисленных дверей и глубоких ниш. По пути в Зал приемов Ривену встретилось несколько слуг — по крайней мере, он предположил, что то были слуги, — и один препоясанный синим кушаком страж, который пребывал в столь глубокой задумчивости, что вообще не заметил Ривена.

Когда Ривен уже начал думать, что он безнадежно потерялся, приветственный возглас возвестил о том, что он все-таки вышел в нужное место. В зале не было никого, только Ратаган и хрупкая седая дама, одетая в богатое платье из темной шерсти и со множеством колец на пальцах. Гигант сидел в кресле у очага с громадным кувшином пива и сосредоточенно строгал перочинным ножом какую-то палку. Тишину нарушал только стук дождевых капель об оконные стекла.

— Майкл Ривен! Мадра мне доложила, что ты жив и здоров, и даже неплохо себя чувствуешь в это дождливое утро. Я подумал, что ты, может, захочешь составить компанию бедному раненому.

Только теперь женщина искоса поглядела на Ривена. Глаза ее были темны и ясны, как у птицы,

острые и пронизательные настолько, что Ривен, наверное, почувствовал бы себя неуютно под взглядом этих пронзительных глаз, если бы приветливое выражение лица не сглаживало ощущение тревоги.

— В самом деле, — сказала женщина. — Так, значит, вот он — Сказитель из далекой земли из-за моря. — Ее голос был звонким, как у девушки. — Ратаган! Ты нас не представишь друг другу?

Похоже, просьба ее раздосадовала Ратагана.

— Разумеется. Вы, матушка, знаете, кто такой Майкл Ривен. — Он взмахнул здоровенной ручищей, при этом его перочинный ножик указал на Ривена. — А это леди Этирра, моя матушка.

Ривен неуклюже поклонился, не зная, что приличествует говорить или делать в такой ситуации. Дама чопорно кивнула, седые пряди контрастно выделялись в темных ее волосах.

— Я вас оставляю одних, — проговорила она. — Не сомневаюсь, вы с моим сыном прекрасно разберетесь тут и без меня. Может быть, Майкл Ривен, — незнакомое имя далось ей не без труда, — хотя бы вам удастся убедить моего неслуха в том, что ему надо ограничить эти вылазки по стране, когда он бродит по диким местам, в которых кишмя кишит дикое зверье. — С тем она и ушла. Длинные юбки ее прошелестели по каменному полу. На лице Ратагана отразилось явное облегчение. После ухода леди Этирры воцарилось молчание, тишину нарушал только шорох стружек, срезаемых перочинным ножиком.

Ривен уселся.

— А где все? — спросил он наконец. Ратаган легонько постукивал палочкой по ладони. Хмурые складки на лбу у него расправились.

— Вопрос непростой. Сегодня здесь охота, все пустились вдогонку за стаей гриффешей: ночью они совершили набег на стадо, и, говорят, ими предводительствовал Снежный Исполин. Сам я так думаю, все это фермерские бредни, у страха глаза велики, но они все равно устроили охоту. Байклин, Мертах, Данан и еще шесть стражей, и Люб с Ордом от мирканов. Батюшка мой что только ни делает, чтобы утихомирить остальных пастухов. — Он вдруг с досадой ударил палкой о пол. — А мы вот с тобой торчим здесь. — Тут он развел руками. — И пропустим, сдается мне, все веселье. Единственное утешение, — Ратаган покосился на окно, — что они сейчас мокнут там под дождем. Гвилламон грозился, что прекратит снабжать меня свежим пивом, если я только высуну ногу за порог, а все в доме заняты каждый своими делами, так что мы с тобой предоставлены себе и должны сами себя развлекать.

Ривен был разочарован. Сегодня утром он надеялся поговорить с Байклином и, быть может, пройти по Раларту.

— Кажется, Мертах меня недолюбливает, — сказал он словно бы между прочим.

Ратаган рассмеялся.

— Можно и так подумать. Но ты ошибаешься, Майкл Ривен. Не то, чтобы он недолюбливает тебя; ему просто очень не нравится мир, из которого ты пришел, и совсем не нравится мысль, что судьба его края оказалась в руках пришельца из

того неприятного мира. Это несколько выбивает его из колеи. Мертах, он как кошка: ей нужно знать, куда она ставит лапы, — а ты вроде как нарыл на пути у него волчьих ям. И он себя чувствует неуверенно. Не удивительно, что бедняга не испытывает к тебе теплых чувств.

— Ну а ты... и все остальные, раз уж на то пошло? Может быть, весь Рорим втайне жаждет моей крови?

— Ты оказал нам плохую услугу, — ответил Ратаган. — Но что до меня, то я готов подставить плечо любому, лишь бы человек был хороший, неважно, держит ли он в руках судьбы мира или сгребает навоз. Если он хороший человек, то он так и будет хорошим, чем бы он там ни занимался. Так вот я думаю.

Что касается всех остальных из Рорима... мой друг, горничные и служанки буквально трепещут перед тобой в благоговейном страхе. Ведь ты у нас — доблестный рыцарь с Острова Туманов. Нам с Мертахом так или иначе пришлось бы измыслить тебе некий титул, вот мы и возвели тебя в рыцарское достоинство. Во всяком случае, сегодня утром они чуть ли не передрались, пока спорили, кто понесет тебе завтрак, так что мне даже пришлось вмешаться. Я послал к тебе Мадру, она, пожалуй, самая хорошенькая из всех и в голове у нее не один только чертополох.

Они оба расхохотались, хотя Ривен даже вспомнить не мог, как она вообще выглядела, эта Мадра. Впрочем, голос ее он запомнил. Приятный такой грудной голос. И еще скупую улыбку.

— К тому же, — продолжал Ратаган, вновь

принимаясь строгать свою палку, — ты здесь гость. Да еще приглашенный наследником Варбутта. В нашей земле гостеприимство — пусть и неписанный, но непреложный закон, не как в вашем мире, судя по рассказам Мертаха. Пока ты гостишь в этом доме, ты здесь вроде как член семьи. Точно так же, как я. — Он умолк и принялся тихонько насвистывать. Белые стружки падали на пол. Дождь барабанил в окно.

Вдруг Ратаган, отложив нож, вскочил, на удивление проворно, хотя пока еще опирался на палку.

— Пойдем, — сказал он. — Вижу я, ты не в том настроении, чтоб находить развлечение в добродушном подшучивании, Сказитель. Да и я, впрочем, тоже, я ведь еще не завтракал. Так что я предлагаю сейчас перебраться на кухню и немножко понадоедать Кольбану, а потом мы с тобой сядем у какого-нибудь окошка, где вид получше, и поглядим на Рорим под дождем. Что скажешь?

Ривен с готовностью согласился и поспешил вслед за Ратаганом. Ему вовсе не улыбалось сидеть в этом огромном пустынном зале, к тому же он все время нервничал, ожидая, что сейчас сюда войдет Варбутт.

Кухня располагалась в задней части Дворца, вернее, даже не кухня, а много кухонь — целая вереница больших комнат и комнатушек поменьше, заставленных деревянными разделочными столами и здоровенными печами, на которых кипели исполинских размеров котлы. Были здесь и духовые печи, встроенные прямо в стены, с железными заслонками. По стенам длинными

рядами тянулись полки, заваленные всевозможными овощами, травами, специями и прочими съестными припасами. Немалое место занимала посуда: деревянные и глиняные блюда, кухонная утварь всех форм и размеров. Воздух был буквально пропитан пряными ароматами готовящейся пищи, причем преобладал острый запах корицы. Представительный лысый толстяк суетился у кипящего котла, остальные что-то резали, мыли, помешивали и протирали, весело болтая.хлопотливое теплое место, так непохожее на надменный пустынный Зал приемов.

— Кольбан! — еще с порога прокричал Ратаган. — Я пришел отравлять тебе жизнь.

Толстяк даже не поднял глаз.

— Клянусь, Ратаган, даже если б ты был рожден исключительно с предназначением меня донимать, у тебя все равно бы не вышло лучше. Все равно — никакого больше пива. Ради соблюдения приличий, твоего здоровья и моего спокойствия.

— Ты, как всегда, плохого мнения обо мне, Кольбан. Я просто хочу показать Рыцарю с Острова, откуда явился его завтрак, а также немного подкрепиться самому.

Теперь Кольбан оторвался, наконец, от своего котла. Многие в кухне тоже на мгновение прервали работу.

— Так бы сразу и сказал, медведь. — Кольбан отошел от помощников, на ходу вытирая руки передником. — Грип! — гаркнул он зычным голосом. — Присмотри пока за бульоном! — Поваренок мигом встал на место Кольбана у котла.

— Рыцарь — принц у себя в стране, великий

властитель и предводитель войска, — продолжал Ратаган, слегка подтолкнув Ривена локтем. — Он специально пришел посмотреть, как у нас тут устроена кухня, ибо его главный повар страдает прискорбной нехваткой вдохновенных идей.

Кольбан вытер лоб.

— Вы только учтите, у нас тут сейчас кутерьма такая; эти набег, они так выбивают из колеи, да и запасы поистощились в связи со всей этой неразберихой. Овощей не хватает. Все, что есть у нас свежего — только то, что мы выращиваем внутри Круга. А эти недавние морозы погубили почти весь урожай. Мяса мы в этом году закоптили всего ничего, знаете ведь, пастухам пришлось отогнать все стада с верхних пастбищ.

Ратаган, задумчиво кивая, налил себе полную чашку бульона. Ривен безмолвствовал, не зная, что вообще говорить, но, к счастью, Кольбану, похоже, не терпелось выложить новому человеку все о вверенном его заботам хозяйстве. Он взял Ривена под руку и потащил его за собой по кухне, ни на мгновение не умолкая.

— У нас, разумеется, есть кое-какие посевы пшеницы и ячменя внутри Круга, но в этом году они уже не принесут урожая. Все из-за холодной погоды. Хорошо еще, мы запаслись с прошлого года, так что хлеб в Рориме есть. Всем хватит. И даже кое-что останется, чтобы продать пастухам с предгорий. — Он указал на длиннющий ряд больших стеклянных кувшинов. — И пряностей тоже на год вперед запасено, что очень ценно: караванный путь из Нальбени, вероятно, вот-вот закроют. Травы-приправы мы сами выращиваем;

здешний сад — мое детище, хотя вроде бы нехорошо себя так нахваливать. Но, знаете, сам себя не похвалишь... Мы еще держим коров и коз, там, в загонах в западном секторе Круга, делаем сыр и меняем его у охотников на дичь. В общем, стараемся сами себя прокормить. — Лицо его вдруг потемнело. — Что в такое тяжелое время вовсе не лишне.

Мадра зашла на кухню со стопкой деревянных тарелок. Ривен помахал ей рукой, но она его не заметила.

— За кухонными помещениями у нас кладовые. И там же жилые комнаты для слуг и горничных. Мы все тут одну лямку тянем. — Кольбан широко улыбнулся Ривену. — А в чем конкретно проблемы у вашего повара, сударь? Это вообще ничего, что я спрашиваю? Я просто подумал, я мог бы помочь вам советом.

Ратаган захихикал, но Ривен его проигнорировал.

— Да не беспокойтесь вы, право. Я все посмотрел, все запомнил, уж теперь-то я вправлю ему мозги. Объясню ему очень доходчиво, как надо делать, а как не надо.

Толстяк просиял.

— Вы так добры, сударь, так добры. Мы просто стараемся в меру своих скудных сил. Я обязательно скажу Гвиону, что вы одобряете.

— Да уж, скажи ему, Кольбан; он, я уверен, оценит, — встрял в разговор Ратаган. — Ну а теперь мы с доблестным Рыцарем вас покинем. Нас призывают дела государственной важности.

Они вышли из кухни. В ушах так и звенело

настойчивое приглашение Кольбана заходить в любое время. Ратаган посмеивался.

— Как бы там ни было, вы обзавелись верным другом, лорд Ривен.

— Сдается мне, ты со своим этим «лордом» и «рыцарем» в конце концов поставишь меня в неловкое положение.

Ратаган пожал плечами.

— Кому в Мингнише разбираться, кто ты на самом деле, Майкл Ривен? Если все это правда, что говорят о тебе Байклин с Мертахом, то ты в этой стране будешь повыше любого властителя. А они верят в то, о чем говорят.

— Ну а сам ты во что веришь?

Гигант насмешливо взглянул на него.

— Я во что верю? В полный кувшин пива, хорошего друга и надежного коня. И еще в лезвие своего топора. Я, видишь ли, предпочитаю не доискиваться до смысла жизни. Все эти «для чего?», «почему?»... Всегда найдется немало охотников разбираться в подобных материях, а меня уж увольте. — Тут он снова заулыбался. — Лучше гляди сюда: мне там на кухне попался один мудрый советчик, и я, понятно, не мог его не прихватить с собой. — Он оттянул ворот рубашки, обнаружив за пазухой темное узкое горлышко винной бутылки. — Так что давай найдем где-нибудь тихое место и спокойно испросим у него совета.

Они отыскиали окно с широким низким подоконником, откуда открывался обширный вид на южные холмы Раларта. Серебристая лента разлившейся речки делила территорию Рорима, заклю-

ченную в Круге, надвое: вдали виднелись копошащиеся белые пятна — отары овец. И потемнее — стада коров. Много места занимали поля, но даже отсюда, из окна, было видно, что посевы большей частью погибли, побитые морозом. Накрапывал мелкий дождь. Ривен мог разглядеть и крохотные фигурки людей, занятых на строительстве: они клали какую-то стену, подгаскивая к ней поближе крупные камни.

— Они там что-то строят, — он показал на людей, которые трудились под моросящим дождем.

— А-а, — пробурчал Ратаган, сделав добрый глоток вина прямо из горлышка. — Будет новое пристанище для пастухов, которым пришлось спешно бежать с предгорий. Варбутт строит им дома внутри Круга, а за это они, если возникнет нужда, будут сражаться за Рорим. Льюб уже начал их обучать. Может быть, кто-то из них даже станет стражем.

— А их учат владеть оружием?

— Да, только пикой, в основном, и боевым посохом. Мечи, понимаешь ли, есть не у многих. Правда, нашлась там и пара лучников.

— Мне тоже хотелось бы поучиться. Можно мне как-то к ним присоединиться?

Ратаган во все глаза уставился на Ривена.

— Да почему ж нельзя, можно. Но только зачем тебе?

Ривен пожал плечами.

— Когда-то я был солдатом. В том, моем мире. И мне бы хотелось хоть что-то узнать о солдатах и вообще о воинской службе здесь, в вашем. И потом, когда-нибудь это может пригодиться...

— Ну, хорошо, — сказал Ратаган. — Как только Люб вернется, я с ним сразу же поговорю. И если ты будешь делать успехи, мы к тебе персонально приставим миркана, чтоб ты уже проходил подготовку вместе с будущими стражами. Есть у тебя оружие?

— Есть кинжал. И, если понадобится, я всегда смогу вырезать себе посох или дубину.

— Ну что ж, замечано. Я бы и сам взялся тебя учить, но вот, видишь ли, незадача. — Он приподнял забинтованную ногу. — К тому же, Люб говорил, что я — не из самых способных его учеников.

— А какой он вообще, остальной Мингниш? — спросил Ривен.

— Такой, как здесь, не везде. Дальше к северу, за Гаррафадом, расположены города Мингниш, Идригиль, Талскер и Аверниш. Там нет гор и края не такие холмистые, там сразу видно, что вся страна представляет собой одну большую равнину. Раларт — только впадина в склоне гор на ее краю. Там протекает Великая река, так что земля там богата... и люди богаче тоже. Дальше к северу, за Авернишем, тянется гряда холмов, северяне называют ее Уллинишем. Там, у этих холмов, и кончаются земли Мингниша. А еще дальше, за холмами, начинаются уже настоящие горы: Гресхорн. А в самом сердце нагорья стоит Алая Гора. Мы ее называем Стэйр, гномы — Арат Гор, а вы — Сгарр Диг.

— Расскажи мне о городах? Они большие?

Ратаган состроил гримасу.

— Талскер — самый большой. Наш Рорим

поместился бы туда тридцать раз и еще б место осталось. Талскер — главный центр торговли. Древесиной торгуют и кожей. В Дринане рудники, местные там добывают железо и медь и меняют их на продукты, ведь у них нету времени самим растить хлеб. Они великие рудокопы, дринанцы, и кузнецы у них самые лучшие, их мечам нету равных во всей стране. Они тем и живут, кузнецы: бродят по свету и предлагают свои услуги влиятельным лордам.

В Талскер ходят караваны с востока, так что там всегда есть и пряности, и шелк, и замечательные неутомимые скакуны: хоть вечность будут скакать — не устанут. Они из Нальбени, степного края Кханса, что лежит по ту сторону восточной пустыни. Немногим известны караванные тропы через безводные земли к Нальбени; купцы талскерской Торговой Гильдии ревниво хранят свои секреты.

Ратаган вздохнул.

— От нашего дождливого Дола до пустынных земель путь далек. Да и дороги теперь стали небезопасны из-за всех этих тварей, что повылезли из гор и мародерствуют по стране. Теперь безбоязненно могут пускаться в путь только вооруженные до зубов отряды.

Дождь усилился, тяжелые капли забарабанили по стеклу. Строители новых домов побросали свою работу и поспешили укрыться от ливня. Животные так и остались стоять на ветру под дождем, терпеливо дожидаясь хозяев.

Неужели она сейчас мокнет под ливнем? Или она все-таки отыскала дорогу к домику? В каком она сейчас мире... в этом или в том, обыденном?

Он невольно поежился при одной только мысли о том, как эта смуглая девушка-жена бродит по холоду, под проливным дождем. Его вдруг охватило какое-то смутное беспокойство. Он чувствовал: это важно... и важнее всего — она. Его Джени. Альфа и омега всего, что случилось здесь и случится. Только бы знать еще, почему.

И увидеть ее. Удержать.

Охотники возвратились ближе к вечеру. Им пришлось спешиться, чтоб провести лошадей по раскисшей дороге к Рориму. Одетые в кожу слуги выбежали под дождь им навстречу и забрали лошадей. Байклин и все, кто был с ним, — вымокшие до нитки, — ввалились в дом. Раненых не было, так что все сразу же разошлись по своим комнатам, чтобы помыться и переодеться. Гвион все охал и суетился, как женщина, стараясь во всем услужить. Гвилламон же, наоборот, был угрюм и, коротко переговорив с Байклином, поспешно удалился.

Ратаган с Ривеном перебрались обратно в Зал приемов, где теперь было полно прислуги. Уже накрыли столы, разожгли в камине огонь и вносили тарелки с едой и кувшины с питьем. Они уселись за стол, и Ратаган привычным движением налил Ривену и себе пива.

— Сегодня, я так думаю, будет большой разговор, — предрек он, — если я только правильно понял настроение Гвилламона. Но с чего бы, интересно. Никто вроде из наших не ранен, насколько мне удалось разглядеть.

Тут в зал вошел Байклин и сел рядом с ними, устало откинувшись на спинку кресла.

— Да, долгий был день, — он с благодарностью принял кружку пива. — Привет тебе, господин мой Рыцарь с Острова Туманов. Надеюсь, у вас день прошел хорошо? — Он улыбнулся Ривену и лукаво приподнял бровь.

Ратаган рассмеялся.

— От его похвал слуги в кухне летают на крыльях. Мне показалось, что это неплохая идея: наделить нашего гостя каким-нибудь громким титулом, так что если Варбутт не одобряет, то пусть сделает выговор мне.

Байклин пожал плечами.

— Наверное, ты прав. — Он поглядел внимательнее на Ратагана. — А ты опять... совершил злостный набег за вином на кухню!

Ратаган отхлебнул пива и вытер рот.

— Да, совершил, и надеюсь на отпущение Всевышним грехов моих. Вошел Мертах, следом за ним — два миркана и с полдюжины стражей в кожаных мундирах. Все расселись и без лишних церемоний принялись за еду; слуги только и успевали вносить новые блюда и наполнять опустевшие кружки. В зале поднялся гул, — глухое воркотанье застольной беседы.

— Ну, — терпение Ратагана лопнуло, — вы собираетесь нам, наконец, рассказать, что там приключилось, или нет?

— Не видишь, мы едим, — воспротивился Мертах, вгрызаясь в куриную ногу.

— Ну так и что? Это не мешает вам заниматься своей болтовней!

— Гриффешей мы не догнали, — сказал Байклин. — Когда мы прискакали на место, нашли

там только убитый скот, хорошо, что пастухи не пострадали. Мы их забрали с собой, оставили неподалеку от Круга. — Он проглотил вздох. — Но мы наткнулись на следы Исполинов. Три следа, вели прямо в Дол. Мы поспешили за ними, но Исполины свернули на каменистый склон, и дождь смыл все следы. Мы обошли все предгорье к западу от Дола, но не нашли никаких следов, которые вели бы из Раларта.

— То есть, они где-то здесь, Исполины, — уточнил Ривен.

— Да. Сегодня ночью стражи выйдут в дозор. По всему Долу. Мы уже предупредили людей, чтобы не выходили из дома. Должны же они, по крайней мере, в такую собачью погоду сделать так, как им сказали.

Ратаган тихонько присвистнул.

— Понятно теперь, почему Гвилламон такой мрачный. Ведь они могут сегодня напасть на стада и немалый урон причинить.

— И не только сегодня, — заметил Мертах. — Пока мы их отсюда не выгоним.

— С Исполинами разве поспоришь? — спросил Байклин, откусывая яблоко.

— А можно, я сегодня тоже пойду в патруль вместе со стражами? — сказал вдруг Ривен, поддавшись внезапному порыву. — Не забывайте, ведь это я их придумал, Снежных Исполинов. Они, эти чудища, из моей книги.

— Это тебе не книга, — возразил Мертах. — Они запросто могут тебя укукошить.

Байклин вскинул руку.

— Ну ладно, хватит. Все-таки Мертах прав. Ты

не умеешь еще обращаться с нашим оружием, сэр Рыцарь, а мы не можем позволить себе эту роскошь: чтоб Исполины тебя разорвали в клочья... по крайней мере, пока мы не выясним, чем ты нам можешь помочь. Прошу прощения за прямоту.

Ривен приумолк. Если честно, то просьба его была лишь импульсивным порывом, и втайне он обрадовался, что Байклин отказал ему. И однако, если здешние, мингнишские, Снежные Исполины — те же самые злобные великаны, что и в его книге, то, наверное, ему все же стоит на них посмотреть.

— Я так понимаю, мне тоже придется остаться, — недовольно пробурчал Ратаган. Байклин кивнул, промывчав что-то с набитым ртом, и Ратаган смачно выругался.

Тут в зал вошли Гвилламон с Юдайном и тоже уселись за стол.

— Мы все подготовили, — сказал Гвилламон, положив руку Байклину на плечо. — У тебя будет двадцать стражей и четыре миркана. Данан командует теми, кто остался за Кругом. В Рориме остаются Юниш, поскольку рука у него так пока и не действует, и Айса.

— Я уже переговорил с теми, кто проходит сейчас воинскую подготовку, — сообщил Юдайн своим глухим голосом, засунув обе руки за кушак. — С тобой пойдут еще двадцать из самых способных учеников. Мы разобьемся на небольшие отряды; в каждом — по одному миркану, по пять стражей и по пять новобранцев.

— Получается, только четыре отряда, — сказал Мертах. — Не мало?

— Должно хватить, — ответил сыну Гвилламон. — Если делать больше отрядов, то в каждом из них будет слишком уж мало бойцов. В случае чего они просто не смогут принять бой. Даже для таких отрядов — одиннадцать человек против трех Исполинов — соотношение сил явно не в нашу пользу. Так что нам не стоит слишком уж далеко разбредаться, на тот случай, если какой-нибудь из отрядов действительно окажется в затруднительном положении.

Байклин вытер ладонью губы и поглядел на Юдайна.

— Кто поведет отряды?

— Ты, Мертах, я и Орд.

— Замечательно. Мне кажется, это хороший план. У нас все должно получиться.

Гвилламон усмехнулся.

— Выследить трех Исполинов не составит большого труда, даже когда темно. Уж они-то не самые мелкие существа на земле.

— И не самые сообразительные, — добавил Байклин. — Но зато они очень свирепы и коварны, как и всякие дикие твари, а их сила почти безгранична. Даже не знаю, сумеем ли мы победить их, если встретим. — Он нахмурился. — Нам придется идти пешком, лошади их панически боятся, Исполинов. Впрочем, мирканы так или иначе предпочитают сражаться пешими.

— Значит, решено, — подытожил Юдайн. — Мы выходим часа через три, когда уже совсем стемнеет. Пойду пока к Варбутту, надо еще обсудить кое-какие детали.

Ратаган покачал головой.

— И такое пропустить, — простонал он.

Стемнело. Дождь так и не перестал. Отряды дозорных давно уже вышли из Рорима. Ривен ушел в свою комнату и еще долго стоял у окна, глядя на город и Дол, лежащий за Крутом. Хорошо все же какое-то время побыть одному.

Отойдя от окна, Ривен уселся на кровать и принялся строгать себе посох из длинной прямой ветви можжевельника, которую дал ему Гвион. Ему также вернули его кинжал, и хотя он был слишком громоздким и не подходил для подобной работы, Ривен терпеливо снимал стружку, придавая деревяшке нужную форму: ему было необходимо чем-то занять себя, чтобы мрачные мысли не лезли в голову.

Один раз ему показалось, что откуда-то издалека, снаружи, донеслись приглушенные крики. Он на мгновение прервал работу и прислушался. Ничего.

Должно быть, ветер. Ривен продолжил свое занятие, тихонько насвистывая себе под нос; лезвие кинжала еще не затупилось и хорошо резало плотную древесину. Ему вспомнились тихие вечера в домике на берегу, завывания ветра — вот как сейчас — и плеск моря. Как Дженни читала, забравшись в кресло у камина. Нежданные слезы навернулись на глаза, клинок расплылся светящимся пятном. Ривен сердито тряхнул головой.

В ту же секунду со звоном разбилось окно, осколки стекла и обломки рамы посыпались в комнату. Ривен инстинктивно отпрянул в сторону и упал на пол. Пламя свечей дрогнуло под порывом ветра, что ворвался внутрь вместе с дождем; одна

свеча погасла. Громадная лапа, — размером, наверное, с Ривена, если ему вытянуться в полный рост, покрытая грубой серой шерстью, — просунулась сквозь разбитое окно и принялась слепо шарить по комнате. Пальцы в фут длиной скребли по полу. Стены, казалось, задрожали от яростного рева. Ривен разглядел два голубых льдистых глаза, горящих во тьме за окном, силуэт громадной косматой башки и неправдоподобно широкие могучие плечи. Дикий ужас парализовал его, и в это мгновение два синих огня в темноте вспыхнули — Исполин увидел Ривена, — и рука протянулась еще дальше в комнату. Одно плечо вдвинулось в комнату, как глыба камня. Рука поднялась и обрушилась на Ривена, отбросив его в противоположный конец развороченной комнаты.

Дверь распахнулась; внутрь ворвался миркан, за ним — два стража. Нападение явно застало их врасплох, стражи не успели даже облачиться в кольчуги. Обвитые железом боевые посохи вонзились в громадную руку, чудище взвыло от боли, но рванулось вперед. Та стена, что выходила на улицу, рассыпалась каменным крошевом, деревянные панели затрещали, и Исполин ввалился в комнату. Гигантская ручища взметнулась, и один из стражей отлетел в сторону, глухо ударившись о стену. Глаза у него закатились, изо рта хлынула кровь. Другой рукой Исполин замахнулся на Ривена, но тот успел отскочить в сторону, и удар прошел мимо. Миркан держался стойко, размахивая своим посохом, он отражал страшные удары могучих рук, тоже обрушивая на них чувствитель-

ные удары. На серой шерсти уже появилась кровь. Внутренние перегородки тряслись и стонали, пока Исполин делал отчаянные попытки пробраться еще дальше в комнату и схватить своего врага.

Ривен ощущал во рту привкус крови и желчи, в голове у него звенело, все плыло перед глазами. Он вжался в стену, но второй страж рывком поднял его на ноги.

— Давай, шевелись! Быстро уходи отсюда!

Он с силой толкнул Ривена к двери, вытолкал его в коридор и, выхватив меч, с громким криком вновь кинулся в драку.

Кто-то подхватил Ривена и потащил по коридору; кто-то еще промчался мимо, на ходу перепрыгнув через него. В ушах Ривена отдавались крики людей и грохот рушащихся стен. Он закрыл глаза — все равно он почти ничего не видел. Его тошнило от привкуса крови во рту. Он выплюнул кровь, но мерзкий привкус остался. Он как-то смутно осознавал, что лежит головой на чьих-то коленях. Кто-то прикладывал лоскут ткани к кровоточащей ране у него на голове. Потом кто-то взял его руку и прижал ее к материи.

— Держи крепче, постарайся прижать к голове.

Он машинально повиновался, прислушиваясь к шуму битвы, что доносился из его комнаты.

Вот ему и выдался случай своими глазами увидеть Снежного Исполина.

Вдруг он вспомнил того стража и треск ломающихся костей. В желудке все перевернулось.

Раздался оглушительный треск, потом — рев, оборвавшийся вдалеке, затем стало тихо. Через секунду из комнаты Ривена — из того, что от

комнаты этой осталось, — вышел, пошатываясь, миркан, сжимая в руке сломанный посох. Из раны у него на виске текла кровь, заливая лицо, но глаза его были ясны.

— Мадра, он жив?

Откуда-то из-за головы Ривена ему ответил грудной девичий голос:

— Да, Айса. Он, правда, ранен, но не тяжело.

Миркан кивнул, но взгляд его оставался суровым. — Феорлиг и Гобан, оба мертвы. Зверь свалился, но я думаю, он еще жив. Ты пока присмотри тут за гостем. — С тем миркан и ушел, за ним осталась дорожка из капель крови.

Ривен сел, отстранив руки, которые пытались помочь ему. Добравшись до двери в свою бывшую комнату, он заглянул внутрь.

На месте стены, что выходила на улицу, зиял темный провал. Остатки мебели и деревянных панелейгодились теперь разве что на топливо для камина. Один страж лежал у стены, грудь его представляла собой кровавое месиво содранной плоти и раздробленных костей; другой — лицом вниз у двери. Руки и плеча у него просто не было — они были выдраны с мясом. Ривена вывернуло прямо здесь, на пороге.

«...в тот самый момент, когда лендроверы СБР вырулили в переулок у него за спиной...»

Он схватил меч убитого стража и, не обращая внимания на протестующие крики Мадры, со всех ног бросился в том направлении, куда, как он заметил, ушел миркан. Ориентиром Ривену служили крики и вопли, доносящиеся снаружи, и, покружив по извилистым коридорам, он наконец

нашел выход и вылетел на замощенную площадь перед Дворцом.

Здесь кипела неравная битва: четверо стражей и двое мирканов — причем один из мирканов с рукой на перевязи, — против двух Снежных Исполинов. Правда, люди уже спешили на подмогу: кто — с вилами, кто — с дубиной, кто — с зажженным факелом. Откуда-то доносился шум еще одного сражения.

Это просто невероятно, но воины, бившиеся с Исполинами, еще как-то держались. Их противники были настоящие чудовища, мрачные великаны десяти или даже двенадцати футов ростом с могучими мохнатыми ручищами-лапами, скребущими по земле, и звероподобными лицами, озаренными льдистым мерцанием холодных глаз. Длинные, спутанные темные волосы их в беспорядке рассыпаны по плечам. Движения их были медлительны и неуклюжи, но недостаток подвижности с лихвой восполнялся неправдоподобной физической силой: когда их громадные кулачищи обрушивались на землю в том самом месте, где буквально мгновение назад были люди, под могучими ударами крошились камни мостовой.

Ривен на мгновение пал духом, но безрассудство в нем всегда было сильнее, чем страх или мужество. Он заметил еще краем глаза, как Гвилламон пытается разогнать зевак, — его голубые глаза пылали решимостью, — а потом Ривен уже ничего не видел: размахивая мечом убитого стража, он ринулся в бой.

Ему удалось захватить врасплох одного из Исполинов и со всей силы всадить ему меч под

колени. Он почувствовал, как сухожилия и плоть чудовища раздались под клинком. Хлынула кровь — черная в дымном свете факелов. Раздался оглушительный вопль, раненый Исполин упал на одно колено, но тут же вскочил и бросился на Ривена. Тот отпрянул назад — дыхание перехватило, комок застрял в горле — и каким-то чудом уклонился от удара могучего кулака. За спиной чудовища возник раненый миркан, Айса, и со всего маху обрушил на голову Исполина свой боевой посох. Раздался неприятный мокрый хруст. Тело великана обмякло, и он повалился с раскроенным черепом на мостовую.

Второй Исполин издал протяжный горестный вопль и, яростно размахивая кулаками, ринулся в атаку. Один из стражей попал под удар: он отлетел футов на двадцать в сторону, грохнулся о мостовую и застыл без движения.

За спиной ратников раздался рев: на площади появился третий Исполин с окровавленными ручищами. За ним по пятам неслись люди. Ривен краем глаза заметил внушительную фигуру с громадным боевым топором, — Ратаган, — а потом все внимание его вновь поглотило сражение. Двое уцелевших Исполинов плечом к плечу ринулись на защитников Рорима, постепенно тесня их. Боевые посохи мирканов с трудом сдерживали мощный натиск чудовищ. В это время Ратаган и его отряд зашли великанам с тыла. Топор Ратагана взметнулся, сверкнув отточенным лезвием, и вонзился в спину Исполина. Тот буквально завизжал от ярости, развернулся — при этом топор вырвался из рук Ратагана, оставшись в спине

Исполина, — и могучим ударом сбил Ратагана с ног. Не теряя времени, Ривен рванулся вперед и рубанул Исполина мечом. Тот оставил поверженную жертву и повернулся к новому врагу, яростно зарывчав. Ривен успел лишь разглядеть могучий кулак, который несся на него, точно локомотив. Потом был удар, выбивший воздух из легких. Звук ломающихся костей, — его, Ривена, костей, — казалось, заполнил собой все пространство вокруг. Он ударился о мостовую и увидел, теряя сознание, как Исполин нависает над ним.

Убит каким-то неандертальцем двенадцати футов ростом. Кому сказать — сочтут за помешанного.

А потом он увидел: Ратаган — невообразимым каким-то образом — запрыгнул на плечи чудовищу. В руке он сжимал кинжал. Кинжал взметнулся и погрузился по самую рукоять в глаз Исполина, погасив ледяное его свечение. Чудовище покачнулось, точно подрубленное под корень дерево, и, увлекая за собой Ратагана, с грохотом повалилось на землю прямо на распростертого в полубеспамятстве Ривена.

Третий Исполин ринулся прочь, спасаясь бегством. Мечи стражей раскроили ему всю спину, но все-таки не смогли его остановить. Он бежал, натываясь на стены домов, — бревна, доски и камни так и летели во все стороны, — сметая все на своем пути. Мирканы и уцелевшие стражи устремились за ним в погоню. На площади воцарилась тишина. Камни мостовой влажно поблескивали под дождем.

Обливаясь потом, Ривен кое-как отодвинул труп

Исполина и выбрался из-под него. Он так и остался сидеть на земле, ошарашенно глядя по сторонам.

— Ратаган, — прохрипел он. Усилие, которое он приложил, чтобы произнести одно это слово, отозвалось болью во всем теле. Ратаган поднялся на ноги, сделал шаг и покачнулся. У него, кажется, был сломан нос, лицо залито кровью, но он, тем не менее, сумел засмеяться.

— Рад видеть тебя, Майкл Ривен. Даже передать тебе не могу, как я рад, что ты жив и еще пока дышишь. — Он легонько ощупал Ривена. — Сдается мне, у тебя сломано несколько ребер и повреждена ключица. У него, твоего недруга, по всей видимости, был на тебя большой зуб.

Ривен слабо улыбнулся.

— С Исполинами разве поспоришь?

Ратаган вновь рассмеялся, но тут же скривился от боли, прикоснувшись к искалеченному своему носу.

— У меня есть подозрение, что после такого былой моей красоты не вернуть.

Двери Дворца открылись, и на порог вышел Гвилламон. Следом за ним показались Гвион и остальная прислуга. Когда Гвилламон увидел разбросанные по площади тела, глаза его вспыхнули гневом.

— Возьмите носилки. Заберите всех во Дворец, — коротко распорядился он. — Скажите там женщинам, пусть вскипятят воду и приготовят бинты.

Слуги немедленно бросились исполнять его распоряжения, стараясь по возможности не глядеть

на картину кровавой бойни. Гвилламон подошел к Ратагану с Ривеном.

— Не сильно вы ранены?

— Я-то нет, а вот Сказитель не скоро еще попляшет. — Тут Ратаган склонился к Ривену. — Мы теперь с тобой братья. Я спас жизнь тебе, а ты — мне.

Два миркана и три стража вышли, пошатываясь от ран и усталости, на площадь. Оружие в их руках было темным от крови. Гвилламон расправил плечи.

— Айса, все ли твари убиты?

— Последнего мы настигли сразу за крепостным валом, — проговорил Айса, утирая пот, смешавшийся с кровью. — Там он и расстался с жизнью. Мы потеряли троих стражей и шестерых ополченцев. Стена проломлена в трех местах, есть немалые разрушения и в самом Дворце. Что касается Круга, я пока ничего определенного сказать не могу; придется подождать до утра.

Наконец, появились носилки. Тело убитого стража унесли во Дворец. Кто-то из слуг осторожно приподнял Ривена и уложил на носилки. Те, кто не были заняты переноской раненых, уже волокли трупы Снежных Исполинов с площади прочь или смывали с мостовой кровь.

Пока Ривена несли в дом, он успел еще услышать, как Гвилламон сказал:

— Айса, бери-ка коня и езжай за дозорными. Скажи, пусть немедленно возвращаются. Скажи им о том, что здесь произошло.

Айса задержался еще перед Дворцом, но лишь для того, чтобы ему перебинтовали голову, а потом

сразу же ускакал. Ривен закрыл глаза. То была долгая ночь.

К утру дозорные вернулись в Рорим. Ривену выделили новую комнату — с окнами на восток; первые лучи солнца уже струились сквозь оконные стекла. Ключицу ему вправили и туго перевязали; боль в сломанных ребрах не давала ему вздохнуть. Все это очень напоминало Ривену его первые дни в Бичфилде, разве что вид из окна был другой: вместо реки — холмы в голубоватой дымке.

Байклин, Ратаган и Гвилламон были с ним. Лицо Ратагана представляло собой сплошной синяк. В ходе его ночных ратных подвигов рана на ноге, уже начавшая заживать, снова открылась. Так что ногу ему пришлось перебинтовать, и теперь он сидел, поставив ее на скамеечку.

Байклин стоял у окна, глядя вдаль.

— Они, должно быть, притаились где-то за Кругом и дождались, пока мы не проедем, а потом просто перебрались через внешнюю стену, чтобы стражники на воротах не подняли тревогу. — Он покачал головой. — Неужели у Снежных Исполнителей появились мозги?

Гвилламон в это время осматривал бинты, что восьмеркой опоясывали плечо Ривена.

— Они знали, что делали, — буркнул он.

Байклин резко повернулся и уставился на него.

— Они знали, где спит Рыцарь с Острова, и один из них разворотил полдворца, пытаясь до него добраться.

— Снова загадки, — сказал Ратаган. Из-за сломанного носа голос его звучал глухо.

— Ты думаешь, кто-то... или что-то... руководит действиями этих тварей? — спросил Ривен. Он с трудом произносил слова, преодолевая боль. Гвилламон задумался.

— Есть у меня одна теория, Майкл Ривен, — проговорил он, встав спиной к камину. — И вот в чем она заключается: Мингниш — это ты. Это многое объясняет... и перепады погоды, и нападения диких тварей. Но в то же время я думаю, что на самом деле ты не отсюда, ты не принадлежишь Мингнишу. И, мне кажется, это неправильно... то, что ты пребываешь внутри мира своей фантазии. — Тут он слегка улыбнулся. — Ибо здесь все происходит по магии, а не по разуму. Я убежден, что нападение Исполинов... и гогвульфа... это не просто случайность. Тобой все еще движет чувство вины, а отчаяние — разрушительная сила. И ты сам притягиваешь к себе эту силу, которую сам же и высвободил. И теперь, когда ты попал в этот мир, быть может, все здешние силы разрушения сосредоточатся на тебе и тем самым дадут передышку всему остальному Мингнишу. Может быть. Я не знаю. Я всего лишь выдвигаю гипотезу. Может быть, если Мингниш убьет тебя, сам он будет жить. Или, быть может, умрет вместе с тобой, заваленный снегом и осажденный волками. Или же, может быть, с твоей смертью жизнь этой страны мгновенно прервется, мы просто перестанем существовать. — Он пожал плечами. — Хотя вряд ли. Мир этот существовал задолго до твоего рождения. Нет, по моему убеждению, ключ ко всему заключен в твоём сердце. — Гвилламон протянул руки к огню и

умолк. Он стоял, легонько покачиваясь на каблучках; взор его ясных голубых глаз был задумчив.

Ривен не нашелся, как ответить на рассуждения Гвилламона. Он лежал и сосредоточенно изучал деревянные балки на потолке. Байклин, похоже, был подавлен; видно было, что он очень устал. Все понимали, что он считает себя виноватым в тех смертях, что случились прошлой ночью.

— Продолжай, Гвилламон, — произнес он усталым голосом. — Тебе есть еще что сказать, — по глазам твоим вижу.

— Мне не хотелось бы утомлять вас. У каждого из нас сейчас полно своих забот. Но я все-таки один из воевод Раларта. — Он, не отрываясь, смотрел на Байклина, пока тот не сел в кресло, хрипло хохотнув:

— Ну что ж, старый козлище, облагодетельствуй нас своей мудростью.

Гвилламон поджал губы.

— Есть еще одна вещь, о которой я как-то сразу и не подумал: жена Ривена, которая умерла и которую он — и ты тоже, Байклин, — видели снова живой. И, как вы говорите, она сейчас может быть здесь, в Мингнише. Как такое могло случиться? Разве можно воскреснуть из мертвых? Сам я убежден, что нельзя. Никому еще этого не удавалось. Смерть — это конец. Конец земной жизни. Но, с другой стороны, если герои книг Ривена... то есть, все мы... живем в своем мире, то почему бы его жене тоже не жить, ведь образ ее, вероятно, появлялся в фантазиях его и грезах гораздо чаще, чем мы?

— Да это же прямо дурдом какой-то, — пере-

бил его Ривен. — Я не верю, будто я создал что-то такое, что способно жить собственной жизнью. Вы все — мир ваш — старше, чем мои книги, это действительно так. Может быть, я случайно прошел через какую-то своего рода Дверь или, вернее, фантазия моя нашла способ проникать сюда и черпать отсюда образы для моих книг, но я точно уж не Господь Бог, который творит людей и миры.

— И, тем не менее, твоя жена — или двойник ее, тень, — сейчас жива, — мягко проговорил Гвилламон. — Может быть, в момент смерти душа ее... или воображение твое, что тоже вполне вероятно... прошли через Дверь, что открылась из вашего мира в Мингниш. И так она оказалась здесь, — существо из обоих миров, способное без труда переходить из одного в другой, в отличие от нас, для которых Дверь открывается лишь в одну сторону.

— Но она не узнала меня, — возразил Ривен. — Она зашла в наш дом, но не узнала меня.

— Она и не может быть твоею женой, — сказал Гвилламон. — Той, настоящей. Как я сказал уже, смерть — это конец. Но в ней заключена и та женщина, которую ты знал... может быть. Может быть.

— Станный разговор, — пробурчал Ратаган, и Гвилламон улыбнулся.

— Твоя правда. Но бывает, что необходимо поговорить. Мне только жаль, что невольно придется затронуть болезненные темы. — Тут он поклонился Ривену. — Будет еще не один разговор, достаточно споров и обсуждений, и все они коснутся тем, которые ты полагаешь сугубо лич-

ными. За это я заранее прошу извинить нас, Майкл Ривен. Если бы был какой-то иной способ все это разрешить... но так уж вышло, что ты — ключ к разгадке нашей сегодняшней жизни и нашего будущего, так что твои личные переживания касаются всех нас. А пока суть да дело, Рорим Раларта — это твой дом.

Ривен кивнул. Как-то уж так получается, что этим людям всегда удается его приручить. Пару минут все молчали. В лучах света, струящегося сквозь оконные стекла, плясали пылинки. Откуда-то издали доносилось мычание коров.

Первым нарушил молчание Байклин.

— Если все это так, как ты говоришь, Гвилламон, то нам следует быть начеку. Мингниш будет пытаться убить Сказителя. И не оставит так просто своих попыток.

— Но между ними стоит Рорим, — добавил Ратаган со значением, скребя пятернею бороду. — Предвижу я: хлопотные времена грядут. — Он осклабился. — По крайней мере, для тех из нас, кто не освобожден по инвалидности от ратной службы.

— Может быть, лучше отправить меня домой. В мой мир, — робко предложил Ривен.

Байклин покачал головой.

— Ты не бойся, мы тебя защитим, будешь жив и здоров. И к тому же, в ближайшие пару недель у тебя все равно не получится совершить столь долгое странствие. Но нам пока нужно решить, что делать.

Гвилламон вышел из задумчивости.

— Да уж, действительно, ближайшие несколько

дней будут хлопотными, — сказал он, отходя от камина. — Нам предстоит хоронить наших мертвых и восстанавливать то, что разрушено. Но, так или иначе, нам все равно не восполнить потерь, пока Льюб с Друимом не станут довольны своими учениками. — Он повернулся к Байклину. — Я приставил к новобранцам еще и Юниша, чтобы ускорить процесс подготовки. И... — он поглядел на Ривена, — теперь нашего гостя будет денно и нощно охранять кто-то из мирканов. Айса сказал, что возьмется за это. Мне кажется, Рыцарь с Острова, твои действия прошлой ночью на площади произвели на него впечатление, хотя, будучи мирканом, он никогда не признается в этом. А теперь мне пора. Меня ждут дела. — Он тихо вышел из комнаты.

— Думаю, мне надо выпить. И выпить как следует, — задумчиво пробормотал Ратаган.

— Думаю, что не стоит, — отозвался Байклин. — Сегодня найдется применение даже такому увальню, как ты. — Он улыбнулся, чтобы слова его не прозвучали как колкость. — Мертах забрал одного миркана и шестерых стражей, они патрулируют Дол. Когда он вернется, я хочу, чтобы ты немедленно с ним связался и принял его донесение. Подберешь еще шестерых и отправишь их в дозор на смену Мертаху. А поведет их пусть Орд. — Он подошел к Ратагану и внимательно осмотрел его лицо. — Ты как, старый дружище, выдюжишь? А то, сдается мне, бой здесь у вас был жестокий.

— Да мне самый дохлый противник достался, — слукавил Ратаган. — А вот Ривен доказал, что он — настоящий солдат, и в нашем мире

тоже, не только в своем. Теперь у него есть меч; я думаю, будет правильно, если меч этот останется у него.

Байклин подошел к постели Ривена.

— Ну, что ж, Рыцарь с Острова, будешь ли ты носить этот меч из дринанской стали и поднимешь ли ты свой клинок на защиту земли, которая хочет тебя убить?

— Да чего там! Помирать, так с музыкой, — сказал Ривен и сжал протянутую руку Байклина.

Какого черта?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ривен имел уже большой опыт по части переломов. Он изучил досконально все разломы своих костей и знал их, наверное, ничуть не хуже, чем свое лицо. Разломы эти разбегались внутри его тела, точно трещины в монолитах гор, кроша пласты его памяти, и под давлением боли образы, запечатленные в воспоминаниях, сдвигались, скользили и, отслаиваясь, тонули в бездне забвения.

Теперь он снова стал инвалидом; изломанное его тело приковало Ривена к постели. Оттуда ему было видно небо за широкими окнами — пустое небо, разве что иногда проплывали в нем облака или темная птица парила вдали над холмами. Орлы кружили в небе Мингниша точно так же, как там, над Кемасанари.

Три дня Ривен добивался, чтобы кровать его передвинули поближе к окну, — Байклин был недоволен и все время ворчал, что при таком положении дел он вовсе не удивится, если в одну из ночей он застанет Снежного Исполина на коленях у Ривена, — и теперь мог спокойно обозревать южную часть Рорима и Круга, равно как и прохожих, снующих туда-сюда по своим делам. Так он лежал целыми днями, глядя в окно, пока ключица его и ребра мало-помалу срастались. Он наблюдал за дождем, принесенным упругим порывистым ветром от южного моря, что пробрался между холмами под прикрытием завесы туч, убегających прочь от моря и солнца. А потом солнце рассеяло тучи. Ривен ежедневно видел какие-то сценки самой что ни на есть простой

повседневной жизни и лица людей, которые были ему как-то смутно знакомы или будили в нем ощущение узнавания, как будто он знал их, но забыл. Невероятно, что они существуют. И существуют такими, какими он их придумал и воплотил на бумаге... Невероятно и то, что когда-то они для него не существовали, ведь он теперь говорит с ними, может к ним прикоснуться, вместе с ними ест и пьет. Выдуманные им люди одеваются в лен и кожу, желают ему доброго утра, скачут на конях мимо его окна, возвращаются с охоты, с тушей оленя поперек седла, сидят на пороге сторожевого шатра или пьют пиво в большом обеденном зале. Он испытал кошмар встречи со Снежными Исполинами, когда они увидели Ривена и узнали его. И вот теперь ему дозволено пожить какое-то время внутри его фантазии... носить на поясе меч, может быть, ездить на боевом коне... быть солдатом, настоящим солдатом, каким ему всегда так хотелось стать. Но не следует пытаться продлить то, что заканчивается, даже самое лучшее.

Всю следующую после нападения Исполинов неделю Рорим хоронил своих мертвых и восстанавливал стены. Байклин и Мертах с отрядами мирканов и стражей разъезжали дозором по Долине и предгорьям, время от времени наведываясь в деревни и пастушьи хижины Раларта и ободряя их обитателей. Но все равно каждый раз, когда они возвращались в Рорим, по пятам за ними следовала небольшая толпа пеших людей, — беженцы, которые побросали свои фермы в предгорьях, чтобы искать убежища за стенами Круга. Они рассказывали всякие ужасы о набегах волчьих

стай и об одиночных разбойных нападениях Исполинов. Снег с холмов сошел, но дикие твари так и остались в долинах. Весь урожай погиб. Ждать беды осталось недолго: очень скоро Доли сполна ощутят, что значит голод.

А Гвилламон уже почувствовал, что значит нехватка места, ибо все больше и больше людей Раларта искали убежища внутри Круга. Те из фермеров, кто жил в Рориме постоянно, буквально завалили Гвилламона жалобами и просьбами. Земля внутри Круга считалась общинной, и жители Рорима могли ею пользоваться свободно с разрешения Варбутта, но в последнее время поголовье скота резко возросло — пастбищ под стада катастрофически не хватало. В новопостроенных хижинах тоже уже не хватало места для нескончаемо прибывающих беженцев, и в Рориме стали подумывать о создании большого временного поселения. Устройством вновь прибывших в окрестностях Рорима занялись отряды стражей, причем переселение это далеко не всегда проходило гладко. Тех же, кто остался в Рориме, обязали выделить добровольцев для пополнения отрядов народного ополчения, — занятия под руководством мирканов проходили на специальном тренировочном поле в западной части Рорима. Обо всем этом Ривен узнал понаслышке, пока коротал время в постели, абсолютно беспомощный, и ждал, когда, наконец, срастутся переломы. В долгие эти дни Ривен не раз слышал о новых атаках на Дол, о постоянных набегах на стада или о том, что свирепых гриффешей видели уже у самых стен Рорима. Он теперь редко виделся с Байклином,

ибо, как только тот вернулся в свой мир, на плечи его лег тяжкий груз многочисленных обязанностей, поскольку Варбутт передал ему управление всеми повседневными делами Рорима. И потом, была еще Мира, сестра Данана. Все редкие свободные вечера Байклин, похоже, проводил с нею. Мира — миниатюрная черноволосая девушка с бледно-зелеными глазами — не любила болтать, но чистое лицо ее с тонкими чертами так и светилось радостью, когда Байклин был рядом. Да и он, судя по всему, находил в ее обществе отдохновение от всех забот. Ривен по ее внешнему виду полагал, что она — совсем юная девушка, но на самом деле, как он вскоре узнал, Мира была даже немного старше Байклина. Им бы давно уже следовало пожениться, доверительно сообщил Ривену Ратаган, но прежде Байклину еще нужно было поунять зуд в пятках, а она, кажется, не особенно тяготилась затянувшимся ожиданием.

Конечно, Байклину помогали Гвилламон, воевода, и отец Ратагана, Юдайн, но все равно у него почти не было свободного времени. Лишь иногда он приходил к Ривену, — как правило, по вечерам и нередко в компании Гвилламона, — и они говорили часами, пока у Ривена не начинала болеть голова.

Зато Ратаган — еще один «инвалид» — сидел у Ривена почти все время. И не только Ратаган. Та девушка, Мадра, похоже, взяла на себя обязанности сиделки и доброй нянюшки и буквально не отходила от Ривена, что несказанно забавляло Ратагана. В конце концов Ривен привязался к ней, и ее присутствие стало для него таким же

привычным и желанным, как и присутствие смешливого гиганта. У Мадры было лицо в форме сердечка, обрамленное длинными локонами пушистых каштановых волос, а задумчивые карие глаза и густые брови придавали ей несколько грустный вид. Ривену нравилось, когда она была рядом.

И был еще Айса, миркан. Но, будучи воином, Айса не баловал Ривена болтовней. Он взял в привычку стоять у двери комнаты Ривена, сосредоточенный и молчаливый, ни дать, ни взять, — каменное изваяние стражника на часах. Но он все-таки был едва ли не самым молодым из соратников своих мирканов, и Мадре не раз удавалась расшевелить его, тогда суровое лицо воина озарялось внезапной застенчивой улыбкой. Как телохранитель Ривена Айса ни на мгновение не оставлял его одного.

Из своих вечерних бесед с Байклином, Гвилламоном и Ратаганом Ривен понял, что называют какие-то немаловажные политические события. Перед баронами Раларта, присягавшими на верность Варбутту, встали две неразрешимые проблемы. Во-первых, гибель урожая грозила их владениям если не катастрофой, то повальными бедствиями, а во-вторых, их весьма беспокоил тот факт, что люди из их поместий толпами снимались с насиженных мест и бежали, ища убежища в Рориме под защитой стен и воинов города. Понятно, они не имели возможности обеспечить своим людям такую защиту, которую мог предложить им Варбутт, а поскольку на каждого из баронов — а они прежде всего блюли, само собой разумеется, свой интерес, — приходи-

лись считанные единицы верных вассалов, бароны эти взирали на отряды народного ополчения, проходящие воинскую подготовку под сенью Рорима, не без боязни и обоснованных опасений.

— Эти болваны уверены, что мы пытаемся воспользоваться подходящей возможностью отобрать у них власть и сосредоточить ее здесь, в Рориме. Они вообще не способны понять, что наши действия направлены только на общее благо. И что польза от этого будет всему Долу, — сказал как-то Байклин в один сумрачный вечер, по возвращении из дальнего дозора, во время которого он посетил резиденции пяти наиболее влиятельных из баронов Раларта.

Ратаган от души рассмеялся; неизменный кувшин с пивом так и подплясывал на колене его здоровой ноги.

— Но признайся, ведь это действительно замечательная возможность раз и навсегда пообломать некоторых из вассалов Варбутта, причиняющих наибольшее беспокойство.

Байклин невольно улыбнулся.

— Придется мне все же воспротивиться искушению. Насколько я понимаю, очень скоро они захотят встретиться с Варбуттом, дабы заставить его решить кое-какие вопросы в свою пользу. Наше народное ополчение, хоть оно и в зародыше, кажется, так их перепугало, что у них мозги свернулись.

Рыжий гигант снова расхохотался.

— Если б они только разок поглядели на эту привыкшую к плуту корявую деревенщину, кото-

рую пытаются сделать воинами Друим со товарищи, они бы увидели, что бояться тут нечего.

— Но они же вероломны и трусливы, — хмуро вставил Гвилламон, и его голубые глаза сверкнули. — Наверняка они сильного Рорима боятся даже больше, чем диких тварей с гор.

— А ты преврати их всех в жаб, Гвилламон. Тогда они успокоятся.

Все рассмеялись; юмор Ратагана был и вправду неиссякаем.

Плечо у Ривена все еще ныло, да и сломанные ребра то и дело затрудняли дыхание, но он уже поправлялся и с нетерпением ждал того дня, когда можно будет снова подставить ветру лицо, пусть даже его и не выпустят дальше крепостного вала. Он хотел полной грудью вдыхать напоенный запахами гор и трав чистый, прохладных воздух Дола, свежесть которого ощущалась и в комнате, когда ветер дул в его сторону. Больше Ривену уже не казалось странным, что он дышит воздухом мира, который, по всем естественным законам, просто не может существовать. Сейчас он был рад и тому, что вообще может дышать. А о другой — иррациональной, мистической — стороне всего этого он предпочитал пока не задумываться.

— Всех подстрекает Маско. Вот кто истинный смутьян, — продолжал Байклин. — Он, по-существу, неплохой человек, но подозрителен и упрям, как козел. Засел на своем утесе в Рингилле, ни с кем не хочет считаться, и вот втемяшилось ему в голову, что мы посягаем на драгоценные его права. И пока он так думает и говорит, вокруг него будут собираться бароны — точно курицы:

они все жмутся к петуху, когда на курятник падет тень ястреба. Если б этот Рингилл не был так чертовски хорошо укреплен и расположен в таком труднодоступном месте, я бы давно уже выгнал его с тех высот.

— Неужели? — приподняв бровь, спросил Гвилламон.

— Ну... я бы, конечно, обратился к тебе за помощью, — поправился Байклин, усмехнувшись.

— А почему этот Рингилл настолько грозен? — спросил Ривен. Название было ему знакомо, но в книгах его оно упоминалось лишь вскользь. В памяти Ривена оно вызывало образ мрачной отвесной скалы, увенчанной замком и стенами из камня.

— Рингилл — самый дальний к северу феодаларта, — принялся объяснять Байклин. — Он граничит с Роримом Гаррафада, владениями Брагада, вот почему место для крепости подбирали с особою тщательностью, дабы она была настоящей твердыней. Северный наш сосед никогда не питал к нам особой симпатии. Рингилл — самый бедный из феодалов, но зато, по традиции, и самый независимый.

— И, как оказалось, даже слишком независимый, — вставил Ратаган.

— У каждого из баронов Дола есть свое небольшое «карманное» войско, — продолжал Байклин, — может быть, с дюжину человек, не больше, и подготовка у них даже близко не сравнится с выучкой наших стражей. Но в Рингилле всегда было больше солдат, частью из-за его стратегически важного расположения...

— А частью потому, что бароны Рингилла всегда страдали неумеренным самомнением, — закончил за него Ратаган и осушил свой кувшин.

Гвилламон улыбнулся.

— Ты — воин, Ратаган, и рассуждаешь как воин, а, по мне, совсем неплохо, что такой человек, как Маско, управляет Рингиллом. Если случится самое худшее, по крайней мере, он обладает талантом воителя и достаточной доблестью, чтобы защищать крепость свою до конца. И уверенность в этом стоит того, чтобы простить ему некоторые замашки. — Тут он метнул пронзительный взгляд в сторону Байклина. — Наследник Варбутта, казалось бы, должен думать не только о сиюминутном.

Байклин сердито мотнул головой.

— Все это высокая политика, а мне нужны конкретные действия.

— Скоро ты их получишь в избытке, — пообещал Гвилламон. — Со дня на день здесь будут бароны, дабы выразить нам свое крайнее недовольство. Не сомневаюсь, что Варбутт отправит на переговоры тебя, чтобы ты принял их вместо него.

— Как всегда, — не без горечи подтвердил Байклин.

Гвилламон никак не среагировал на его тон.

— А еще есть кое-какие проблемы со взморьем к северу от Рингилла, — добавил он.

— Брагад?

— Он самый. Мертах, обследуя тамошние холмы, дважды наткнулся на его отряды... по двадцать воинов в каждом, и только двое из них были стражами.

— То есть, Брагад собирает войско, — уточнил Байклин.

Гвилламон утрюмо кивнул.

— Будет нелишне напомнить об этом Маско, когда он станет выражать недовольство нашим ополчением.

— Ничего нету лучше угрозы извне, чтобы пресечь все раздоры внутри, — с удовлетворением отметил Ратаган.

— У Брагада есть дар убеждения, он хорошо говорит, а феоды непрочь использовать ситуацию, чтобы укрепить свои позиции. Если он сюда явится с призывом к объединению Роримов, то вполне может так получиться, что наши внутренние раздоры только усугубятся, — нахмурился Байклин.

— Нельзя допустить смуты, — покачал головою Гвилламон. Но взгляд его глаз был спокоен.

А еще через три дня Ривен в первый раз встал с постели. Мадра с Айсой поддерживали его, а Ратаган сидел рядом и давал полезные советы.

— Обними-ка его за талию, Мадра, — говорил он, ухмыляясь в бороду. — Он тебя не укусит. А ты, Майкл Ривен, не стесняйся — обопришь на нее. Она — крепкая, сильная девушка, и от веса твоего хилого тела у нее не подогнутся колени.

На Ривена нахлынули воспоминания о Бичфилде. Длинные коридоры и ходовая рама, замечание Дуди насчет того, что Рим строился не в один день. Похоже, жизнь его вертится в заколдованном круге ранений и исцелений. Он все задавался вопросом, почему лицо Мадры ему знакомо. Ведь она — не его персонаж, ее не было в его книгах.

Ему на плечи набросили теплый плед и, поддерживая с двух сторон, подвели к распахнутому окну. Он стоял и смотрел на зеленую с золотом долину, на серебряную ленту реки, на стада коров и овец, медленно движущиеся по лугам, на черепичные и жестяные крыши домов вдалеке со струйками дыма, идущими из труб, на длинную внешнюю стену Рорима с двумя башенками у южных ворот, что выделялись темным силуэтом на фоне рыжеватой зелени долины. В воздухе смешались запахи луговых трав, дегтя и конского навоза. Ритмичный звон кузнечного молота только подчеркивал тишину, — чистый, как звон церковного колокола, созывающего прихожан к молитве.

Ривен глотал свежий воздух, будто целебное вино. Ощущение было такое, что один глоток этого воздуха, подобно живой воде, может срастить его переломанные кости и поднять с одра. Мадра и Айса молча стояли по бокам, поддерживая его. Ривен давно уже понял, что ни Мадра, ни Айса не любили пустой болтовни, тогда как для Ратагана разговор был игрой и своего рода искусством, — столь же необходимый для его жизни, как хлеб и пиво.

— Да все в порядке, — сказал, наконец, Ривен. — Стоять я могу и без посторонней помощи.

Они тут же убрали руки. Ривен слегка пошатнулся, и тут же услышал шарканье тяжелых ног у себя за спиной. Это к нему подошел Ратаган. Гигант все еще заметно хромал, но передвигался на удивление быстро.

— Я тут подумал, надо бы подобрать тебе

одеяние, приличествующее твоему положению в местном обществе, — заметил он. — Раз уж бароны Раларта собираются здесь, словно пчелы у наперстянки, то тебе тоже не худо бы поучаствовать.

— Я позабочусь об этом, — вставила Мадра. — У Байклина с милордом почти что один размер. Ривен поймал насмешливый взгляд Ратагана. Милорд?

— Слава твоя опережает тебя, сэр Рыцарь. — В глазах рыжебородого зажглись искорки смеха. Но Ривен только поморщился. Вот уже чего ему никак не нужно, так это громкого титула, которым его наградили Ратаган и вся компания. Ибо титул обязывает, а ведь даже надежды нет никакой, что он сумеет стать достойным такого звания.

В дверь постучали, и Айса немедленно отозвался. Ривен сел на краю кровати, в комнату вошел Мертах, Флейта с Барабаном — за ним по пятам. Оба волка тут же принялись обнюхивать ладони Мадры, и она улыбнулась им своей скупой улыбкой, приподняв темные брови.

Изменяющий Облик был в темной бурке, глаза его сверкали, грудь вздымалась, — он только что соскочил с коня.

— Приветствую вас, израненные воители, — сказал он, увернувшись от взмаха ратаганова костьля.

— Какие новости? — спросил гигант.

— Даже не знаю, что и сказать, — Мертах поднял руки вверх. — Приезжают поодиночке бароны со свитами, слуги их подъедают скудные кольбановы запасы; поступили сведения о возмож-

ном прибытии посольства от Брагада, ходят слухи о большой битве на севере, в которой участвовал сын Магейри.

Лицо Ратагана посуровело.

— И каков исход битвы?

Мертах пожал плечами.

— Паршивый. Говорят, он убит, и два десятка его людей вместе с ним. Исполины довольно легко с ними расправились.

— Не много ли для внезапной весны? — задумчиво проговорил Ратаган.

— Да уж. Сегодня в Рориме Карнаха объявлен траур.

Они замолчали, только настойчивый стук кузнечного молота где-то в Доле нарушал тишину, отбивая время о наковальню. Ривен сидел молча, одергивая здоровой рукой ночную свою «инвалидную» рубаху, и смотрел на них: Айса, как обычно, невозмутимый; Ратаган, чей юмор улетучился в мгновение ока; Мертах, взгляд которого беспокойно метался по комнате; Мадра, чьи волосы рассыпались по плечам, — волки отпихивали друг друга, норовя положить голову ей на колени. Внезапно Ривен ощутил почти неодолимое побуждение положить туда и свою голову тоже.

— Но вот в чем загвоздка, бородатый пенъ, — сказал Мертах, — тебя требуют в зал. Дело особой важности, ты ж понимаешь.

Ратаган застонал.

— Неужели никак невозможно оставить калеку в покое?

— Там пиво, — заметил Мертах.

Ратаган оживился.

— Долг — штука обременительная, но пренебречь им нельзя... Ну пойдем, хоть разогреемся.

Они встали и направились к выходу, Мертах подмигнул Мадре, обернувшись на пороге. Флейта и Барабан, поглядев на нее с сожалением, потрусили за хозяином. Когда Мертах с Ратаганом ушли, в комнате стало как-то неестественно тихо. Айса вновь вступил в роль часового у двери.

Стук кузнечного молота прекратился, теперь снаружи доносился только отдаленный, едва различимый гул человеческих голосов, идущий, должно быть, со стороны базара. Мадра поднялась и подхватила рюкзак Ривена.

— И что ты с ним собираешься делать? — Ему не хотелось, чтобы его рюкзак забирали куда-то. Это — единственное, что еще связывало Ривена с его миром. Последнее, что осталось.

— Разобрать, а потом уложить как следует, — сказала она. — Все равно эта одежда вам пока не понадобится, а там еще кое-где порвалось, надо заштопать. — Она достала его брюки и просунула палец в прореху. То была давняя дырка, латанная-перелатанная: сначала он сам зашивал ее, неумело, а потом еще — Дженни. Но аккуратные стежки ее расползлись. Ривен представил, как Мадра выдергивает эти обрывочки ниток, и острая боль вдруг пронзила его.

— А как же я? — спросил он и сам рассердился, услышав в голосе своем жалобные нотки.

Улыбка промелькнула на ее губах. Сколько ей лет: семнадцать, восемнадцать? Было в ней что-то такое... неподвластное возрасту.

— Я могу штопать и здесь, если хотите, —

сказала она, и вдруг лицо ее просветлело, как у ребенка, окрыленного надеждой.

— Хорошо, — ответил Ривен, ощущая какое-то странное облегчение.

Так они скоротали день. Ривен тоже нашел себе занятие. Он чистил свои ботинки, пока Мадра, усевшись рядом, чинила его одежду. Ближе к вечеру она разожгла камин. В вечернем сумраке мир за окном окрасился в синий цвет, отсветы пламени камина залили комнату желтым сиянием. В мерцающем свете свечей и камина иголка поблескивала в старой ткани, как серебряная искорка, зажатая ловкими пальцами Мадры.

Не хватало только шума моря. Ривен представил себе: волны, с шуршанием набегающие на гальку, в воздухе — запах горящего торфа, сумерки, поднимающиеся из долины к темнеющему небу, где появились уже первые звезды.

Глаза его закрылись.

Он снова был с Дженни. Они неслись в стремительной скачке бок о бок по бескрайним просторам зеленых долин, под каменистыми осыпями холмов, небо над ними было как синяя прозрачная чаша, горы — как бело-голубая дымка на краю горизонта. Кони их, с мягкими бархатными глазами, были выносливы и быстры, седла — глубоки и удобны, и высокие травы шелестели по стременам.

Но одета она была странно, он ее раньше не видел в таком одеянии: черная амазонка из мягкой замши и мышинного цвета шерстяная юбка с несметным количеством складок на бедрах. Высо-

кие сапоги и перчатки из темной кожи, плотно обтягивающие руки.

И лицо ее... То была Дженни, которую он знал, вот только волосы, обычно в беспорядке рассыпанные по плечам, заплетены были в косы и уложены кольцом на затылке. А ему так — до боли — хотелось видеть, как ветер треплет свободно летящие пряди ее волос.

И еще было что-то такое в глазах ее... и, возможно, в осанке. Как будто она растеряла свою природную грацию дикой лани, и искусная подделка заменила утраченное.

Во все стороны до горизонта расстился безбрежный безлюдный пейзаж, а они все летели вперед и вперед, и Ривену казалось, что глаз его различает, как горы становятся ближе, силуэты их — резче. Там, в ущельях на склонах гор, ближе к вершинам, лежали снега; на их фоне выступали черные пятна обветренных скал. Ривен и Дженни держали путь на север. На север к Гресхорну.

— Тысяча миль до Гресхорна, — сказала Дженни, и Ривен почему-то не удивился тому, что она говорит с неуловимым акцентом Мингниша, не с тем акцентом, с каким говорят на Скае. — Кое-кто утверждает, что горы на севере обозначают границу мира, что за ними нет уже ничего, только великая бездна, где кружатся звезды. Еще никто не был на той стороне, вот разве что гномы, но ведь нам они не рассказывают ничего о своих походах, о земле за северными горами. Так что, возможно, и в самом деле Гресхорн — это край света. — Она подняла на него глаза, темные, точно вода в

глубине колодца, на бледном лице. Чужие глаза, не его жены.

— Ты не здешний, ты здесь чужой, — бесстрастно проговорила она.

— Ты — моя жена, — выдохнул он, и слова были как песок в горле.

— Нет, — сказала она, и по спине у него пробежал холод. Конь его встал на дыбы.

Она холодно улыбнулась ему, и в улыбке ее не было ничего от той женщины, которую он знал.

— Кто ты? — прошептал он.

— Я — это ты, — спокойно проговорила она, а потом серебряный смех ее болью прозвучал в его ушах, задев струны натянутых нервов. Исполненный печали смех, и оборвался он вскрипом, который не был ни рыданием, ни знаком гнева. — Я — дурной сон, от которого ты пробудился в холодном поту. Я — темная комната, куда ты боялся войти. Я — остывший очаг, наполненный золой. Я — обломок скалы на берегу горного ручья. Я — та история, которую ты не сумеешь рассказать, как бы ты ни старался. И все же ты должен. Жизнь твоя есть история этого мира, твои книги — кровь, дающая ему жизнь. Магия, которой держится этот мир, живет в твоём сердце. Отыщи ее.

— Это не так просто, — сказал он.

— Все не просто. — Она грустно улыбнулась. Гнев вспыхнул в нем, точно раздутые уголья.

— Пошла к дьяволу, ведьма. Оставь меня. Она пожала плечами.

— Невозможно. Я нужна тебе, Майкл.

— Зачем? — Она подалась вперед в седле.

— Я — жизнь твоих книг. Без меня ты не

сможешь закончить свою часть истории, но и бросить ее, не закончив, ты будешь не в силах.

— Она умерла, история, вместе с тобой, — возмутился Ривен. — Теперь нет никаких больше историй.

— История бесконечна, всегда что-нибудь предстоит. Быть может, в истории этой будут другие герои... может быть, даже рассказывать будет кто-то другой, не ты. Но она продолжается, как и твое в ней участие. И она, твоя история, тобой еще не закончена.

— Зато я с ней покончил.

Она печально качнула головой, и на мгновение — у него даже перехватило дыхание — он узнал в ней свою жену.

— Майкл, здесь выбирать не тебе... и не мне. Мы просто выполняем то, что нам назначено свыше.

Слезы душили его, лицо исказилось гримасой боли.

— Дженни...

— Ее нет. Ее больше нет. Есть лишь то, что твое воображение приняло и сотворило из нее, что из нее сотворил этот край. — И все же лицо ее было здесь, перед ним, бледное, точно смерть.

— Оставь меня, — выдавил он, склонившись над лукой седла, охваченный терзающей болью. Он не мог на нее смотреть.

— Не забудь, Майкл, — сказала она, и голос ее стал далеким. — Это нам назначено свыше!

Он схватился руками за грудь, будто боясь, что она разорвется, и даже не поглядел ей вслед.

Он открыл глаза, и кругом была глухая тьма, и руки его пытались убрать покрывало темноты. Чья-то рука ласково гладила Ривена по волосам, и рыдание комом застряло в горле, само себя подавив.

— Тише, — шепнул мягкий грудной голос, и Ривен весь как-то обмяк. — Вам что-то привиделось, вы кричали во сне, — продолжал тот же голос, и Ривену вдруг показалось, что на мгновение к щеке его прикоснулась щека; касание легкое, точно перышком.

Это что, обычная процедура по уходу за болящими? — спросил себя он. Но нет... все это осталось там, в другом времени, в другом мире. Мадра зажгла свечу и вернулась к нему, Ривен заглянул ей в глаза, такие серьезные под густыми бровями.

— Ты уж прости меня, — сказал он, ругая себя за то, что его голос звучит с каким-то надломом. Она легонько качнула головой и пальцем смахнула слезы со щеки Ривена. Он покраснел от смущения, но не пошевелился. Странно; но, прикасаясь к нему, она рассеивает его кошмары.

Сон. Просто сон. Но что в этом мире есть сон, а что — явь? Что здесь настоящее?

Дженни.

И он спрятал лицо в коленях девушки, которая молча гладила его волосы.

Солнце, поднявшееся из-за гор, застало Ривена на крепостной стене Рорима, куда он поднялся в сопровождении Айсы и Мадры. Дул резкий порывистый ветер, как студеный отголосок той суровой зимы, что предшествовала появлению

Ривена в Мингнише, но небеса были чисты, и склоны ближних холмов нолыхали цветением лютиков.

Ривену то и дело приходилось бороться с плащом, спадающим с плеч. Он пока еще не привык к такому странному фасону, и плащ постоянно сползал, мешая движениям здоровой руки. Вторую руку Ривен держал на перевязи. В который раз Мадра, ни слова не говоря, поправила за него сбившийся на сторону плащ.

Сегодня Ривена нарядили в длинную, до бедра, кожаную рубаху и синие шерстяные штаны плотной вязки со вставками крепкой кожи на внутренней стороне у бедер. Под верхней, кожаной, рубахой, была еще нижняя — из льняного полотна, а обулся Ривен в походные свои ботинки. Его талию охватывал кожаный пояс, на котором крепился меч, спрятанный в ножны, с клинком в два фута длиною. Из-под пояса выглядывал кушак небесно-голубого цвета. Поверх всего этого облачения болтался плащ, синий, точно вечерние сумерки, закрепленный на плече тяжелой бронзовой брошью, которую Мадра собственноручно ему приколола. Странно, но вместо того, чтобы чувствовать себя легко и комфортно, — ведь одет он был точно так же, как и все люди, его окружающие, — Ривен почему-то смущался и ему было очень неловко. Да еще жуткий тот сон... никак не давал он Ривену покоя.

— Кавалькада уже на подступах, — не без иронии проговорил Айса. Ривен посмотрел в направлении северных ворот и, кажется, действительно разглядел вдали темную змейку процессии:

всадники на лошадях, медленно приближающиеся к Рориму. Над головами у них развевались знамена; такого в Мингнише Ривен еще не видел. Как он понял, мирканы относятся очень неодобрительно к показухе подобного рода.

Стражи из почетного караула в полном боевом облачении выстроились, точно каменные изваяния, в два ряда перед воротами Рорима, образуя широкий проход. Там же стоял и Варбутт, ветер трепал его серебристые волосы. Сопровождали его Байклин и Гвилламон, Мертах, Юдайн и Ратаган. Утро выдалось не сказать чтобы теплым, и Ривен никак не мог взять в толк, почему Байклин так настаивал на том, чтобы и он тоже присутствовал при въезде Маско и еще двух баронов, Лионана и Маллаха, в Рорим. Другие двое, Малиг и Кеппох, прибыли раньше, еще в начале недели, и, как понял Ривен по рассказам, безо всяких таких церемоний.

Кавалькада, как обозвал ее Айса, заметно приблизилась, и тут Ривен почувствовал, как напряглись оба его компаньона.

— Что такое? — спросил Ривен с тревогой, но они ничего не ответили. Ощущая какое-то смутное беспокойство, Ривен сосредоточил внимание на длинной цепочке всадников и пехоты, которые были уже совсем близко от крепостной стены. Пять знамен развевались в воздухе. По краям трех из них шла небесно-голубая полоса, такого же цвета, как и кушак Ривена, у четвертого окантовка была алого цвета, и зеленая — у пятого. — Что это за знамена? — спросил Ривен.

— Три знамени с голубой окантовкой — зна-

мена наших баронов, — сказала Мадра. — Но вот с красной — знамя Брагада, а с зеленой — Магейри, властителей двух Роримов, что лежат к северу и к северо-востоку от Раларта. — Магейри — тот самый, что потерял сына. А Брагад — будущий генерал объединенных Долов.

— Странные, надо заметить, попутчики, — мрачно проговорил Айса, и Ривену показалось, что тот еще крепче сжал в руках боевой посох.

Колонна приостановилась перед воротами, между двумя рядами ралартских стражей. Всадники спешили. Доспехи, шлемы и рукояти мечей сверкали на солнце, конская сбруя и плетение кольчуг легонько позвякивали. Гости скорее подходили на войско, только что выступившее в поход.

— Это — посольство, — сказала Мадра. — Брагад прибыл самолично, сам себе геральд. Вижу я и его супругу. А Магейри послал своего племянника, Дамана. — Она показала рукою. — И, посмотрите, вон Маско, на крупном сером мерине.

Ривен увидел высокого худощавого мужчину в богатой походной одежде с суровым загорелым лицом. Спешившись, он поприветствовал Варбутта, взяв его за обе руки. Обрывки беседы долетали и до крепостной стены, но ветер уносил их прежде, чем Ривен успевал разобрать слова. Он себя чувствовал здесь ненужным и оттого раздражался, да и переломы его уже давали знать о себе ноющей болью. Он почти не обратил внимания на остальных новоприбывших.

Конюхи Рорима увели лошадей, у навесной башни двое стражей приняли оружие гостей. Ривен развернулся лицом к крепости: процессия двину-

лась во внутренний двор за воротами, подковы заклацали о мостовую. Знамена склонились под сумрачной аркой ворот, потом их свернули, и высокие гости прошли во Дворец, тогда как ратники, их сопровождавшие, и стражи отправились к своим казармам.

Страж, что нес караул на крепостной стене, небрежно сплюнул вниз и поглядел на Айсу, почесав за ухом.

— Если я не ошибаюсь, завтра будет немало говорильни, ну а вечером сегодня — немало пива. У начальства забот полон рот.

Миркан кивнул.

— Хорошо иногда быть простым солдатом, — сказал он.

Ранним вечером, когда солнце только еще начало клониться к западным холмам, в комнату к Ривену вошли Байклин и Ратаган.

— Ну, привет, — сказал Байклин, и улыбка, мелькнувшая на его губах, погасла. Давно уже не было у меня случая заглянуть к тебе, прошу прощения за столь невнимательное с моей стороны отношение, но...

— ...пришлось носиться, как коту, ужаленному шмелем в задницу, — закончил Ратаган, и стало видно, что он опять навеселе.

— Что-то в этом роде, — уныло сказал Байклин. — Хлопотные были дни.

— А сегодня — особенно, — заметил Ривен.

— Да. Ты наблюдал за прибытием... э-э-э... наших гостей? Весь Рорим, понятно, стоит на ушах, а вечером, по окончании официального приема, будет еще и банкет.

— А что вообще происходит? — спросил Ривен. — Есть у меня смутное подозрение, что ты мне не все рассказал.

— Он никому не рассказывает всего, — фыркнул Ратаган.

Байклин как будто обиделся.

— Ну, хорошо, — уступил он. — Это вовсе не случайность, что Маско и дружественные ему бароны явились сегодня в компании Брагада и геральда Магейри. Последние пару недель они вели между собой переговоры и прибыли к нам как союзники с целью убедить Варбутта принять их сторону.

Ривен тихонько присвистнул.

— И это еще не самое замечательное, — утешил его Ратаган.

Байклин пожал плечами.

— Брагад с Магейри объединились. Теперь два их Рорима действуют как один. Брагад явился на переговоры лично, а Магейри прислал Дамана, племянника своего. Есть у меня подозрение, что в этом союзе старший партнер — Брагад.

— А все из-за гибели сына Магейри, — добавил Ратаган. — Магейри — старик, он уже устал править. Сдается мне, теперь его мало уже заботят и власть, и политика...

— Своевременное несчастье — гибель сына соседа, — задумчиво проговорил Байклин, и лицо его посуровело.

— Плохо дело, — заметил Ривен.

— Да, — согласился Байклин. — В твоих историях ничего этого нет. Мы как раз собирались спросить тебя: Брагад... был такой в каких-нибудь

планах будущих твоих книг или пусть даже только в твоём воображении?

— Нет. В моих книгах Дола самостоятельны и независимы. Там у них не было никакого... верховного властителя. У них хватало забот и так, они ведь все время были заняты трудом и борьбой с внешним врагом.

— Это идея Брагада: объединить силы Роримов, чтобы отбить натиск чудовищ, что осаждают нас, а потом всем вместе решить, как распределить продовольствие исходя из того, что урожай весь погиб:

— А разве это так плохо? — спросил Ривен.

— Ты не знаешь Брагада, — сказал Байклин. — Его не волнует благополучие его вассалов, пока они в состоянии служить осуществлению его целей. Сейчас ему надобны еще люди, еще территории. А Раларт — самый могучий из всех западных Роримов.

— Во всяком случае, мы доподлинно знаем, что будет сегодня, — сказал Ратаган. — Еще до начала пира Брагад, в присутствии всего Рорима, сделает Варбутту официальное предложение.

— И что скажет на это Варбутт?

Ратаган ухмыльнулся, но не ответил.

В Зале приемов было полно народу. Море людей шумело и колыхалось у стен громадного помещения, и только в самом его центре оставалось небольшое свободное пространство, где поверх углубления для очага настелили тяжелые доски. Впечатление складывалось такое, что здесь все было приготовлено для суда, причем судьями призвано выступить все население Дола вместе с

суровыми, подтянутыми стражами в полном боевом облачении. Они стояли в толпе, мрачные фигуры из стали, — голубые полосы обрамляли пластины их лат, неизменные кушаки опоясывали торсы поверх нагрудников кирас. Внушительный вид их произвел на Ривена сильное впечатление, он понял теперь, почему небольшого числа таких солдат достаточно для защиты целого Дола. Безоружным с ними не справиться... разве что безоружные эти — мирканы. Неброско вооруженные по сравнению со стражами, мирканы каким-то образом умудрялись производить впечатление даже еще более грозных воителей.

Ривен занял свое место рядом с Ратаганом в верхней половине переполненного зала; Байклин, который расположился на одном из высоких сидений, махнул ему рукой и радушно улыбнулся. На втором восседал Варбутт, облаченный в церемониальный плащ такого же цвета, как и знамя Рорима Раларта, и с золотым кантом по краю. Голова старика была непокрыта, но шею его охватывал обруч из золота, а в руках он держал палисандровый жезл, отделанный серебром. На ралартской стороне зала Ривен разглядел Юдайна, а рядом с ним — хрупкую женщину в темных одеждах — Этирру, мать Ратагана. Был здесь и Данан, лейтенант стражей Рорима, и его сестра Мира, не сводящая взора с Байклина. Неподалеку от них с обеспокоенным видом стоял Гвион, — больше всего ему, конечно, хотелось незаметно ускользнуть отсюда и самолично проследить за приготовлениями к предстоящему пиру, — зато уж Игельда оставалась спокойной и невозмутимой,

ее медного цвета волосы, казалось, притягивали свет факелов.

Кто-то сжал его руку. Ривен понял, что это Мадра. Она сделала это, чтобы привлечь его внимание. Оказывается, она стояла рядом с ним.

— Вы как будто ралартский барон, — прошептала она.

Он пожал плечами, рассеянно улыбнувшись в ответ. Может быть, с виду он и похож на какого-то важного господина, но только все это — видимость, и чувствует он себя неуютно, поскольку ему еще не приходилось принимать участие в таких церемониях.

Ривен придумал себе игру: он пытался узнать баронов Раларта по описаниям своих друзей. Узнать Маско не составляло труда, он был на голову выше всех в зале, кроме разве что Ратагана, глаза его сияли льдистым огнем на изборожденном морщинами лице. Его щеки, запавшие и обветренные, свидетельствовали о том, что барон не чуждается физических упражнений и много времени проводит на открытом воздухе. Одет он был в облегающую черную пару, штаны и камзол, из молескина, такого мягкого, что смотрелся он как бархат. На боку у него висел меч, с тонким клинком и рукоятью в форме ковша, совсем не похожий на тяжелые длинные мечи, которые, как заметил Ривен, носили почти все воины Мингниша. Серебряный обруч сверкал у него на висках. Ривен случайно встретился взглядом с бароном и заметил, как голубые его глаза вспыхнули. Взгляд их впился в его лицо. Проклинаая себя на чем свет стоит, Ривен поспешно отвел глаза.

Позади Маско стояли Лионан и Маллах — бароны Раларта, сопровождавшие его в поездке. Маллах — этакий низкорослый гном с узким лбом, огромным носом и черными усами, что загибались, точно клыки, под подбородком. Глаза его источали свет, словно два угля. За кушак его, как пистолет, заткнут был короткий боевой кинжал.

За ним нужен глаз да глаз, говорил Байклин. Этот в приступе ярости способен пустить насмарку плоды годами плетущихся интриг.

В этом Ривен не сомневался. С ним трудно будет вести переговоры.

Лионан стоял рядом. И если Маллаха можно было сравнить с могучим боевым молотом, то Лионан походил на рапиру. Высокий, тонкий, словно молодой тополь, с копной золотисто-рыжих волос, сверкающих точно нимб в свете факелов. Кожа его чиста и нежна, словно кожа девушки. Адамово яблоко прыгает как поплавок. Его красивые, большие, как у газели, глаза прикрыты веками, как если бы он был чем-то обеспокоен. Брови светлы и почти неразличимы. Он еще не привык к власти — отец его умер всего год назад. Он во всем следовал Маско, полагая его выдающейся личностью и подбирая крупницы славы с его камзола. Как там назвал его Ратаган? Неженка. Хотя Байклин говорил, что Лионан — один из лучших фехтовальщиков Дола и отчаянный дуэлянт. Рапира его, гибкая и быстрая, лишила жизни не одного противника.

И вновь Ривен восхитился людьми и подивился событиям, свидетелем которых стал. Он стоял

здесь, в этом зале, и, даже не поворачивая головы, различал в толпе героев своих книг. Вот Маллах — разбойник, бандит, не гнушавшийся снимать драгоценности с путешественников и женщин. Лионан — светский франт, изнеженный и жестокий. Странно видеть их здесь — героев его книг в ролях дипломатов. Но, право же, и те, и эти роли им очень шли, думал он.

А потом он увидел женщину.

Темноволосую, кареглазую, одетую в черное. Серебряный обруч украшал ее чистый — без изъяна — лоб. Рядом с Маско она казалась нежным и хрупким цветком.

То была женщина из сна Ривена, двойник погибшей его жены.

О Боже!

Он пихнул Ратагана локтем. Тот быстро обернулся.

— Кто она?

— Кто? — Ратаган озадаченно уставился в толпу.

— Эта женщина, рядом с Маско.

Ратаган с досадою щелкнул языком.

— Ага. Углядел, стало быть. Это, друг мой...

— Джиннет. — Теперь он вспомнил. Слава Всевышнему, он вспомнил. То была шутка, проказливая проделка: поместить жену в одну из его историй и сделать из нее важную даму. И вот — она здесь, вместе с ним, в этом зале. Дженнифер, что стала Джиннет.

Матерь Божья!

Но в его книгах она была незамужней, нетронутой.

— Она замужем за Маско, — уныло промямлил он.

Но Ратаган покачал головой.

— Она супруга Брагада, и сюда прибыла из учтивости, дабы подтвердить его мирные намерения.

— Меня не предупредили, — хрипло выдавил Ривен.

Ратаган нахмурился и пристально поглядел на него.

— Ты чем-то обеспокоен, Майкл Ривен? В чем дело?

Ривен почувствовал, что и Мадра тоже встревожилась. Ее рука легла ему на плечо. Он заскрежетал зубами.

— Да все нормально. Забудь об этом.

Стало быть, она замужем за Брагадом. В этом должна заключаться какая-то логика — разгадка того, как возник этот мир.

Должна быть какая-то причина.

Но, черт его подери, если бы только он знал — какая.

Он смотрел на нее, точно затравленный зверь, не в силах отвести глаз. Она ощутила его напряженный взгляд, и брови ее слегка сдвинулись. Ее брови сходились на переносице. Когда их взгляды встретились, она напряглась, потом улыбнулась — едва заметно, и отвела взор. И больше уже не обращала на Ривена никакого внимания. Он почувствовал, как волна безадресной ярости поднимается в нем, и беспомощно сжал ладони в кулаки. Но гнев быстро прошел, оставив лишь опустошение и усталость.

Ничто не свято.

На другом конце зала с громким скрипом раскрылись двойные двери, и гул голосов обратился в шепот, как это бывает на службе в церкви. Все как один обернулись, чтобы увидеть выход людей, препоясанных алым и зеленым, торжественно шествующих по проходу к высоким креслам, что возвышались у дальней стены.

Процессию возглавлял невысокий темноволосый человек, который шел легким непринужденным шагом, держа руку на рукояти меча. Он был чисто выбрит и коротко пострижен, а борода его походила на бороду кузнеца. Или мудреца. Алое платье сидело как влитое на его широкоплечей фигуре.

— Брагад, — шепнул Ратаган.

Ривен не мог оторвать глаз.

— Хью! — выдохнул он.

Его редактор, «повивальная бабка» всех его книг, которые Ривен писал, когда мир был юным. Хью, не вылезающий из своего лондонского кабинета, неизменно одетый в этот свой костюм, который сидит на нем, как на корове седло. Неизменно смолящий вонючие свои сигареты.

Он прошествовал мимо, даже не взглянув на Ривена. Но Джиннет — супруга его — приветливо улыбнулась мужу. Ривен подумал, что он, наверное, сходит с ума. Он пошатнулся и наверняка упал бы, если бы Мадра не поддержала его.

— Вам не по себе?

Но Ривен не смог ничего ответить. Он лишь глядел, не отрываясь, в спину Хью-Брагада. Гнев и отчаяние вихрем носились в его голове. Казалось,

он явственно слышит голос Хью — голос, звучащий из прошлого: «Ты знаешь, как я к ней относился, Майк. Я обожал ее. Очаровательная была женщина, восхитительная».

Она! О, черт возьми, она была моей женой!

Но он так и стоял неподвижно, не обращая внимания на встревоженный взгляд Ратагана, и лишь рука его судорожно сжимала холодную рукоять меча.

Послы приблизились к помосту, на котором стояли кресла с высокими спинками. Они остановились, пристукнули каблуками об пол и поклонились. В ответ Байклин и отец его склонили головы.

Брагад заговорил первым — резко и раздраженно.

— Приветствую Варбутта, баронов Раларта и их Рорим, — он повел рукой, как бы обнимая сим жестом всех тех, кто занимал высокие кресла, — Гвилламона, Юдайна, и тех, кто стоял рядом с ними, и остальных баронов, теснившихся во главе зала, — Благородные господа, я — Брагад, правитель Рорима Гаррафада. Рядом со мною — Даман, племянник Магейри, барон Рорима Карнаха. И говорю я от нас обоих, ибо в данном вопросе мнение наше едино, а сила наша — отныне единая сила, — он выдержал паузу, дабы подчеркнуть последние свои слова. — У меня есть послание от наших двух Роримов, пусть услышат его в Раларте. Все, кто желает слушать. Я прошу дозволения его огласить. — В его деланном смирении сквозила ирония. Байклин нахмурился, но Варбутт остался невозмутимым.

— Огласите свое... предложение, — тон его, как всегда, был мягок.

Брагад обернулся к толпе, растянувшейся вдоль стен огромного зала. Все смолкло.

— Я обращаюсь к вам, — вымолвил он громко. — Мы, посланцы Гаррафада и Карнаха, насмотрелись уже на то, как наших людей убивают, наши стада вырезают и угоняют, как гибнут наши посевы из-за колдовской зимы, дома наши сровняли с землей кровожадные твари. Убит наследник Карнаха. Дальше так продолжаться не может. Времена года перемешались, и лето уже на исходе. Грядет осень, а урожай слишком скуден, чтобы мы сумели продержаться зиму, вторую зиму за эти полгода. По всей земле распространяется колдовство. Из-за темных злых чар мы оказались на грани голодной смерти.

Ривен заметил, как потемнело от гнева лицо Мертаха. Он обменялся быстрыми взглядами со своим отцом, Гвилламоном.

— Нельзя допустить, чтобы все это продолжалось, иначе земля наша и люди ее погибнут, — голос Брагада звенел в тишине зала. — Гаррахад и Карнах объединились, ибо два кулака бьют сильнее одного, друзья же помогут друг другу в годину нужды и бедствий. В тяжелое время, которое мы переживаем теперь. В этот час Доли должны быть вместе, должны помогать друг другу и защищать людей своих от нужды и невзгод. Мы должны вырвать с корнем источник этой разрушительной магии и уничтожить его. Загнать хищных горных тварей обратно в их норы, чтобы мы снова могли жить в мире.

Я пришел, чтобы спросить: согласен ли Варбутт присоединиться ко мне и к Магейри в этом священном походе, дабы все западные Роримы стали действовать как один. Вместе мы одолеем все беды — порознь нам не выстоять. Так давайте сражаться плечом к плечу, дабы очистить наш край от зла. А когда зло падет, побежденное, — будем друзьями, и пусть дело, за которое мы боролись вместе, соединяет нас. Только так и никак иначе Доли Рорима выстоят в этой борьбе и будут вновь процветать. — Брагад поклонился, сначала — всем собравшимся, потом — высокопоставленным лицам.

Варбутт поднялся.

— Ваши намерения изложены превосходно, милорд Брагад. Но прежде чем дать вам ответ, нам надобно хорошо поразмыслить и обсудить предложение ваше. Вы, надеюсь, задержитесь здесь, чтобы разъяснить его нам более подробно. Наш Рорим для вас открыт. Вас, барон Даман Карнахский, и ваших стражей мы также рады принять у себя, ибо Раларту и баронам его надобно какое-то время, чтобы обдумать все то, что мы сегодня слышали. Надеюсь, сегодня вечером вы и все, кто вас сопровождает, присоединитесь к нам на пиру, который мы даем в честь дорогих гостей.

Брагад низко поклонился и ответил в том смысле, что на пиру обязательно будет и почтете сие за великую честь для себя, затем повернулся и вышел из зала в сопровождении своей свиты; пустые ножны его придворных бились об их икры. Оружие в присутствии Варбутта разрешалось носить только баронам и стражам Раларта — еще

одна из причин испытующих взглядов, которые бросали на Ривена из разных углов зала. Он, без сомнения, не страж, поскольку на нем нет доспехов, и все же он препоясан синим кушаком. И носит меч. Стало быть, он — барон? Ривен без труда различал искреннее изумление в глазах баронов Раларта, и явственно ощущал на себе взгляд Джиннет, пусть и не смог заставить себя поднять глаза и посмотреть на нее. Он устал от всех этих сюрпризов. Он устал от того, что его постоянно разглядывают. Ему хотелось просто побыть одному.

Толпа разом сдвинулась и излилась прочь сквозь двери в глубине зала. Потом появились слуги и принялись убирать дощатый настил с углубления для очага, готовя место для праздника. Было жарко и душно, хотя толпа и покинула зал, и Ривен вдруг с тоской вспомнил их хижину на морском берегу, но тут же прогнал это воспоминание.

К ним подошел Байклин, ведя за собою хмурого Мертаха.

— Славный образчик велеречивого краснобайства, — сказал он. — Даже те бароны, которые не приняли еще его сторону, станут теперь относиться к нему как к этакому воплощению благоразумия. Предвижу я, нам предстоят нелегкие дни.

— А мне понравился тот пассаж о магии и колдовстве, — голос Мертаха звучал беззаботно, но глаза его горели янтарным светом в отблесках факела. — Верно, друг наш Брагад не прочь испытать ее действие на себе.

Ратаган положил руку ему на плечо.

— Не изводи себя так. Ему нужен козел отпущения, вот и все. Брагад из тех, кто любит похвастать своими весьма проникательными умо-заключениями, даже если они далеки от истины. Что бы ни случилось, в Раларте охоты на ведьм не будет.

— И даже речи не может быть о каком-то объединении Роримов, что бы там ни говорили Маско со товарищи, — продолжал Байклин. — Та одетая в черное искушительница держит его под каблуком, это и дураку понятно.

— Мечи и магия — не единственное оружие, — проворчал Ратаган, покосившись на Ривена. — Наверное, мысль нарядить и привести сюда Сказителя была не такой уж удачной. Слишком много он привлекает к себе посторонних взглядов.

— Все равно женушке Брагада будет теперь не до этого, у нее рьяный супруг, да и союзники его тоже... — Мертах мрачно расхохотался. — Так что Сказитель может пока не опасаться ее ухищрений, — при этом он посмотрел на Мадру с горечью.

Вдруг Ривен, не отдавая себе отчета, здоровой рукою схватил Изменяющего Облик за грудки и резко притянул его к себе. Глаза его так и впились в изумленное лицо Мертаха. Но гнев прошел так же быстро, как и вскипел. Ривен закрыл глаза и отпустил Мертаха.

— Прости. Проклятье!

Больше он ничего не сказал, да и что было говорить? Как объяснить? Все четверо остолбенели и вытаращились на Ривена.

— Что-то за этим такое стоит, что-то, о чем

ты не хочешь поведать нам, — тихо вымолвил Байклин.

Ривен покачал головой.

— Не сейчас, Байклин. Мне нужно проветриться.

— Не сейчас, так потом, — не стал возражать Смуглолицый. — После переговоров, они начнутся сегодня в полдень. Перед пиршеством.

— Мне нужна лошадь. Я хочу выехать из Рорима. Ненадолго. Это можно устроить? — спросил Ривен.

— Хорошо. Айса...

— Нет. Один, Байклин. Сам. Я далеко не поеду.

Байклин посмотрел на него оценивающим взглядом.

— Ну, ладно. И все же пока я не советовал бы тебе одному выезжать из Круга. — Помолчав, он добавил: — Ты не окреп. Сумеешь справиться с лошастью?

— Сумею. Бывало и хуже. — Он вышел из зала. Требовательные взгляды друзей кололи ему спину, как булавки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Близились осень. Приближение ее ощущалось во всем: в дуновении ветра, в золотистом свете дня. Лето, казалось, промелькнуло за какие-то считанные дни. Тень Ривена ложилась по правую руку, будто кривляющийся фантом. Он направил своего коня на север, подальше от стен Рорима — туда, где вздыбленные волнами холмы переходили в густо поросшую вереском гряды голубых и лиловых вершин.

В Круге было безлюдно. Большинство жителей Дола перебрались сегодня в Рорим или, по крайней мере, старались держаться поближе к его стенам — толпились в харчевнях, что лепились у их подножия, веселясь от души, отмечая приезд Брагада. Приезд Хью. Хью и Дженни.

О Господи!

Ему встречались отары овец и стада коров. Конь его приветствовал бодрым ржанием других лошадей, вольно разбредшихся по общинным пастбищам. Однако травы на лугах почти совсем не осталось, а та, что еще сохранилась, уже пожелтела. Домики из камня с камышовыми крышами, деревни и хутора... но были и совсем новые поселения: хижины, наспех сложенные из дерна и крытые вереском, тренировочные площадки, где новоселов обучали искусству владеть оружием. Дальше на север селения попадались реже. Вскоре лишь длинная каменная стена отделяла Ривена от холмов.

Где-то там, в тех холмах, бродит тень Дженни, безгласная и пугливая. Здесь же, внутри стен

Рорима, пребывает ее двойник — одетая в черное искусительница, как назвал ее Байклин.

Какого черта? Что происходит, вообще, с этим колдовским местом? Что здесь творится? Ответов не было — только мучительные загадки, которые он разгадать не мог. Мрачно размышлял Ривен над тем, кто же следующий из его прежней жизни появится здесь. Дуди, может быть, вот смеху-то будет! Или Энн Коухен...

Он вдруг резко натянул поводья — ему в голову пришла одна мысль. Он едва ее не упустил, пытаясь найти разгадку. Сестра Коухен...

Нет. Не то. Он яростно помотал головой и прищипорил коня.

Добравшись до Внешней стены, Ривен остановился, спешился и снял удила у коня. Переломанные его кости тут же напомнили о себе. Он издал стон раздражения и уселся в редкую желтеющую траву, привалившись спиной к изъеденному непогодой камню и подставив лицо теплу истощенного солнца. Было безветренно. Конь его принялся с довольным видом щипать траву, волоча по земле поводья. Ривен скинул с плеч мешавший ему плащ и закрыл глаза, стараясь отогнать прочь все тягостные раздумья, что не давали ему покоя.

Осень — не столь уж и безрадостное время года. Конечно, бывают сырые, холодные ветры, но только осенью папоротник окрашивает склоны гор в цвет красной меди и выдаются иной раз погожие солнечные деньки — точно обломки потерпевшего крушение лета, выброшенные прибоем на берег. Ночью разбушует море, ветер швырнет кроншнепов вниз, к земле, в узкую поросшую лесом

долину, и они полетят, словно серые камни, брошенные пращей. Осень — это такое время, когда хорошо растопить торфом камин и, глядя на языки пламени, завести разговор, и ловить в тихой симфонии ветра тему для новых историй. Осень на Скае.

— Привет тебе, Незнакомец!

Ривен открыл глаза и увидел Дженни. Она шла к нему, ведя под уздцы коня. Он улыбнулся. Лучи солнца высветили все оттенки золота в ее волосах и окрасили кожу в цвет меда. Подняв брови, она улыбнулась, но что-то не то было в этой улыбке, что-то...

Отбросив плащ, он с трудом поднялся на ноги, морщась от боли в ключице.

— Что вы тут делаете? — голос его дрожал.

Ее улыбка исчезла.

— О том же я собиралась спросить и у вас. Мне захотелось прокатиться верхом. Я видела, как вы сажались в седло, и поехала следом за вами, вдвоем все-таки веселее. Но вы, я вижу, не рады.

Он смотрел на нее, кривя губы. Похоже, этот мир не оставит его в покое.

Она собралась было сесть обратно в седло, но Ривен шагнул вперед.

— Нет. Погодите.

Она остановилась, обернувшись к нему.

— Вы меня знаете?

Вопрос, казалось, ее озадачил.

— Мы с вами встречались прежде?

Его взгляд буквально впился в ее лицо. Но в глазах ее он не прочел никакого ответа. Ривен склонил голову, скрипнув зубами.

— Нет, вы не знаете меня.

Она шагнула к нему, протянув руку ладонью вниз.

— Я — Джиннет, супруга Брагада Гаррафадского...

Вообще-то, наверное, положено руку поцеловать. Но Ривен оцепенел, боясь прикоснуться к ней.

Она уронила руку и нахмурила свои черные брови.

— Откуда бы вы к нам ни прибыли, учтивость, насколько я понимаю, не входит в число добродетелей ваших, — едко вымолвила она.

— Я, видите ли, не местный, — пробормотал он.

Она внимательно на него посмотрела.

— Стало быть, вы не из Раларта, — тут она улыбнулась снова. — А кто вы? Барон... или страж? Если барон, то уж точно не Раларта... я всех их знаю. И вряд ли — страж, вы совсем не похожи на воина.

С чем вас и поздравляем.

Она непринужденно шагнула к нему. Он бы, наверное, попятился, если бы не упирался спиной в каменную стену.

— Вы не назвали себя, чужестранец.

— Майкл Ривен. — На мгновение ему показалось, что что-то мелькнуло в ее глазах... сомнение, может быть... но это длилось лишь мгновение, так что он даже не понял: а не привиделось ли ему.

— Майкл, — проговорила она, словно бы пробуя слово на вкус. У нее был необычный акцент.

Совсем не похожий на тот, с каким говорит его жена. Говорила. — Странное имя. Вы с севера? Наверное, из городов?

Ривен неуверенно покачал головой. Он ощущал аромат духов, исходящий от этой женщины. Ее близость кружила ему голову.

— Нет. Вы — не моя жена, — произнес он тихо-тихо.

Ее рука гладила его по щеке, легонько касаясь бороды. Ривен не мог пошевелиться.

— Что вы такой напряженный? Словно натянутая струна. Вы, быть может, боитесь жены такого могущественного властителя, как Брагад? Бросьте. Мы с ним прекрасно понимаем друг друга. И я к тому же весьма осмотрительна.

— Что вам нужно? — выдавил он.

— В Зале вы с меня глаз не сводили. Что вам успели уже наболтать про меня?

— Ничего. Я про вас ничего не знаю. — Не считая того, что он сам написал в своей книге. Не считая той части ее существа, которая когда-то, быть может, была Дженни.

— А чем вы здесь занимаетесь, в Раларте? — Пальцы ее коснулись его шеи, узла на перевязи, что поддерживала его руку. — Вы были ранены. Как?

— В схватке с Исполинами.

Брови ее приподнялись.

— Значит, все-таки воин. — Она осторожно прикоснулась к шраму у него на лбу. Ривен невольно вздрогнул. — У вас шрамов немало. Есть совсем еще свежие. Вы, быть может, продажный меч из Вольной Братии?

— Кто-кто? — Он едва слышал то, что она говорила. Он утонул в омуте ее карих глаз. Сердце его бешено колотилось в груди.

— Наемник. Солдат удачи.

— Был и солдатом удачи. — Лейтенант Ривен.

— А-а... — Взгляд ее вдруг стал проницательным. — А теперь, значит, больше не служите?

— Нет, теперь нет. — В голове у него словно бы прозвенел набат, предупреждая об опасности. Эта женщина — не его жена, и сюда она пришла не в поисках интересного собеседника. Здесь задействованы какие-то непонятные ему силы... И Ривен не хотел во всем этом участвовать. — Мне пора возвращаться. Меня ждут в Рориме.

— Кто эта хмурая девочка, что стояла рядом с вами в Зале? Она же еще ребенок.

Он оттолкнул ее руку — резко, грубо. Лицо ее побледнело. Она, впрочем, не возмутилась. Ривен чувствовал, как пульсирует боль у него в ключице. Он сел на коня. Стон сорвался с его губ, и на мгновение все поплыло перед его глазами. Когда он пришел в себя, она пристально смотрела на него. Но в лице ее не было беспокойства — лишь холодное любопытство.

— Мы еще встретимся, — крикнула она ему вдогонку, но Ривен не ответил. Поворотив коня, он пустился галопом обратно в Рорим.

Вернувшись назад уже под вечер, перед самым началом торжественного обеда, он рассказал о странной встрече Байклину, Ратагану и Мертаху. Они сидели у него в комнате — ветер свистел в ставнях и карнизах Дворца — и слушали молча. Когда он закончил, Байклин подошел к окну и

вперил взгляд в сумеречное небо, затянутое облаками. Среди пустынных холмов на востоке сгустилась ночная тьма.

— Теперь я понимаю, почему ты так странно вел себя в зале, — сказал Мертах, почесав за ушами Флейты. Волчица заурчала от удовольствия. — Мне очень жаль.

— Никто в этом не виноват, — отозвался Ривен. — Кроме, быть может, меня самого. Я должен был знать, что она будет здесь. В конце концов, это я ее поместил сюда. В эту историю.

— Однако, как я понимаю, она — не совсем та, какой была у тебя, — задумчиво проговорил Байклин.

— Вот именно, не совсем.

— Мне самому надо было догадаться, — продолжал Смуглолицый. — Между ней и той девушкой с Острова Туманов есть какое-то сходство. — Он отвернулся от окна. — Но сходство все же не полное. В чем-то они отличаются друг от друга. И отличаются очень существенно. Но почему? Почему это произошло? Почему их здесь двое... две тени твоей жены. Одна — своенравная дама высшего света, другая — пугливая бродяжка. Не знаю даже, что и думать.

— Я так полагаю, это из области фантазий Гвилламона, — вставил Ратаган, сжимая в громадном своем кулачище забытую флягу с пивом.

— И человек, которого ты знал в своем мире, — тот, который тебе помогал с историями. Здесь он — Брагад. — Байклин покачал головой. — Неудивительно, друг мой, что тебе захотелось побыть одному. Так и рехнуться можно.

— Может быть, будет лучше, если Ривен не пойдет на сегодняшний пир, — предложил Мертах.

Смуглолицый покачал головой:

— Это скорее возбудит нежелательные подозрения. Брагад уже видел его и знает, что он нездешний. Нам ни к чему давать пищу досужим домыслам.

— Нам нужно что-то придумать... измыслить какую-нибудь безобидную личину для нашего отставного наемника. — Он легонько похлопал по здоровому плечу Ривена. — Как ты смотришь на то, чтобы сыграть эту роль?

— Костюм у меня уже есть, — пробурчал Ривен недовольным тоном, и гигант от души рассмеялся. Напряжение, воцарившееся было в комнате, как рукой сняло.

Байклин улыбнулся.

— Кем бы ты желал стать, Майкл Ривен?

— Ну, она сказала, что на воина я не похож. — Он сам удивился горечи, которая сквозила в его голосе. — А когда-то я был солдатом.

Когда-то... Давным давно... Может быть, и не в этом мире, но все равно — солдатом.

— Если б она тебя видела в ночь нападения Исполинов, она бы так не сказала, — мягко проговорил Ратаган.

— Тогда, значит, купцом, — предложил Мертах.

— Он не знает торговых обычаев этой страны, — ответил за Ривена Байклин. — И, кроме того, он носит кушак Раларта. Кем бы он ни был, он должен быть подданным нашего Дола.

— Сказителем! — проорал Ратаган, треснув

кулаком по столу с такой силой, что оба волка в испуге вскочили на ноги.

— Кем?! — ужаснулся Ривен.

— Действительно, а почему бы не воспользоваться настоящим твоим ремеслом? Сказитель с запада пришел в Раларт, дабы послужить в Рориме и заодно подсобить несколько новых историй у людей Дола. Да!

Байклин кивнул.

— Прямо в яблочко. Что скажешь, Майкл Ривен?

— Я не могу. У меня костью в горле стоят эти чертовы истории.

— А тебе и не придется ничего рассказывать. Если повезет, — осклабился Ратаган. — Просто сиди себе в уголке с таким, знаешь, задумчиво-одухотворенным видом. А если кто и попросит тебя рассказать историю, скажи, что ты порадуешь их Историей о гноме и о дровах. Такая длинная нудная басня. От тебя тут же отстанут, а то вдруг ты и вправду решишь ее рассказать.

Байклин аж фыркнул от смеха.

— Верное дело. Уж он-то знает по опыту. Да, по-моему, это сгодится. Я скажу Гвиону, пусть он предупредит наших людей. Правда, добрая половина из них почитает Ривена неким таинственным воином-магом из-за южного моря. Нужно им приказать, чтобы держали язык за зубами. Он просто Сказитель, пришел сюда в поисках новых историй.

Может быть, это не так уж далеко от истины, промелькнуло вдруг в голове Ривена.

Ратаган, очень довольный собой, вновь приник

к фляге с пивом. Байклин в задумчивости тер своей нос.

— Неплохая вообще идея. А как только закончится пир, Сказитель тихонько покинет Рорим. Таким образом, он при всем желании не сумеет в другой раз напороться на леди Джиннет. Супругник ее — и это вполне очевидно — велел ей разузнать, кто он такой, что из себя представляет.

— Если его будет сопровождать кто-то из нас, это вызовет подозрения, — заметил Меняющий Облик.

— А если мы выйдем в дозор? — проговорил Смуглолицый. — Вы с Ратаганом выезжаете завтра, на несколько дней, скажем, для объезда западных селений. Можешь заехать домой, мой рыжебородый друг.

— В Иврегар? — Ратаган сделал еще один долгий глоток, и вдруг нахмурился. — Домой. Я не думаю, что...

— Аэлин будет рада, — заметил Байклин, и мрачное выражение тут же исчезло с лица Ратагана.

— Она будет рада, — повторил он. — Поначалу.

Байклин легонько похлопал его по плечу.

— Значит, договорились. Сразу же по окончании пира вы втроем вместе с отрядом дозорных покидаете Рорим на несколько дней. И, кстати, правильное решение, ведь большинство из стражей Дола теперь привязаны к крепости. Это не вызовет подозрений. Погостите пока в Иврегаре, а как только опасность минует — вернетесь.

— А как же Брагад? На переговорах без нас? — спросил Мертах.

— Ничего, переживет, — отозвался Байклин. — Это добавит ему прыти. Кроме того, вы будете не единственные. Известно, что Маллах и Лионан уезжают сразу же после пира, оставляя Маско защищать интересы свои за них — похоже, троица эта прекрасно спелась. Они сослались на острую необходимость проверить и укрепить свои северные границы. Должно быть, у них там становится жарковато. Сегодня к нам прибыл посланник из Дриоха. На севере гриффеша слишком уж обнаглели.

— Удобный предлог для Брагада двинуть домой, — буркнул Мертах.

Байклин раздраженно кивнул.

— Маско из кожи вон лезет, чтоб подчеркнуть свою роль во всем этом: в самый разгар переговоров отсылает баронов охранять свои поместья. Эффектный драматический жест.

— Но, как я понимаю, оправданный? — спросил Мертах.

Байклин пожал плечами.

— Откуда нам знать. Но это хороший предлог и для нас выставить свой дозор. Это объяснит и оправдает ваше отсутствие на Совете. Времени остается немного — до завтрашнего утра.

— Я так понимаю, что имею полное право напиться по этому поводу, как и пристало барону, — расплылся в улыбке Ратаган, но Ривену показалось, что в этой шутке был резон.

— Пей, да дело разумей. Думай, что говоришь и кому говоришь, — предупредил Смуглолицый. — К тебе это тоже относится, Майкл Ривен. Если Брагад догадается, кто ты на самом деле, у

нас будут крупные неприятности кое с кем из баронов.

— Еще одна палка, чтобы поколотить Варбута, — раздраженно бросил Мертах. — Лучше-ка предупреди домочадцев, пусть будут поосторожнее. А то есть у нас некоторые, у кого только ветер в голове, и кто слишком уж много знает.

— Но не Мадра, — Ривен вышел, наконец, из задумчивости.

— Нет, — лицо Мертаха вдруг сделалось серьезным. — Не Мадра.

Приготовления к пиру шли полным ходом. Во Дворце так все и бурлило: готовилось празднество, достойное благородных гостей, — баронов. Кухня походила на муравейник. Кольбан только и успевал раздавать указания и сам прилагал все усилия к тому, чтоб должным образом проследить за их исполнением, сам заботился о соусах и подливках. Мясные туши жарились целиком на медленно поворачивающихся вертелах; взбудораженные повара беспрестанно поливали жаркое капающим с мясных туш соком, в то время как из кладовых нескончаемым потоком несли в Зал приемов всевозможные яства — там водружали их на пиршественные столы. Казалось, столы просто не выдержат веса такого количества блюд. Грохот стоял невообразимый. Бочонки с пивом, извлеченные слугами из глубин погреба, громыхали на камнях, гулкое эхо несло им вдогонку, точно урчание в утробах Исполинов после сытного обеда. С темные бутылками вина — покрытыми густым слоем пыли и паутины — обращались иначе: с большой осторожностью. В углу Зала, где царило

относительное спокойствие, музыканты настраивали струны и натягивали кожу на барабанах. Во всей этой суматохе, сияя лысиной, беспокойно расхаживал Гвион, а за ним по пятам, словно стадо гусей, тянулись слуги, жадно внимая его наставлениям. Процессия эта являла собой зрелище весьма забавное. Кто-то был весь в зеленых иголках — пол устилали свежими сосновыми лапами. Кто — весь в муке. От многих пахло пряностями и травами. Встретившись с ними, те немногие из стражей, что бесшумно расхаживали по коридорам Дворца, поспешно уступали дорогу, опасаясь за начищенные до блеска доспехи. Не раз они попадали в руки игривым кухаркам, которые, веселясь от души, вымазывали их жиром и потом со смехом убегали от рассерженных воинов, бряцающих доспехами.

Пройтись сейчас по Рориму, подумал Ривен, — все равно, что попасть на какой-нибудь средневековый карнавал. Он был захвачен всем этим. Вместе с Ратаганом и Айсой слонялся по крепости, наслаждаясь атмосферой праздника, в поисках занятий поинтересней. Ратаган — с магической прямо-таки легкостью — достал для них пива, и они отхлебывали его на ходу из наполненных до краев кружек. У рыжебородого великана находилось в запасе соленое словцо для каждого, кого он встречал на пути. Молоденькие служанки краснели и прыскали со смеху. Даже Айса чуть-чуть расслабился и улыбнулся черноволосой проказливой служанке, которая игриво ущипнула его за бок.

На Ривена бросали странные взгляды. Он

по-прежнему оставался предметом для пересудов, но интерес сей, похоже был вызван скорее благоговением, которое он внушал, нежели чем-то иным. Однако чем больше он пил, тем меньше задумывался над этим. Он был рад просто плыть по течению, быть таким же как все, — те, кого он описывал в своих книгах. Только в книгах его никто из героев не обладал своими индивидуальными голосом, запахом, простыми человеческими эмоциями; эти люди не были персонажами книг. Они — живые, настоящие. Ривен наблюдал за Роримом, таким, каким он и должен быть, когда ему не грозят разрушение и гибель... пусть даже завтра этим же самым людям придется затягивать пояса потуже, чтобы как-то пережить суровую зиму. Сейчас же они веселы и беззаботны, как стрижи. И Ривен понял вдруг, — безо всякого удивления, — что он не может не любить этот мир и его людей, несмотря даже на боль, которую Мингниш ему причиняет. Так и должно быть, ведь, как ни посмотри, в каком-то смысле именно он, Ривен, создал его, этот волшебный край, создал этих людей. И если бы ему предложили теперь выбирать из реальных и придуманных миров, Ривен выбрал бы Мингниш, потому что Мингниш казался ему единственным миром, который имеет право на существование. Пусть даже здесь есть эта одетая в черное соблазнительница и правят честолюбивые бароны, все равно, это — дивный мир, который стоит того, чтобы его спасти. Просто ради того, чтобы сохранить его, — таким красочным, — а не только затем, чтобы даровать Дженни покой, который она заслужила.

Он улыбнулся своим мыслям.

Быть может, когда-нибудь я опишу их. Потом.

Они едва не налетели на Мадру, чуть не выбив у нее из рук кувшины с пивом. Ратаган, понятное дело, не мог упустить такую возможность и присвоил один из кувшинов, пока девушка не успела прийти в себя.

— За твое и наше здоровье, — пояснил он, наполняя кружки. — Ночка нам предстоит длинная. Разговор — долгий. И мы должны подкрепиться заранее. Как можно лучше... — Он подмигнул ей, и Мадра застенчиво улыбнулась.

— Вы будете на пиру? — спросил ее Ривен.

— Я буду прислуживать вам за столом.

— Ты уж не забывай его, не обноси, — наставлял ее Ратаган с притворной суровостью. Но она не сводила глаз с Ривена.

— Не обнесу, — на губах ее промелькнула печальная улыбка. Она потребовала назад свой кувшин — изрядно, надо сказать, опустевший — и, с укоризной взглянув на рыжебородого весельчака, отправилась восвояси.

На мгновение умолкнув, они проводили ее глазами.

— Ее не было в твоей книге, да? — спросил Ратаган.

— Нет... — начал было Ривен, но тут вновь у него появилось странное ощущение, что когда-то они встречались.

Ратаган на секунду сжал здоровое плечо Ривена, а потом легким небрежным движением опрокинул свою кружку.

— А-ах, — выдохнул он, вытирая пену с

верхней губы. — В общем, скажу я вам, жизнь не так уж плоха.

Айса помог Ривену одеться для торжественного обеда, вовсе не смущаясь тем, что ему — телохранителю, воину — приходится выполнять и обязанности слуги. Когда Ривен вернулся к себе, он обнаружил, что кто-то — должно быть, Мадра — уже приготовил ему праздничное одеяние. Туника без рукавов пошита была вроде из замши, только мягкой, словно ткань. На груди слева алой и желтой нитью вышит символ огня. Он спросил миркана, что это за знак такой, и тот пояснил: это эмблема Сказителя. Отсутствие иных геральдических знаков говорило о том, что Ривен — Сказитель — не был подданным ни одного из баронов, хотя синий его кушак ясно давал понять, что сейчас ему покровительствует двор Раларта.

Туника эта одевалась поверх просторной льняной рубахи и туго подпоясывалась синим кушаком Раларта, который Ривен уже начал считать своим. Он не одел меча, ибо никто не носил оружия на пиру. Впрочем, однажды Ратаган рассказал ему одну кровавую историю о торжественном пиршестве, во время которого какой-то спор разрешен был посредством столовых ножей, причем победители, ничтоже сумняшеся, продолжили трапезу, даже не поменяв их.

Наверное, ползала отделяло места Ривена от высокого стола, где восседала местная знать и благородные гости, где собрались бароны и блистала подле своего супруга леди Джиннет. Ратаган и Мертах сидели напротив него. Айса — подле

него, как обычно. Ривен перехватил взгляд Байклина, и тот грустно усмехнулся. В течение всего праздничного обеда ему предстоит изображать радушного хозяина и учтиво отвечать на расспросы баронов Раларта. Как ни прискорбно, но это, в частности, подразумевало, что он вынужден оставаться относительно трезвым. Ратаган торжественно пообещал, что выпьет за Байклина его долю эля, дабы доброе пойло не пропало зря в это тяжкое для него время.

Джиннет не сводила с Ривена взгляда. Глаза ее — карие, точно мокрые камушки янтаря на морском берегу, — захватили его. Ее волосы, распущенные по плечам, ниспадали черной волной, оттеняя серебряный венец на ее голове. Платье имело глубокий вырез, выставляющий на всеобщее обозрение ее кремовые плечи и ложбинку меж грудей. На шее — тоненькая цепочка с единственным кулоном, сверкающим, словно звезда. Ривен вдруг вспылал желанием — оно жгло раскаленным углем, и он вспомнил ту пору, когда он держал это тело в своих объятиях, прикасаясь к самым сокровенным его изгибам.

Но та женщина, которую он обнимал когда-то, теперь стала прахом в могиле над суровым морем, и любовь его умерла вместе с ней. Он спокойно встретил взгляд Джиннет. Улыбка ее дрогнула. Она отвернулась и принялась нашептывать что-то на ухо своему мужу. Тот слушал внимательно, даже, можно сказать, почтительно, и Ривену вдруг вспомнился Хью в те моменты, когда он встречался с Дженни, и ему пришло в голову, что, вероятно, и в этом мире существуют какие-то

логические законы. Пусть искаженная, странная, но все-таки логика.

Грянула музыка. Забил маленький барабан. Заунывно заняла волынка. Зал наводнили слуги с громадными блюдами, заставленными всякой снедью и кувшинами с элем. Ривен потряс головой, отгоняя наваждение, — до него вдруг дошло, что он уже довольно долго тупо пялится невидящим взором в пространство. Ратаган, перегнувшись через стол, наливал ему темное, пахнущее солодом пиво, не переставая говорить, но Ривен никак не улавливал смысла слов. Пиво, которое он уже выпил сегодня в изрядных количествах, затуманило ему мозги. Свет факелов и высоких свечей резал глаза. У него закружилась голова. Но тут Ривен почувствовал у себя на плече чью-то руку, и Мадра склонилась над ним, опуская на стол поднос. Ее волосы коснулись его руки. Ему хотелось зарыться лицом в эти мягкие волосы, погрузиться в желанную тьму, но холодные пальцы ее прикоснулись к его затылку, и голова Ривена остыла. Мадра ушла, одарив его быстрым взглядом своих пронизательных глаз — блестящих и черных, как шкурка выдры. И улыбка ее тоже была как дар.

Холодный влажный нос ткнулся ему в колено, — он протянул Флейте под стол кусок оленины. Или, может быть, Барабану. Волк взял мясо с руки осторожно и нежно, будто котенок, и лизнул его в ладонь. Ривен поймал на себе взгляд Мертаха. Изменяющий Облик загадочно ухмыльнулся, как какой-нибудь гном.

— Ты мне его не балуй. И так половина тех,

кто сидит в зале, будут сегодня подкармливать эту парочку. — Он поднял кружку, блестящую капельками влаги. — Здоровья вам, полной жизни и счастья. И времени, чтобы всем этим наслаждаться.

Собравшиеся за их частью стола — в основном, стражи — подняли свои кружки. Грянул ответный тост, в котором выделялся голос Ратагана. Ривен сделал добрый глоток холодного пива и ощутил, как оно охладило горло и тут же согрело его нутро. В голове прояснилось.

В зале стало жарко и шумно. Пиво и вино развязали языки. Пирующие терзали куски говядины, баранины и оленины, не забывая зажаренных куропаток и фазанов, хрустели яблоками, грушами, сладким луком, вгрызались в сыр и ржаной хлеб, запивая все это вином или пивом. Немногочисленным дамам, присутствующим на пиру, дана была привилегия пить из хрустальных или серебряных кубков. Бутили вина загромождали стол, точно такие молчаливые стражи. Кости бросали прямо на пол, борзые ссорились из-за них, но всегда уступали волкам Мертаха, если Флейта или Барабан проявляли вдруг интерес к какому-нибудь кусочку. Перекрикивая друг друга, стражи хвастались подвигами в былых стычках и на охоте, бароны — фамильной историей и тем, чей род древнее. Причем чем больше они выпивали эля, тем менее правдоподобными становились их доводы. Ривен наблюдал за тем, как Брагад, размахивая руками, что-то доказывает Байклину, задумчиво потягивающему вино. Холодный пристальный взгляд Маско остановился на Ривене, а

затем вернулся к Джиннет. Она склонилась к нему, чтобы что-то сказать. В суете, царившей за столом, никто не обращал на них внимания. Лионан, местный щеголь, прикрывшись рукой, вел разговор с мрачным Маллахом, который утрюмо вливал в себя пиво, пялился на девиц, прислуживающих за столом, когда те проходили мимо него, и задумчиво посасывал свой черный ус. Глаза Гвилламона горели, словно зеленые огоньки в тумане. Он улыбнулся, поймав блуждающий взгляд Ривена, и поднял свой кубок в приветствии. Ривен тоже поднял свой бокал, хотя и без улыбки. Он вспомнил колдуна с серо-стальными очами из своей второй книги. Быть может, Гвилламон и есть тот колдун. Теперь, когда все они восседали в нескольких ярдах от него, Ривену было трудно вспомнить, о ком из этих людей он писал в своих книгах.

Он тряхнул головой и глотнул еще крепкого пива. Ему не хотелось есть, а алкоголь разбудил его воображение — оно воспарило куда-то ввысь, к черным от печной копоти балкам крыши, и Ривен потерял нить истории, которую рассказывал ему Ратаган. Ту самую, про гнома и дрова. Мысли его обратились к Дженни. Дженни, притихшей в его объятиях. Но как-то незаметно мысли эти сменились мыслями о другой. О Мадре. Когда она наклонилась, чтобы подлить ему пива, ее груди качнулись под тканью платья, и Ривен смог различить тугие соски. Ему вдруг захотелось коснуться их, взять ее груди в ладони, но, с остервенением опрокинув свою кружку пива, он — не без усилия — отвел взгляд.

Еще ребенок, Боже мой! Кроме того, у меня есть жена.

Жена. Здесь, в этом мире, где ее не было никогда. Среди людей, которых не было в моем мире. Здесь, где двойник ее бродит пугливой тенью среди холмов или флиртует в пиршественных залах. Он склонил голову.

Она умерла. Ее похоронили в Портри. Но где это — Портри?

Он сделал еще несколько глотков пива.

А где я?

Стало душно. На лбу у Мадры поблескивали капельки пота. Она хмурила брови, словно бы полностью сосредоточившись на том, как бы не расплескать вино. Пятна от пролитого вина растекались по ее переднику.

Ривен сорвал свою повязку и отшвырнул прочь. Айса поднял ее, бросив на Ривена странный взгляд. Проявление сочувствия? — подумал тот, но тут же мысленно рассмеялся. Жди от миркана сочувствия. Как от козла молока.

Есть давно уже перестали — пошла настоящая пьянка. Все происходящее очень напоминало Ривену сцену пьяного разгула из какой-нибудь древней саги. Даже Байклин, похоже, забыв о своей осмотрительности, скалил зубы не хуже других. Кто-то отплясывал дикий танец прямо на столе, опрокидывая деревянные тарелки на пол. Судя по синему кушаку, то был страж. Лицо его покраснелось от духоты и выпитого вина. Смехом и хлопками встречали зрители его ужимки. Наблюдая за ним, Ривен почувствовал, что к нему возвратилось былое спокойствие, и решил дотро-

нуться до волос Мадры, когда она в следующий раз подойдет к нему. Ключица болела, он принялся растирать ее здоровой рукой, чтоб разогнать ощущение онемелости. Ривену хотелось попросить об этом Мадру, но она была занята на другой половине зала. Он встретился с ней взглядом. Она робко улыбнулась ему. Ривен был уже пьян, и улыбка ее показалась ему призывной. Он вспомнил сестру Коухен, поддерживавшую его, вспомнил, как Дженни тихонько постанывала в темноте. Вспомнил ее тело.

Черт, надо пойти проветриться.

Но он уже не был уверен в том, что сумеет встать на ноги. Айса поможет ему, — хороший солдат. Тут Ривену на мгновение представилось, что Айса — это его капрал в Дерри, и он улыбнулся ему; но ведь капрал давно уже мертв. Разорванный в клочья, как тот страж у него в комнате. Как Дженни у подножия Сгарр Дига, Алой горы. Повсюду в его воспоминаниях была кровь, и теперь Ривен пил ее. Кровь этого мира, который он создал и теперь медленно убивал. Сказитель. Солдат. Муж. Инвалид. Плакальщик на похоронах.

Он встал, опершись рукой о стол, — больной рукой. Выругался и отшатнулся от стола, привлекая к себе вопрошающие взгляды Ратагана, Мертаха, седовласого Гвилламона и смуглолицего Байклина.

— Я должен выйти на воздух, — он повернулся к Айсе и повис у него на плече. — Уведи меня отсюда.

Пол ушел у него из-под ног, лица пирующих расплылись смутными пятнами. Он различал

только острые глазки Брагада, который пристально наблюдал за ним. Ноги Ривена заплетались, он бы, наверное, упал, если бы Айса не поддерживал его. Прочь из зала. Шатаясь и расстегивая здоровой рукой ворот, чувствуя подступающую тошноту и сжимая зубы. А потом — темнота двора, благословенная темнота и холодный ночной воздух, что, словно лед, охладил его голову, разогнал туман, позволил уверенно встать на ноги и разбередил боль в плече.

Настоящую боль. Его боль.

Ривен сделал глубокий вдох и согнулся пополам. Ощутил чью-то руку у себя на спине, услышал тихий голос, говорящий Айсе, что за ним присмотрят.

Со мной все будет в порядке. Только оставьте меня.

— Оставьте меня.

Но рука — такая легкая и теплая — теперь легла ему на затылок; и рука направляла его... он вновь пошатнулся, шагнув вперед. Ему помогли подняться по темным лестницам и скользнуть через качающиеся дверные проемы.

Его комната. Серебряный лунный свет из окна.

Он встал, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза. Испарина, покрывавшая его тело в душном зале, сменилась холодным потом, вызывающим дрожь. Дыхание, наконец, успокоилось. Он открыл глаза навстречу успокоительной тьме, лунному свету, ветерку из окна, которое распахнула та, что привела его сюда. Она стояла встревоженная, сдвинув брови. Черные ее волосы разметались по плечам, слиплись на вспотевшем лбу славными

прядками. Ривен взял ее за руку и притянул к себе. Черные глаза, непроницаемые, как бездонный колодезь. Он крепко прижал ее к себе, ощущая ее тепло, ее гибкое тело, упругие бедра, податливые под его руками, прикоснулся губами к нежной, словно атлас, коже шеи. Он поцеловал ее — нежно и бережно. Она повернула голову, подставляя губы. Он прижался к ним ртом, но язык ее — ласковый, ищущий — встретил лишь сжатые зубы. Он целовал ее лоб, подбородок, гладил руками лицо и целовал закрытые глаза. И из глаз его текли слезы. Про себя он произнес имя другой, — той, что давным-давно умерла, — и попросил ее, чтобы она простила.

Он проспал до полудня, а когда проснулся, в стропилах уже во всю завывал ветер. Он не сразу поднялся с постели, а лежал еще в теплой кровати с чувством какого-то странного удовлетворения. Потом нахмурился. Резко вскочил и, сорвав простыни, тщательно их осмотрел. Вот оно — подсохшее пятно крови. Он продолжал искать. Длинные волосы на подушке. Но комната была пуста. Он закрыл глаза — стон сорвался с его губ. Значит, то был не сон.

Пододнок.

Он выпил воды из кувшина, шатаясь, подошел к тазу, что стоял на столе, и опустил в него лицо. Вода была так холодна, что у Ривена перехватило дыхание. Он потряс головой, разбрызгивая капли по всей комнате, на одежду, разбросанную на полу. Протер глаза.

Она же еще ребенок.

— О Боже! — простонал он, потом вытерся насухо, оделся и глянул в отполированное зеркало. Оттуда на него уставилась припухшая бородатая рожа, покрытая шрамами.

В дверь постучали. Он не успел даже ответить, как дверь распахнулась и к нему вошла Мадра с завтраком на подносе. Она поставила поднос на стол, избегая встречаться глазами с Ривеном, и собралась уже уходить, но остановилась у двери и посмотрела ему в глаза. Ему только почудилось или глаза ее стали старше?

— Ты хочешь, чтобы я осталась? — спросила она просто, и он понял, что она сейчас спрашивает не только о том, уйти ли ей из комнаты или нет. Он смотрел на нее не отрываясь. Теперь, видя свет в ее волосах, ее длинные, стройные ноги под платьем, он хотел ее. Ему было так хорошо с ней.

Она же еще ребенок.

Лучше бы ему воткнуть цветы в ее волосы и сделать так, чтобы она рассмеялась; но теперь он уже никогда не сможет сделать это.

— Увидимся как-нибудь. Позже, — сказал, он, борясь с собой. Слова прозвучали как-то грубо, и он возненавидел себя за это. Она ушла.

— Ну, что ж, — произнес Ратаган, — сдается мне, что в течение дня, а то и двух, мне вряд ли выдастся случай как следует промочить горло. Стало быть, правильно я поступил, не отказав себе в удовольствии выпить несколько хороших кружек на вчерашнем пиру. — Он шел, едва волоча ноги, но лишь изредка опираясь о рукоять топора. Ривен промолчал. Они шли к конюшням, что распола-

гались на задах Дворца. Он вновь одел свою перевязь. Утром Айса без слов вернул ее. Миркан шел позади. Они уже приближались к конюшням. Запахло навозом и овсом.

— По крайней мере, теперь я избавлен от необходимости сидеть на этом дурацком Совете, — продолжал Ратаган. — Все эти совещания так же приятны, как чирий на заднице... хотя именно этот Совет обещает быть занимательнее остальных. Раларт не намерен объединяться с кем бы то ни было, что явно придется не по нутру нашему Маско. Его Рингилл сейчас оказался в весьма щекотливом положении. Деликатное дело. Хорошо еще, что не мне, а Байклину предстоит мяться на этом Совете.

— Мы едем к тебе домой, — с воодушевлением произнес Ривен. Ивригар. В его книгах — тихий сельский уголок. Домашнее счастье и все такое...

Но Ратаган вдруг нахмурился.

— А? Ну, да.

Они подошли к конюшням, где их уже ждал Мертах. Меч за спиной и колчан со стрелами на боку. В руках он сжимал поводья. Гнедой его конь с белой отметиной на лбу обнюхивал камни мостовой. У его ног примостились оба волка.

— Опять опоздали, господин Ратаган. И нету у вас теперь оправдания — хромота ваша почти прошла. — У него за спиной толпились люди и кони. Стражи, закованные в броню с головы до ног, — их дыхание клубилось паром в морозном воздухе утра. Рядом с ними — мирканы. Эти не обращали внимания на холод. Они приветственно закивали Айсе, когда тот подошел. Неподалеку —

пара нагруженных мулов, пытающихся куснуть друг друга за холку.

— На этот раз оправданием служит моя голова, — признался Ратаган. К нему вернулась прежняя веселость. — Это она поквиталась со мной за то, как я дурно с ней обошелся вчера на пиру.

— А наш Рыцарь, вернее, Сказитель? Как у него голова — не болит?

Ривен искал в глазах Мертаха скрытый намек, но голубые глаза его оставались непроницаемыми. Он ничего не ответил, и Мертах удивленно приподнял брови, но от каких бы то ни было комментариев воздержался.

Для Ривена был оседлан покладистый гнедой мерин, и он забрался в седло вместе со всеми. Стражи аж закричали, поднимая с собою вес своих могучих доспехов. Рука на перевязи мешала Ривену, он раздраженно сорвал повязку и, засунув ее за пазуху куртки, подвигал рукой. Ключица словно бы воспротивилась, тут же отозвавшись болью, но болью вполне терпимой. Его уже тошнило от повязок.

— Ты уверен, что сможешь доехать? — спросил Ратаган, взбираясь в седло.

Ривен кивнул.

— Это мне только на пользу пойдет. Мне нужен свежий воздух.

Ратаган усмехнулся.

— Сегодня нам всем нужен воздух. После вчерашнего возлияния.

Их было четырнадцать. Ривен, Ратаган, Мертах, Айса и еще двое мирканов: Льюб, чьи волосы уже тронула седина, и Белиг. Плюс еще восемь

стражей, семеро из которых были в полном боевом облачении. Восьмой — их проводник — чернородый детина с загорелым лицом по имени Таган. У всех, кроме Ривена и мирканов, помимо личного оружия, были еще небольшие луки, спрятанные в чехлы, и колчаны полные стрел. У каждого в переметных сумках — запас провизии на два дня. А вьючные мулы везли зерно для лошадей. Среди холмов, по которым пойдет дозор первые пару дней, теперь не много найдется того, что могло бы сгодиться на корм лошадям, но они рассчитывали пополнить запасы свои в Ивригаре — родном доме Ратагана — и вернуться в Рорим на третий или четвертый день. К тому времени страсти в Совете должны уже поулечься. А то, может быть, он и вовсе закончится.

Ветер дул им в лицо, войны то и дело с тревогой поглядывали на небо. Осень следовала по пятам за умершим летом, и наступила она с непривычной быстротой. Почти сразу же после того, как он встретился с Джиннет, подумал Ривен и нахмурился, стараясь выкинуть эту мысль из головы, как если б она могла принести несчастье. Ему и так было о чем подумать сегодня утром. Может быть, где-нибудь среди этих холмов и вересковых пустошей, кишящих диким зверьем, бродит Дженни, в душе которой не осталось теперь никаких воспоминаний о нем. А за спиной у него, во Дворце, осталась девушка, — совсем ребенок, — которой он овладел прошлой ночью в припадке беспамятства и неудержимой похоти. На душе у Ривена было тяжело. Настоящий герой из того мира, ничего не скажешь.

Но ему... было так хорошо. С ней он забыл обо всем, и она отдалась ему с радостью. А потом он лежал в ее объятиях, как это было в том, другом, мире, где за стенами их дома волны бились о берег, и — пусть ненадолго — обрел покой.

Тогда, но не теперь. Теперь было серое утро, и мелкий дождь окутывал мерцающей вуалью холмы. И Ривен с нетерпением ждал, когда они выедут за пределы Рорима. Он затосковал в тесном городе по дикой природе. На природе все терзающие его проблемы всегда казались ему не такими уж неразрешимыми. Там все было естественнее и проще. Так же естественно и просто, как развести костер или найти сухое место для ночлега. Никакие кошмары не преследовали его. Мир его воображения растворялся там, в мире природы.

Таган вел отряд. Капли дождя блестели в его бороде и в волосах, ниспадавших на лоб. Они медленно продвигались вперед. Флейта и Барабан уже промокли насквозь и, брезгливо ступая лапами по сырой увядшей траве, явно не выражали восторга по поводу этой прогулки.

— Каковы наши планы? — спросил Ратаган, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Сначала на запад, к Скрайагу, посмотрим, что там на границе, — ответил ему Мертах. — Потом на север, поглядим, что творится у Свардала и Корри. Если вдруг встретим Маллаха с Лионаном, немного проводим их. Ну, а к ночи второго дня будем уже в Ивригаре.

Ратаган только хмыкнул.

Они покинули окрестности Рорима и направи-

ли лошадей к холмам. Как только отряд их выехал из Дола, Таган повернул к возвышенности, поднимавшейся перед ними. Мертах не отставал от него ни на шаг. Казалось, это он возглавляет отряд. Следом за ним — Ратаган, Ривен, Айса и еще семь стражей с мулами. Люб и Белиг замыкали цепочку всадников. Двое волков трусили чуть поодаль. Чем выше поднимался отряд, тем труднее становилось ехать; потревоженные копытами лошадей, камни с грохотом осыпались вниз по склону. Таган, впрочем, успевал смотреть и вперед, и под ноги. Отряд направлялся на запад — туда, где холмы, становясь все круче, переходили во вздыбленный вал серых гранитных пиков.

Дождь превратился в легкую морось, едва угадывающуюся во влажном воздухе, но всадники, тем не менее, поплотнее запахнули плащи под сырым студеным ветром. Лица их покраснелись. От лошадей валил пар. От лета уже ничего не осталось.

Они остановились на каменистой гряде, где между расселин проглядывал вереск, и оглянулись на лоскуты полей Рорима, зеленеющие далеко внизу. С непривычки у Ривена разболелись ноги. От ветра слезились глаза. Он плотнее запахнул свой плащ и пожалел, что не надел свое туристское снаряжение. Впрочем, рядом с остальными он выглядел бы просто нелепо в таком облачении. Ривен про себя улыбнулся. Суета сует. Всяческая суета.

— А вот и Скрайаг, — Мертах привстал на стременах и поглядел на запад поверх вершин холмов на горную гряду. — Можно сказать: гра-

ница. Дальше, за этим хребтом, не живет никто. Даже охотники стараются без нужды не пересекать этот кряж. За ним нет ничего, кроме пустынных гор... и там обитают свирепые звери...

— Наверняка — Ледовые Черви, — пробормотал Ривен, глядя на горную грядку. Рука сама легла на рукоять меча.

— Мы здесь как на ладони, — проговорил Таган. — Нас видно за несколько миль.

Мертах кивнул.

— Дальше пойдем по восточному склону, — он указал направление рукой, затянутой в перчатку, щелкнул языком и прищипорил коня. Отряд двинулся дальше. В тишине слышен был только свист ветра да топот лошадиных копыт.

Хребет протянулся с юга на север на многие мили, и лишь в одном месте его прорезало ущелье, в котором шумела и пенилась река. Местность эта напоминала Ривену о Скае. Суровый край — не сравнить с Ралартом. Из живых существ всадникам на глаза попались лишь несколько кроншнепов да орел, круживший в поднебесье далеко к западу. Они ехали целый день. Ближе к вечеру серые тучи затянули все небо. Похоже, отряду предстояло провести ночь под проливным дождем. На горной тропе они не встретили никаких следов, никаких знаков пребывания человека. Долина под ними была пустынна. Что странно, заметил Ратаган, здесь должны встречаться олени, лисы и зайцы. Теперь же им не попала даже какая-нибудь полевая мышь.

Стемнело. Они разбили походный лагерь. Костер разожгли у основания утеса, и все расселись

вокруг огня. Один из стражей остался в карауле. Землю окутала тьма. Тело Ривена, не привыкшего к поездкам верхом, ныло; казалось, он и лежать-то не сможет. Но после того, как они расседлали, обтерли и стреножили лошадей, он расстелил на жесткой земле плащ и принялся вместе со всеми за ужин. Сковородку с толстыми кусками поджаренного бекона поставили у костра, и каждый вымакивал жир кусками грубого пшеничного хлеба, запивая еду ключевой водой.

Тоненькими струйками капли дождя стекали по расселинам утеса, влага блестела на шкурах коней, но огонь костра, преодолевая морось, давал сильный жар. Вереск ярко пылал, сыпля искрами. Им по очереди приходилось вставать и собирать хворост, чтобы поддерживать огонь. После ужина распределили, кому когда заступать в караул. Ривену досталось дежурить перед Мертахом, который как предводитель отряда должен был встать на стражу последним — перед самым рассветом. Они еще посидели, болтая о всяких пустяках, глядя на огонь и чувствуя, как по телу разливается усталость, потом завернулись в свои плащи и уснули.

Позевывающий страж растолкал Ривена среди ночи.

— Все тихо, — шепотом доложил он. — Вставай. Мертах после тебя. Можешь разжечь посильнее огонь.

Дрожа от холода и ощущая ломоту во всем теле, Ривен встал и пристегнул к поясу меч. От костра осталась лишь кучка тлеющих угольков, шипящих под дождем. Он пошарил вокруг, набрал вереска и принялся подбрасывать ветки в костер

до тех пор, пока пламя не разгорелось как следует и не согрело его. Ривен подышал на руки и протянул их к пламени костра. Пока он спал, дождь насквозь промочил его плащ, и он висел теперь тяжелыми сырыми складками на его плечах. Ривен с тоской вспомнил своею теплую постель в Рориме. Потом представил в ней Мадру. Ее теплое, упругое тело, ее руки у него на плечах. Ее волосы у него на губах.

Он проверил, как там лошади. Они мирно дремали, опутив головы и прикрыв глаза. Ветер стих. Невидимый морозящий дождь шуршал в траве и кустах вереска. Тихая славная ночь.

Стук камня о камень заставил его обернуться. Он усталился в мокрую темень и снова услышал его — этот звук. Ему очень хотелось кого-нибудь разбудить, но то мог быть просто заяц или лиса. Ривен замер, и тут до слуха его донесся шорох камешков под ногами. И не одной пары ног — судя по шуму осыпающегося щебня. Он вынул меч и поднял его перед собой. Кровь стучала в висках, однако Ривен был еще не настолько напуган, чтобы будить остальных.

Потом он увидел, как они вышли в круг света, льющегося от костра, — волки. Дрожащие отблески пламени зажгли в их глазах зеленые огоньки. Три волка. Два — зимние, серые, словно призраки во тьме ночи. Но третий был седым, с короткой шерстью. Гораздо крупнее своих товарищей. Приоткрыв пасть, он как будто смеялся над Ривеном.

Два серых волка подошли и легли рядом с костром, удовлетворенно вздохнув, не обращая на Ривена никакого внимания.

Флейта и Барабан.

Третий волчище уселся на задние лапы на самой границе круга света — там, где отблески пламени переходили в синюю тьму, что окутывала утес и вересковую пустошь. Ривен, широко распахнув глаза, стал всматриваться в волка. И буквально у него на глазах очертания зверя стали меняться. Огоньки в его глазах погасли, уши, стоящие торчком, опустились. Волк тихонько заскулил, как будто от боли. Тело его изменило цвет, стало темнее. Шерсть постепенно исчезла совсем. Передние лапы его стали толще, задние — длиннее, все тело — шире. Во тьме ночи перед пораженным Ривеном появился сидящий на корточках Мертах. Ривен опустил меч. У него дрожали руки. Мертах поднялся и подошел к костру.

— Добрая встреча, Майкл Ривен, — слова его прозвучали как-то коряво, словно бы рот его не обрел еще нужную форму, подходящую для произнесения слов. Мертах весь дрожал. Порывшись в скатке, он извлек плащ, накинул его на плечи и сел на корточки у огня. Флейта и Барабан провожали его глазами, не выказывая ни малейшего удивления.

— Боже ты мой, — наконец произнес Ривен, уселся на камень и потряс головой.

Мертах ухмыльнулся, обнажив зубы — все еще длинные волчьи клыки.

— Ну что, дружище, теперь-то ты веришь в магию?

Оборотни. Мать твою.

— А куда ты ходил? — спросил Ривен, хотя отнюдь не был уверен, что ему действительно

хочется это знать. Мертах пожал плечами и невидящим взором уставился в пламя. Кожу его рук и ног покрывали мурашки.

— В этих краях волк пробирается быстрее, чем всадник. Быстрее и без лишнего шума. Я решил, что неплохо было бы пройтись по округе — просто удостовериться, что нас не поджидают какие-нибудь сюрпризы. К тому же, в последнее время я как-то забросил свои прогулки на четырех ногах. Давно уже не бродил со своими детьми.

Значит, с твоими детьми. — Об этом стоило бы написать, подумалось Ривену. Оборотни. Может быть, и он — оборотень?

— Мы видели кое-что интересное, — продолжал Мертах. Он в упор посмотрел на Ривена. — В нескольких милях отсюда мы встретили черно-волосую девушку, судя по вашему с Байклином описанию, — ту самую, с Острова Туманов. Она бродила среди скал. Когда мы приблизились, она повернула в горы, и мы потеряли ее. — Он опять впери́л взгляд в огонь. — Волки испытывали страх. А она не была напугана. Но они поняли и другое: она умирает, Ривен.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду именно это — она умирает. Она потеряла много крови, и не ела уже много дней. Она очень ослабла, хотя еще держится на ногах. Не пойму, как она вообще выжила... — Он умолк на мгновение. — Она и вправду твоя жена?

— Я не знаю. — Он вспомнил ее темные глаза — пустые глаза, в которых не было и намек на узнавание. Но Байклин видел ее в Гленбриттле.

И она приходила в хижину на берегу. Она пыталась вернуться домой.

— Я не знаю. Я не знаю, кто она, — он едва сдерживал слезы. — Она меня не узнает. Мне трудно даже поверить в то, что она существует. Я не знаю, что это такое.

Мертах поплотнее запахнул плащ. Дождь уже намочил его, и ткань потемнела от сырости.

— Завтра я собираюсь за ней проследить. Быть может, если мы настигнем ее, мы сумеем разгадать все эти загадки. Но я не уверен, что нам удастся поймать ее. Скорее всего, ничего у нас не получится. Она не простая девушка. — Он помедлил. — Быть может, судьба ее — это судьба Мингниша, — произнес он туманную фразу, потом быстро встал. — Теперь мой черед караулить. Рассвет уже скоро. Я только оденусь, и ты можешь ложиться спать.

Но Ривен не знал, сможет ли он теперь заснуть.

К рассвету небо прояснилось — тучи разошлись, открыв бледную луну над холмами. Путники с трудом пробудились, развели огонь и принялись готовить завтрак. При этом стражи проклинали, на чем свет стоит, заиндевшее под утро железо своих лат и скакали на месте, чтоб разогнать кровь в жилах. Завтракали стоя. Ривен с тоской вспомнил о горячем кофе. Но Ратаган, подмигнув, передал ему выдавшую виды серебряную фляжку. Ривен глотнул чистого ячменного спирта, который буквально ожег нутро, прогоняя озноб. Забросав кострище землей, растерев и оседлав лошадей, всадники снова пустились в дорогу по горной тропе. Туда, где в зеленой долине

раскинулись города и деревни Раларта, объятые тишиной под робкими лучами только что взошедшего солнца. Капли росы светились на траве и ветвях, точно алмазы.

Путь их лежал на северо-восток. Солнце светило прямо в глаза, а тени их падали им за спину — в сторону Скрайага, западной границы Раларта. Теперь, если как следует присмотреться, можно было уже различить на севере дома и фермы Свардала, лепящиеся друг к другу. Тоненькие струйки дыма уже вились над крышами, отощавшие стада уныло бродили по пастбищам на равнине.

День прошел почти без разговоров. Похоже, молчание пустынных осенних холмов заразительно. Всадники направлялись в долину, и вот уже голый камень под копытами их лошадей сменился травой. В распадках между холмами журчали ручьи и речушки, по берегам которых рос ивняк. Тяжелые дождевые тучи вновь затянули небо, но теперь уже путники не боялись промокнуть — ведь еще засветло они доберутся до Ивригара и эту ночь проведут в тепле, под гостеприимной крышей.

Ривен прищпорил коня и поравнялся с Мертахом, который скакал впереди отряда. Флейта с Барабаном трусили тут же. Как это ни странно, но лошади не обращали на них никакого внимания. Наверное, волки давно уже жили в Рориме, и животные успели привыкнуть друг к другу.

— Расскажи мне о том, как меняют облик. Расскажи мне про магию.

Мертах поглядел на него, приподняв бровь.

— О том достаточно сказано в твоих книгах.

— Расскажи.

Мертах задумчиво закусил губу.

— Магия. Такая хитрая штука. Странная штука. Знаешь, Майкл Ривен, нам с отцом крупно повезло. Лет тридцать назад или, может, чуть больше, тут устроили большую охоту на ведьм. Ретиво так взялись за тех, кто был... непохож на других, и изгнали их всех из Мингниша. Люди не любят и боятся того, что недоступно их пониманию.

Оборотень у кресла-каталки. Ривен кивнул.

— Варбутт с моим отцом были друзьями. Он-то и спас его от озверевшей толпы. Но не сумел спасти мою мать. — Голос Мертаха дрогнул. — Прошло время, страсти поулеглись. Гвилламон стал советником и в конце концов занял свой теперешний пост. Но для этого ему пришлось отказаться... от своих необычных способностей. Он практически не использовал их с тех пор. А теперь, может быть, и совсем их утратил. Впрочем, это уже неважно. Теперь мы уже можем шутить. Просим его превратить кого-нибудь в жабу. Я же... я не забыл. Скольких людей принудили покинуть эти места и уйти высоко в горы, чтобы уже никогда не вернуться назад. И почему?! Потому лишь, что другие люди боялись тех, кто не такой, как они. Отец мне рассказывал... В Мингнише были когда-то феи, которые исцеляли больных детей и скотину, были волшебники... деяния их сослужили хорошую службу баронам. Их всех прогнали. И страна оскудела. В ней стало бедно и скучно. — Он невесело улыбнулся.

— Вероятно, будь среди нас побольше волшебников, мы бы не оказались в столь плачевном

положении. — Улыбка исчезла с его лица. — Но есть у нас и такие, кто говорит, что все нынешние беды Мингниша, — это наша расплата за прошлое мягкосердечие. Они утверждают, что чародеи и колдуньи не умерли там, в горах, и теперь — в отместку — насылают несчастья на нашу землю. Некоторые люди, вроде Брагада, искренне в это верят. И будут только рады провести очередную чистку и избавиться от подозрительных личностей вроде меня. И это — одна из причин, почему ты сейчас здесь, мой друг. Я имею в виду эту вылазку. Чтобы Брагад не углядел в тебе еще одного колдуна. Это может развязать ему руки, чего он страстно желает. А дать ему волю — и по всему Долу запыхают погребальные костры, и он сам станет их зажигать во искупление людских грехов. И ведь люди ему поверят. В такие темные времена, как сейчас, они так напуганы, что готовы поверить во что угодно. — Мертах словно собака втянул носом воздух. — Год пошел на убыль. Дело идет к зиме, хотя вообще-то сейчас должен быть самый разгар лета. Этот край действительно заколдован. Быть может, магия в тебе. Может, в той смуглой деве, которая похожа на твою умершую жену. Не знаю. Иной раз у меня возникает такое чувство, что ты, Ривен, носишь нашу гибель в себе, но я не знаю, как это вообще может быть. И сам Мингниш, мне кажется, тоже как-то замешан в этом. В твоих книгах — не вся история. Впрочем, один человек никогда не сможет досказать такую историю до конца.

— А откуда вообще появилась магия? — спросил Ривен.

— Ты же знаешь историю... ты сам ее написал. Магию принесли сюда гномы, — те, кто обитает в глубинах Гресхорна, — самый древний народ на земле. Они подарили магию одному калеке по имени Беркинлиг, а он принес волшебство в Доли и раздал друзьям и своим домашним. Люди со всех концов земли приходили подивиться на чудеса, которые творили узнавшие магию, и постепенно — как и мирканы — кое-кто из волшебников согласился служить баронам Мингниша. Другие пошли своею дорогой, посвятив себя проникновению в тайны магии, которые были открыты им. Они поселились в дремучих лесах среди гор. К ним туда приходили люди, которым нужна была помощь. — И стали их называть Горним народом. А теперь их больше нет.

— А почему именно волк? — любопытствовал Ривен.

— Я могу превращаться во что угодно и в кого угодно. Я нашел Флейту и Барабана, когда они были совсем щенками. Отца их убили охотники. Волчица-мать умирала. Пришлось мне стать их отцом и матерью... я их выводил, выкормил. Так они стали моими детьми. Это тебя не беспокоит, Майкл Ривен?

— Есть немного.

Мертах ухмыльнулся.

— Во всяком случае, этого нет в твоей книге. Я там у тебя — этаким мрачный, зловещий тип, которого все избегают. Человек, в котором слишком много от волка... верно я говорю?

— В книгах не все так, как в жизни. И ты это знаешь.

— Да. Но там есть кое-что интересное. И теперь вот еще оказалось, что те люди, которые в последнее время доставляют больше всего хлопот Долам, — люди из твоего мира. Брагад и Джиннет. Может быть, среди нас есть еще кто-нибудь, о ком нам бы следовало знать?

Ривен устало мотнул головой. Хотя, быть может, и есть. Еще кто-нибудь. Ривен поворотил коня и вернулся к Ратагану, в хвост цепочки. Иной раз разговор с Мертахом больше всего походил на дуэль.

Дженни сейчас далеко. В горах, среди суровых вершин, куда были изгнаны маги и чародеи этого мира.

Он вроде бы начал улавливать проблески смысла. Потихонечку понимать логику, правящую этим миром.

Навстречу им уже начали попадаться люди. Всадники выехали на усыпанную гравием дорогу, которую здесь проложили по указанию одного из правителей Раларта несколько десятилетий, а то и веков назад — колеса фургонов и пешеходы уплотнили гравий. Встречные приветствовали стражей и мирканов дружелюбно и как будто даже с облегчением: купцы в крытых повозках, крестьяне и пастухи с отарами овец и стадами коров, женщины, гнущиеся под тяжестью вязанок дров или коромысел с ведрами, и их детишки, что с любопытством глазели на одетых в воинские доспехи всадников. На Флейту и Барабана они пялились в изумлении, широко распахнув глаза. Но, похоже, большинство людей узнавали волков

и их хозяина. К Мертаху не раз обращались по имени, а один из стражей получил даже букетик жимолости от темноглазой девушки, не сводившей с него восхищенного взора.

В каждой деревне, которую они проезжали, Мертах останавливал отряд и задерживался ненадолго, чтобы переговорить со старостой. Ривен не слышал, о чем они говорили, но разговоры всегда сопровождались сокрушенным качанием головой и почесыванием в затылке. К дверям домов в некоторых деревнях были прибиты свежеснятые волчьи шкуры. А в одном поселении красовалась голова Снежного Исполина, водруженная на колу во дворе дома старосты. Глаза ее запали внутрь. Сквозь поредевшие пряди волос на макушке проглядывал череп. Когда всадники проезжали мимо, на мертвую голову взгромоздилась ворона и с надеждой ткнула клювом в глазницу.

Всадники гнали коней; им еще предстояло проделать немалый путь, чтобы до ночи попасть в Ивригар. Мертаху рассказали о большой стае волков, которую видели у западного склона Скрай-ага, — на нее наткнулись охотники, отчаявшиеся найти добычу в пределах Раларта и решившиеся пройти дальше на запад в надежде подстрелить оленя на горных склонах. Стая, как говорили, была огромной, что твое войско, и еще при волках видели Снежных Исполинов, которые ходили со стаей, как пастухи при отаре овец. Они направлялись к востоку. Появились у границы Раларта и гриффешы — свирепые крысы-вепри. Они рыскали по ночным лесам, а в безлунные ночи забредали в поселки и воровали детей. Где же при

этом были стражи? Где были люди Лионана, наемники, обязавшиеся защищать Свардал? Ни слуху о них, ни духу. И так уже несколько дней. И ворота Свардала закрыты.

Всадники продвигались вперед. В одной из деревень местные убили трех человек с дальнего севера, которые пытались украсть съестное, — тела их болтались, задираемые ветром, на сколоченной наспех виселице. Увидев их, Мертах побелел от ярости и приказал снять немедленно. И предупредил, что если подобное повторится снова, зачинщики будут повешены рядом. Есть закон о неприкосновенности личности, и никто не смеет творить бесчинства, словно идет война с неприятелем. Его слушали с каменными выражениями лиц — дюжина мужчин, ослабевших от голода, женщины, сбившиеся в тесную стайку за спинами мужей, и дети, которые хныкали, цепляясь за материнские юбки. Всадники отдали им все, что у них оставалось еще из еды, и поехали дальше.

Чем дальше они продвигались на запад, тем картина становилась мрачнее. Они миновали две зажиточные когда-то усадьбы, теперь — совсем заброшенные. Во дворе одной из усадеб валялись останки волков и гриффеша. От них поднимался невыносимый смрад. Настроение у всех испортилось. Даже Ратаган, похоже, забыл, как улыбаться. Угрюмые мирканы стали еще мрачнее.

Наконец, они повернули на юг, и направили лошадей к дому Ратагана. Тени всадников удлинились — день близился к вечеру, второй день дозора. Пугники спешили, никому не хотелось снова остаться в открытом поле после того, как

на землю опустится тьма. С востока ветер пригнал мрачные тучи. Пошел дождь, шумно обрушившись на каменистые склоны западных холмов. Стражи ежились — вода проникала им за доспехи. Все они, как один, выдернули с лук седла и надели накидки из промасленной кожи. А вот мирканы как будто даже и не замечали дождя, хлещущего в лицо.

Вдруг Таган поприваив коня и, привстав на стременах, вскинул голову и сощурил глаза. Мертах присоединился к нему. Волки наострили уши и зарычали — тихо и глухо. Таган указал на темнеющие холмы. Ривен последовал взглядом за направлением его руки. Что-то двигалось там, под громоздящимися скалами, превратившимися в сумерках в лабиринт теней.

До них донеслись какие-то едва различимые звуки. Ратаган достал из чехла свой боевой топор и смахнул с топорница капли дождя. Вода стекала со лба гиганта, минуя брови, в его глубоко посаженные глаза. Борода его намокла.

— Кажется, нам желают составить компанию, друг мой.

Всадники все, как один, достали мечи из промасленных ножен. Мул, почуяв опасность, принялся кричать со страху, и кто-то из мирканов огрел его посохом.

— Гриффеш! — воскликнул Мертах. Они надвигались серой волной, повторяющей изгибы подножий холмов. Ривен не мог различить их по отдельности — лишь колышущиеся очертания стаи.

— Сколько? — спросил он.

— Десятков этак шесть, если не восемь, — ответил Айса у него из-за спины. Голос его звучал тревожно. Ривен попытался припомнить образы их врагов по своим книгам, но реальность дождя, темноты и приближающейся стаи... времени на раздумья уже не осталось.

Мертах резко поворотил коня — ну, вылитый кентавр!

— Их слишком много. Мы должны поспешить... поспешить в Ивригар. Льюб, отвяжи мулов. Брось их. Таган, веди!

Пришпорив коней, всадники понеслись прочь. Бешеным галопом от подступающих сумерек. Гриффешпи увидели их и подняли жуткий визг. Из-под копыт лошадей летели камни и комья глины. Дождь заливал глаза. Неровный склон ходил ходуном и грозил падением. Всадников то и дело подбрасывало в седле, хотя они изо всех сил сжимали коленями бока лошадей. У Ривена от страха засосало под ложечкой, а легкие как будто заполнила ледяная вода. Единственное, что он был еще в состоянии делать, — это погонять своего объятых ужасом коня вслед за Мертахом и кое-как держаться в седле, рискуя упасть, когда конь его на всем скаку огибал кусты и камни, перепрыгивая расселины. Топот копыт отдавался в его ушах. Холодный дождь хлестал по лицу, не давая открыть глаза.

Позади раздались пронзительные крики брошенных мулов, и лошади припустили еще быстрее. Волки Мертаха, точно серые призраки, неслись впереди с невообразимой скоростью. Они скатились с холма, словно преследуя врага. Но враг

был у них за спиной. Сквозь топот копыт всадники уже различали пронзительный визг их преследователей. С лошадей ключьями слетала пена, глаза бешено пылали. Но силы их были уже на исходе.

Мертах выкрикнул что-то и сбавил ход. В широкой ложбине блестел ручей; брызги воды, превратившиеся в сумерках в серебристые султаны, обдали всадников с головы до ног. А за ручьем на фоне ночного неба чернело какое-то строение. В окружающей мгле желтые огоньки в его окнах казались особенно яркими.

Всадники сбились в кучу и спешили. Два миркана бегом вернулись к ручью, чтобы остановить погоню. Ривен увидел, как из ручья поднялось что-то похожее на серую вздыбленную волну. В этой движущейся лавине засверкали зеленые огоньки — глаза. Посохи мирканов с треском опускались вниз, ломая кости и кроша черепа зверей. Все пространство наполнилось пронзительным визгом, к которому присоединилось испуганное ржание лошадей. Ривен повис на узде своего коня, который взвился на дыбы и попытался в отчаянной попытке ускакать прочь. Теплая слюна мерина брызнула ему в лицо. Он слышал крики Мертаха. Кто-то со всего размаху врезался в бревна стены. Закованные в доспехи мирканы что-то бессвязно кричали и, размахивая мечами, спешили на выручку своим товарищам. Ривен видел, как сверкнул топор Ратагана и вонзился в волосатую морду зверя, разбрызгивая черную кровь.

Гриффеши. Существа из ночного кошмара. Твари с мордами крыс — крыс пяти футов длиной. Из разверстых пастей торчали поблескивающие

кабаньи клыки. От макушки вниз по спине сбегала топорщась во все стороны грива жестких волос. Сильные и короткие ноги. Лапы гриффешей оканчивались когтями, а сзади, точно змеи, извивались голые хвосты. Гриффеша то визжали, то глухо рычали. Ривен видел, как упал один из стражей, поддетый клыками. На упавшего тут же налетели еще три гриффеша. Его закованные в железо руки пытались разбросать мерзких тварей, но безуспешно. Льюб влетел в это месиво, круша боевым посохом направо и налево, раскидал разъяренных зверей и извлек из свалки своего изрядно помятого товарища.

Раздались грохот и скрежет, и свет факелов залил все вокруг — это распахнулись ворота Ивригара. Бойцы рванулись туда, волоча за собой обезумевших лошадей. Половина воинов из отряда еще отбивалась от гриффешей, что наседали на ворота, пытаясь прорваться внутрь.

Дождь припустил еще сильнее — земля уже чавкала под ногами. Ривен вынул свой меч из ножен. Лошади в страхе разбежались по двору, и теперь слуги носились за ними, пытаясь поймать. Другие пытались закрыть ворота, что трещали под напиранием массой кровожадных тварей.

Они хотят достать меня.

Эта мысль возникла в сознании Ривена, пока он стоял, раздумывая, вступать ему в битву или попытаться успокоить коней. Гриффеша топтали трупы своих же товарищей, стараясь прорваться в ворота, а мечи, посохи и топор Ратагана собирали свою кровавую жатву. Но почему такое упорство?

И тут Ратаган упал под тяжестью гриффеша,

неожиданно вцепившегося ему в горло. Ривен оставил свои сомнения и ринулся вперед, размахивая мечом. Удар отдался болью в руке — он почти обезглавил животное. Он рубил еще и еще, не в силах остановиться. С каждым ударом в плече и ребрах нарастала волна пронзительной боли. Мир померк у него перед глазами. Он помог Ратагану подняться, и гигант повис у него на плече, проклиная, на чем свет стоит, свою хромоту.

Вдруг все кончилось. Ворота с грохотом закрылись. Последние из оставшихся во дворе гриффешей были убиты. Струи дождя заливали лицо Ривена, текли по спине. Стекали с доспехов стражей, которые никак не могли отдышаться после такой свалки. Было слышно, как там, снаружи, оставшиеся гриффешаи бросаются на бревна частокола и на запертые ворота. В визге зверюг явственно слышались злоба и бешенство. Ривену стало не по себе.

— Неслабая драка, Сказитель, — прохрипел Ратаган. — Это становится доброй традицией: спасать жизнь друг другу. — Он умолк, переводя дух. — Вот именно, доброй традицией. Да продолжится хорошее начинание — пусть так оно будет и впредь. — Он улыбнулся, и зубы его сверкнули в отблесках факелов.

— Ратаган, муж мой, — раздался вдруг женский голос из толпы воинов и слуг, и вперед вышла хрупкая стройная женщина, закутанная в плащ. Толпа расступилась, давая ей дорогу. Она отбросила капюшон за спину, открыв золотистые волосы, вспыхнувшие мягким сиянием под дождем.

— Скорее в дом. Ты ранен. Рада видеть тебя снова дома.

Улыбка стерлась с лица Ратагана.

В комнате не было света — только отблески огня в очаге. Очаг поражал своими громадными размерами. Плита над ним располагалась на высоте плеч Ратагана и по длине не уступала кровати. Языки огня лизали поленья толщиной с бедро крепкого мужчины. Железная подставка для дров сияла отраженным оранжевым светом пламени. По комнате разливалось красновато-желтое свечение, и только в самых дальних ее углах скопился сумрак. В дрожащих отсветах можно было разглядеть высокий потолок, который поддерживали потемневшие деревянные балки. Пол просторной комнаты выложен каменными плитами. Посередине стоял длинный дубовый стол с незажженными свечами, который приезжие завалили своей промокшей одеждой и оружием. У очага на двух деревянных скамьях с высокими спинками сидели Ратаган и Ривен. Гигант сжимал в кулаке фляжку и время от времени припадал к ее горлышку. На лице его явственно читалось напряжение. Утолив жажду, оба они переоделись в сухое. Ратаган склонил голову набок и прислушался к вою ветра, который стучал ставнями.

Дверь отворилась, и к ним вошел Айса с подносом, уставленным яствами. Следом за ним в комнату проскользнула женщина. Скрипнула крышка оловянного сундучка — женщина достала тоненькую свечу и наклонилась к огню, чтобы зажечь ее. Ратаган молча взял свечку у нее из рук и поднес к огню. Фитилек вспыхнул. Женщина

улыбнулась ему, но Ратаган утрюмо уткнулся носом в свое пиво.

Зажгли свечи. В комнате стало светлее. Теперь, когда были видны высокие стены, комната стала какой-то пустой.

— Какие новости? — спросил Ратаган, нагнувшись к подставке для дров.

— Отогнали гриффешей. — У нее был высокий голос, у этой женщины. И он чуть дрожал от обиды. — Мертах и остальные обходят сейчас соседние фермы, чтобы удостовериться, что там ничего не случилось плохого.

— Жаркая была драка, — проговорил Айса, и глаза его блеснули в свете свечей.

Ратаган хмыкнул.

— А была б еще лучше, если бы бедных калек-инвалидов не прогнали с поля брани. Я на этот счет поговорю с Мертахом, когда он вернется.

— Да под конец там и не драка была, а так... погоня за отступающим в панике противником, — утешил его Айса. — Твоя нога... и болезненное состояние Сказителя... куда вам теперь еще бегать.

— Миркан правильно говорит, Ратаган, — откликнулась женщина, положив руку ему на плечо. — И чего ты все рвешься куда-то, только ради того, чтобы еще раз окрасить свой клинок кровью. — Она была маленькая, худенькая, с голубыми глазами и светлыми золотистыми волосами, заплетенными в длинные косы. Аэлин. Жена Ратагана.

— Ибо это — одно из немногих деяний, в которых я превосхожу многих, — ответил ей Ратаган. — Другой мой талант — способность к питию. — Он опорожнил свою флягу. После

минутного колебания Аэлин взяла ее и подошла к столу, чтобы наполнить снова.

Ривен нервно заерзал. Аэлин увела их в дом, когда схватка еще продолжалась, когда Мертах и мирканы все еще бились с гриффешами. Но теперь все закончилось. Айса и еще трое стражей — раненых — присоединились к Ратагану с Ривеном в доме. Эти трое расположились в нижнем зале, где с них сняли доспехи и обработали раны. А Мертах с отрядом отправился в погоню за разбитой сворой гриффешей, чтобы окончательно их добить, а потом обойти окрестные фермы — поглядеть, все ли в порядке.

Ратаган после этого не сказал ни единого доброго слова жене, хотя та то и дело бросала в сторону мужа едва ли не умоляющие взгляды. Ривен с лицом, искаженным от душевной боли, не отрываясь глядел на нее, — но только тогда, когда она отворачивалась и не могла его видеть. Ривен даже и не догадывался об этой стороне жизни Ратагана, да и не был уверен в том, что хочет знать причину. Он уже убедился на собственном опыте, каково это бывает, когда чужие люди суют нос свой в твои дела и бередят твои раны.

Аэлин поднесла им деревянные тарелки с едой. Ржаной хлеб, сыр, яблоки и мясо. Однако яблоки уже сморщились, — видно, хранились долго, — а мясо было крепко засолено, чтоб не испортилось.

— Как тут дела? — тихо спросил ее Ратаган, нарезая сыр.

Она подсела к нему.

— Неплохо, для таких-то времен. У нас были

потери, но сравнительно небольшие. Вооруженные дозоры навещают нас регулярно. Как всегда. Раза два к нам заезжали люди от Лионана. Кое-кто был ранен. Они говорили, на севере — еще хуже. И надо что-то делать. — Она бросила быстрый взгляд на Ривена, обратив внимание на его покрытый шрамами лоб и знак Сказителя на груди, нити которого блестели в свете огня.

— Ходят слухи о людях с гор...

— Каких таких людях? — насторожился Ратаган.

— О Горнем народе. Говорят, это они виноваты в том, что наступили такие ужасные времена. А люди Лионана говорят, что давно уже пора очистить Долю от этой заразы. Что мы должны объединиться. Они говорят, что зло бродит среди холмов — и личины его многочисленны. И что с гор поодиночке спускаются ведьмы и колдуны и ищут расположения людей. — Она опять покосилась на Ривена.

Ратаган вдруг отшвырнул кусок хлеба, который поджаривал на огне.

— Вот черт! — Он тяжело поднялся на ноги и повернулся спиной к очагу. — Так это, выходит, люди Лионана болтают, а Лионан теперь якшается с Брагадом. Эти рассказы — то, что меньше всего нужно Гаррахад и Карнаху. И так все идет паршиво. А тут еще их пугают какими-то страшилками про Горний народ.

— Но кто же тогда виноват? — спросила она, вскинув голову. Свет очага высветил изящную линию ее шеи.

— Я... — он вдруг запнулся. — Я не знаю. Никто не знает, даже Гвиламон.

— А уж он-то как раз должен знать, будучи тем, кто он есть. — В ее голосе промелькнуло что-то похожее на иронию. Ратаган нахмурился.

— Я приехал не для того, чтобы препираться с тобой.

— Тогда зачем ты приехал — после того, как шесть месяцев тебя не было тут ни разу?

— Клянусь луной и звездами, женщина, ты думаешь, что мне доставляет какое-то удовольствие торчать здесь? — Он закрыл глаза. Она встала и быстро вышла.

— Аэлин... нет. Пстой!

Она даже не обернулась. Затворила за собой дверь, не проронив ни звука. Айса принялся обтирать оружие, сваленное на столе, хотя оно и так уже было сухим. Ривен продолжал жевать хлеб, но впечатление было такое, что жует он песок.

Ратаган сел.

— Не я затеял все это, ведь так?

Ривен передал ему фляжку.

— Ты.

— Сколько раз Байклин с Мертахом пытались меня сюда затащить... и так вот каждый раз. — Ратаган покачал головой и горько улыбнулся, но глаза его как-то странно блестели. Он потер их костяшками пальцев и вновь обратился к пиву. Айса сгреб в охапку воинское снаряжение и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— Ратаган... — начал было Ривен.

— Я взял ее с ребенком, — заговорил вдруг Ратаган. — Да она и сама-то была ребенком.

Ребенок тот умер, и у нее больше не было детей. Как хорошо нам было вместе, когда мы только-только поженились. Такая ласковая, красивая... Она и сейчас еще хороша. Но теперь между нами это... Драки. Вино. И тут уж ничем не помочь. — Он сделал несколько жадных глотков. — Погоня за ретирующимся противником! Яогрею Мертаха дубиной, как только сюда приползет. — Он наполнил флягу Ривена. — Я расскажу тебе сказочку. Хорошую и смешную к тому же, если у тебя хватит терпения выслушать...

На улице завывал ветер, спустившийся с вершин гор. Ветер, несущий зиму.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Они не стали задерживаться в Ивригаре. Мертах с отрядом вернулся поздно ночью, а уже на следующее утро они засобирались в обратный путь. Во вчерашней схватке около тридцати гриффешей было убито, остальные бежали в западные предгорья. Ущерб, нанесенный окрестным фермам, оказался незначительным. Гриффешей, как видно, сосредоточили все усилия на преследовании отряда и на попытке прорваться в Ивригар. Ривен вспомнил, как Снежный Исподин пытался убить его в Рориме Раларта, и не мог не задать себе вопроса: сколько еще будет таких покушений.

Аэлин попрощалась с ними, пожелав доброй дороги. Домочадцы помогли раненым стражам взобраться в седло. Она чинно поцеловала супруга, и Ривену показалось даже, что они обменялись взглядами, в которых сквозило отчаяние. Но больше они не позволили себе никаких проявлений чувств — простились, точно чужие, — и кавалькада выехала со двора навстречу холодному ветру, что дул с далеких гор. Путь их теперь лежал на восток.

Они проехали сквозь вонючую гарь костров. Местные жители жгли трупы убитых вчера гриффешей. Потом всадники спустились в долину и вновь оказались в Долах. Холмы теперь громоздились у них за спиной. Студеный ветер слегка поутих, но Ривен все равно зябко кутался в плащ. С непривычки ломило кости, спина затекла, ноги болели от долгого сидения в седле. Поскорее бы все это кончилось. Впереди его ждали хорошая

выпивка и мягкая постель. И Мадра. Тут он все вспомнил. И тяжело вздохнул при одной только мысли о том, с какими трудностями ему еще предстоит столкнуться. Этот мир был намного сложнее, чем тот — в его книгах.

Потому что он — настоящий. Не выдуманный. Он до Ривена был настоящим. И останется после него.

Но почему — Дженни и Хью? Почему они? Он подумал о своих книгах. Если кто-то из этого мира и знает ответ, то это — гномы. Но как с ними связаться? В Раларте их нет, нет и на юге. Они живут только в единственном месте. В горах на севере, в Гресхорне. Ривен невольно поежился, вспомнив тот сон, когда он скакал на добром коне к северному хребту. Рядом с женщиной, которая не была его женой.

Может быть, пришло, наконец, время отправиться в путь, чтобы все-таки найти ответы. Понять хоть что-то... пока все это не обрушилось на голову.

— Впереди всадники, — объявил Таган, их проводник, чернобородый крепыш. — Примерно с полдюжины. Вроде стражи.

— Но не из Раларта, — добавил Мертах, прищулив глаза, слезящиеся от ветра.

Они пустили коней легкой рысью, и через некоторое время Мертах произнес с отвращением:

— Желушка Брагада на верховой прогулке. И пять кавалеров из свиты супруга. — Он сплюнул через плечо.

Небольшая группа всадников заметила отряд и изменила направление, чтобы подъехать к ним.

Не прошло и пяти минут, как они стояли друг против друга — их разделяло лишь несколько футов земли, покрытых пожухшей травой. Леди Джиннет была, как всегда, во всем черном, и Ривен не без иронии спросил себя, уж не скорбит ли она по кому-нибудь, но лицо ее тронула саркастическая улыбка, как только она заметила, в каком плачевном состоянии пребывает патруль Мертаха: стражи все в бинтах, одежда порвана и замызгана, в глазах усталость, на боках лошадей — следы когтей.

— Милорды Мертах и Ратаган, — с издевкой проговорила она. — Вас так не хватало в палате Совета. Мой супруг с нетерпением ждал встречи со словесным боевым топором Рыжебородого, равно как и с полемической рапирой Изменяющего Облик.

Мертах сердито нахмурился, но ничего не сказал.

— Видимо, дело действительно было спешным, иначе бы вы не покинули Рорим во время столь важной для Раларта встречи. И чужеземный Сказитель, я вижу, с вами, — она окинула Ривена снисходительным взглядом, и он вдруг съежился, словно ожидая удара. — Но что это! Вы сражались... значит, все-таки дело было серьезным. Надеюсь, вы одержали победу, с кем бы вы там ни бились?

— Вы правы, — промолвил Мертах. Флейта и Барабан тихонько зарычали. Но Мертах бросил на них лишь взгляд, и они приумолкли.

— Было бы все-таки лучше, миледи, если бы вы не разъезжали по Долу в сопровождении такой

слабой охраны. По всей долине стаями рыщет свирепое зверье, и даже вооруженный отряд может столкнуться с немалыми трудностями.

— Стражам моего мужа по плечу любая задача, которую перед ними поставят, — отозвалась она. Высокомерная улыбка застыла на ее лице, словно сахарная глазурь на несвежем торте.

При этом в отряде Раларта раздались смехи. Люди Брагада, препоясанные алыми кушаками, схватились за рукояти своих мечей.

Джиннет не обратила на это внимания.

— Теперь, если вы ничего не имеете против, мы продолжим наш путь. День уже на исходе, и если верить вашим словам, мне, пожалуй, лучше вернуться под защиту стен вашего Рорима до того, как стемнеет... — Она подобрала поводья, но слова Мертах остановили ее:

— А что же Совет? Он уже завершен?

— Нет. — проговорила она раздраженно. — Он пока не закончил работу и будет длиться, по крайней мере, еще один день. Ваш Варбутт и его сын оказались весьма несговорчивыми, хотя все бароны Раларта отнюдь не согласны с их мнением.

Мертах приподнял бровь.

— Неужели? Странная подобралась компания на этот раз... кого только не приходится тащить к себе в постель!

Она аж побелела, и Ривен увидел, как напряглась рука ее, сжимавшая хлыст. Она рывком повернула коня и ускакала прочь. Охрана едва поспевала за ней. Стражи Раларта скалились, глядя ей вслед, но лицо Мертах оставалось мрачным.

— Совет продолжается слишком долго. Все это

дурной знак. — Он пришпорил коня, и тот пустился усталым галопом, взяв направление на Рорим.

Они въехали в Круг через Южные ворота, лейтенант стражей Данан лично встретил отряд и проводил раненых всадников на усталых конях вверх по течению ручья Рорима к Внутреннему городу и Дворцу с его голубыми флагами, развевающимися на ветру. На общинных полях между стенами Рорима вовсю шли работы. Гостиницы, мимо которых они проезжали, были переполнены. Поклонами и возгласами люди приветствовали стражей и мирканов. Кто-то, узнав Ратагана, бросил ему фляжку пива. Тот жестом поблагодарил знакомого, залпом осушил ее и швырнул назад. Всю дорогу от Ивригара он проехал в дурном настроении, не проронив ни слова, теперь же гигант воспрял духом.

Они пересекли рынок с его яркими навесами и ломящимися прилавками, с его тесными загонами, где блеяли овцы. Однако многие из загонov были пусты. Во взглядах пастухов, праздно сидящих на деревянной ограде, читалось отчаяние. Громадные кони с трудом протискивались сквозь толпу, задевая прохожих. Мертах учтиво извинялся. Раненые, испачканные в крови усталые стражи и их предводители привлекали к себе внимание. Дородные матроны глядели на них с сочувствием, мальчишки — с восхищением и завистью.

Они миновали плац, где шли тренировочные бои. Лязг оружия и боевые клики разносились ветром. Всадники въехали в Рорим по подъемному мосту — подковы коней прогрохотали по камен-

ным плитам внутреннего двора, где Ривен сражался с Исполинами, — и остановились перед входом во Дворец. Конюхи тут же приняли коней. Стражи, на которых не было лат, помогали своим товарищам спуститься с седла. Байклин тоже вышел во двор. Он выглядел очень усталым, словно это он — а не они — сражался с гриффешами и провел три дня в седле. С ним вышла и Мадра. Тревогу у нее на лице можно было различить на расстоянии в сотню футов. В один миг ее взгляд обжег всю компанию, потом она повернулась и ушла в дом. Ратаган поймал взгляд Ривена, и тот понял, что рыжебородый гигант знает все. Ратаган легонько похлопал его по плечу, лукавая усмешка играла в его бороде.

— Ах, эти женщины...

Они рассмеялись и, разом спешившись, окунулись в толпу, наводнившую двор.

Позднее, когда ночь тихо опустилась на Рорим, они собрались в комнате Ривена, не забыв прихватить пару-тройку кувшинов эля. Гвилламон, Байклин, Ратаган и Мертах. Айса занял свой пост у двери. Флейта и Барабан растянулись на полу. Вот только Мадры не видно, с горечью заметил Ривен. Пиво им принесла служанка, которую он не знал.

Хорош, Ривен. Напакостил.

Они расселись и смаковали в молчании прохладный пьянящий напиток. За окном сгустилась ночная тьма. Оба, — и Байклин, и Гвилламон, — пребывали в задумчивости, озабоченно хмурясь. Даже шуточки Ратагана не возымели действия.

Наконец, Гвилламон нарушил молчание.

— Как Аэлин? — спросил он с надеждой. Мертах бросил на отца предупреждающий взгляд, а Ратаган лишь пожал плечами. Его глубоко посаженные глаза совсем потерялись под нависшими бровями.

— Да все по-прежнему. И она. И я. Уже ничего не получится, Гвилламон, как ни пытайся. Надеюсь, мои дорогие друзья все-таки это поймут, наконец. И моя милая матушка тоже. — Он отхлебнул пива. На лице его промелькнуло выражение отчаяния, но тут же исчезло.

Гвилламон поморщился.

— Замечательный эль.

Они вновь замолчали. Мертах уже рассказал Байклину о сражении с гриффешами при Ивригаре. Утром под руководством Орда туда был послан хорошо вооруженный отряд. Поступали сообщения и о других нападениях на севере и западе, но до сих пор ничего не было слышно о Лионане с Маллахом. Они и их люди как будто испарились.

— Но эти переговоры, Байclin, — заговорил Мертах. — Почему они продолжаются так долго? Брагад упорствует? Чего он надеется добиться?

— Его поддерживают трое из наших ралартских баронов, — в голосе Байклина сквозила усталость. — Это осложняет дело, должен заметить. Теоретически, если Варбутт им прикажет, они обязаны подчиниться ему. Они — его вассалы. Но ты же знаешь, Мертах, что в прошлом Варбутт всегда принимал то решение, за которое выступало большинство баронов.

— Сейчас не тот случай, — фыркнул Ратаган.

— Да, я знаю. Но прецедент существует.

— Ну, — возвестил гигант, — прямо здесь вот сидят два барона, которые уж точно будут с вами.

— Бесшабашный Вояка и Изменяющий Облик, — буркнул Мертах себе под нос. Он был явно встревожен.

— Брагад хочет, чтобы вы оба присутствовали на Совете. Я думаю, он потому-то и тянул эти три дня, — вставил Гвилламон.

— Он надеется нас заболтать? — усмехнулся Ратаган.

— Не знаю. Он хочет поговорить с каждым из баронов Раларта.

— Он тянет время, — заметил Байклин. — И мне бы очень хотелось узнать — почему? — Никто ему не ответил. Ратаган снова наполнил их кружки.

— Еще один день, — вымолвил Гвилламон. — Может быть, два. Потом мы закатим еще один пир и с почетом проводим его. Пусть себе едет куда подальше.

— И, может быть, выскажем пару ласковых некоторым из наших баронов, — мрачно проговорил Мертах. — Я думаю, это вовсе не плохо, что Друим тренирует для нас стражей и ополченцев. Можно немного побряцать оружием... показать этим строптивцам вроде Маско, кто верховный правитель в Раларте.

Гвилламон кивнул.

— Как раз то, чего он так боится. Впрочем, как говорится, чего боишься, то и накличешь. Мы просто не можем позволить себе, чтобы барон, у которого есть такой замок, как Рингилл, плел

под носом у нас интриги вкупе с такими коварными гордецами, как Брагад.

— И супруга его, — добавил Байклин и с извиняющимся видом покосился на Ривена. Но тот промолчал. Он уже стал понемногу привыкать к мысли, что Джиннет — не Дженни, а Брагад — не Хью. Но замечание Байклина напомнило ему о том, что он сам собирался сказать.

— Я здесь уже долго, в Раларте... — начал он, и все взгляды обратились к нему. — Здесь происходят события и есть люди, которые были и там, в моих книгах. Люди, которых я раньше не знал и создал лишь силой своего воображения. А еще у вас тут есть люди из моего мира, которые каким-то непостижимым образом попали сюда, в Мингниш. Но есть и такие люди, места и события, до которых я никогда раньше не додумывался. Хотя, кажется мне временами, что я все равно знаю их. — Ривен выдержал устремленные на него взгляды. Флейта и Барабан приподняли головы с лап и как будто принюхались.

— И именно здесь, в Раларте, все началось. Все главные действующие лица — отсюда, как в моих книгах. Но конец этой истории... он лежит вне пределов Раларта, и здесь, в Долах, нам не найти разгадки. Теперь я уже в этом уверен. Оставаясь здесь, я лишь становлюсь яблоком раздора. А между мной и теми, кто пытается убить меня, стоит Рорим. Но история должна продолжаться.

— Третья книга, — вздохнул Байклин. — Последняя.

— Ты знаешь, как там должны развиваться события, — продолжал Ривен. — Лютой зимой

трое героев отправляются на север, чтобы спасти страну.

— Разыскать гномов Гресхорна, — вставил Мертах.

— И Сгарр Диг... Стэйр... в самом сердце тех гор, — добавил Ривен. — То самое место, где все это начиналось. И где, я уверен, все закончится.

— А ты уже себе представляешь, о чем будет третья книга? — спросил Байклин. Глаза его впились в Ривена.

— В общих чертах. Но я не сумел ухватить суть. Я не могу написать ее. Даже, можно сказать, и не начал. — Ривен вспомнил, как он сидел за письменным столом в домике на морском берегу — до того еще, как появился Байклин, — и пытался выжать из себя хоть что-нибудь, наполняя страницы снежными бурями и кровавыми битвами. А, может быть, именно это и происходило в Мингнише прежде, чем он появился здесь? Но Ривен не стал спрашивать. Лучше об этом не знать.

— Историю нужно закончить, и закончить ее нужно мне. — Слова мешали ему, точно камни во рту. Ривен понял, что он должен был сказать это раньше. Он вдруг ощутил дыхание смерти у себя за спиной. Вспомнил тот день. Вспомнил Алую гору. Но теперь это уже позади и не имеет значения. Есть вещи и поважнее.

— Я должен покинуть Раларт.

Он опять вспомнил тот сон: он ехал верхом, направляясь к северным горам. Вместе с Джиннет... но что-то в ней было от Дженни. Может быть, Дженни подскажет ему, что делать?

— До Гресхорна путь далек, — проговорил

Гвилламон. Он весь как-то вдруг постарел. — И лежит этот путь по стране, что с каждым днем приближается к хаосу. Ты уверен, что тебе нужно ехать именно туда?

— Уверен. — Ривен хорошо понимал, о чем сейчас просит он этих людей, и ему это вовсе не нравилось. Но иного пути просто нет.

— Не совсем подходящее время ты выбрал, Майкл Ривен, чтобы сказать нам об этом, — криво усмехнулся Мертах. — Байклин точно из-за тебя поседет — ты еще не успеешь исполнить задуманное.

— Северные горы, — промолвил Байклин, не обращая внимания на комментарий Мертаха, — почти в тысяче миль отсюда. По меньшей мере, недель шесть пути. И, как сказал Гвилламон, в эти тяжелые времена.... — Он покачал головой. На его лице явственно читалась безнадежность.

— Я поеду один, если это нужно, — раздраженно бросил Ривен. — Мне все это тоже не нравится, но...

— Но нет другого выхода?

Он сжал в кулак все свои страхи и сомнения.

— Да. Так нужно и мне, и вам.

Байклин вздохнул и осушил кружку.

— Странные времена, — сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— В самом деле, — согласился Гвилламон. — Тебе понадобятся лошади. Сопровождение, хотя теперь мы не можем позволить себе отправить с тобой стражей. Провиант. Проводник.

— Я знаю горы Гресхорна. Дорогу к Алой

горе, — вызвался Байклин. — Так что, как ни крути, мне придется идти с тобой.

— Положение дел таково, что ты не можешь исчезнуть так вдруг, — возразил Гвилламон.

Смутлолицый кивнул.

— Прежде надо уладить то, что важнее. Хотя бы дождаться, пока не решится вся эта заваруха с Брагадом. Рориму ничто не должно угрожать.

— А что скажет Варбутт? — спросил Ратаган.

Байклин выругался про себя.

— Что его сын опять где-то шляется. Этак я точно уже не добьюсь популярности. Но ничего не поделаешь.

— Мне всегда хотелось посмотреть, какой он — Гресхорн, — сказал Ратаган.

— Не настолько, я думаю, он интересен, чтобы я был в восторге от мысли, что мне предстоит побывать там снова, — отозвался Мертах.

— Три барона, двое из которых — наши лучшие полководцы, оставляют Рорим в такие трудные для нас времена. — Гвилламон помрачнел. — Мне это не нравится. Не знаю даже, стоит ли вас отпускать.

— Странные времена, — повторил Байклин. — Но я согласен со Сказителем. Сидя в стенах Рорима, мы ничего не добьемся. Половина Дола почитает его колдуном с западных гор. А интриганы типа Брагада уж не преминут воспользоваться этим слухом. Чистки тридцатилетней давности еще не забыты. Горного народа все еще боятся. И если даже со стороны Гаррафада и Карнаха нам пока ничего не грозит, то от своих же, ралартских, вполне

можно ждать какого-нибудь сюрприза. Люди напуганы.

— Мы все напуганы, — пробурчал Ратаган. — Но это еще не причина, чтобы вновь отправлять людей на костер или изгонять из страны.

— Нет, конечно, но Брагад воспользуется этим страхом для достижения своих целей. Он уже запудрил мозги нашим баронам — теперь они подпевают ему.

— Значит, нам следует сделать так, чтобы они от него отвернулись, — резко проговорил Мертах. Его голубые глаза сверкали. — Прочистить им мозги. В нашем Доле бароны всегда отличались лояльностью.

— Может быть, — задумчиво произнес Байклин. — Может быть. — Он поглядел на Ривена. — Ну, да ладно. Мы сделаем это. Поможем тебе в твоих поисках, — он едва заметно улыбнулся, на секунду превратившись в того самого неутомного персонажа его книг. — В конце концов, для того мы тебя сюда и притащили... чтобы ты решил наши проблемы.

И свои тоже.

— Пожалуй, мне лучше поехать с тобой, чтобы присмотреть за тобой, если что, — проговорил Ратаган с простодушной улыбкой.

Мертах молчал. Лицо его оставалось непроницаемым.

— Я тоже еду, — раздался внезапно голос. Все удивленно подняли глаза. Айса стоял у двери, сжимая флягу с пивом в жилистой руке. — Я телохранитель Сказителя. Я должен ехать.

— Стало быть, вы уже все решили, — Гвилла-

мон тяжело вздохнул. — Ну что ж, может быть, вы правы. Мы ничего не добьемся, удерживая здесь Сказителя... лишь подольем масла в огонь. Опять пойдут слухи. — Он помедлил. — Кого вы еще хотите взять с собой?

— Тагана, он — лучший наш проводник, — сказал Ратаган. — И он бывал уже в Гресхорне.

— Люб тоже поедет, — сообщил Айса. — Он на пороге старости, и ему может больше не представиться случай взглянуть на холмы Меркадола.

— Ну что ж, — Гвилламон несколько успокоился. — Позже мы все это обсудим подробнее. Сейчас же достаточно и того, что вы намерены ехать... Но только вот что вы будете делать, когда доберетесь туда?

— Искать гномов, — ответил Ривен.

— Говорят, Беркинлиг — Отец Магии — до сих пор еще жив. И обитает в горах, может быть, вместе с гномами.

— А еще говорят: Гресхорн — край света, — коротко бросил Мертах.

При этом его отец улыбнулся.

— Сын мой, для человека твоего возраста ты как-то слишком уж скептик.

Ратаган чуть не подавился со смеху.

— Я верю в магию, — сказал Ривен, встретив взгляд Мертаха. — Быть может, ее-то я и ищу.

— Вовсе незачем так далеко за ней ходить, — туманно заметил Мертах.

Гвилламон поднялся.

— В самом деле. Магия — дело любопытное, но близится время ужина, и мне, старику, неплохо

бы подкрепиться. — Он уже повернулся, чтобы уйти, но внезапно остановился. — О вашем отъезде не говорите пока никому. Не нужно, чтобы Рорим обсуждал эту новость. Особенно сейчас, когда здесь Брагад. — Он вышел из комнаты, на ходу кивнув Айсе.

Ратаган откинулся на спинку стула так, что тот затрещал, и с шумом выдохнул воздух сквозь сжатые зубы.

— Такие вот новости! Прямо башка закружилась. Мы возвращаемся во времена саг, и нас ждет волшебство, и кто знает, к чему все это приведет?

— Или чем все закончится, — отозвался Байклин, пристально наблюдая за Ривеном. Тот изучал тьму за окном.

Утро выдалось пасмурным. Облака, отяжелевшие от дождя, нависли над холмами. Мергах с Ратаганом отправились на Совет, Ривен же был предоставлен сам себе. Он долго сидел, глядя в окно на завешенный пеленой моросящего дождя Круг. Потом нацепил свой меч и вышел из комнаты. Этим утром в Рориме было пустынно и необычно тихо, хотя с верхнего этажа Дворца Ривен сумел разглядеть стражей, которые вместе с конюхами занимались конями и упряжью во дворе за казармами и навьючивали мулов. Быть может, они готовятся к поездке, о которой говорили вчера вечером? Дневной патруль под началом Орда давно оставил Рорим. Теперь они должны уже выйти к холмам под Ивригаром.

Вглядываясь в туманную даль за крепостным валом, Ривен сумел различить два больших здания, где были расквартированы стражники Брагада.

Никаких признаков жизни не наблюдалось. Может быть, они выехали сопровождать супругу своего барона в ее верховой прогулке. Брагад привез с собой всего несколько человек, из них около дюжины — люди Магейри. Ривену вдруг стало как-то не по себе. Он вспомнил вопрос, который задал вчера вечером Байклин. Быть может, Брагад действительно тянет время? И куда делись Маллах с Лионаном?

Заговоры и интриги. Не мое это дело.

Или все же — мое? Он почему-то чувствовал себя ответственным за то, что Брагад был здесь. Ведь он, в конце концов, — точная копия другого человека. Человека из цивилизации Ривена.

Он бесцельно бродил по Дворцу, то и дело натыкаясь на слуг, занятых своими делами. Опасаясь встречи с Мадрой, он решил выйти на улицу — туда, где на тренировочном плацу отрабатывали приемы воинского искусства будущие стражи. Айса пошел вслед за ним, как всегда не задавая вопросов. Ривен вышел за ворота Рорима. Утоптанная ногами земля под дождем превратилась в размокшую грязь. Из земли торчали ряды столбов высотой в человеческий рост. Десятка два новобранцев атаковали столбы, отрабатывая приемы, а еще человек этак тридцать с деревянными мечами в руках наблюдали за ними. Трое мирканов руководили учениями. Ривен во все глаза уставился на них. Никогда еще он не видел мирканов, пребывающих в таком воодушевлении. Они носились по грязи, поправляя тут — удар, здесь — стойку новобранцев; демонстрировали, как нужно колоть, вкладывая вес тела в импульс выпада, как парировать удары, как исполь-

зовать головку эфеса. Ривен забыл, зачем он пришел сюда, и стоял, восхищенный их воодушевлением и ловкостью. Новобранцы то и дело поскальзывались и падали, они все были перепачканы красной размокшей глиной. Но на доспехах мирканов не было ни одного пятна грязи — только охристые следы от мелких брызг.

Когда, наконец, он выступил вперед и попросил разрешения присоединиться к учениям, среди ополченцев прошел тихий ропот, — ведь Ривен носил голубой кушак. Ведущий тренировку миркан обвел его оценивающим взглядом, потом обратился вопрошающий взор к Айсе. Казалось, он что-то увидел в его глазах и кивнул.

— Сними только меч и выбирай себе тренировочное оружие. Присоединяйся вон к той группе и повторяй все движения за ними.

И вот Ривен уже атакует деревянный столб деревянным мечом, скользким от грязи. Суровый миркан исправляет его движения, разъясняя, как нужно делать. Это напоминало ему Сэндхерст, за тем лишь исключением, что тамошние инструкторы сопровождали свои приказания и оценки обычно нелестными и всегда непечатными эпитетами. Мирканы же были совершенно спокойны. Почти молча перебегали они по плацу, чтобы выверить и подправить удары учеников. Ни разу они не повысили голос, и никто с ними не спорил.

Он занимался, покуда совсем не стемнело. На плацу уже никого не осталось — только Ривен, Айса и трое мирканов-инструкторов. Он вдруг понял, что если пожелает тренироваться всю ночь, учителя его не станут возражать. Они выказывали

искренний интерес к тренировкам Ривена, что никак не вязалось с их замкнутой и молчаливой манерой держаться. А Ривен действительно жаждал учения, хотя его недавно залеченная ключица разболелась нестерпимо, да и старые раны тоже напомнили о себе. Он весь извозился в грязи и почти ничего уже не соображал от усталости. Наконец, поблагодарив инструкторов, они с Айсой вернулись обратно в Рорим. Во Дворец Варбутта. Там зажгли уже первые свечи. На темнеющем небе проступили первые звезды — безоблачным куполом поднималось оно над холмами, свет молодого месяца лился на гребни гор.

Обычно по вечерам Ривен ужинал вместе со всеми, но сегодня он попросил Айсу сходить на кухню к Кольбану и распорядиться, чтобы еду ему подали в комнату. А заодно принесли горячей воды. Он теперь чувствовал себя много лучше. Пусть мышцы и кости болели, но зато Ривен дал им нагрузку. И понял, наконец, что ему делать.

Прочувствуй все это, пока ты еще в состоянии.

Взглянув в зеркало, он увидел лицо, выпачканное грязью, со всклокоченной бородой, к которой тоже прилипла грязь. Он устало улыбнулся своему отражению. Куда, интересно, запропастился этот миркан? Из зеркала на него, не моргая, смотрели глаза, — в них появилась решимость, — вот только морщинки в уголках губ выдавали пережитую боль и тревогу. Меж бровей пролегла глубокая складка. Лоб прорезали шрамы.

Сэр Майкл, Рыцарь с Острова Туманов. А теперь вот — взыскующий подвига.

Он расстегнул и снял пояс с ножнами. Рас-

шнуровал свою кожаную куртку и принялся стягивать ее через голову. В дверь постучали, — Ривен промычал, мол, войдите, — она отворилась, и кто-то вошел. Он, наконец, стянул куртку с головы и швырнул ее на постель. И тут увидел Мадру и поднос на столе.

С полдюжины глупых общих приветственных слов пронеслось у него в голове, но единственно нужных Ривен так и не нашел. Мадра молча зажгла еще свечей и захлопнула трутницу.

— Тебе следует вымыться, пока вода не остыла.

С минуту он не отрываясь смотрел на нее. Потом разделся до пояса и принялся соскребать с себя глину над тазом с водой, от которой шел пар. Он думал, что Мадра сейчас уйдет. Но она не ушла. Когда он, умывшись, смахнул капли с ресниц, она подала ему полотенце. Взглянув на нее, он заметил, как сурово сжаты ее губы. В глазах — печаль. Она стала казаться старше. Он прижал полотенце к лицу с такой силой, что в глазах замельтешили искры. Потом натянул свежую рубашку. Его сапоги покрывал слой застывшей грязи, но с ними он разберется потом. Ривен сел за стол и набросился на еду, поглощая ее и не чувствуя вкуса.

— Ты уезжаешь. На север. Это правда?

Он перестал жевать.

— Откуда ты знаешь?

— Это Кольбан. Он знает все. В кухне всегда судачат о том, о сем. Стражи уже начали приготовления.

— Предполагалось, что все это будет храниться в секрете.

Она присела на скамью.

— Хранить секрет во Дворце — все равно, что прятать огонь в соломе. Ты едешь в Гресхорн.

Ривен молчал.

— Ты хочешь вернуться назад в свой мир, на Остров?

Ему нравилась эта решительность в ее глазах. Серьезность ее лица. Но они почему-то и смущали его.

— Я не знаю.

Ее рука потянулась к его руке.

— Возьми меня с собой.

— Что?

— Разреши мне поехать туда с тобой. Позволь мне быть рядом.

Он резко отдернул руку.

— Ты что, не понимаешь, как это опасно?

— Там у тебя никого нет. Ратаган рассказал мне. И Байклин говорит, что Остров Туманов — место безлюдное, тихое. Одни горы да пустынное побережье. Я хорошо готовлю. Я не боюсь работы. Я не испугаюсь, правда. Пожалуйста, возьми меня с собой. Я...

— Молчи! — Он понял, что она собиралась сказать ему. То, что он и не надеялся больше услышать от женщины. В глазах ее задрожали слезы. Она опустила голову, прижав руки к груди. Обиженный ребенок.

И все же она пугала его. Потому что влекла к себе. Потому что ему нравилось это суровое юное личико. Он хотел, чтобы она была рядом. И она хотела быть с ним, несмотря даже на призрак

той — прошлой — жизни, что стоял у него за плечами.

Они одновременно поднялись из-за стола. Она шагнула было к двери, но Ривен удержал ее. Она рванулась, пытаясь его оттолкнуть, но тут же затихла. Лицо разгладились, но на щеках так и блестели слезы. Он вытер их, обнял ее и уткнулся лицом в ее волосы. Трусливый подонок.

Она глухо проговорила ему в плечо:

— Мне казалось, ты любишь меня. Мне казалось... — она еще теснее прижалась к нему. Но искала она утешения — ничего больше. Запрокинув голову, она заглянула ему в глаза. Волосы прилипли к ее губам. Он не смог выдержать этот взгляд. Она отстранилась и отошла к столу.

— Ты и не поел-то как следует, — рассмеялась она сквозь слезы. — Это я виновата. Не дала человеку поесть. — Она стремительно подхватила таз, пролив немного грязной воды на пол. — Кольбан, наверное, будет искать меня. — С тем она и ушла.

Он вынул из ножен меч и скривился, глядя на холодную сталь. Рубанул воздух. Клинок сверкнул яркой дугой и, вонзившись в деревянную столешницу, словно в масло, выбил искры из каменной плиты. Удар болезненно отдался в руке.

Айса заглянул в дверь.

— Я слышал шум... — Тут он узрел на полу немалых размеров кусок полированной доски, отхваченный от столешницы. Ривен встретился с ним глазами. Его взгляд пылал сумасшедшим огнем.

— Практикуюсь немножко, — сказал он, и дверь закрылась.

На следующий день Ривен встал спозаранку и сразу пошел на плац. Солнце еще только-только взошло, а он уже колошматил свой столб, как если бы тот был его смертным врагом. Мирканы поглядывали на него с одобрением. Сам старый Люб, главный инструктор, направлял его руку.

— Вложи весь свой вес в силу удара. Двигайся на носках, руки и ноги расслаблены, будь готов отступить, если удар не достигнет цели. — Белая полоса шрама на лице у него светилась в первых лучах низкого солнца.

Ривен остановился, чтобы перевести дух. Мимо протопали остальные новобранцы. Он кивнул им и спросил Люба — отчасти из интереса, отчасти из-за того, что ему было нужно время, чтобы совладать с дыханием:

— И сколько из них станут стражами?

Люб только плечами пожал. Он осмотрел своих подопечных, пока другие мирканы-инструкторы расставляли их по местам.

— Пятеро, может быть, шестеро.

Ривен тихонько присвистнул.

— А как же все остальные?

— Они останутся в Круге как ополченцы, чтобы защищать Рорим. Это позволит стражам выполнять свои обязанности вне пределов его стен.

— А мирканы? Откуда вы набираете новых рекрутов?

Люб нахмурился, встретив взгляд Ривена.

— Мирканами рождаются. Они покидают родной Дол, что на севере, и нанимаются на службу к тем, кто нуждается в их услугах.

Ривен оживился.

— А где на севере?

— К западу от Дринана.

Короткая пауза... Ривен попытался припомнить географию Мингниша, но Люб не дал ему расслабиться и тут же вернул к работе. Ривен снова принялся терзать столб, но теперь перед мысленным взором его стояло лицо Мадры, залитое слезами.

Ривен остался бы на плацу, как и вчера, до темноты, но за ним пришли Ратаган с Байклином. Он сразу понял, что они наблюдали за ним какое-то время, пока не заметил их. Люб кивнул и забрал у него тренировочный меч, и Ривен присоединился к товарищам. Поднялся ветер, расчистив небо от громоздящихся туч. Бледный месяц уже медленно поднимался над гребнем дальних гор. Ночь обещала быть ясной.

— Если ты не поостережешься, тебя могут принять за стража, — сказал Ратаган, подавая ему перевязь с мечом.

Ривен застегнул пояс.

— Надо же мне хоть чем-нибудь заняться, — он похлопал по ножнам. — И потом, раз у меня есть меч, я должен уметь им пользоваться.

— Ты и так им владеешь неплохо, — заметил гигант.

Они направились к стенам Рорима. Байклин, погруженный в раздумья, шел по лужам, даже их не замечая.

— Что случилось? — спросил Ривен.

— Да так. Мелочи. Впрочем, слишком уж много

каких-то неприятных мелочей, и все как-то разом. Что-то готовится... и явно не к добру.

— Совет уже завершен?

— Он завершился в полдень. Под конец Брагад был даже любезен. Сказал, что всему свое время. Все, мол, должно идти своим чередом. Даже Маско как будто смирился с фактом, что Роримы не объединятся.

— Но ты встревожен.

Байклин кивнул.

— Как-то он слишком легко отступился. Слишком уж великодушно для него — после того, как он потерял здесь столько времени и престижа. И еще кое-что. Леди Джиннет в полдень выехала на прогулку. Одна. И до сих пор не вернулась. А муженек ее абсолютно спокоен. Говорит, вернется, когда сочтет нужным.

— Уж она-то вернется, — фыркнул Ратаган.

Байклин покачал головой.

— Что-то слишком уж много людей неизвестно где шляется по Долам — и людей важных. Лионан с Маллахом, например. Ни слуху о них, ни духу. Вот уже несколько дней. А Рорим-Свардал и Рорим-Дринон странно как-то обезлюдели. По крайней мере, так утверждает Орд. Вчера он был там с дозором.

— За Брагадом сейчас стоят силы двух Роримов, плюс, может быть, трое из наших баронов, — тихо проговорил Ривен. — Ты считаешь, он может напасть на Раларт?

Байклин вздрогнул.

— Напасть на Раларт? Но Брагад сам сейчас в стенах Рорима!

— Знаешь предание о троянском коне?

— Что еще за предание?

— Если Брагад вознамерился захватить Рорим Раларта, с чего ж ему лучше начать, как не с того, чтобы заслать сюда своих людей?

— Сейчас в Круге двенадцать его стражников, — задумчиво пробормотал Ратаган.

— А Лионан, Маллах и Джиннет с отрядом могут затаиться где-нибудь снаружи и ждать сигнала к нападению. Или, может быть, Джиннет как раз и поехала дать сигнал. Либо сигнал подадут его люди, расквартированные у нас в Круге.

— Это лишь предположения, — жестко проговорил Байклин.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть о своей беспечности.

Смутлолицый задумался. Они прошли через башню Рорима в вымощенный камнем двор. От конюшен шел запах сена и конского навоза. Две служанки, закутанные в теплые шали, черпали воду из колодца.

— Все в доме знают уже о поездке на север, — сказал Ривен.

Байклин кивнул и вздохнул.

— Молодые стражи. Они рассказали своим подружкам, и, как говорится, тайное стало явным. Но твоя репутация могущественного мага не пострадала, мой друг. Иначе с чего бы тебе взбрело в голову ехать в Гресхорн в такие-то времена? — Он сплюнул на мостовую и растер плевок сапогом. С минуту они постояли молча, привлекая в себе удивленные взгляды служанок у колодца и двух стражей, проходивших мимо.

Байклин внезапно заговорил:

— Ну, что ж. Ты на все глядишь с подозрением, Майкл Ривен. Но и я не такой уж простак. Попытаюсь-ка и я принять кое-какие меры... предосторожности. На случай, если твои подозрения окажутся оправданными.

— Все военачальники приглашены на сегодняшний пир, — заметил Ратаган. — Нам, я так понимаю, нужны помощники, но кто будет командовать войском до того, как мы к нему присоединимся?

— Данан, к примеру, — предложил Ривен.

— И Люб, — добавил Байклин. — Он примет командование над новобранцами. Мы разделим наших людей: кого-то оставим в Рориме, остальных же расставим у внешней стены, чтобы, ежели что, нас заранее предупредили.

— Нужно поставить в известность Варбутта, — заметил Ратаган.

— Да, — откликнулся Байклин. — Как я понимаю, это моя задача. Придется использовать все красноречие, но я должен его убедить. — Он поднял глаза к безоблачному небу, погружающемуся во мрак. — Это — последняя ночь Брагада в Рориме. Так что, если мы правильно разгадали его намерения, удара ждать нужно сегодня. Что бы он ни замышлял, это случится сегодня ночью. Беспокойная будет ночь. Попируем на славу.

— Я не пойду на этот прощальный пир, — сказал Ривен. Он вспомнил о том, как Мадра наливала ему пиво на прошлом празднестве.

— Ну что ж, лишний воин нам не помешает, — задумчиво произнес Байклин, потом обернулся и

поглядел на Дворец. — Тогда я должен идти. Мне нужно еще кое-что сделать... — Он ушел. От его прежней дружелюбной живости не осталось и следа.

Ратаган проводил его взглядом.

— Это дело не для Байклина, — сказал он. — Скорее, для Мертахы. Байклин же никогда не питал особенного пристрастия к политике и интригам.

— Пока не заблудился в горах, — заметил Ривен.

— Да. — Ратаган приумолк в нерешительности и после паузы спросил: — Ты и в правду считаешь, что Брагад попытается захватить Рорим Раларта?

— Да.

Ратаган задумался.

— В этом случае не обойдется без большой крови. Гвардия против гвардии. Может быть, даже... — тут он запнулся. — Нет, никто не заставит миркана сражаться с мирканом. — Гигант нахмурился. — А в твоём мире такое бывает? Там это обычное дело?

— Там, откуда я пришел, всегда где-нибудь да идет война. Поэтому я и записался в солдаты. Мы всегда держим армию наготове.

Ратаган покачал головой.

— Похоже, мирканам у вас бы понравилось.

Ривен смотрел на Дворец с его развевающимися на ветру флагами.

— Нет. Вряд ли бы им там понравилось. Они, мне кажется, возненавидели бы этот мир.

Гигант сжал его плечо.

— Мне все же надо бы показаться на пиру. А то это покажется подозрительным, если я не

возникну там, где течет пиво. — Он вдруг прикусил губу. — Ривен?

— Что?

— Мадра... Она еще молода. Я понимаю, я и сам-то не без греха, но ты все-таки попытайся найти в своем сердце местечко и для нее. Будь с ней поласковой. Она очень хорошая.

Он отвернулся.

Джиннет не вернулась и к началу пира. Ривен расхаживал по крепостному валу, глядя на Дол, озаренный светом молодого месяца. Звуки веселья долетали сюда из Дворца, а Ривен думал о Мадре. Она сейчас там... наливает вино Брагаду, сносит сальные шуточки подвыпивших мужиков.

Он глядел на холмы предгорья на западе и думал о том, что где-то там, среди этих холмов, сейчас бродят еще две женщины, лица которых ему знакомы. Он вновь принялся вышагивать взад-вперед, захваченный самыми противоречивыми чувствами. Лучше бы он занялся чем-то полезным. Он еще раз перебрал в уме все те приготовления, которые провели они с Байклином; удостоверился, что в плане их нет никаких слабых мест и просчетов.

Позади раздалися шаги — легкие, не похожие на тяжелую поступь воина. Кто-то встал рядом с ним. Ривен различал чуть заметный запах свежей лаванды. Она сняла с головы венки и принялась перебирать его в руках, глядя на Дол, облокотившись рядом с ним о камень стены.

Ему стало тепло на душе. Он улыбнулся.

В окнах казармы, куда поместили людей Брагада, мелькал свет факелов. Они, видно, тоже там не скучали. Неужели весь Рорим напьется

сегодня допьяна? Но уж мирканы точно останутся трезвыми.

Ветер растрепал ее волосы. В свете звезд они были блестящими и черными, как вороново крыло.

— Чем ты занимаешься там, в своем мире? — спросила Мадра.

Неожиданный этот вопрос застал Ривена врасплох. Он понял вдруг: все, что он делал, он делал в прошедшем времени. А теперь он бездельничал. Вообще ничем не занимался.

— Одно время я был солдатом. Потом — сказителем.

— Ты любил кого-нибудь?

Он поморщился.

— Она умерла.

— Но ты все еще любишь ее.

— Да.

Она сжала его руку.

— Прости. Я раньше не знала.

— Тебе Ратаган рассказал?

— Да.

Ночь была ясной, но морозной, порывистый студеной ветер гулял по Долу. Лицо ее в бледном свете казалось неподвластным времени. Ее била дрожь. Ривен притянул ее к себе под плащ. Руки у нее озябли и она сунула их ему под рубашку, чтобы согреть. Он чувствовал ее ладони — такие холодные — у себя на спине, чувствовал прикосновение венка из лаванды.

— Сколько тебе лет?

Она подняла к нему лицо.

— Уже шестнадцать весен.

Шестнадцать, Боже милостивый.

— А тебе? — спросила Мадра.

— Сколько же, сколько этим холмам.

— Я не верю тебе. Ты еще младше Байклина. А у него даже нет седины в волосах.

Он рассмеялся и прижал ее к себе, откликаясь всем телом на ее близость. В голове словно колокольчик зазвенел, предупреждая.

Предполагается, я тут стою на страже и глаз не спускаю с этих казарм.

Но он не оттолкнул ее. Под плащом у них было тепло, ладони ее согрелись. Она положила голову ему на грудь.

— Ты отправишься в путь, как только Брагад уедет отсюда, да?

— Еще одна новость с кухни?

— Весь Рорим только об этом и говорит.

Ривен мысленно выругался. Не многовато ли длинных языков? Интересно, а Брагад знает...

Где-то рядом проухала сова, издав далеко на крик откликнулась другая. Виднелась фигура одинокого часового — чуть подальше на крепостном валу. Когда он повернулся, клинок его блеснул, отразив лунный свет.

— Разве ты не должна быть на пиру? — спросил Ривен.

— Брагад попросил Варбутта отослать всех из зала, чтобы остались только военачальники и бароны — мол, выпить спокойно, потолковать. Слуг тоже всех отпустили, когда гости наелись.

— Потолковать, значит, о важных делах, — рассеянно произнес Ривен. Тревога вертелась в душе надоедливой мухой. Он пристально вгляделся в казармы. Свет факелов по-прежнему мелькал в

окнах. Оттуда доносились слабые отзвуки застольной песни.

Непохоже, чтобы там что-то затевалось. Но, как бы там ни было, сейчас в Круге — Данан с двадцатью стражами. Они приглядывают за казармами. Люб с новобранцами караулит ворота. Сам Рорим защищен не так уж и хорошо, но у них достаточно людей, чтобы в случае чего нейтрализовать Брагада и удержать ворота — хотя бы на какое-то время.

Так откуда же эта тревога в душе?

Он глянул вниз — скрестив руки на груди, там стоял Айса. Боевой его посох был заткнут за пояс. Спокойный вид миркана придал Ривену уверенности.

— А ты почему не пошел на пир? — спросила Мадра.

— Мне хотелось побыть одному.

— А-а! — Она отпрянула было, но он вновь притянул ее к себе. — Станный ты человек, — проговорила она. — Напиваешься и горланишь песни со всей честной компанией, однако тебе нравится быть одному. Прежде ты не носил меча, но владеешь им так, словно родился с оружием в руках.

— Откуда ты знаешь?

— Айса мне рассказал.

— Айса, — Ривен сказал вполголоса, так что миркан внизу не услышал его. Он уткнулся лицом в ее волосы. — Я смотрю, тебе все, кому только не лень, про меня рассказывают.

Она не ответила, но ее руки вдруг обняли его с удивительной силой, и она страстно поцеловала

его. Прямо в губы. Ее бедра раздвинули его ноги, и она всем телом прижалась к нему.

— Позволь мне остаться с тобой этой ночью.

Губы ее сурово сжаты, в глазах — любовь и бесстрашие.

— Хорошо, — волнуясь, хрипло сказал он. Плащ распахнулся, выпуская ее, и они пошли вдоль по валу к узким шатким ступеням. Ночной воздух охлаждал их разгоряченные лица. Ривен споткнулся обо что-то во тьме и, наверное, упал бы, если бы Мадра не удержала его за руку. Чертыхнувшись, Ривен посмотрел под ноги.

— Мой Бог, — прошептал он.

Мертвый страж лежал в темной луже крови. Ему перерезали горло.

Ривен выпрямился и поглядел на казармы. В окнах попрежнему мелькали огни. Слышалось пение.

— Айса! — пронзительно выкрикнул он. Буквально через мгновение миркан стоял на лестнице перед ним, сжимая в руках свой посох. Тут он увидел мертвого стража, и глаза его вспыхнули.

— Немедленно отправляйся в Зал приемов, скажи им там, что случилось. Пусть выставят стражу у Дворца. В Рориме — враги, и, возможно, еще враги на подходе!

Айса кивнул и исчез во тьме.

— Это Фелим. Он был всего на две весны старше меня, — проговорила Мадра со слезами в голосе. Склонившись к убитому воину, она откинула волосы с его окровавленного лица. Ривен поднял ее на ноги.

— Иди на кухню и предупреди там всех. На

Рорим вот-вот нападут. Скажи им, пусть вооружаются и идут сюда. — Он встряхнул ее. — Торопись, Мадра! — Мгновение она смотрела на него, широко распахнув глаза, а потом убежала в том же направлении, куда ушел Айса. Ривен привалился к стене и сделал глубокий вдох.

Думай, Ривен. Что это может значить? Что они намереваются делать?

Пока он так стоял, казармы близ Круга, — те самые, где разместили людей Брагада, — озарились вдруг пламенем. Ривен сумел различить под свесом крыши две человеческие фигуры с горящими факелами. По всему Долу в ответ запылали огни. Данан с отрядом своих стражей бросился к казармам — послышался топот их ног, лезвия мечей заблестели в лунном свете.

Началось.

Люди Льюба разделились на три отряда — по числу ворот во внешней стене. Но если силы противника многочисленны, им не потребуется много времени, чтобы прорваться в Рорим. Они даже сражаться не будут — просто перелезут через стену, и все. Внешнюю стену строили для того, чтоб защитить стада Круга от диких зверей, а не для того, чтобы удерживать вражеские войска. Не первый раз уже Ривен клял этих людей за доверчивость.

Стражи Данана окружили казармы, объятые пламенем. Ривен пошатнулся — Айса едва не сбил его с ног.

— Они захватили Зал приемов, — тяжело дыша, сообщил он. — И всех наших, кто в Зале. Должно быть, когда стемнело, стражники Брагада перебрались через вал.

А двоих оставили в казармах, чтобы отвлечь внимание. Коварно. Почудилось ему или действительно за внешней стеной раздались какие-то крики?

— Беги к Данану. Скажи ему, пусть уводит своих людей в Рорим. И пошли гонца на ворота к Льюбу. Пусть тоже идет сюда. Люди нужны нам здесь, на валу. Все до единого. — Айса уже повернулся, чтобы уйти, но Ривен остановил его. — А как там наши мирканы?

— Двое сторожат двери Зала. С ними еще два стража. Друим и Белиг вооружают прислугу.

— Хорошо. Беги! — Айса перескочил через стену и исчез во рву. Через мгновение он был уже наверху и со всех ног бежал к казармам, объатым огнем.

Ривен остался один на крепостном валу. Он весь дрожал от нетерпения. Кругом не было ни души. Что ж, планы Брагада теперь очевидны: удерживать во Дворце вождей и баронов, пока его войско — воспользовавшись тем, что военачальников Раларта держат заложниками, а защитники его пьяны — атакует Рорим. Стражники Брагада тайком покинули свои казармы, оставив лишь нескольких человек, чтобы отвести подозрения, и выполнили первую часть плана. Джиннет и двое ралартских баронов-изменников, без сомнения, вблизи Рорима. И Бог весть, сколько у них там людей.

Стражи из отряда Данана уже бежали к Рориму — а бежать было с полмили. Два тела остались лежать у горящих казарм на земле, залитой лунным светом. С внешней стены доно-

сились звуки сражения, приглушенные расстоянием, но вполне различимые.

Ривен потер рукоять меча побелевшим от холода большим пальцем. Вспомнил, как Мадра прижималась к нему, закружилась голова. Он сердито потрянул ею. За спиной послышался топот ног. Он вынул меч, готовясь встретить врага. Но то были Гвион и Кольбан, и с ними — еще человек двадцать прислуги, вооруженной кольями, кухонными ножами и дубинами. С Кольбана градом катился пот. Он никак не мог отдышаться.

— Невеселая встреча, барон, — прохрипел он, задыхаясь. Люди его уже разбежались по валу. Кольбан привалился к стене и провел рукой по лицу. — Я уже стар для такой беготни.

У Гвиона — единственного — был меч.

— Наши там помогают мирканам стеречь двери Зала, — сообщил управляющий, — командует ими моя благоверная. Их там полно, солдат Брагада. Держат наших военачальников. А двери заперли на засов. Всех остальных, кого сумел отыскать, я привел сюда, — он закашлялся, приложив к груди кулак.

— Ты все сделал правильно, — сказал Ривен. Мадра встала подле него, сжимая в руке нож. На мгновение глаза их встретились. Ривен отвел взгляд. — Данан и наши воины будут здесь с минуты на минуту. Люди Брагада уже на подходе. Мы не должны уступить им Рорим.

По рядам слуг пронесся испуганный ропот. В холодном, чистом воздухе ночи явственно различались звуки сражения у ближайших ворот. Гвион распределил своих ополченцев по крепостному

валу. И все равно две трети его оставались без всякой защиты.

Крики раздались у самых ворот, и уже через минуту к ним присоединился Данан со своим отрядом.

— Славная ночка! — бросил командир стражей Ривену. С его клинка капала кровь. Появился и Айса. Стражи Данана разошлись по крепостному валу, занимая позиции для обороны. Данан оглядел Круг. — Люб уводит своих людей от Рорима. Когда враг начнет атаковать нас, они нападут на него с тыла.

Ривен кивнул. Значит, вот оно как. Четыре года в армии, и это — первое настоящее сражение... с мечом в руке. Он почувствовал, как рука Мадры осторожно обняла его за талию.

— Ты не боишься? — спросила она.

— За тебя боюсь, — он нахмурился. — Тебе нельзя оставаться здесь. На валу будет самая ожесточенная битва.

— Я не единственная здесь женщина.

Ривен огляделся вокруг, и лицо его перекошилось.

— Я знаю, но... — Ему было неловко. На них смотрели. А в глазах ее он увидел упорство. — Черт.

Она улыбнулась, и он поспешил отвернуться.

Внезапно звуки битвы на внешней стене затихли. Воцарилась какая-то жуткая тишина, нарушаемая лишь возней на лестнице. Мадра опять задрожала от холода. Она не сводила глаз с Круга, вглядываясь в темноту за пылающими казармами. Крыша одной из них с грохотом обрушилась в огонь.

К воротам, минуя горящее здание, бежал

человек. Ворота с лязгом распахнулись, пропуская его, и тут же захлопнулись у него за спиной. Шатаясь, он поднялся на вал. Он судорожно дышал. На лице его блестел пот.

Ополченец.

— Где Данан?

— Эй, Фимир, какие новости?

— Люб потерял девять человек. Но ему удалось отвести свой отряд. — Слова, казалось, застревали у него в горле. — Там Маллах и Лионан — наши бароны! Они возглавляют атаку.

— Сколько? — коротко бросил Данан. Ополченец никак не мог отдышаться.

— Люб попробовал сосчитать. По крайней мере, два десятка стражников и с полдюжины мирканов. И еще около сотни солдат без доспехов, вроде наших ополченцев. Среди них есть люди Свардала. И Дриноха!

Проклятье! Данан еле слышно выругался.

— Хорошо, Фимир, молодец. Отдышись пока. Ты нам скоро понадобишься. — Тот кивнул и неверной походкой отошел в сторону.

— Мы будем драться, — продолжал Данан. Умолк на мгновение. Закусил губу. — С людьми из наших же Долов. Мирканы против мирканов. Хотелось бы только знать, как этот интриган Брагад сумел подбить их на такое.

— Много ли там ваших? — спросил Ривен Айсу.

— Не знаю. Если они будут драться против своих, то у них должны быть на то весьма веские причины. — Сомнение затуманило его взор. Он был не на шутку встревожен.

— Тогда возьмите на себя их стражников, а уж мы постараемся позаботиться о своих земляках, — сухо проговорил Данан и сплюнул через стену во тьму рва. — Надеюсь, от компании Льюба они хорошо получили. Иначе нам тут придется туго.

Раздался топот многих ног, и все инстинктивно вытянули шеи, перегнувшись через внешнее ограждение.

— Вон там, — указал Ривен. — Сейчас появятся в отблеске пожара.

Вскоре они уже различали ее — темную толпу ратников. На кольчугах и клинках плясали блики пламени. Ими предводительствовали двое: один — высокий и тонкий, другой — пониже и пошире. Приблизившись к крепостному валу, они выстроились в боевом порядке. Стражи Раларта достали свои луки из чехлов за спиной и зарядили их оперенными стрелами.

— Подождите. Пусть этот сброд подойдет поближе, — проскрежетал зубами Данан. Нападающие остановились и как будто стали совещаться, а потом с боевым кличем бросились вперед, осыпая крепостной вал градом стрел. Стрелы со звоном ударились о стену. Кто-то из ополченцев вскрикнул и свалился с вала вниз.

По команде Данана стражи Раларта разом выпустили свои стрелы. Они со свистом прорезали темноту, и этот свист умерил рев атакующих. Многие стрелы достигли цели. Не один неприятельский воин упал под ударом их, но даже такой мощный отпор не остановил врага. Одним броском нападающие прорвались к воротам. Послышались

крики, треск дерева, звон металла. С минуту они помедлили там, внизу, — шевелящаяся масса, словно скопление черных жуков, чьи спинки поблескивают в лунном свете, — потом к стенам приставили стволы молодых деревьев, ветви которых были обрублены на расстоянии фута от ствола, и атакующие полезли вверх.

Защитники Рорима принялись отпихивать самодельные лестницы. Одна из них все-таки опрокинулась прямо на головы нападавших. Но те, кто высунулся из-за стены, тут же стали мишенью для вражеских лучников. Ривен видел, как рухнул сраженный защитник города. Одна стрела вонзилась ему в лицо, вторая — в шею. Один повар с кухни отшатнулся, зажимая руками лицо, — стрела попала ему прямо в глаз.

Данан злобно выругался.

— Вот сукины дети. У них лучников вдвое больше, чем у нас. Так они скоро сметут нас и пройдут по нашим трупам.

Над ограждением стали уже появляться головы врагов. Многие тут же и погибали, получив удар копьём в грудь или мечом по голове. Но и защитники Рорима тоже гибли. Ривен со всего маху рубанул по горлу ратника, который уже перекидывал ногу через ограждение. Лицо воина исказилось, он захрипел и упал вниз. Я убил человека, пронеслось в голове у Ривена, но теперь это уже не имело значения.

Закованные в латы стражи Брагада, препоясанные алыми кушаками, упорно карабкались на крепостную стену под ударами оборонявшихся, что сыпались на них, как удары кузнечного молота

о наковальню. Враги, теряя равновесие, валились с ног, но прочная сталь уберегала их от гибели, и они снова вставали, лезли вверх и постепенно теснили не защищенных броней ополченцев. Поток тел, словно вода, рвущаяся в брешь плотины, напором своим расширяя ее, эту брешь, захлестнул крепостную стену. И вот уже над стеной поднялся сам Маллах, вращая свой боевой молот над головой. В обрамлении черных усищ свирепо скалился рот.

По всему валу пошла рукопашная схватка, клинки, злорадно сверкая, пировали под лунным светом.

Ривен оглянулся, ища Мадру, — она все время была рядом, а теперь вдруг куда-то запропастилась. Но ополченец, сражавшийся перед ним, упал, сраженный, и Ривен оказался лицом к лицу с вражеским стражником.

Мечи со звоном скрестились. Ривен сразу понял, что он слабее, и стал отступать, спотыкаясь о тела убитых и раненых. Он отражал удар за ударом, но уже было ясно: его недавно сросшимся костям такого напора долго не выдержать. Вражеский стражник оскалился, прочтя во взгляде Ривена готовность признать поражение. Он поднял меч, чтоб нанести смертоносный удар, и вдруг упал вниз лицом с ножом в спине. За ним стояла Мадра. Глаза ее были безумны, руки в крови.

— Ты как, цел?

Ривен кивнул, хватая ртом воздух. Шатаясь, к ним подошел Айса. Кровь сочилась из раны у него на виске. Но с его посоха стекала кровь врага.

— Я там застрял, — выдавил он, задыхаясь. Лицо его пылало.

— Да все нормально. Спасибо Мадре — она меня выручила. — Они стояли втроем на островке кратковременного затишья посреди кровавой сечи, что кипела, точно яростный прибой под морским утесом. Воины, препоясанные алыми кушаками, вклинивались в ряды защитников, постепенно разделяя и окружая их. Данан махал мечом, как ветряная мельница. Маллах крушил все кругом своим могучим боевым молотом. Свирепое его лицо исказилось в пылу битвы. Теперь появился и Лионан — он уселся на зубец крепостной стены, точно кот, и внимательно наблюдал за тем, что творится вокруг. В руке — тонкая шпага. Блестящее серебро. На поясе — алый кушак. Интересно, где Джиннет, подумал Ривен, и где их мирканы? На крепостном валу их не было.

Схватка опять, кипя, приближалась к ним. Ривен выругался и отодвинул Мадру себе за спину. Рыцарский кодекс и все такое. Его мутило, когда он видел кровь у нее на руках.

Сражение продолжалось. Теперь — не только на крепостном валу, но и у построек внизу. Где-то вспыхнуло пламя, за ним — другое; все окрасилось желтым и мутно-оранжевым. Рорим Раларта горел.

По всему Долу теперь зажигались огни. Люди, жившие поблизости, бежали узнать, что за шум. Ночь превратилась в игру светотени: свет и тьма, мерцание луны и пламени, сталь и дрожащие тени. Рорим Раларта наполнился визгом и криками, лязгом металла, хрустом костей и глухими ударами тел о землю. Сражение перехлестнуло

крепостной вал и потекло в Рорим. Все смешалось. Ожесточенные схватки вспыхивали на стенах, на улицах, у ворот домов. Люди скользили и падали на камнях мостовой, залитой кровью, и спотыкались о груды тел. Пламя пожара ширилось и вздымалось в небо, растворяя в себе лунный свет и обдавая обжигающим жаром разгоряченные лица.

Но где же Люб со своим отрядом? — Ривен вытер пот со лба и огляделся. Тут он услышал отчаянные крики Мадры и, обернувшись, увидел вражеских мирканов, поднимавшихся на крепостную стену. Посохи поднимались и опускались, словно цепи. Под их ударами защитники Рорима падали, точно срезанная кукуруза.

Айса оттолкнул Ривена в сторону и встал, держа наготове свой посох.

— Беги, — крикнул он. — Стену уже не отбить. Я задержу их!

— Но не ценой же своей жизни! — Ривен сплюнул и встал рядом с мирканом, плечо к плечу.

Гвион упал с расколенным черепом. Под таким мощным натиском стражам Раларта пришлось отступить вниз, на улицы. Теперь Айса с Ривеном оказались лицом к лицу с мирканами Маллаха.

— Неужели вы будете драться? Со своими? Вы так низко пали? — крикнул им Айса. Глаза его загорелись бешеным пламенем. Двое ближних мирканов на мгновение приостановились. Один из них указал окровавленным посохом на Ривена.

— Вы тут у себе укрываете повелителя Горнего народа, виновника гибели нашей земли. Он и народ его, там, в горах... из-за них гибнут Долы.

Отдай его нам, и сражение прекратится. Мы с тобой одной крови. Ты давал клятву защищать Мингниш. Он же втерся к вам в доверие и хочет его уничтожить. Вас обманули колдуны и эти мерзкие оборотни.

— Это все ложь, — выкрикнул Айса. — Грязная ложь Брагада!

Но мирканы уже набросились на них. Ривен не успел ничего даже сообразить, как вдруг посох миркана просвистел у него над головой, и свет померк в глазах.

Ну, вот опять. Сколько же можно?

Он упал, смутно осознавая, что Айса стоит над ним, раскачиваясь, словно деревцо под шквалом ветра, под градом ударов своих сородичей. А потом кто-то склонился над ним. Кто-то другой, не Айса. Ее волосы разметались, когда она наклонилась, чтобы поднять его меч. Он попытался остановить ее, но не смог. Словно в черном тумане, он увидел, как меч взметнулся, поднявшись на его защиту, и застонал.

Тут раздался какой-то шум и кто-то закричал: — Люб! Это Люб!

Ривен мог бы поклясться, что слышал рев Ратагана, перекрывающий грохот битвы. Голова кружилась. Он чувствовал запах гари. Видел звезды, подернутые поволокой дыма. Крики не умолкали. Ривен поморщился.

Умереть в своей собственной книге. Как актер на сцене. Вот уж действительно повезло.

Перед затуманенным взором Ривена проносились картины битвы. Лионана загнали в угол, из которого он яростно отмахивался, словно дикий

кот с горящими глазами. Маллах упал с искаженным от ненависти лицом — она так и застыла посмертной маской. Вот над Ривеном склонилась сестра Коухен. Ее голова дернулась под ударом. Брызнула кровь. Но это не сестра Коухен. Это — Мадра.

Он опять застонал. Больше нет сил это видеть. Темнота окружила его, обрушившись черным облаком. Шум прекратился. Видения исчезли. Боль стихла.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Он сумел различить лишь расплывающееся бледное пятно лица, обрамленного темными волосами.

— Дженни?

Он произнес ее имя вслух, хотя то был чей-то чужой, едва различимый голос, который ломался, вырываясь из его горла. Пронзительный белый свет боли у него в голове стал угасать — что-то холодное приложили ему ко лбу. Чьи-то пальцы коснулись его лица. А потом не осталось уже ничего, только тьма, что ждала его у подножия горы.

Безмолвие жаркого дня разгладило воду. С тихим шорохом легкие волны в заливе накатывались на берег одна за другой. Солнце зажгло морскую гладь у горизонта ослепительным светом. Там, где в залив впадал ручей, вилась мошкара. Вдоль скал поднималась туманная дымка.

Они сидели на гранитной плите, которая упала в воду тысячи лет тому назад. Волны с тихим плеском разбивались о камень. Остатки их трапезы разбросаны на берегу — к ним подбираются чайки, а несколько листков бумаги легкий бриз утащил в море. Он положил голову ей на колени и, закрыв глаза, прислушался к шороху моря и вскрикам чаек. Она толкнула его, когда лоснящаяся голова тюленя появилась на поверхности моря поблизости. Два блестящих коричневых глаза с любопытством смотрели на них, голова поднималась и опускалась вместе с волнами. Они застыли, улыбаясь морскому зверю, и оставались так, не

шелохнувшись, покуда тюлень не исчез внезапно, оставив после себя круги ряби на гладкой поверхности воды, которые тут же слизала набежавшая волна.

Он посмотрел вверх, в лицо, обрамленное темными волосами, склонившееся над ним.

— Где это я? — спросил он, оглядываясь по сторонам. — Что случилось?

Она улыбнулась в ответ.

— Недалеко от Гленбриттла. Упал с горы. — И поцеловала его в лоб. — Майкл, — тихо произнесла она и вся вдруг напряглась.

— М-м?

Она указала рукой на листы бумаги, прижатые к скале тяжелым камнем.

— Не надо меня туда.

Он моргнул.

— Почему нет?

— Не знаю. Там так хорошо. Все — сияющее, чистое и не тронутое гарью.

— Там и у них, между прочим, идет война, — сухо заметил он.

— Может быть... но они там оправданы, войны, и необходимы, и в них меньше мерзкого, чем в этом мире.

Он зашевелился.

— Но ты уже там. Я не могу теперь просто взять и убрать тебя оттуда.

Она сделала вид, что замахнулась на него.

— Опять? Я так и знала. И ты меня даже не спросил.

— Право художника. И потом, должна же в романе быть героиня.

Она отрицательно покачала головой, чуть улыbnувшись. Потом вперила свой взор вдаль, на море. Он чувствовал тепло ее бедер под своей головой, ее пальцы — у себя в волосах.

— Смотри у меня, чтобы третья книга была самой лучшей, — сказала она, помолчав.

— Она станет шедевром. И мы будем жить в роскоши и славе до конца дней своих.

— Вот она — роскошь. Здесь. Сейчас. Мы на Скае. Лето. Чего же тебе еще надо? А слава только мешает.

— Знаешь, Маккиннон, ты действительно странная.

Она сморщила нос.

— Как ты смотришь на то, чтобы сегодня куда-нибудь слазить?

— Куда?

Она обернулась и посмотрела назад, — туда, где Черные Квиллины гряды за грядой поднимались зубчатой дугой камня к безупречно синему небу.

— На Старр Диг. Давай поднимемся на Алую гору и глянем на мир с вершины.

Он помолчал немного, ощущая всем телом тепло летнего дня.

— Ну что ж, давай, — сказал он, наконец.

Рука поддерживала его за плечи. Кто-то наклонился над ним. Он хотел повернуться, но ноги запутались в одеялах. В раздражении он заставил себя открыть глаза...

Он увидел незнакомую комнату, белые холмы за окном и меч в ножнах, прислоненный к стене.

Он лежал неподвижно, — не шевелясь вообще, — вспоминая, прислушиваясь к тихому дыханию Мадры. Потом протянул руку и нежно коснулся ее лица, провел кончиком пальца по изгибу шеи, потрогал мягкие волосы. У него непроизвольно потекли слезы, скатились по вискам и намочили подушку.

Прости меня.

Девушка рядом с ним шевельнулась и пробудилась. Ее рука осторожно прикоснулась к компрессу у него на голове. Увидев, что Ривен очнулся, она не сдержала рыдания и уткнулась лицом ему в плечо. Он погладил ее по волосам.

— Не надо плакать. Я еще как будто не умер. Она засмеялась.

— Долго же ты не мог определиться.

Он протянул руку к ее лицу — к ссадине рядом с глазом. Вокруг расплылся черный с желтым синяк.

— Как все закончилось?

— Пришел Люб. Вожди наши с боем пробивались из Зала приемов, где их держали пленниками, и присоединились к нам. Мы победили.

Это все, что Ривен хотел слышать сейчас. Больше пока ничего не нужно. Он приложил палец к ее губам. И, взглянув за окно, снова увидел холмы.

— Мадра...

— Ты три дня пролежал в беспамятстве. Почти все это время шел снег. Речка Рорима совсем замерзла.

Он заметил ледяной узор в уголке оконного

стекла. Суровое бледно-голубое небо, зимнее небо. Осень миновала.

— Байклин с Ратаганом хотели видеть тебя сразу, как только ты придешь в себя. Айса за дверью.

— Как они, живы и здоровы? — Она кивнула. — Что вообще произошло?

«Недалеко от Гленбриттла. Упал с горы».

— Пусть тебе Байклин расскажет.

— Но ты же была там. С моим мечом. Я помню.

— Мирканы сбили меня с ног. Мне показалось, что они не хотели меня убивать. Но Айса остался один против них. Он все время кричал, что их обманули, но все равно они не переставали биться с ними. И, в конце концов, они все же его услышали. К тому времени и все остальные воины Брагада сдались, потому что их окружили, а барона взяли в плен. Люди из Круга пришли к нам на помощь. Несколько сотен человек. Они окружили Рорим. Врагу не удалось уйти.

Тут раздался стук в дверь, и вошли Байклин, Ратаган и Гвилламон. Позади них — Айса. Глядя на лицо Байклина, можно было подумать, что его долго терли о мельничный жернов. Зато Ратаган весь сиял.

— Ты выглядишь хуже, чем я себя чувствую, — сказал Ривен Смуглолицему.

Тот улыбнулся.

— Цена победы. Будь у меня еще одна пара рук и глаз на затылке... Но я все же выжил.

— А я начинаю уже привыкать вытаскивать тебя с поля боя, — добавил Ратаган. — У тебя дурная привычка, Майкл Ривен. Всегда ты оказы-

ваешься в самом горячем месте. Хорошо еще, что у тебя этакая крепкая черепушка.

— Дурная привычка там или нет, — заговорил Байклин, — но прими нашу искреннюю благодарность. Ты сделал немало для нашей победы. Брагад захватил нас врасплох. Мы как будто не договаривались, что нас запрут в нашем же зале.

— Как это случилось? — спросил Ривен.

Байклин пожал плечами.

— Так просто, что мне до сих пор еще стыдно. Ночью, пока мы там пили-гуляли, десять его стражников перелезли через стены и прежде чем мы успели понять, что вообще происходит, уже держали свои мечи у наших глоток. Если б ни Юниш с Белигом, мы бы так и остались там лежать. Они вломились в верхние окна и — в полном смысле слова — свалились нам прямо на голову. Уж нам пришлось попотеть, доложу я тебе. Но в конце концов мы одолели захвативших нас стражей и их баронов и выбрались наружу. Сражение уже было в самом разгаре. Весь северо-восток Рорима объят пламенем. Льюб как раз атаковал врага с тыла. Мы присоединились к нему. Солдатам Брагада, должно быть, показалось, что мы возникли прямо из воздуха. Многие были убиты. Среди них — Маско, Лионан и Маллах. Но их не станут оплакивать. Мертах сейчас в Рингилле, размещает гарнизон из наших людей.

— А Брагад и Джиннет? — спросил Ривен, заранее боясь ответа Байклина.

— Брагад мертв. Убит собственными мирканами, — мрачно проговорил смуглолицый. — Они не любят, когда их обманывают, эти воины. Они

присягнули на верность Варбутту. И у меня, знаешь, такое чувство, что и люди Карнаха вскоре последуют их примеру. Магейри мертв, его убил Даман — его же собственный племянник. Сейчас он наш пленник.

— Так что, похоже, Роримы все же объединились под началом единственного правителя, — задумчиво произнес Ривен.

Смутлолицый кивнул.

— А о Джиннет — никаких известий. Ходят слухи, что она бежала из Долов. Может быть, в города на севере. Снег, конечно, задержит ее, но мы ее и не преследуем. Смертей и так было достаточно. Достаточно противоборства.

— А ваши бароны... — тихо промолвил Ривен. — Люди так до сих пор и считают, что я волшебник?

Ратаган улыбнулся.

— И великий воин, который один вышел против шестерки мирканов и доблестно бился, пока его не сразили.

— Слишком много, смотрю я, разговоров, — заметил Ривен.

— Вот уж действительно, если бы люди меньше болтали, тогда, может быть, слухи, что так кстати пришились Брагаду, никогда бы и не возникли. Жители Роримов теперь все-таки пообразумились. Те, которые уцелели.

— Много мы потеряли людей? — спросил Ривен.

Байклин отвернулся.

— Много. Слишком. — Он горько усмехнулся. — Мы назначили Игельду новым управляю-

щим. Она говорит, что для нее это не ново — Гвион постоянно бегал к ней за помощью.

Воцарилось молчание. Рука Мадры на мгновение задержалась на лбу Ривена.

— Снег идет, — сказал он.

— Навалило уже с полфута, — рассеянно проговорил Гвилламон. Голубые глаза его были как лед. — А ведь лето по календарю едва ли перевалило за середину. Многие наши ушли в предгорья — гонят сюда стада. И с ними — стражи... те, кто остались. К западу от Раларта видели Исполинов. Говорят, их там немало.

Вот, значит, как оно завертелось. Ривен чувствовал себя чертовски слабым, но одновременно в нем пробудилась былая тяга к деятельности. Он знал: время уходит. Гресхорн звал его. Звал Сгарр Диг. Он только хотел понять, почему? Может быть, гномы скажут ему.

— А я сильно ранен?

Гвилламон склонился над ним и оттянул ему нижнее веко.

— Череп цел. Тебе нужно просто отлежаться. Еще несколько дней. Но уже скоро ты будешь в порядке. Как справедливо заметил Ратаган, у тебя крепкая черепушка, Майкл Ривен.

Ривен лег и уставился в потолок.

— Нам нужно ехать как можно скорее. Мингниш пытается задержать меня здесь, в Рориме. Я не знаю, что мы отыщем в горах, но одно знаю твердо: ответы — там. — На губах его промелькнула слабая улыбка. — В книге поиск приводит туда. К гномам. На Алую гору.

— Нам нужно время. Привести в порядок

Рорим, — сказал ему Байклин. — И еще мы должны позаботиться о Роримах Карнаха и Гаррафада. Они остались без вождей и из-за снега теперь практически отрезаны от остальных Долов. По долинам опять шастают Исполины, а с их ослабленными едва ли не наполовину гарнизонами эти Роримы легко уязвимы.

Ривен вздохнул.

— Я понимаю. Но если вы все же хотите добраться до источника всех бед, то нам нужно ехать как можно быстрее.

Байклин, казалось, хотел что-то сказать, но Гвилламон остановил его, положив руку ему на плечо.

— Оставь это мне. Я сумею восстановить Рорим. Юдайн и Данан мне помогут. Да и Мертах говорил, что, как только Рингилл укрепят, он поведет отряд через снега в Карнах.

— Нелегкая будет поездка, — заметил Ратаган.

— Ты вызывался не раз в путешествия и похлеще, — вставил Байклин. — Или ты думаешь, мы отрастим себе крылья и перепорхнем через Гресхорн?

Ратаган со смехом поклонился.

— Я сражен. Но ты прав, конечно. Еще перед битвой я переговорил с Таганом. Он знает Гресхорн. И знает пару хороших историй об этих горах...

Гвилламон поднялся.

— Истории могут и подождать. Сказителю надо бы отдохнуть от твоего громогласного баса, Ратаган, и от наших рассуждений. Оставим его попечению сиделки. — Тут он приветливо улыбнулся Мадре.

Они ушли. У двери остался один Айса. Ривен поймал его взгляд.

— Спасибо, Айса.

— Я просто исполнил свой долг, — отозвался миркан, — и напомнил моим сородичам об их долге. Мне препоручена твоя жизнь. Тебе — наш мир. Храни его так, как должно, как я храню твою жизнь. Большого мне не нужно. — Он вышел, чтобы занять свой привычный пост у двери.

Ривен лежал, стараясь не шевелиться. Голова разболелась. Рядом — теплое дыхание Мадры. Ривен слушал, как свищет ветер в стропилах, и смотрел на кружащийся за окном снег. Мадра пошла развести огонь. Ривен смотрел, как она заправляет за ухо непослушную прядь волос, встает на колени перед очагом, и образ ее вызывал перед мысленным взором его иные образы, хранящиеся в глубинах памяти. Темноволосая девушка-жена. Блики огня у нее на лице. Запах торфа, горящего в очаге зимней ночью. Грохот волн в скалах. Рев разыгравшейся бури.

Зима. Зима вернулась на Скай. И теперь вот явилась сюда — в Мингниш. Завеса, что отделяла их друг от друга, почти целиком истлела. Память и воображение не разделить — так они перемешались. Если он проваляется здесь еще несколько дней, эти люди погибнут. Он чувствовал это.

— Ратаган и я поедem с тобой, — сказал Байклин, — Айса тоже тебя не оставит. И, как мы уже говорили, возьмем с собой Тагана. Он лучше всех знает леса в этом Доле. Люб тоже хочет поехать. Еще раз взглянуть на северные горы, повидать напоследок родные места. Он

препоручил подготовку новобранцев Друиму и Юнишу. С нами поедут еще три стража на тот случай, если нам вдруг придется выбираться с боем из какого-нибудь затруднительного положения. Римир, Коррари и Дармид. Они сами вызвались. Видели, как ты сражаешься — были с тобой на крепостной стене. Итого, получается, девять. Вполне достаточно, я так считаю. А ты что думаешь?

— Пожалуй, — ответил Ривен уклончиво, хотя сам весь дрожал от нетерпения. — Как насчет лошадей?

— Раз уж нам важна скорость, мы отберем лучших в Доле, плюс еще два выючных мула под провизию и снаряжение. Зимнее снаряжение уже готовят, но все равно это будет нелегкое путешествие — при такой-то паршивой погоде.

Ривен кивнул. Отблески пламени плясали на стенах комнаты, на улице завывал ветер, швыряя снегом в оконное стекло. Снежная пелена затмевала свет дня. Ратаган сидел, развалился на стуле, и, скрестив руки, не сводил глаз с огня.

Байклин пихнул его локтем.

— Что-то ты подозрительно тих, не приболели ты, мой друг?

— Я заранее уже скорблю. — Отозвался тот. — Ибо предвижу в дороге нехватку медвяного зля, которого мне не придется прикончить. — Он специально гундосил, и вышло: «схватку с медведем, которого мне и придется прикончить».

Байклин усмехнулся.

— Не торопись предаваться печали. Путь наш лежит через крепости и города, кои славны

лучшими пивными в стране, и хотя мы не можем задерживаться там надолго, я уверен, мы выкроим время, чтоб утолить жажду, вызванную тяжелой дорогой через снега и льды.

Ратаган тут же расцвел.

— А я про то и забыл, в дремучем своем невежестве. Значит, не так все и плохо! — Он встал, едва не ударившись головой о притолоку. — Я буду, конечно, скучать по горящим каминам, теплым постелям и приветливым девицам... но лишать человека пива — это по-настоящему тяжелое испытание. — Он дружески треснул Байклина по спине, тот аж покачнулся. Потом гигант повернулся к Ривену. — Голова твоя выдержит?

— Выдержит. — И тут Ривен задал вопрос, который не давал ему покоя уже целый день: — А Мертах?

Ратаган помрачнел.

— Он останется в Раларте или в Карнахе, куда собирается после Рингила. Он не поедет с нами.

— Он все еще сомневается, куда ставить лапы?

— Что-то вроде того, — ответил ему Ратаган. — Мертах вообще человек скрытный. Его трудно понять. Он всегда полагается лишь на себя и не слушает никого. Он считает, что ты ничего не найдешь в горах, кроме камня и снега, и хочет, чтоб ты вернулся обратно в свой мир.

— А вы? — Рыжебородый верзила внимательно поглядел на него.

— Я уже как-то раз говорил тебе, Майкл Ривен, во что я верю. Я верю в мужскую дружбу. Если б ты был убежден, что сумеешь помочь этому миру, встав на голову, то я подержал бы тебя за

ноги. Я считаю, что ты уже заслужил наше доверие... в то время, как Мертах...

— Считает тебя ненадежным, — закончил Байклин.

— И ему всегда... нравилась... Мадра, — добавил Ратаган.

Байклин поднялся.

— Мы пойдем. Тебе нужно поспать. Для этой поездки тебе понадобятся все силы, которые ты только сумеешь собрать.

Байклин вышел, а Ратаган на минуту задержался.

— Люди иной раз совершают глупости, — сказал он тихо, — вовсе не полагая их таковыми. И тут вряд ли чем можно помочь. Когда-нибудь мы все равно набиваем шишки, Ривен. Это довольно смешно и забавно до тех пор, пока сам не нарвешься. Я-то знаю. Жалеешь потом... но раскаяние — желчь жизни. — Он усмехнулся. — Мертах никогда по-настоящему не ушибался, поэтому он и не знает, что это такое. — С тем он и ушел, пожелав Ривену спокойной ночи и утра, которое было бы добрее ночи.

Они выехали через два дня — с площади перед Дворцом. В воздухе все еще чувствовался запах гари. Черные остовы выгоревших домов застыли под покрывалом снега. В развалинах копошились люди. Они работали здесь беспрестанно, — едва отгремела битва, — перебирали головешки, стараясь спасти то немногое, что осталось от их достояния. Куда ни глянь, на камнях мостовой валялись обгоревшие деревянные и закопченные металлические обломки.

Это я виноват, беспомощно терзался Ривен. Где бы он ни появлялся в этой стране, за ним по пятам следовало разрушение. Может быть, Брагад был прав. Быть может, действительно именно он, Ривен, погубит Мингниш. Но Брагад мертв. А Хью, интересно, по-прежнему сидит у себя в кабинете, наблюдает в окно за проезжающими машинами и курит свои вонючие сигареты? Почувствовал ли он хоть что-либо, когда здесь убили его двойника? Нет, лучше не заикливаться на этом.

Снег перестал. Небеса прояснились, но студеный, промозглый ветер так и гулял по Долу, и отъезжающие попрятали лица в теплые зимние шарфы. Лошади сосредоточенно нюхали землю, ожидая команды к выезду.

Ривен искал взглядом Мадру в толпе провожающих. Он не видел ее весь день и очень хотел попрощаться. Однако ее что-то не было видно. Варбутт даже не спустился во двор, чтобы пожелать сыну доброго пути, и Байклин сидел в седле молчаливый и мрачный, пряча лицо в высоко поднятом воротнике плаща, а дыхание его замерзало кристалликами льда на ткани.

Ратаган походил на большого медведя. Под седлом у него было могучее и огромное животное — этакая ломовая лошадь. Борода гиганта покрылась инеем и стала белой, как старческая седина.

Все остальные всадники из отряда — мирканы и стражи, — одеты были одинаково: укутаны в шерсть и овечьи шкуры, сверху — зимние плащи с двойной подкладкой, за спиной на седлах —

переметные сумки. Двое стражей, Дармид и Коррари, вели двух вьючных мулов.

Где-то в этих тюках лежала и одежда, в которой Ривен пришел в Мингниш; но о том, что он взял ее с собой, знал только Байклин.

Гвилламон вышел на крыльцо Дворца. В холоде дня он казался мрачным и раздраженным, но голубые глаза его были ярче и теплее, чем хмурое зимнее небо. Юдайн тоже вышел на площадь. Он выглядел сегодня моложе своего сына. Его супруга, Этирра, которую он держал под руку, походила на замерзшего скворца. Ее глаза покраснели, — должно быть, от слез, — но губы были сжаты. Ратаган старался не встречаться с ней взглядом.

Вышла и Мира. Она одиноко стояла посреди заснеженного двора, не сводя глаз с Байклина, который вновь оставлял ее. Прежде чем сесть на коня, он обнял ее и прошептал на ухо несколько слов, которые никто не сумел расслышать. Теперь она смотрела так, точно прощалась с ним навсегда.

— Погода вроде стала лучше, — сказал Гвилламон, глядя на небо. Он критически осмотрел отъезжающих. — Ничего не забыли?

— На три недели нам хватит, — ответил Байклин. — Три недели нам как раз и понадобятся, чтобы добраться до городов, а там мы уж подкупим себе все, что нужно. Надеюсь, мы без особого труда одолеем дорогу, если нам повезет с погодой.

Гвилламон повернулся к Ривену и протянул ему руку. Ривен молча пожал ее.

— Надеюсь, ты обрешь покой, — вот и все, что сказал ему старец, прежде чем вынуть руку из его ладони. — Благословение земли да пребудет

с вами. Пусть путь ваш будет гладок, а в конце его обретете вы то, что надеетесь обрести. В добрый путь. — Он вскинул руку в прощальном жесте, и все домочадцы последовали его примеру. В толпе Ривен разглядел Кольбана, — тот растерянно улыбался, — Данана, Орда и многих других, кого знал в лицо. Но Мадры там не было. С чувством обиды, к которому примешивалось раздражение, он прищипорил коня и поскакал следом за Байклином к воротам Рорима. Когда всадники выехали на открытое пространство, не загороженное домами, студеный ветер ударил им в лица. И вот они уже за пределами Круга — перед ними простирался Дол в бесконечной сверкающей белизне. С верхушек холмов ветер сдувал облака сухого, легкого снега. Ривен смотрел на скованные льдом вершины, вспоминая иные горы. Он гнался за тенью, но теперь он хотя бы имел представление, куда она уводит его.

Байклин посоветался с Таганом относительно их маршрута на север. Они, похоже, сошлись во мнениях, и Таган присоединился к своим товарищам-стражам. Байклин скакал впереди, за ним — Ратаган и Ривен, Айса и Люб, потом — Таган и Римир. Колонну замыкали Дармид с Коррари, ведущие за собой вьючных мулов. Всадники уткнулись носами в шарфы. Кони брели по колено в снегу, ветер трепал их гривы. Вскоре они, взяв направление на север, начали долгий подъем в предгорья. Копыта коней переворачивали камни, сокрытые под снегом, и на участках покруче всадникам приходилось проявлять осторожность и иногда вести коней в поводу. Ривен попытался было

отыскать тропу, но не сумел ничего разглядеть среди снега и обледеневших валунов.

Чем выше они поднимались, тем сильнее дул ветер. Прозрачная мантия льда покрывала скалы, с каменистых уступов свисали серые наледи. Под утесами и у валунов намело сугробы. Снег вился по склонам, точно дым, укутывал всадников и лошадей белым покрывалом, одевая брови их изморозью. Ривен пошевелил внутри сапог пальцами ног, чтобы они не окоченели от холода.

Наконец, путники выбрались на гребень плоскогорья. Местность немного выровнялась. Перед ними открылся вид на безграничный простор сверкающей белизны, простирающейся до самого северного горизонта — белое пространство невысоких холмов, подобных замерзшей в движении океанской зыби. Ветер трепал их плащи. Лошади шли, полузакрыв глаза. Еще и дня не прошло, а Ривен уже начал тосковать о пляшущем пламени очага и о мягкой постели. Копыта коней поднимали облачка снега; ветер тут же подхватывал их и уносил прочь.

Где-то около полудня они ненадолго остановились, чтобы дать отдохнуть лошадям. Морды животных покрылись ледяной коркой. Укрывшись с подветренной стороны невысокого холма, всадники попытались хоть как-то растереть и укрыть своих лошадей, чтобы те не замерзли совсем. Пообедали мясом и хлебом, который затвердел от мороза. Байклин запретил своим людям есть снег. Вода, которую они взяли с собой, не замерзла, потому что хранилась она в бурдюках, прикрепленных к лукам седел, и тепло, исходявшее от

коней, не давало ей превратиться в лед. Огня разжечь не смогли, и Ратаган мрачно предрек, что их ночная стоянка обещает быть вовсе нерадостной. Долго задерживаться путники не стали — на таком жутком холоде! — и отправились дальше в путь. Неужели так оно и будет все шесть недель? — не без содрогания подумал Ривен и вытер нос, размышляя о темноволосой девушке, которая, возможно, бродит, босая, среди снегов. Но когда он попытался вспомнить ее лицо, перед мысленным взором его возникло лицо Мадры. Ее застенчивые глаза под черными бровями.

День близился к вечеру, и Таган поехал вперед, чтобы подыскать подходящее место для ночлега. Он не раз уезжал вперед в течение дня, а также в стороны, хотя Ривен даже представить себе не мог, что кто-то будет преследовать их в такую погоду. Наконец, всадники остановились у скопления валунов, в чахлах зарослях терновника. Крутой склон холма укрывал рощицу от ветра. Пока Ратаган, чертыхаясь и матерясь, пытался развести костер, все остальные принялись растирать лошадей и собирать хворост. Наконец язычок пламени соскочил с трута, и огонь охватил сухие завитки вереска. Когда пламя как следует разгорелось, в дело пошел и отсыревший хворост. Костер запылал на славу, к несказанному облегчению путников, сгрудившихся вокруг огня. Они расстелили свои дорожные пледы на земле и расселись вокруг огня. Не повезло только Римиру, которому досталось первому заступать в караул.

— Так сколько мы прошли сегодня? — спросил Ратаган, зевая во весь рот.

— Маловато. — Байклин подбросил в огонь хворосту. — Дальше местность уже ровнее, так что завтра пойдем побыстрее, а послезавтра уже выберемся на равнину.

— А потом? — спросил Ривен.

— Потом спустимся в Большой Дол и пойдем вдоль Великой реки вплоть до самого Талскера.

— Далековато. — Ратаган снова зевнул. — Таган говорит, кто-то за нами идет. — Все устали на Ратагана, потом — на Тагана, который сидел, закутавшись в овечьи шкуры, и только пощипывал бороду своей загорелой рукой.

— Кто или что? — спросил Коррари. Отблески пламени сверкали в его рыжих волосах.

Таган пожал плечами.

— Не могу сказать наверняка. Но что-то там есть, в вересковых пустошах. За нами следят — это точно. Я чувствую чей-то взгляд.

— Может быть, стоит вернуться и устроить засаду, — предложил Дармид, такой же огненно-рыжий, как и его брат.

Таган покачал головой.

— Еще ничего не известно. У меня просто такое чувство... Охотничье чутье. Дайте мне сначала удостовериться, а потом уже можно и возвращаться. А то все же жалко проделанного пути.

— Мудрая речь, — отозвался Байклин. — Мне бы совсем не хотелось терять понапрасну время, если можно этого избежать. — Он подвинул котелок, над которым поднимался пар, поближе к огню. — Даже если все ныне здравствующие Снежные Исполины идут за мной по пятам, я все равно с места не сдвинусь, потому что мне

необходимо поесть горячего, иначе я просто заледею.

Они разделили между собой густую похлебку и принялись есть, макая в нее хлеб и облизывая пальцы. Ривен уже начал чувствовать уши и пальцы ног, которые постепенно отогревались.

— И это называется лето, — пробормотал он себе под нос.

Покончив с ужином, они разлеглись у огня, но заснуть никак не удавалось. Все же они согрелись и лежали теперь в затишке, слушая скорбные песни ветра. Лошади постоянно переминались с ноги на ногу. Кустарник, шумя ветвями, гнулся под ветром. Холод, исходивший от мерзлой земли, потихоньку просачивался сквозь плед, служивший Ривену постелью. Спина замерзла, и он подвинулся ближе к огню, мучась ноющей болью в костях и прикидывая, через сколько часов ему заступать на дежурство. Он устал, но сон никак не шел. Должно быть, это подкрадывающийся сзади холод его отгонял, хотя жар от костра опалял Ривену лицо.

Но сон все же пришел — незаметно. Люб разбудил его, сообщив, что пора заступать в караул и что потом будет очередь Коррари. Ривен с трудом выбрался из-под пледа, и холод тут же вцепился в него. Весь дрожа, он нацепил меч и занял свой пост. Одиночество и студеная тьма угнетали его. Ветер поутих, и в вышине показались звезды.

Вслушиваясь в тишину снежных просторов, Ривен принялся ходить взад-вперед в круге света, льющегося от костра.

И вдруг он услышался хруст снежного наста во тьме.

Не волки. На этот раз — нет.

Зябко ежась, к нему приблизилась невысокая человеческая фигура. Закутанная в шкуры и обутая в высокие сапоги. Ривен вынул из ножен меч и наблюдал за ее приближением. Человек этот еле шел, и в нем было что-то знакомое. В тени блеснули глаза. Потом капюшон упал, открывая лицо, и Ривен увидел, что это — женщина с посиневшими от холода губами. Она рванулась к Ривену и упала ему на руки. Меч его соскользнул на землю.

— Мать Божья! Мадра, что ты здесь делаешь?

Ее била неудержимая дрожь. Он помог ей присесть у костра и закутал ее в свой плед. Она не отпускала Ривена, вцепившись в него обеими руками.

— Обними меня, — прошептала она. Он попытался согреть ее, чтобы остановить эту жуткую дрожь. Она так и не разжала своих объятий, но теперь они уже не были такими отчаянными. Дрожь утихла. Он глядел на нее в свете костра. Никто не проснулся.

— Ты пошла за нами, — сказал он тихим шепотом.

Она кивнула.

— Я взяла тайком лошадь и кое-что из снаряжения, и шла за вами на расстоянии.

— Но почему?

— Я хотела быть рядом с тобой, поехать с тобой в горы.

— Ты с ума сошла. Из-за тебя нам придется теперь возвращаться в Рорим.

— Нет. — Лицо ее так и пылало, но голос был тих. — Обратно я не вернусь. Все равно я сбегу еще раз, и еще... пока ты не позволишь поехать с тобой.

— Я ничего не решаю — надо спросить у Байклина. Ты вообще представляешь себе, сколько нам ехать?

— А ты? Ты же вообще ничего тут не знаешь. Он замолчал, отступив перед ее упорством, может быть, и потому еще, что его поразила ее любовь.

— Где твоя лошадь? — спросил он наконец.

— Там, за холмом. Мне, пожалуй, надо бы привести ее. А то она у меня захромала, а здесь могут быть волки.

— Нет, ты сиди. Я сейчас разбужу Коррари. Он все сделает. А ты грейся у костра.

— Я уже согрелась, — при этом слабая улыбка мелькнула на ее губах.

Утром, когда Байклин узнал о неожиданном прибавлении к их компании, он пришел в самое мрачное расположение духа. И рассердился ужасно. Зато Ратаган был очень доволен. Они даже поспорили. Таган обрадовался, что его подозрения нашли такое мирное разрешение. Мирканы хранили непроницаемое молчание, стражи сомневались. Но когда они снова отправились в путь, их уже было десять — не девять, — и у Ривена появилась попутчица, скачущая рядом с ним. Байклин продолжал хмуриться и что-то тихонько бормотал себе под нос, но в тот день они продвигались гораздо быстрее. Ветра не было,

солнце даже припекало. Теперь всадники больше не кутали лица в шарфы и могли наслаждаться чудесными видами. В пронизанном солнечным светом воздухе от лошадей валил пар.

Ратаган поднял лицо к солнцу.

— Вот это уже похоже на хорошую погоду. Хорошо, если бы она продолжалась подольше.

— Завтра начнем спуск в Большой Дол, — крикнул спереди Байклин. — Там уже будет потеплее, а если нам повезет, то и дорога полегче.

— И, может быть, попадется пивная... дабы приятнее было ехать, — добавил Ратаган и принялся что-то мурлыкать себе под нос.

Нападение случилось так неожиданно, что Ривен даже толком не успел испугаться. Сердце екнуло — серые твари ринулись на всадников, выскочив из-за прикрытия валунов. Лошадь Байклина попятилась, и он крикнул:

— Гриффеш!

В одно мгновение все смешалось. Злобные звери окружили лошадей. Объятые ужасом животные взбрыкивали и ржали. Все силы Ривена уходили теперь на то, чтоб удержаться в седле. Первыми спешились Люб и Айса, и Ривен услышал знакомый свист и треск посохов мирканов. Мадра вцепилась в поводья, пытаясь не выронить их. Ее волосы разметались по плечам. А потом перед Ривеном возникла разверстая пасть — словно какой-то ночной кошмар. Второй уже раз он оказался лицом к лицу с гриффешем. Одним мощным ударом клыка зверь вспорол его штанину. Лошадь бешено завертелась на месте, но гриффеш вцепился крепко — когти одной его

лапы рвали кожу седла, вторая вонзилась в икру Ривена. Он попытался дотянуться до меча, но не смог. Глаза зверя сверкнули, и Ривен почувствовал, как его острые зубы впились ему в ногу. Он уже начал терять сознание, но тут откуда ни возьмись появился Айса и разmozжил разъяренной твари голову. Та лишь пронзительно взвизгнула; тяжелое серое тело упало на землю и перевернулось под копытами лошади Ривена. Почти все всадники уже спешили и отчаянно сражались со стайей зверей. Ривен соскочил с седла и едва при этом не упал, но наконец-то ему удалось вытащить меч из ножен. Айса был тут же, рядом, и крушил все вокруг боевым посохом, давая выход своей ярости. Вцепившись левой рукой в поводья, Ривен махал мечом, нанеся несколько сильных и точных ударов.

Внезапно твари обратились в бегство и исчезли так же стремительно, как и появились. Стая рассеялась и растворилась в лабиринте валунов и расселин чуть выше по склону. Камни из-под их лап с грохотом сыпались вниз. На поле сражения осталось около дюжины трупов гриффешей.

Всадники кое-как успокоили лошадей. На боках и животах у некоторых из них зияли глубокие царапины. Ривен осмотрел свою ногу. Сапог был разорван полностью, словно он был сшит из тонкой бумаги, икра лишь поцарапана. Ему стало как-то не по себе, когда он вспомнил этих мерзкий тварей... так близко... Его замутило.

Байклин сел в седло. Стражи тут же последовали его примеру.

— Поторапливайтесь! — крикнул он. — Они

скоро вернутся, и их будет больше. Мы должны спешить, чтобы спуститься в долину засветло.

Все тут же расселись по коням и, не теряя времени, двинулись следом за ним. Вниз по склону, — галопом, — туда, где холмы расступались и среди снега виднелись проталины. Лошадям, как и всадникам их, не терпелось скорее убраться подальше от места схватки. Снег так и летел из-под копыт.

— Посмотрите туда, на вершины по левую руку! — крикнул Коррари.

Там что-то двигалось среди скал. Какая-то серая колышащаяся масса. Всадники пришпорили лошадей.

Пошел снег, опускаясь белыми хлопьями на землю, ложась на ресницы. Всадники спешили и повели лошадей под уздцы. Люб с Ратаганом прикрывали тылы. Местность здесь была поровнее, валунов — меньше. Байклин прикинул, что от места нападения зверей их теперь отделяли примерно три мили. Его раненый гриффешем конь припадал на одну ногу, и Байклин объявил привал.

— Разобьем лагерь здесь, — устало вымолвил он. — Нужно поберечь лошадей, иначе нам не на чем будет ехать. Таган, Дармид, Коррари. Обойдите тут вокруг, осмотритесь. — Бородатый страж кивнул и ушел вместе со своими юными товарищами. Все остальные принялись расседлывать лошадей и разводили огонь. Снова поднялся ветер. Его завывания разносились по всей округе. Ривен попытался хоть как-то зашить свой сапог и штанину. Люб и Римир распаковали кусок парусины, пропитанный воском, и принялись сооружать что-то похожее на

навес, чтоб защититься от снегопада. Байклин обрабатывал раны у лошадей какой-то сильно пахнущей мазью, которую выковыривал из деревянной коробочки и втирал в кровоточащие царапины. Животные вздрагивали под его прикосновениями, но Айса крепко держал и поглаживал их, что-то ласково нашептывая им на ухо.

Мадра помогала Ратагану разводить огонь. Когда Ривен закончил возиться со своей изодранной одеждой, — вышло довольно посредственно, хотя сделать лучше в этих условиях было трудно, — он тоже принялся бродить вокруг лагеря, собирая хворост. Неподалеку от лагеря он набрел на пересохшее русло речки. Вдоль его берегов поднимались потемневшие остовы давно высохших деревьев. Ривен наломал добрую охапку ветвей и притащил ее в лагерь, свалив у костра. Мадра с Айсой присоединились к нему, и втроем они натаскали целую кучу сухих сучьев. Над землей сгущались сумерки. Снег повалил сплошной пеленой, погода ухудшилась. Когда они вернулись в лагерь с последней охапкой, Байклин сказал, чтобы больше они никуда не ходили, и втянул носом воздух. Он беспокоился — разведчики уже давно должны были вернуться. В этот раз развели костер побольше, чтобы во тьме указать им дорогу назад к лагерю. И еще для того, — подумал Ривен про себя, — чтоб отпугнуть стаи гриффешей, которые, вполне вероятно, преследуют их. Даже если вероятность нападения была невелика, все равно следует принять меры...

Вскоре в лагерь вернулись Таган и двое его

товарищей — все в снегу. Они отряхнулись перед огнем и укрылись под навесом.

— К югу отсюда есть следы, — сообщил Таган, растирая руки. — Но из-за снега мы не смогли пройти по ним так далеко, как хотелось бы. Небольшая стая. Голов, может быть, восемь. Но не те, с которыми мы сражались. По крайней мере еще одна стая шла по нашему следу. Этот буран, вполне вероятно, их остановит, но все равно сегодня ночью нам следует быть начеку.

Байклин кивнул.

— Дежурить будем по двое. Сейчас поужинаем и тогда уже распределим караулы.

Навес удерживал тепло костра. Стреноженные лошади, как и костер, давали путникам защиту от холодного ветра и излучали тепло. Под навесом было несколько тесновато, но зато теплее. Пока они расстилали свои плащи и пледы, Ратаган и Айса доставали съестные припасы для всего отряда. Мадра легла рядом с Ривеном, и он не стал возражать, когда она укутала их обоих одним пледом и теснее прижалась к нему.

С наступлением темноты снег повалил еще гуще, наметая сугробы вокруг их убежища и шипя на огне. Первыми в караул заступили Ратаган с Любом. Остальные лежали, прислушиваясь к шуму ветра, хлопающего парусиной. Мысли о стаях гриффшей, рыщущих где-то поблизости, не давали уснуть. Ратаган стоял, протянув руки к огню, — отблески пламени плясали на лезвии его топора, — и глядел куда-то в даль, где во тьме кружилась метель.

— Нелегкая будет ночь, — объявил он. — До

рассвета далеко. Надо бы скрасить досуг. Как насчет доброй истории? У кого-нибудь наверняка отыщется в запасе история, чтобы потешить честную компанию.

Никто не ответил. Гигант наклонился и подбросил в костер полено.

— Жалкие людишки.

— У меня есть история, — вызвался вдруг Льюб. В неверном свете костра лицо его, изборужденное морщинами, оставалось абсолютно непроницаемым.

— Это история о мирканах. О тех временах, когда они впервые пришли в Мингниш, чтобы служить людям Большого и малых Долов. — Он умолк на мгновение, вперив взгляд в огонь. — Мирканы, созданные из камня, вытесанного гномами и расколотого Исполином, поселились в широком доле Глен-аррика, в том самом месте, которое потом получило название Меркадол и называется так до сих пор. По всему Долу вплоть до границ той земли, что теперь именуют Дри-наном, выстроили мирканы свои дома, и главным их городом стал Дан Меркадол. Там они и жили, и жили в достатке, но одолело их беспокойство, ибо сказано было, что сотворил Всевышний мирканов и наделил их жизнью не спроста, но с определенной целью. И цель эта, говорили, как-то связана с самим сотворением их. С тем, как оно произошло. А были они — и есть — люди отважные, энергичные и бесстрашные. Но не для того они были созданы, чтобы пахать землю. Не стали они и великими охотниками. Лишь одно дело спорилось в их руках. Лишь одно славно у

них выходило — убийство. И вот порешили они, что пойдут они войском, и завоюют всю землю, и будут править ею; и в том усмотрели они свою миссию в мире. Но кое-кто усомнился, и один из них, Рол — великий воин и вождь — отверг то предубеждение, что толкало мирканов на кровавые тропы войны, ибо устал он от убийств и больше не хотел убивать. И вот он ушел в горы — к гномам, хранителям древней мудрости, чтоб поучиться у них уму-разуму.

И пришел Рол в Гресхорн, и бродил по ущельям, и поднимался к вершинам, и силы его были уже на исходе. Когда же стало ему совсем тяжело, лег он в снег и приготовился к смерти, ибо гномов он не отыскал, а возвращаться обратно к той жизни, которую вел когда-то, — жизни насилия и крови, — Рол не хотел. Однако случилось так, что гномы сами нашли его, привели в свои жилища, согрели и накормили, и спросили потом, зачем он пришел, ибо никто из смертных равнины не заходил еще так далеко в сердце гор. И тогда он спросил их, для чего были созданы мирканы, а гномы в ответ рассмеялись.

— Если бы мы это знали, мы бы узнали тогда и то, для чего сами живем на свете, и раскрыли бы тайну, что стоит за самой жизнью, — так сказали они. — Но никому из живущих на земле не дано это знать.

Тогда в отчаянии Рол спросил, что может сделать он для людей, кроме того, чтобы убивать.

И вновь рассмеялись они.

— Не нам отвечать на вопрос твой. Ибо ты уже знаешь ответ. К чему было так далеко ходить,

чтобы его получить? Загляни лучше в себя. Посмотри, что тебе было дано, и воспользуйся даром сим мудро.

С тем они и оставили его.

И пошел он назад к своему народу, и немало трудностей встретил он на своем пути. А когда пришел он в Меркадол, то сказал мирканам, чтобы те больше не убивали людей, что не стоит пытаться сорвать тот плод, которой и так уже в их руках. И сказал он им, чтобы шли они к людям Мингниша и предложили им службу свою, дабы хранить его, а не покорять; ибо человеку и нужно всего-то земли, что с могильный холм. Мирканы послушали Рола. И пошли они по земле предлагать службу свою — защищать Мингниш от лютых зверей и шаяк разбойников, что бесчинствовали иной раз на дорогах.

Встретили их сперва с подозрением и враждебностью. И не раз пришлось им доказывать силой оружия, что они в самом деле желают служить, а не править, защищать, а не губить. А кое-кто из баронов пытался и употребить их стремление во зло, заставляя их воевать за чужие земли и грабить добро. Но мирканы убили тех баронов и взамен прежних нашли других — лучших. Многие потеряли веру, прежде чем люди поверили им, что пришли они с миром, и лишь спустя годы, — в течение которых никто из мирканов не поднял меча супротив справедливых баронов и не попытался силой своей захватить власть над Большим и малыми Долами, — приняли их наконец. Было это спустя много лет после смерти Рола. Так стали мирканы стражами земли

и грозой для любого, кто попытается ей навредить, и каждое новое поколение их покидало родной Меркадол, дабы занять место тех, кто пал за Мингниш. Так мирканы нашли свое предназначение.

Костер затрещал. Ветер шуршал полотнищем навеса. Ривен чувствовал рядом тихое дыхание Мадры. Люб закончил свою историю.

И не история вовсе. Какая-то проповедь.

Вскоре Ривен задремал и спал без сновидений. Перед рассветом он тихонько освободился от теплых объятий Мадры и заступил в караул вместе с Байклином. К утру снегопад прекратился, небо начало проясняться. Над белым безмолвным пейзажем неясно очерченных холмов и лощин разлился дневной свет. Звезды померкли.

— Вопреки опасениям, ночь выдалась спокойной, — сказал Байклин, не сводя глаз с пологой широкой долины, по которой струилась река. — Сегодня мы уже выберемся из холмов и пойдем по местам, где живут люди.

— А гриффеша не пойдут за нами?

Смуглолицый покачал головой.

— Они, скорее всего, потеряли наш след во вчерашнем буране. Вот если бы нас преследовали Снежные Исполины, тогда нам действительно пришлось бы туго. Такая погода как раз по ним. Гриффеша, как и люди, обычно прячутся по своим берлогам, чтоб переждать непогоду.

Первый солнечный луч, скользнув по снежной равнине, прогнал тени с их лиц.

— Еще столько идти, — пробормотал Ривен себе под нос. Но Байклин услышал его.

— Ты же вроде сам туда рвался? Что, пропало желание?

— Не знаю. Желание было.

— Быть может, не только мирканы ищут свое предназначение.

Ривен безрадостно рассмеялся и вспомнил прощальные слова Гвилламона. «Надеюсь, ты обрешь покой». — Я ничего не ищу; ничего мне не нужно, — сказал он, может быть, слишком резко, хотя теперь уже не был уверен в том, что сказал правду. Он отогнал мысль о девушке, что спала под навесом.

Они снова пустились в путь. Солнце слепило глаза. Лошади вроде бы пришли в себя, но всадники все же пока не торопили их — снег был слишком глубок. Стало почти тепло, и Ривен даже снял плащ. Куда ни глянь — везде расстилался однообразный равнинный пейзаж вересковых пустошей и лугов, и Ривен полностью отдался во власть заведенному распорядку попеременно сменяющих друг друга езды, отдыха, трапез и сна.

Прошло три дня. Не было никаких признаков погони. Ноги и поясница у Ривена больше уже не болели от долгого сидения в седле, и он без труда засыпал на жесткой земле. Таган разведет всю округу к северу, но никого не нашел: ни людей, ни зверей. То и дело дорогу им перебежали зайцы, двух проводник подстрелил на жаркое. Иногда доносились вскрики канюков. Вот и вся живность.

Они проехали мимо пределов Рорима Карнаха. Один раз Таган даже видел издалека их дозор, но те не заметили всадников. Здесь уже не было

снега, лед не сковывал ручейки, попадавшие у них на пути. Здесь, на равнине, эта неестественная зима отступила.

С тех пор, как отряд покинул Рорим Раларта, прошло уже десять дней. Впереди показалась сверкающая расплавленным серебром лента реки. Байклин, довольный, приложил козырьком руку к глазам и придержал коня, вглядываясь в пейзаж, простирающийся на север.

— Великая река. Мы продвигались с хорошою скоростью. К вечеру выйдем к ней и уже завтра направимся вдоль берега на север. — Он улыбнулся Ратагану. — И скоро твой красный нос почует запах пивных, мой истомившийся жаждой друг.

— Ну, наконец! — отозвался гигант. — А то моя бедная утроба никак не хочет мириться с таким нищенским прозябанием.

До них доносилось журчание бегущей воды. На южных склонах пригорков даже зеленела трава, и Ривен однажды слышал пение жаворонков, заливающихся высоко в поднебесье.

— Похоже, зиму мы миновали, — Таган обернулся в седле, окинул взглядом белые безмолвные холмы, с которых они спустились, и покачал головой. — В странные времена мы живем.

— Когда придет настоящая зима, тут уж настанут не странные времена, а постные. — Коррари сплюнул через плечо.

Вечером путники разбили лагерь на берегу реки. Снега здесь не было. Лучи заходящего солнца поблескивали на воде, пока оно, наконец, не

опустилось в алое нагромождение облаков. Льюб долго смотрел на закат.

— Завтра будет хороший день. Снега не будет. Нам, похоже, вернули лето. — Он бросил задумчивый взгляд на Ривена и принялся расседлывать свою лошадь.

— Чему я несказанно рад, — объявил Ратаган. — Снег хорош для ребятишек, но в моем возрасте уже он далеко не так привлекателен.

— Да ты и сам далеко не милашка, — рассмеялся Байклин.

— От уroda слышу, — пробурчал тот.

Река — шириной почти в полмили — быстро и ровно несла свои воды, обтекая острова, кишачие птицей. Расстилая плащи и пледы, Ривен мельком заметил голубой росчерк полета зимородка и на секунду вернулся в тот, другой мир. Воспоминание о креслах-каталках и одетых в белое фигурах отозвалось в его душе болью.

Даже в сумерках было еще светло. Последний луч солнца помедлил, запутавшись в облаках у самой кромки горизонта, не желая гаснуть. Путники расселись вокруг костра, отпустив лошадей пастись под присмотром Римира и Дармида. Под треск костра и бульканье котелка они слушали пение птиц в камышах, узкой лентой тянувшихся вдоль берегов реки. Небо оставалось ясным. От реки поднимался туман. Мирканы привели лошадей и стреножили их, а Ривен и Ратаган принесли хворосту для костра. Потом все разлеглись вокруг костра, точно спицы вокруг ступицы колеса, и молча лежали, слушая плеск воды и голоса птиц, пока сон не сморил их.

Проснувшись утром, Ривен долго лежал в полудреме, закрыв глаза, вслушиваясь в журчание речной струи, и на мгновение ему показалось, что он слышит тихий плеск волн за стенами домика на морском берегу. Он открыл глаза. Первые лучи солнца ослепили его. Байклин и мирканы уже проснулись и готовили завтрак. Под меховым пледом было тепло, даже жарко. Мадра сняла почти все из своей зимней одежды, и Ривен теперь ощущал плавные линии ее тела. Он прикоснулся рукой к ее груди под тканью платья, нашел сосок и принялся ласково гладить его, пока тот не затвердел, а она не зашевелилась во сне. Пристыженный, Ривен выбрался из постели и пошел к воде — туда, где среди прибрежных камышей был широкий просвет. Он долго смотрел на неспешно текущую воду. Зеркало реки отражало его бородатое лицо. Он встал на колени и окунул голову. Ледяная вода обожгла лицо.

Они снова отправились в путь. Теперь — вдоль реки. Над землей разгоралось утро. Птицы вспархивали в воздух из-под лошадиных копыт. Великая река неспешно несла свои воды через луга, расцвеченные лютиками и подснежниками, испещренные в распадках грязными пятнами талого снега. Там и сям вдоль берегов реки стали появляться рощицы — ольха и береза, — стволы деревьев утопали в зарослях папоротника и шиповника. Роса на их листьях искрилась под солнцем. Под кронами пролегли тени. В воздухе кружила мошкара.

— Смотрите-ка! — Коррари вдруг вскинул руку в указующем жесте. Взгляды всех обратились к

черной точке на глади воды. Прищурившись, путешественники смогли различить очертания баржи посередине реки. Она приближалась. Широкая баржа с низкой палубой. Два ряда гребцов по бортам двигали ее вверх по течению мимо островов. На таком расстоянии их голоса были едва различимы. Но зато стало отчетливо видно, что они машут руками, заметив всадников. Высокий смуглый мужчина ходил по палубе взад-вперед, отдавая команды гребцам и рулевому. Баржа повернула к берегу. Байклин резко натянул поводья. Остальные тут же последовали его примеру. Мирканы достали свои боевые посохи.

— Речные торговцы, — сказал Ратаган. — Не пираты. Наверное, идут в Талскер.

Весла поблескивали на солнце, им вторили солнечные зайчики на воде. Баржа причалила к берегу, глухо ударившись о прибрежную отмель. Люди повыскакивали на песок, чтобы закрепить ее. Человек в высоких сапогах, отдававший команды, перепрыгнул через борт в серебряном всплеске брызг, за ним последовали еще двое. В приветственном жесте он поднял над головой раскрытую ладонь.

— Приветствую вас, попутчики! Приятно встретить людей в дороге в такой замечательный день. Финнан мое имя. А это — моя команда, мое судно и товары. — Он учтиво поклонился. Высокий, выше Ратагана, хотя и вдвое уже его в плечах. Золотистые, коротко постриженные волосы — солнце окрасило их в цвет пламени. Чуть темнее волос — тонкие усы над верхней губой. Видавшее виды кожаное одеяние, расшитое алой и желтой нитью. На

бедре — тонкая шпага. Двое молодцов у него за спиной. Загорелые, коротко постриженные. Их обнаженные руки покраснели от солнца, к мокрым босым ногам прилипла речная грязь. Они пристально осмотрели отряд, взгляды их на мгновение задержались на суровых лицах мирканов.

— Мы направляемся в Талскер, везем груз шкур и зерна, которое удалось спасти после того, как погода сыграла с нами такую злую шутку. Да не груз, а одно название. — Его открытая улыбка внушала доверие. Ривену он чем-то напомнил Байклина, когда тот впервые явился в домик у моря.

Байклин не слез с коня. Он лишь наклонился в седле и кивнул кормчему.

— Смотрю, снаряжение у вас для далекого путешествия, — продолжал Финнан, — вот я и подумал, а вы, часом, не направляетесь ли туда же?

— А у вас что, есть какие-то предложения? — уклончиво осведомился Байклин.

Финнан рассмеялся.

— Ну да, конечно. Мы можем помочь друг другу, если на то есть желание. Пассажиры прились бы мне весьма кстати, а то этот рейс выходит в убыток. И вам хорошо: по реке будет быстрее, да и лошадей побережете. До Талскера путь далек. А время сейчас тревожное. На реке все же поменьше хищных зверей, чем на суше. Что скажете?

— И сколько же ты берешь за провоз? — полюбопытствовал Ратаган.

— Немного. Я человек не жадный. Скажем, с каждого — по куску серебра размером с мизинец.

— И вправду, не жадный, — согласился Байклин. — Это щедрое предложение. Но с чего бы такая щедрость?

Финнан пожал плечами.

— Мне надоело уже толкать эту посудину по реке, рассказывая одни и те же истории и выслушивая их в ответ. Команда будет довольна — давно хотелось послушать новости из Долов.

— В самом деле? — взгляд Байклина вдруг сделался пристальным. — А что, за последнее время к вам сюда не поступало никаких новостей?

— Новостей много, да только все больше слухи. С вами, я вижу, стражи и мирканы. А кое-кто с виду — ну точно барон, однако сразу заметно: вам выпал нелегкий путь. И кони у вас все в рубцах. Я кое-что слышал о схватке, в которой миркан сражался с мирканом, и о больших переменах в Роримах на юге, и мне страсть как хочется узнать обо всем этом побольше. Для меня это даже дороже серебра. Я много думаю о положении дел в стране в эти странные времена, когда снег выпадает в разгаре лета и Исполины бродят среди холмов.

— И вы надеетесь, что мы сумеем удовлетворить ваше любопытство?

Финнан улыбнулся.

— Уверен в этом. У нас с собой есть пиво. Хорошо, знаете ли, скоротать вечерок за приятной беседой и кружкой доброго пива, когда все дневные дела закончены. Кое-кто говорит, это, мол, моя слабость. Но я бы скорее назвал это маленькой причудой, на которую всякий имеет право.

Ратаган громко расхохотался.

— Хорошо сказано, приятель. Что думаешь, Байклин? Принимаем мы предложение Финнана или пусть наши кони и дальше изнашивают копыта?

Байклин долго с затаенным недоверием смотрел на Финнана. Потом повернулся, чтобы справиться о мнении остальных.

— Кто-нибудь против?

Ответа не последовало, и он кивнул.

— Отлично, Финнан. Спускай трап, мы введем на борт лошадей. Ты получишь свое серебро и новости в обмен на то, что провезешь нас по реке до речных ворот Талскера. — Он протянул правую ладонь, и Финнан, шагнув вперед, хлопнул по ней рукой.

— Выгодная сделка и добрый пример для всех. Добро пожаловать на баржу, друзья мои.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Баржа была шириной в сорок футов и, как минимум, вдвое длиннее. На корме баржи располагалась большая приземистая будка в три стены, на крыше которой в шарнире был закреплен рычаг руля. Лошадей поместили в открытый трюм, наполовину заваленный тюками заготовленных шкур и мешками с зерном и покрытый сверху парусиновым навесом, чтоб защитить груз от дождя и снега. Под этим укрытием и спало большинство команды. Пассажиры Финнана сложили большую часть своего имущества в трюме. Стражи устроились тут же. Для остальных нашлось место в будке, потолок которой был настолько низок, что они постоянно ударялись о него головой. Команда состояла из двенадцати человек, которые в две смены гнули спину с рассвета до сумерек, приводя неповоротливое суденышко в движение — толкали его против течения веслами, а на мелководье — шестами.

Финнан остался верен своему слову, и как только стемнело и баржа пристала к берегу, а пассажиры вывели на берег лошадей и разложили костры, они получили обещанное пиво. Этим вечером в первый раз вдалеке — в Большом Доле — показались огни поселений, и Финнан принялся перечислять их во время ужина.

— Корриад, Бемнор, Драм-Ларад и, самый большой среди них, Конуэр. Когда-то это был славный город. Охотники с холмов приносили туда добытые шкуры зверей. Теперь торговля сошла на нет, как и все остальное. Тяжелые

времена наступили в стране, даже здесь, в Большом Доле. И до весны станет еще тяжелее, если она придет, когда следует. А если все будет так продолжаться и дальше, как в этом году, то, верно, среди зимы будет засуха, а снег выпадет, лишь когда подоспеет время снимать урожай. Чего уютно теперь можно ждать.

— Ты давно плаваешь по реке? — спросил его рыжий Дармид.

— Да уж порядочно. Так и земли всякие повидаешь, и не станешь притом кривоногим, как всадник, и не заработаешь себе плоскостопие, как пешеход. Река здесь спокойна. Тут, на своем долгом пути к морю, она становится тихой и неторопливой, как будто не хочет покидать страну, в которой родилась и где собирала свои воды. У реки есть чему поучиться.

Байклин подался вперед, вертя в руках кружку.

— А как прошел здесь этот год, в Большом Доле? А то я тут не был уже много месяцев.

Финнан не отрываясь глядел на Мадру, и Ривен подметил, что и она тоже глядит на него, подняв брови, ничуть не смущаясь под его напряженным взглядом. Купец усмехнулся и повернулся к Байклину.

— Деревни вниз по реке остались почти нетронутыми, но многие фермы у предгорий сейчас брошены, а их хозяева бежали, спасаясь от гриффешей и Исполинов, которые спускаются с гор, совсем обнаглев. Не во всех городах есть стражи, некому защищать округу, так что фермерам и пастухам приходится самим о себе заботиться, и, как я уже говорил, охота теперь пришла в полный упадок. Многие охотники убиты, те же,

кто еще не оставил своего ремесла, выходят на промысел большими отрядами, что означает плохую охоту... хотя и больше шансов остаться в живых.

— В Долах дела хуже,— заметил Ратаган. — Там дикие твари рыщут прямо под стенами крепостей и даже нападают на горожан.

Финнан уставился в свою кружку.

— Я слышал об этом. И даже больше. Не знаю только, что из этого правда. — Он бросил быстрый взгляд на двух хранящих молчание мирканов, но ни Айса, ни Льюб этого не заметили. Или сделали вид, что не заметили.

— Были некоторые разногласия, — нахмурившись, признался Байклин. — Были и столкновения, но теперь все улажено.

— Было сражение?

— Да. Погибло немало людей. Тремя западными Долами теперь управляет один властитель.

— Уж не тот ли, кого величают Варбуттом? — вскользя спросил Финнан.

Байклин пожал плечами.

— Может быть.

Финнан задумался.

— Великий правитель, если только молва правдива.

Байклин бросил на купца недоверчивый взгляд.

— Я слышал, так говорили о нем, — он встал. — Пойду посмотрю, как там лошади. — И он скрылся в темноте, где Римир и Коррари несли караул вместе с двумя матросами Финнана. Купец посмотрел ему вслед.

— Если не ошибаюсь, на плечах этого человека

лежит порядочный груз ответственности. Иначе как же тогда объяснить, что он даже не замечает такую прелестную женщину? — С тем он поднял тост за Мадру и, не отрываясь, осушил свою кружку. — С такой попутчицей всякий путь будет легким. — Он встал и потянулся. — Тоже пойду посмотрю, как там мой конь. — Он удалился в сторону реки, где у самого берега темнела баржа.

Ривен влил в себя остатки пива.

Не мое дело. Я никому ничего не должен.

Он посмотрел на Мадру. Она глядела в огонь, не замечая его.

На следующий день утро выдалось ясным и теплым. Лучи поднимающегося солнца рассеяли туман над водой. Ривен сидел на носу баржи и глядел на сверкающую воду. Неспешное движение наводило на мысли о вечном. Сверкающие весла и шесты были похожи на ножки какого-то корчащегося насекомого. Кое-где к реке выходили дома, сложенные из камня и укрытые дерном. Иной раз им встречались лодки. Теперь баржа плыла мимо длинной каменной стены, словно бы уходящей в бесконечность. Этот мир был реальным. И он, Ривен, вчера держал этот мир в объятиях. И магия этого мира проникла в него. Вот опять это слово — магия. Ривен криво усмехнулся. Что ж, слово не хуже любого другого. Итак, он — волшебник. В каком-то смысле. Он заставил лето смениться зимой и привел в этот мир двойников тех людей, которых он знал в том мире. Но было кое-что еще. Мингниш тоже заключал в себе магию. Отсюда и темноволосая девушка, которая не узнала его. Та, что бродила

по Скаю и Мингнишу и искала чего-то. И если Ривен вообразил Джиннет, то сама эта земля создала еще одно воплощение Дженни. Две женщины. Но сколько в каждой из них от Дженни — его жены?

И здесь — препятствие, глухая стена, перед которой он застывает в растерянности. На самом ли деле Дженни умерла? Обрела ли она покой, или какая-то часть ее и сейчас еще бродит по Мингнишу? Невыносимая, неразрешимая мысль...

Итак, он едет на север, в горы. И если он не разыщет там гномов, то поднимется на Сгарр Диг, а после этого вернется домой. Может быть, попытается придумать счастливый конец истории — для этого мира и его людей. Быть может, для них — если не для него самого — эта выдумка станет реальностью. Но прежде всего ему нужно позаботиться о том, чтобы жена его успокоилась с миром.

А пока принимай все, как есть. Наслаждайся поездкой.

Взгляд его невольно обратился к Мадре. Она сидела на крыше будки вместе с Финнаном, Байклином и Ратаганом. Лицо ее озарялось улыбкой. Кажется, она стала чаще улыбаться за эти последние дни?

Он заставил себя отвести взгляд и уставился на спины работающих матросов. Дармид и Коррари тоже взялись за шесты и старались теперь изо всех сил. Кольчуги стражей были свалены в кучу на нижней палубе.

Три дня они уже провели на реке. Тихие дни

— теплые, ясные — и прохладные ночи. Костры на берегу. Дозоры ночью. Ни разу не остановились они, чтоб перемолвиться словом с матросами проходящих мимо судов, хотя их баржа привлекала к себе любопытные взгляды. Очевидно, мирканов и стражей редко можно было повстречать в этих краях.

Вдоль реки, по обоим ее берегам, одна за другой тянулись деревни. Возле каждого дома лежали лодки и были развешены рыбацкие сети — для починки или просушки. Великая река служила торной дорогой и кормилицей для здешних городов и деревень.

Лошади наилучшим образом использовали время отдыха. Раны их затянулись. Они вновь раздобрили, резвясь у реки, когда их выводили на берег пастись.

Вечером четвертого дня баржа причалила к берегу, заросшему кустами ивняка и лещины, среди которых белели березы. Из болотистой почвы сочилась вода, на возвышениях росла густая трава. Путешественники выпустили лошадей пастись под присмотром Римира, Айсы и еще двух человек Финнана, потом нашли более или менее сухой участок земли и разбили лагерь — теперь это стало привычным делом. Весело запылали костры, котелки забурлили над огнем. Никто не сидел без дела: кто собирал хворост, кто таскал воду. Только Ривен бесцельно бродил меж деревьев неподалеку от лагеря.

— Я далеко не уйду, — покачал он головой на вопросительный взгляд Айсы. — Мне нужно побыть одному.

Он погладил теплую морду лошади, когда та потянулась, чтобы обнюхать его, и почесал у нее за ушами. Потом углубился в рощицу. Сумерки потихоньку сгущались. В просветах ветвей уже показались первые звезды. Ривен сел, прислонившись спиной к белому стволу березы, и подтянул колени к груди.

Просто я здесь слишком долго. И мне уже не хочется отсюда уходить, вот в чем проблема.

Позади зашелестела листва. И как бы ему ни хотелось побыть одному, он все равно улыбнулся, когда Мадра подсела к нему.

— Славная ночь, — проговорила она. — Скоро взойдет луна, а утром будет туман. — Она положила голову ему на плечо, и даже от этого легкого прикосновения в теле его шевельнулось желание — такое уже знакомое. Он чуть отодвинулся от нее, и ей пришлось поднять голову.

— Почему? — глухо спросила она.

Почему? Потому что есть женщина, которую я люблю, и которая, может быть, где-то здесь, и сердце ее еще бьется.

Он ничего не сказал ей.

— Финнан спрашивал, невеста я тебе или нет. — В первый раз он взглянул на нее и увидел слезы на щеках, блестевшие в свете звезд. Он обнял ее и притянул к себе.

Хорош герой.

— Я не понимаю, чего ты хочешь.

Он закрыл глаза и прислонился лбом к холодному древесному стволу.

— Я больше уже ничего не хочу. Прости меня,

Мадра. Не надо тебе было связываться со мной. Я не хозяин себе.

— Разве мы не должны быть вместе?

— Нет, если хочешь, чтобы твой мир уцелел.

— Ты то удерживаешь меня, то вдруг отталкиваешь.

Он мысленно обругал себя последними словами.

— Я всего лишь никудышный дурак, нерешительный и ни на что не способный, который не в состоянии сделать то, что сделать необходимо. Прости меня.

— А что ты будешь делать в горах? Кого ты надеешься там встретить?

— Не знаю. Гномов. Мою... мою жену, может быть.

Она замерла и прошептала.

— Ты же мне говорил, что она умерла.

— Да, в моем мире, — проговорил Ривен медленно, безнадежно. — Но она здесь, в Мингнише. Я видел ее... здесь.

Мадра отпрянула.

— Как такое вообще может быть? Как она может здесь оказаться?

Руки Ривена упали, коснувшись прелой листвы, устилающей землю.

— Не знаю. Я не знаю, как все это происходит. Я этого не хотел.

— Как и я. — Голос ее звучал тихо, спокойно.

Долгое время они молчали. При свете луны ее глаза казались совсем черными. Волосы — как капюшон, под которым лицо ее было сокрыто в тени.

— А какая она была, твоя жена?

Вроде бы кто-то уже задавал ему этот вопрос — тысячу лет назад, в другом мире.

— Она была... в чем-то очень похожей на тебя. — Он наконец признал это. — Может быть, более дерзкой. Она ничего не боялась. — Именно это ее и убило. И еще — перетершийся трос, который он не удосужился заменить.

Мадра коснулась его лица, провела рукой по старым шрамам на лбу.

— Она умерла на твоих глазах?

«Майкл!»

— Да.

Она притянула его к себе и прижала к груди, целуя его нахмуренное лицо. Так целуют ребенка. Они просто лежали. Не шевелясь. Далеко у реки громко заржала лошадь. Потом вновь стало тихо.

Послышался шорох осторожных шагов в листве, негромкий, как стук капель дождя по опавшей листве. Ривен сел и тут же вскочил на ноги, увидев мерцание глаз и тени, скользящие за деревьями. Схватив Мадру за руку, он рывком поднял ее на ноги.

— Бежим!

Они бросились к лагерю. Ноги скользили по прелой листве. Топот погони раздавался все ближе и ближе, мешаясь с пронзительным визгом. Они петляли между древесных стволов — темные силуэты гриффешей стремительно неслись им вслед. Им уже не хватало дыхания.

Мадра споткнулась и упала лицом в перегной. И буквально через мгновение ее настигли преследователи. Один из них прыгнул. Вскрикнув, она

исчезла, погребенная под серой тушей. Ривен издал какой-то невнятный вопль и рывком выхватил меч из ножен. Он вонзил клинок в спину твари, и та, огрызнувшись, отскочила от Мадры. Но тут вдруг что-то тяжелое навалилось на него со спины, сбив его с ног, и Ривен ощутил у себя на лице смрадное дыхание зверя. Он перевернулся — острые когти полоснули его по ребрам. Он сжал меч обеими руками и направил свой удар вверх. Горячая темная жидкость брызнула на него. Он выбрался из-под корчащейся в предсмертных конвульсиях туши и бросился к Мадре, распугав тварей, рвущих когтями расprostертую на земле девушку. С какой-то маниакальной силой взмахнул он мечом и разрубил двух гриффешей одним ударом. Но другие тут же заняли место погибших. Ривен пришел в отчаяние — все бесполезно! — и закричал, призывая на помощь. Его клинок со свистом обрушивался на кровожадных тварей, с треском перерубая кости. Но гриффешей было слишком много, а под рубашкой — он чувствовал это — струилась кровь.

Среди деревьев показались люди. Где-то с полдюжины человек. Они спешили к нему на подмогу. И вот уже их клинки засверкали в свете луны. Посохи мирканов крушили черепа зверей. Ривен услышал голос Байклина.

— Отходим к барже, их слишком много!.- — Двое подняли Мадру и понесли ее, пока остальные, отступая, отбивали наскоки взбешенных гриффешей. Одолеть их было невозможно. Их становилось все больше и больше — тварей, визжащих от злобы, боли и ярости.

Они выбрались, наконец, из зарослей, и Ривен увидел, что открытое пространство, отделявшее кустарник от воды, так и кишит отвратительными хвостатыми, покрытыми серой шерстью зверями с горящими холодным огнем глазами. Точно вши, расползлись они по всему лагерю. Сражение теперь шло у самой баржи: несколько человек пытались столкнуть ее с отмели, пока остальные сдерживали натиск тварей, стоя по колено в воде. Лунный свет разбивался серебристыми брызгами о поднятую ими пену. У носа баржи плавали трупы, некоторых уже медленно относило вниз по течению. И среди них были не только гриффешы.

Круша все на своем пути, отряд Ривена прорубал себе дорогу к реке. Но звери так разъярились, что и не думали защищаться: они бросались прямо на мечи, тесня людей своей массой, пытаясь сбить их с ног. Внезапно рядом с Ривеном образовалось пустое пространство. Кто-то — в пылу схватки Ривен не увидел, кто, — вскрикнул вдруг и упал. Больше он не поднялся.

Поднимая ногами брызги, они побежали по отмели к барже, медленно отходившей от берега. Длинные шесты погружались в темную воду, пытаясь удержать ее на месте. Теперь вода доходила им до пояса. Приходилось барахтаться едва ли не наплаву. Ривен приподнял голову Мадры и поддерживал ее над водой. Некоторые гриффешы бросились в воду за ними. Глаза Ривену залила кровь и вода, и он почти ничего не видел. Но вот борт баржи приблизился, и Ривен приподнял Мадру из воды. Чьи-то руки подхватили ее, а сам

он вцепился в борт. У него уже не было сил забраться на палубу самому.

Острые зубы вонзились ему в ногу и рывком утащили под воду. Ривен задохнулся. Вода залилась ему в уши. Зубы зверя впились еще глубже. Его руки наткнулись на покрытое шерстью тело. Когтистые лапы остервенело терзали его. Ривен извернулся и пальцами обеих рук ткнул зверю в глаза. Грудь ожгло красным пламенем боли, но он услышал отвратительный захлебывающийся визг. Клыки зверя отпустили его, и он, вырвавшись на поверхность, принялся жадно хватать ртом воздух. Кто-то схватил его за воротник и потащил вверх. Ривен пытался освободиться, но сил уже не осталось. Его вытащили из воды на палубу. Он лежал, заходясь хриплым кашлем; над ним склонилось лицо Айсы — непроницаемое, как всегда.

Финнан выкрикивал приказания. Двое матросов шестами отводили баржу на середину реки, а все остальные мечами крушили тварей, пытавшихся вскарабкаться на борт. Ривен потерял свой меч в воде, но, схватив один из шестов с острым концом, принялся орудовать им как пикой. Гриффешей было много. Они выскакивали из воды, лезли на палубу с проворством крыс и набрасывались на людей. словно сбитый жук, баржа медленно поплыла вниз по течению, в то время как ее экипаж вел на палубе смертный бой. Люди валились с ног под тяжестью рвущих их тварей. Тот, кто падал за борт, находил свою смерть в водоворотах пенящейся воды. Ривену удалось вытащить нож из руки мертвого матроса. Он встал между Айсой и Дармидом, которые отчаянно

сражались, чтобы не дать нападавшим на них тварям добраться до Мадры, лежащей без движения на палубе. Посох миркана перебивал кости, дробил черепа и отбрасывал остервеневших гриффешей в реку, вертясь с такой быстротой, что его невозможно было разглядеть. Меч Дармида тоже собирал свою кровавую жатву. Ривен наносил удары ножом, но ножа в этой битве было явно недостаточно. Он отступил назад и бросил взгляд на Мадру. Ее изодранное платье пропиталось кровью, глаза были закрыты.

Дармид упал с разорванным горлом, погребенный под телом вцепившегося в него гриффеша. Ривен с размаху вонзил свой нож за ухо твари, и та застыла без движения. Он поднял меч Дармида и встретил следующего гриффеша отчаянным ударом, выпустив ему кишки. Теперь тварей стало поменьше, баржу вынесло на середину реки, и течение уносило ее вместе с плывущими следом гриффешами. Положение защищавшихся теперь было уже не таким безнадежным. Они медленно продвигались по палубе, тесня гриффешей, пока те не стали бросаться на стены будки, пытаясь забраться на крышу. На крыше Байклин с Финнаном прикончили последнего гриффеша. С громким всплеском его тело упало в воду, и река поглотила его. Сражение закончилось.

На палубе, в кормовой будке и в трюме валялись груды тел. Вся баржа была залита кровью. Раненые тихо стонали, покалеченный гриффеш, пронзительно визжа, корчился, пока один из матросов не добил его и не толкнул в воду. Ривен склонился над Мадрой, не зная, что делать.

Беспомощно он посмотрел на Айсу. Лицо миркана исказилось от душевной боли.

Перешагивая через тела, к ним подошел Ратаган в изодранной в клочья одежде.

— Она жива?

Ривен кивнул, не в состоянии ничего говорить. Он снял свою залитую кровью рубашку и завернул в нее девушку, убрав волосы с ее лица.

Судно внезапно обо что-то ударилось и накренилось. Со стороны кормы и левого борта донесся скрежет. Потом все стихло. Они подошли к борту и увидели, что баржу занесло на отмель у островка посреди реки. Течение здесь было быстрым, и засели они крепко.

— Я потерял половину команды, — сообщил Финнан. Отсветы костра мерцали на его суровом лице. Все с тем же каменным выражением лица он поднял прут и переломил его. — Я даже не знаю, хватит ли теперь мне людей, чтобы поднять баржу вверх по течению.

— Мы поможем, — сказал Байклин, — хотя наши люди тоже пострадали. Мы потеряли троих — Дармида, Римира и Тагана. Девушка серьезно ранена. Итого получается шесть, плюс твои восемь. Должно хватить.

— Потеряна большая часть снаряжения. И все ваши лошади тоже, — продолжал Финнан, как будто не слыша его. — Я вот только никак не пойму, с чего было им нападать на нас в таком количестве и с такой яростью. Даже вода их не остановила. С чего бы это?

Байклин пожал плечами, незаметно бросив взгляд на Ривена. Тот сидел рядом с Мадрой,

лежавшей на жалких остатках того, что когда-то было пледом. Раны ей перевязали кусками разорванного на полосы плаща. По другую сторону от нее с озабоченным видом сидел Ратаган. Мадра пришла в себя, но говорить не могла из-за глубокой раны на горле. Она молча улыбнулась Ривену. Для него ее улыбка была мучительна, как прощение предательства. Он молча сжал ее руку. Он не мог сейчас говорить. Ни с нею, ни с кем-то другим. Ощущение было такое, словно ему дали в руки лопату, чтобы он вырыл себе могилу. Так, наверное, и было.

— Далеко еще до Талскера? — спросил Финнана Байклин.

— Чуть больше недели пути. А теперь, может быть, и дольше. Учитывая обстоятельства.

— Слишком долго, — Байклин остановил свой взгляд на пламени, едва сдерживая ярость.

Они похоронили всех тех, кто полег на барже; но тех, кто погиб на суше или в воде, пришлось оставить, поскольку по берегу все еще рыскали гриффешы. Теперь всем из отряда Байклина пришлось взяться за шесты и весла. Нелегкая это была работа — толкать баржу вверх по течению. А для Ривена она вообще обернулась пыткой. Все тело ломило от боли, казалось, все его кости были перебиты. По вечерам, когда они приставали к берегу, он быстро ел, потом проводил время у изголовья Мадры и, как правило, тут же, рядом с ней, засыпал.

Они обычно бросали якорь у ближайшего из островков, которых было много на реке. Они больше уже не решались высадиться и разбить

лагерь на западном берегу, где напали на них гриффешы. Восточный берег Великой реки теперь не проявлял никаких признаков жизни, но густые заросли леса, протянувшегося вдоль воды, могли таить в себе любые сюрпризы. Впрочем, Байклину и Любу все равно приходилось высаживаться на восточном берегу, чтобы охотой пополнить запасы провизии. Все чаще и чаще им попадались оставленные дома, иногда — целые деревни. Заброшенные, обезлюдившие. В окрестных полях валялись гниющие туши задранного скота. Страна опустела — как вымерла; даже стервятники не кружились в небе.

Так миновала неделя. Окружающие пейзажи ни капельки не изменились. Раны Мадры потихоньку заживали, но она все еще не могла говорить. Оставшиеся от команды Финнана и отряда Ривена все так же упорно налегали на весла и шесты, и все эти дни тишину нарушали только плеск воды да вскрики диких птиц на островах. Стало теплее, и комары, выющиеся над водой, беспрестанно им досаждали. Они разводили дымовые костры, чтобы хоть как-то отогнать мошкар, но все равно все чесались от укусов.

На десятый день плавания вдалеке сквозь туманную дымку показался Талскер. Река, широко петляя, текла по Большому Долу. Поля, ее окружавшие, были обнесены изгородями. На высоком холме в излучине реки стоял город — нагромождение стен и зданий, лабиринт улиц; у подножия холма изгибалась река, и волны ее плескались у высоких крепостных стен. На самой вершине холма устремилась ввысь белая башня,

солнечные блики играли на ее металлических шпилях и бастionaх. Реку у городских стен бороздили лодки с людьми, заваленные всевозможным товаром. Даже на таком расстоянии слышен был шум торжища. По ветру плыл едва различимый смешанный запах жилья.

— Вот мы и на месте, — объявил Финнан. От прежней его веселости теперь не осталось и следа. — Это — речной рынок. Там можно купить все, что душе угодно, — от куска хлеба до жизни. Свои обязательства по сделке я выполнил, хотя и не думал, что мне это так дорого обойдется. Сразу за рынком — Речные ворота. Мы пройдем через них прямо к пристани. — Он поглядел на спящую Мадру. — А с ней вы что собираетесь делать?

— Нужно найти ей хорошего лекаря, — сказал Байклин. — В таком большом городе это, должно быть, несложно.

— Я знаю тут одного, — предложил Финнан, — если хотите, могу отвести вас к нему.

Вскоре они уже плыли мимо причаленных к берегу лодок и барж, на которых толклись люди. Множество лодок, уйма народу. Суда соединялись друг с другом канатами, образуя запутанный лабиринт из палуб и мостиков, — словно еще один город вырос на воде в тени Талскера. Горы товара, гул голосов... пьяные ссоры волной перекатывались от лодки к лодке, заканчиваясь, как правило, всплеском в мутной воде. Повсюду мелькали ярко покрашенные женщины, чью наготу прикрывал лишь переливающийся тонкий, прозрачный шелк. Приглашения и угрозы, голоса торгующихся и ругань вырывались из глоток

мужчин, женщин и оборванных ребятишек, смешиваясь с лаем собак, писком цыплят и криком мулов. На поверхности воды плавали клочки одежды, огрызки фруктов, гнилых овощей и другие остатки людской жизнедеятельности. В воздухе висел густой запах несвежего мяса, невымытых тел и тонкий аромат жгучих специй. Проглотить все это за раз — все равно что выпить залпом слишком крепкого вина. Насмотревшись на рыночную толчею, Ривен вновь повернулся к Мадре и отогнал от нее мух.

Каким-то неведомым образом Финнану удалось разобраться в этом запутанном лабиринте и провести свое судно по узким проходам в скоплении лодок к освещенной солнцем скале у городской стены. Рядом с громадой этой величественной скалы и стены речной рынок казался муравейником, где копошились в бессмысленной суете мелкие насекомые.

Перед ними открылась огромная темная арка над бухтой, и баржа вошла в ее тень. Под гулкими сводами арки плеск воды отдавался испуганным эхом, а блики света играли на стенах, словно шелк на ветру. Всплески от их весел эхом отскакивали от стен, а если кто произносил слово, то оно рокотало многократным отражением. В свалках у воды кишели крысы. Их негромкое повизгивание, словно насмешливое напоминание о гриффешах, заставляло вздрагивать путников.

А потом вода впереди зажглась бликами солнца — резкий свет ослепил их. Они вошли в широкий канал, что вел прямо к пристаням. Городские крыши поднимались высокими шпи-

лями по обеим сторонам канала, бросая на воду длинные тени. Здесь стояли крупные суда. Их уже можно было назвать кораблями. Канаты и тросы оплетали их мачты спутанной паутиной, и за них, как пауки, цеплялись фигурки людей. На каменных причалах были сложены грузы. Вновь донесся до их палубы сильный запах незнакомых специй. Раздавались крики чаек, что дрались за рыбу на набережной и кружили над мачтами кораблей, испещряя палубы пометом.

Финнан быстро отыскал свободное место у причальной стенки, и ралартцы помогли ослабленной команде Финнана поставить у нее баржу. Потом путники собрали то немногое, что осталось от их имущества. Льюб сошел на берег с Мадрой на руках, и стоял в ожидании остальных. Двое из команды остались приглядывать за скудным грузом, с остальными же Финнан расплатился тем серебром, которое Байклин отдал ему в уплату за проезд. Матросы разошлись по набережной, обмениваясь приветствиями и плепками по спине со старыми знакомыми. Под многочисленными удивленными взглядами Финнан повел всю честную компанию туда, где кончался порт и начинался крутой подъем к центру города. Мощенные камнем узкие улицы давно не видали метлы. Кюветы были завалены доверху дурно пахнущими отбросами. То и дело где-нибудь наверху распахивалось окно, и прямо на улицу выплескивалось содержимое помойных ведер. Путь по городу, таким образом, превращался в довольно рискованное предприятие. Не раз они наблюдали картину, как облитый с головы до ног прохожий выкрикивал

ругательства и угрозы в какое-нибудь открытое окно.

Город представлял собой лабиринт узких улочек, вдоль которых повсюду теснились пивные, лавки, кузнечные мастерские, публичные дома и конторы ростовщиков. На перекрестках им часто попадались группы вооруженных людей. И каждый раз повторялось одно и то же: они начинали было подтрунивать над разношерстной компанией новоприбывших, но как-то сразу смолкали, заметив кушаки стражей и посохи мирканов, и принимались перешептываться друг с другом.

— Наемный сброд, — презрительно проговорил Финнан. — Их нанимают гуртом, чтоб охранять Нижний город.

Теперь они забрались еще выше. Здесь улицы были пошире и почище. Среди деревянных домов появлялись уже и каменные. Помои сверху здесь выплескивали реже. Показались таверны с намаляванными над дверьми вывесками и магазины с товарами, выставленными в витринах. Люди здесь были одеты получше, чем в Нижнем городе, но не менее любопытны. Наконец, Финнан остановился перед высоким каменным домом с вывеской над дверьми: змея, обвивающая посох.

Он глянул на Мадру. Она спала. Финнан повернулся к Байклину.

— Нам сюда. Фриний — мой друг. — Он как-то слишком уж нарочито подчеркнул последние слова. — Кое-кто в этом городе, скажем так, косо поглядывает на него. Говорят, что он — из Горнего народа... вроде, маг... в общем, большинство его недолюбливает. Однажды я остановил разбушевав-

шихся не на шутку соседей. Они пытались поджечь его дом. Так что он мне кое-чем обязан. Не знаю, что там у вас люди думают о таких, как он, но он ни разу не сделал еще ничего плохого ни единой живой душе. Я могу поручиться, он сделает все, от него зависящее, чтобы помочь девушке.

— Не все боятся Горнего народа, — тихо сказал Байклин. — И у меня нет причин сомневаться в тебе и в твоём друге.

Финнан кивнул, улыбнувшись, и постучал кулаком в дверь.

— Открывай, седобородый папаша. Это я, твой речной разбойник, решил тебя навестить!

По прошествии какого-то времени послышался скрежет засова, и дверь приотворилась. В щели появился блестящий черный глаз. Потом дверь распахнулась, и перед ними предстал смуглый старик невысокого роста с заостренной седой бородкой и черными, точно влажные агатовые камушки, глазами. Он широко улыбнулся, увидев Финнана, тоже расплывшегося в улыбке, и показал розовые, без единого зуба, десны.

— Мальчик мой, как я рад тебя видеть! Давай же, входи! — Тут он прищурился, разглядев остальных. — Да ты не один? Какие-нибудь неприятности, Финнан?

— Можно и так сказать, — вздохнул речной купец. — Нужна твоя помощь. Ты же врачуешь раны. У нас тут для тебя пациент.

Старичок отступил назад.

— Тем и живу. Проходи, и друзья твои пусть проходят.

Они вошли внутрь и направились следом за

Фринием через обшарпанную прихожую и еще одну дверь в большую комнату, ставни которой были прикрыты от солнца. В воздухе явственно ощущался запах аммиака и серы. В жаровне горел огонь. Вдоль стен тянулись полки с запыленными книгами. Стол завален бумагами и всякими банками-склянками. Поистершийся ковер покрывал каменный пол, в углу скалился человеческий череп. Ривен уже приготовился узреть крокодила, подвешенного к потолку, но с балок свисали лишь косы луковиц чеснока да пучки трав, названия которых он не знал. Их запах наполнял комнату, смешиваясь с запахами химикатов. У Ривена даже глаза заслезились. Он обвел взглядом ряды банок под книгами: в одной из них — человеческий глаз, который, казалось, пристально смотрел на Ривена, в другой — что-то похожее на человеческий эмбрион.

Льют положил Мадру на выцветшую красную кушетку. Она проснулась и в изумлении огляделась по сторонам. Ривен сел рядом и взял ее за руку, пока Финнан представлял хозяину пришедших и рассказывал о приключениях, которые выпали на их долю во время последнего рейса.

Старик покачал головой.

— Ну и времечко наступило! То ли еще будет! — Шаркая ногами, он подошел к Мадре. Прогнав Ривена, уселся на его место и принялся ощупывать тело девушки своими тонкими руками, покрытыми старческими пятнами. Один раз она вздрогнула от боли, но не проронила ни звука. Ни на кого не глядя, старик проговорил с неожиданной властью в голосе:

— Финнан, нагрей воды и нарви повязок. Посмотри там, на кухне. Всем остальным надо выйти. Нечего вам здесь толкаться. Давайте отсюда. Займитесь чем-нибудь дельным. Пропустите по рюмочке, почистите свое снаряжение. Ну!

Они вышли покорно, как стадо баранов, и направились следом за Финнаном в крошечную грязную кухню, где он вешал уже над очагом наполненный водой котелок.

— Забавный старый козел, — сказал купец, — но зато очень добрый, добрее всех в этом городе, вместе взятых. Так что вы не волнуйтесь. Большая в хороших руках.

— Вот и отлично, — отозвался Байклин. — Я тебе верю. Стало быть, будем ждать. — Он осмотрелся кругом. Внезапно рассмеялся. — Но только не здесь. Здесь и затылок-то почесать — не развернешься.

— Пива, — вдруг произнес Ратаган. — Пива! Ради всего святого. Я и забыл почти, что мы наконец-то добрались до места, где продается пиво. Никаких мучений больше. Мы пойдем сейчас и промочим пересохшие глотки. А то она у меня без смазки совсем растрескалась.

— Вниз по улице есть таверна. «Черный дрозд», — сказал Финнан. — Там очень даже приличный эль, и кабатчик еще ни разу меня не надул.

— Тогда мы пошли, — объявил Байклин.

— Я тут побуду, — тихо вымолвил Люб.

Все остальные выбрались из сумрачного дома лекаря на залитую солнцем улицу, радуясь возможности глотнуть уличного воздуха и ощутить

дуновение ветерка на лице. Они едва ли не бегом ринулись к кабаку, привлекая к себе изумленные взгляды прохожих. Но им было уже наплевать. Главное — они наконец-то покинули баржу и больше их не преследовал запах смерти, что держался на палубе со дня столкновения с гриффешами. Даже Ривен хохотал за компанию с остальными, когда они шумной толпой ввалились в таверну, — ту самую, что им посоветовал Финнан, — и Ратаган пожелал кабатчику доброго дня таким зычным басом, что заколыхались занавески на окнах. Вскоре они уже пинали стойку ногами, уткнувшись усами в холодное пиво. Лишь Коррари по-прежнему оставался подавлен, вспоминая своего брата, который лежит теперь в вырытой наскоро могиле на речном берегу, так далеко от своего Рорима. Меч Дармида он отдал Ривену взамен потерянного.

После первой кружки они заказали по второй и принялись разглядывать помещение. На удивление тихое место, хотя, может быть, их прибытие было слишком уж шумным. Местные завсегдатаи, сидящие, в основном, порознь, молча глазели на них. Кабатчик нервно тер полотенцем какую-то посудину.

Ратаган икнул и поднял свою кружку, приветствуя посетителей, знакомых и незнакомых. Айса — единственный, кто не пил. Он стоял рядом с Ривеном, задумчиво перебирая пальцами свой посох.

— Ну, вот мы и в Талскере, — объявил Ратаган, — в самом большом из северных городов и последнем на пути в горы. Что теперь, Байклин?

Смутлолицый отпил немного пива и провел пальцем по влажному боку кружки.

— Теперь начинается самая трудная часть пути.

— Горы, — пробормотал Ривен.

— А лошадей у нас нет, — добавил Коррари.

— Это не самое страшное. Все равно в горы Гресхорна особенно-то не поднимешься верхом, — успокоил его Байклин.

— И куда мы пойдем? — спросил Ривен.

— К Стэйру. Примерно три недели пути, если повезет с погодой. Во всяком случае, столько времени потребовалось мне, когда я ходил туда прошлой весной. Придется, правда, идти в обход, чтоб обогнуть самую крутую часть хребта. Сейчас там не пройти. Стало быть, выйдем из города через северные ворота и пересечем феода Армишира. Бароном там Квиринус. Он меня знает. Год назад я помогал в службе его мирканам. Там, если что, нам окажут помощь... — он нахмурился. — Хотя, несомненно, Квиринус начнет расспрашивать, что нам понадобилось в Гресхорне. Ум у него острый, что клинок меча, у барона Армишира.

Знакомые имена проносились в мозгу Ривена, пока он пытался сообразить, что здесь, в Мингнише, было реальным, своим, а что — вымыслом из его книг. Квиринус... имя звенело у него в голове. И тут он вспомнил красное вино, роскошные платья, лысую голову и глаза цвета гранита, омытого дождем. Резкий смех. Квиринус.

— Здесь много мирканов, в Талскере, — сказал он, то ли спрашивая, то ли утверждая.

Байклин посмотрел на него удивленно, потом кивнул.

— Талскер не так уж далеко от Меркадола, и к тому же — это самый крупный город в Мингнише. В городском гарнизоне сейчас числится пятьдесят мирканов под командованием Одхара, и в два раза больше — в окрестных поместьях. Талскеру есть чем похвалиться. У них тут, по меньшей мере, пять сотен стражей.

— В таком большом городе у них немало работы, — предположил Коррари, однако, похоже, слова Байклина произвели на него впечатление. Ривен заметил, как тот безотчетно коснулся своего кушака. Страж теперь был одет в простую кожаную куртку, почти все доспехи он потерял во время битвы, и сейчас они, верно, покоились на дне реки или ржавели среди трупов павших в сражении. Отряд походил теперь на группу затравленных беженцев, усталых, покрытых дорожной пылью. Только синие кушаки стражей да оружие, что было при них, отличали отряд от простого люда, бежавшего от мародеров. Да еще — присутствие мирканов.

— А кто здесь правитель? — спросил Коррари. — Я совсем ничего не знаю об этой стране, кроме того, что говорится в этих сказках про горы.

Байклин сделал хороший глоток пива.

— Городской Совет возглавляет герцог Годомар. Последнее слово практически всегда остается за ним, когда дело касается управления, хотя в Совете заседают люди не менее могущественные: Саффарак, Валентир и другие. Они возглавляют городские цеха и контролируют торговлю. Так что герцогу порой приходится идти с ними на компромисс, чтобы сохранить свою власть. Впро-

чем, у него более чем достаточно мирканов и стражей, чтобы держать в страхе своих сюзеренов из городских вождей. Так что они тут худо-бедно поддерживают относительный мир.

— Неплохо тут все устроено, я смотрю, — задумчиво проговорил Ратаган, отхлебнув пива.

Среди посетителей вновь завязались разговоры, хотя двое из сидевших в зале потихоньку поднялись и вышли, пока ралартцы беседовали промеж собой. Хозяин, однако, по-прежнему держался скованно и вид у него был испуганный, а когда Ратаган, скаля зубы, грохнул кружкой о стойку и потребовал снова наполнить ее, бедняга совсем разволновался.

— Какой-то ты нервный, друг мой, — обратился к нему ралартский верзила. — Зачем так волноваться? Мы не бандиты какие-нибудь. Просто люди, которые знают толк в добром пиве, и радуются, когда оно попадает в глотку.

Хозяин наполнил кружку из бочонка под стойкой. Когда он выпрямился, что-то отдаленно похожее на решимость появилось на багровом его лице.

— Вы ведь наемники, верно, сударь? И пришли сюда, чтобы присоединиться к Сергиусу?

Лицо Ратагана помрачнело, но Байклин положил руку ему на плечо.

— Ты когда-нибудь видел наемника-миркана? — спросил он, указав кивком на хмурящегося Айсу.

Хозяин с трудом сглотнул слюну.

— Я не хотел оскорбить вас, сударь. Поверьте. Просто в такие-то времена...

— Какие еще времена? — не сдержался Ривен. Внезапно он почувствовал себя бесконечно усталым. Пиво ударило ему в голову, заставив вспомнить о Мадре, которую они оставили в доме лекаря, и о долгом пути через горы, что ждал их впереди. Больше ему не хотелось уже никаких приключений.

Хозяин бросил взгляд на покрытые грязью остатки эмблемы Сказителя на груди у Ривена.

— Простите меня. Я вижу, вы пришли издалека, господа. — Голос его, наконец, перестал дрожать. — Просто мы с недоверием относимся к чужестранцам в эти тревожные дни, когда столько народу ищет убежища в стенах Талскера, и столько... наемников собираются под знамена Сергиуса, нравится это нашему герцогу или нет. Сейчас их так много в городе, а вы, я смотрю, вооружены... — он опять прикусил язык.

Байклин вздохнул и бросил на стойку несколько монет.

— Интриги. Политика. У нас и без этого много забот.

— Поговаривают, Горний народ спустился в Доли и напал на южные Роримы. А с ними пришли хищные горные твари, — доверительно прошептал кабатчик. — Ходят слухи, что Роримы захвачены.

Байклин и Ратаган склонились над стойкой. Интересные слухи.

— И кто говорит? — спросил Байклин.

Кабатчик не на шутку струхнул.

— Просто слухи, сударь... не более того. Какие-то люди, бежавшие с юга, принесли эту весть.

— Какие люди? — рявкнул Ратаган. Его рыжая борода топорщилась во все стороны.

— Не знаю. Благородные люди. Барон или леди. Ходят слухи, у герцога новая фаворитка... дама с юга. Я — человек маленький, я не знаю.

— Джиннет, — криво усмехнулся Байклин.

— Может быть, совпадение? — предположил Ратаган, но Смуглолицый покачал головой.

— Это она. Я уверен. Так что не стоит нам задерживаться в Талскере. Здесь для нас небезопасно. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Джиннет. Здесь. Ривен почему-то чувствовал, что все идет как надо. Что это важно для судьбы Мингниша — то, что подобие Дженни оказалось неожиданно-негаданно там же, где и они. Он вспомнил черный дым ее волос, карие глаза, плечи цвета слоновой кости. Вспомнил и поморщился. Такие мысли ни к чему хорошему не приведут.

Новая фаворитка.

Как ни странно, но эта мысль все еще задевала его, — мысль о том, что другие мужчины пользуются ее телом. Телом, которое он любил, которое принадлежало только ему. Что здесь покупается и продается то, что когда-то было отдано ему, Ривену, в дар. Беспценный дар.

Пусть здесь — другое...

Но неприятная мысль эта все равно не давала ему покоя.

Дверь таверны широко распахнулась, и в зал ввалилась группа людей в блестящих от дождя стальных шлемах и кольчугах под тяжелыми плащами. Они вели себя здесь как дома. Были небриты, многие — с бородой. Одеты в кожаные

или же шерстяные штаны с выступающими рубцами швов, закрытых тонкими полосками сыромятной кожи. Повывлезший мех украшал отвороты плащей и края шлемов. У каждого — повязка из черной с белой полосой материи на рукаве, вокруг шлема либо — вокруг рукояти меча.

— Вольная Братия, — шепнул кабатчик.

Вновь пришедшие разбрелись по таверне. Посетители шарахались, спеша убраться с их дороги. Никто пока еще не проронил ни слова, но Ривен заметил их откровенные оценивающие взгляды. Они словно прикидывали расклад сил. Могучие формы Ратагана, жилистую фигуру Байклина, длинный меч Коррари и посох Айсы. С минуту две группы пялились друг на друга — все так же молча. Наконец, один из солдат Вольной Братии шагнул вперед. Его черные волосы вились кудрями, выбиваясь из-под шлема и падая на глаза. Во рту не хватало переднего зуба.

— Кто вы и откуда будете? — хриплый голос его звучал резко. Ратаган весь напрягся, Айса с едва уловимой мрачной улыбкой приподнял свой посох, готовый отразить нападение.

Ответил Байклин:

— А кого это интересует?

Беззубый наемник нахмурился.

— Вопросы здесь задаю я. А ваше дело — отвечать. Еще раз спрашиваю, кто вы и откуда?

— А кто, интересно, дал тебе право докучать честным людям, мирно пьющим свое пиво? — рассудительно проговорил Ратаган, сжимая стальную кружку в кулаке и скаля зубы. — Не лучше ли будет и вам пропустить по кружечке, согреть

нутро, а там уже и потолкуем. По-дружески. Познакомимся, вместе выпьем. По-моему, так будет лучше, верно? — Внезапно он стиснул кулак и смял кружку как мягкую глину. Кабатчик попятился, стараясь убратся как можно дальше, насколько это вообще позволяла длина стойки.

Ривен начал понемногу выходить из себя. Мать твою, ну впрямь — Дикий Запад.

— Мы с юга, — сказал он, нарушая напряженную тишину. — Бежали от нашествия горных тварей. Сюда пришли искать убежища.

Предводитель наемников не сводил глаз с Ратагана.

— Откуда с юга?

Ривен переглянулся с Байклином. Смуглолицый едва заметно пожал плечами.

— Рорим Раларта.

Беззубый мрачно кивнул.

— Тогда вы пойдете с нами.

— Куда?

— Туда, куда мы поведем.

Ратаган швырнул смятую кружку ему под ноги. Та со звоном ударилась о каменный пол. Наемники отскочили. Гигант все еще улыбался, но в глазах его не было смеха.

— Как-то не слишком учтиво здесь встречают гостей, в вашем городе. Почему бы вот не объяснить, с какой такой радости мы должны идти с вами, куда и тому подобное. Растолковали бы нам, что да как, может быть, мы бы и договорились. Мы же все-таки приличные люди, не разбойники с большой дороги, вот и надо вести себя соответственно.

— Мы состоим на службе у городского Совета, — сказал предводитель наемников сдавленным голосом. — Мы следим за порядком в городе и проверяем всех подозрительных чужеземцев... и особенно тех, кто с юга, тем более — из южных Роримов. Чтобы знать, кто такие — откуда и зачем явились. Такое у нас предписание. Удовлетворены вы теперь?

— Почти целиком и полностью, — отозвался Байклин. — Теперь вы уже знаете, кто мы такие, так что можете идти. А мы останемся здесь и допьем свое пиво.

— Вы пойдете с нами.

Смуглолицый улыбнулся.

— Это вряд ли.

Наемник обвел их взглядом с головы до ног, увидел угрожающий блеск в глазах Айсы, потом оглянулся на своих людей. Их было пятеро и им, похоже, вовсе не нравилась перспектива схватки с мирканом и с этим притворно миролюбивым гигантом.

— Я вернусь, — прорычал разъяренный наемник. — И тогда мы посмотрим. — Он развернулся и вышел из зала, чеканя шаг. Его люди последовали за ним, не проронив ни слова.

Байклин вздохнул.

— Жизнь и так штука тяжелая, а тут еще пристают какие-то наемники... — Он обратился к компании. — Пора сматываться. Вернемся туда... где все наши. В сложившейся ситуации нам лучше не разделяться.

— Согласен. Похоже, на данный момент Тал-

скер — не самое подходящее место для таких, как мы, — отозвался Ратаган.

— И нам, как мне кажется, стоит потолковать с этим лекарем, другом Финнана, — сказал Байклин. — Пошли. — Он поднялся и вышел без лишних слов. Остальные встали и пошли за ним.

На улице было полно народу, и чтобы пройти, им приходилось расталкивать прохожих. В толпе кричали и размахивали руками, родители поднимали детей на плечи, чтобы их не задавили, кулаки молотили воздух, ремесленники размахивали своим инструментом, как будто оружием.

Им пришлось остановиться — стало совсем уже невозможно продираться сквозь эту давку. Они стояли, зажатые со всех сторон, вытягивая шеи, чтоб разглядеть, что послужило причиной такого столпотворения. Ратаган с высоты своего роста первым увидел все. Глаза его налились яростью.

— Что там? — спросил Ривен.

Ратаган глухо зарычал.

— Нечто такое, с чем, как я думал, люди этой страны покончили давным-давно. Скоро увидишь.

Освобождая проход, люди прижались к стенам домов. Люди в доспехах расталкивали зевак древками своих копий. То были наемники Вольной Братии с повязками из черной ткани с белой полосой. С ними — три стража в полном боевом облачении. Они, похоже, тут были за старших. Препоясанные черными с белым кушаками. С обнаженными мечами в руках.

Оборванная, еле волочащая ноги процессия двигалась вниз по улице. Голоса толпы слились

в единый гул. Полетели тухлые яйца, плевки орошали камни мостовой. Наемники пытались сдержать напирющую толпу. Ривен встал на цыпочки, пытаясь разглядеть, что же там происходит.

По улице вели группу людей. Даже не вели — гнали. Древки копий наемников подгоняли несчастных, чья одежда была изодрана в клочья, руки и ноги — в крови. Когда кто-то из них спотыкался, древки копий тыкались ему в ребра.

Среди них были мужчины и женщины. Женщины, полураздетые, хватались за оставшиеся лохмотья, тщетно стараясь прикрыться. Скалящийся наемник сорвал жалкие остатки одежды с одной молоденькой девушки и пинком сбил ее с ног. Толпа пришла в восторг, и наемникам вновь пришлось оттеснять назад тех, кто пытался нагнуться и дернуть ее за волосы. Она с трудом поднялась на ноги и, рыдая, пошла дальше, закрывая руками грудь.

— Что это?! — спросил пораженный Ривен.

Ратаган даже не посмотрел на него.

— Чистка, — его голос дрожал от гнева. — Снова выискали кого-то из Горнего народа и теперь выдворяют их из города.

Ривен помотал головой. Мир его книг был совсем не таким. Это — не та страна, которую он создал. Что-то здесь было не так. Не так, как должно быть. Ратаган весь дрожал от желания броситься в драку. Глаза под его топорщащимися бровями горели яростью. Руки судорожно сжимали рукоять топора.

— Ратаган, — предостерегающим тоном проговорил Байклин и положил руку ему на плечо.

Светловолосая девушка, споткнувшись, натолкнулась на одного из наемников. Тот пихнул ее так, что она покатилась по мостовой. Голова ее ударилась о камни. Наемник грязно выругался и занес уже ногу, чтобы пнуть девушку. Ривен невольно вздрогнул. Что-то в ее облике было знакомое.

— Ратаган! — предостерегающе закричал Байклин, но рыжебородый, рыча от гнева, уже бросился вперед.

Черт! Теперь мы действительно вляпались.

На лице Байклина появилось какое-то отчаянное выражение. Глаза Айсы горели от гнева, как прежде горели глаза Ратагана. Миркан выхватил посох и вскинул его, зажав в кулаке. Лицо Коррари было мертвенно бледным, глаза сверкали.

С ужасающим ревом рыжебородый гигант устремился вперед, распшвыривая людей у себя на пути, точно тряпичных кукол. Наемники еще и не поняли толком, что происходит, а Ратаган уже набросился на них.

Началась свалка. Толпа отпрянула, вопя и толкаясь. Ривена чуть не сбили с ног, но Айса его удержал. Воздух наполнился криками. Ривен с Байклином принялись яростно проталкиваться вперед. Айса и Коррари расчищали перед ними путь.

Они едва ли не прошли по телу наемника — шея его была свернута под каким-то невообразимым углом — и тут увидели Ратагана. Как могучая башня, возвышался гигант над конвоирами. В

одном кулаке он сжимал свой топор, в другом — меч наемника. Сверкая, как серебряные нити, оба клинка плели сеть кровавого опустошения. Тела поверженных наемников уже покрывали землю у ног Ратагана, но головорезы из Вольной Братии все напирали, и ему приходилось отступать. Глаза гиганта так и горели бешеной яростью, но теперь было во взгляде его и другое — понимание того, что такую силу ему не одолеть.

Два стража — неповоротливые в своих доспехах, — с трудом продирались сквозь толпу, чтобы присоединиться к схватке на стороне наемников. Байклин выругался и выдернул из ножен свой меч.

— Ратаган! — Он рванулся вперед, выкрикнув имя друга как боевой клич.

Вскинув свой посох, Айса ринулся следом за ним. К своему изумлению, Ривен вдруг осознал — задним числом, — что и он тоже бежит им вдогонку с обнаженным мечом Дармида в руке.

Стражи обернулись, чтобы встретить новых врагов, но клинок Байклина уже полоснул по горлу одного из них, а посох Айсы раскроил череп другого, как гнилой орех. Оба, гремя доспехами, повалились на землю.

Наемники, сообразив, что их атакуют с тыла, сочли благоразумным ретироваться. Ратаган ринулся следом, не давая им передышки. Ривен немного замешкался. Байклин, Коррари и Айса набросились на отступающих наемников. Толпа в страхе рванулась в подворотни, подальше от места схватки. Многие из тех, кого вели конвоиры, просто исчезли из виду, поглощенные людской

волной. Светловолосая девушка неподвижно лежала на земле. Струйка крови стекала с ее виска.

Схватка уже закончилась. Последние из наемников позорно бежали, побросав на ходу оружие. По крайней мере, с полдюжины их сотоварищей остались лежать на земле.

Первым заговорил Байклин. Глаза его полыхали гневом.

— Ты, чертов дурак! — кричал он на Ратагана. — Теперь нам надо немедленно убираться отсюда! Через пару минут сюда сбегутся все наемники города! — Он замолчал на мгновение, чтобы перевести дыхание. — Где твоя выдержка!

Ратаган ничего не ответил на это, хотя огонь все еще горел в глубине его глаз. Он отшвырнул меч наемника, засунул топор за пояс и, склонившись над лежащей в беспамятстве девушкой, поднял ее на руки.

— Тогда пошли, — спокойно сказал он и неспешно направился вниз по залитой кровью улице. Люди из оставшейся еще толпы глядели на него, как на какое-нибудь привидение. Никто не посмел его остановить.

Остальные последовали за ним. Досада и гнев исказили лицо Байклина. В Верхнем городе надрывались рожки, сигналия тревогу. Но ни один из них не обернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Даже на лице Люба — обычно бесстрастном — теперь проявилось нечто похожее на сомнение, когда они возвратились в дом Фриния с еще одной раненой девушкой. Тяжело дыша, они один за другим ввалились через узкий дверной проем, и Коррари вздохнул с облегчением, когда дверь закрылась за ними, отрезая их от любопытных взглядов, что преследовали компанию всю дорогу от места схватки. Однако взгляд Байкина по-прежнему оставался серьезен, в нем ясно читалась тревога.

— Выследить нас им не составит труда. У нас мало времени. Отнеси ее к старику. Айса, Коррари, присмотрите пока за дверью.

Они вошли в темный, пропахший химикатами кабинет Фриния; там Финнан кормил Мадру супом из котелка. Старик-лекарь сидел в углу и что-то бормотал себе под нос, склонившись над толстым фолиантом. Мадра улыбнулась Ривену, но у того не было сил улыбнуться в ответ. Он злился на себя за тот внезапный приступ ревности, который пронзил его острой болью, когда он увидел здесь Финнана.

Привычное насмешливое выражение тут же стерлось с лица купца, когда Ратаган наклонился, чтобы положить светловолосую девушку на толстый истертый ковер у жаровни. Взгляд гиганта на мгновение задержался на ней, и он убрал слипшиеся от крови волосы с ее лица. Только теперь Ривен понял, почему это лицо показалось ему знакомым, когда он увидел его в первый раз.

Девушка была так похожа на жену Ратагана, что они с ней могли бы быть сестрами.

Фриний захлопнул книгу и подошел к ним.

— Мы навлекли на твой дом беду, Фриний, — сказал ему Байклин. — Произошла небольшая стычка. Мы прикончили нескольких местных наемников. Другим не составит труда нас выследить.

Финнан выругался.

— Какого черта вам было нужно...

Но Фриний оборвал его.

— Ты знаешь, что делать, Финнан. И знаешь, что мне потребуется. — Тяжело дыша и кряхтя, старик опустился на колени и принялся осматривать рану на голове девушки. Мадра попыталась встать и помочь Финнану на кухне, но старик остановил ее сердитым взглядом. — Ты пока еще у меня пациент, а не сиделка, так что лежи, где лежишь. — И она опустилась обратно на кушетку.

Было слышно, как в кухне ругался, гремя котелками, Финнан. Никто, впрочем, не обращал на него внимания. Фриния, казалось, ничуть не заботила мысль о том, что в любую минуту к нему в дом может вломиться дюжина наемников. Похоже, спокойствие старика раздражало Байклина.

— Ты слышал, что я сказал? — спросил он. — В любое мгновение сюда может сбежаться весь город.

Фриний невозмутимо взглянул на него, его темные глаза мерцали.

— Я слышал тебя. Но я знаю три вещи: во-первых, люди этой части города не станут помогать наемникам в их поисках. Их здесь не

любят, наемников. И стараются по возможности им насолить. Во-вторых, уже не первый раз я укрываю у себя людей, которые спасаются от солдатни Сергиуса. Горний народ в этом городе знает меня. — Его старое морщинистое лицо стало еще суровее. — Также здесь всем известно, что когда-то я был личным врачом местных герцогов. Дело давнее... но кое-какой вес имеет. До сих пор еще. И, в-третьих, из этого дома есть тайный выход, о котором эти мерзавцы даже не подозревают. Так что сядь и дай мне спокойно заняться делом.

Резкий тон Фриния никак не вязался с его наружностью. Этот беспомощный, пользующийся дурной репутацией старик оказался вдруг человеком, облеченным властью, вселяющей трепет. Не проронив ни слова, Байклин послушно сел. Ривен последовал его примеру. Ратаган так и остался стоять подле лежащей в беспамятстве девушки, сжимая огромными своими лапищами ее тонкую руку, пока Фриний не велел ему отойти.

Финнан вернулся с тазом воды, от которой поднимался пар, и старый лекарь принялся обмывать кровь с лица своей новой пациентки. В комнате стояла напряженная тишина. Ривен бросил взгляд на Байклина, и понял, что тот ожидает, как с минуты на минуту наемники примутся ломать дверь.

— И сколько все это уже продолжается? — вдруг нарушил молчание Ратаган.

— Ты, как я понимаю, имеешь в виду эту чистку. Слухи о ней ходили уже не одну неделю. Народ волновался. Впрочем, этого и следовало

ожидать с такой странной сменой времен года и повсеместными нападениями диких зверей. Я вообще никак в толк не возьму, зачем снова все это затевать... Как только оно началось, Горний народ стал понемногу покидать город. Теперь же, сдастся мне, — он указал на девушку, распростертую на ковре, — у них больше нет выбора. — Он умолк на мгновение, а когда снова заговорил, голос его зазвучал с неподдельным гневом: — А все из-за этой волчицы с юга, этой леди Джиннет. Она пленила сердце герцога. Он никогда не был сильным человеком, но на него, по крайней мере, оказывали влияние более благоразумные члены его Совета. Теперь... — старик пожал своими худыми плечами. — Теперь он сам себя загубил за какие-то считанные недели. Сейчас на улицах чаще увидишь людей Сергиуса, чем стражников и мирканов из войска герцога. Поговаривают, будто мирканов вообще не выпускают из их казарм... и вправду, в последнее время их что-то не видно в городе... мол, засели там и решают, что им предпринять. — Тут лекарь бросил пронзительный взгляд на седобородого Льюба, в молчании стоящего рядом с ним. — Твой народ всегда славился тем, что люди у вас прежде обдумывают моральную сторону вещей и только потом уже действуют. Теперь лишь остается дожидаться и поглядеть, чью сторону вы изберете.

Миркан промолчал. Девушка на полу зашевелилась. Ее пальцы сжались в руке Ратагана, и она открыла глаза — в глубине их таился страх. Фриний ласково и мягко ее успокоил. Эта мягкость, такая же странная на первый взгляд, как и

язвительная его властность, тоже была неотъемлемой чертой его натуры.

— Не бойся нас, мы друзья, — тихо сказал он ей. — Я — Фриний. Я тоже из твоего народа.

— Что случилась? — В глазах ее заблестели слезы. — Где все остальные?

— Мы спасли тебя, — Ратаган отпустил ее руку. Он, казалось, смутился. — Отбили тебя у наемников. Думаю, остальным удалось бежать. Они смешались с толпой.

Девушка подняла на него глаза — бездонные, карие с красноватым отливом глаза под бровями цвета меди.

— Вы спасли меня? Почему?

— Ты мне напомнила кое-кого, — пробормотал гигант и обвел комнату сердитым взглядом: мол, пусть только кто слово скажет. — И, кроме того, мне не нравится, когда вооруженные мужчины пинают женщин.

Рука девушки поднялась было к голове, но Фриний успел перехватить ее своими костлявыми пальцами.

— Не трогай. Мне еще надо кое-что сделать. У тебя крепкая голова, но камни мостовой еще крепче.

— Ты — тот самый лекарь, который прежде служил при дворе, — вдруг сказала девушка. — Отец мне рассказывал о тебе.

Фриний улыбнулся, обнажив беззубые десны.

— Верно, он самый. И тот еще, кто... — Он умолк на середине фразы, а потом ласково спросил у нее: — А кто твой отец?

— Маннир, аптекарь.

— Я его знаю. В свое время я обращался к нему. Я у него заказывал настойки.

Девушка заплакала.

— Не знаю, куда его увели. И маму тоже. Их обоих забрали. Грозились выкинуть их из города на съедение диким зверям.

Мадра встала и обняла плачущую девушку. Кровь из ее раны капала Мадре на платье.

— А ты, стало быть, Мерет, — сказал Фриний, и девушка кивнула сквозь слезы. Старик помрачнел. — Но ведь твой отец — никакой не колдун. Похоже, Вольная Братия начала косить всех без разбору. Если так все пойдет и дальше, если они будут вышвыривать за городскую черту всякого лекаря и аптекаря, то скоро в Талскере вообще не останется порядочных работников. И кого ж тогда будут они шпынять? Сумасшедший дом. Гораздо хуже, чем в прошлый раз.

— Охота на ведьм, — буркнул Ривен себе под нос. Но вот кто настоящая ведьма, так это та, что делит теперь ложе с герцогом. При одной только мысли о ней Ривен ощутил приступ дикого гнева. Она сказала, что мы еще встретимся.

Ну уж нет. Я сделаю все, чтобы этого не случилось.

И тут до него дошел смысл сказанного Фринием.

— Стало быть, ты еще и волшебник? — спросил он. Старик на мгновение задумался, прекратив бинтовать голову Мерет. Повязка была вся пропитана каким-то желтым снадобьем с сильным запахом антисептика.

— А что такое волшебник? — Фриний так

посмотрел на Ривена, что тому даже стало как-то не по себе под взглядом этих пронзительных глаз. — Ты сам — тот, кто носит на груди знак Сказителя, но говорит так мало и с таким странным акцентом — ты волшебник? Речь твоя мне незнакома. Ты пришел из страны, о которой я даже и не слышал.

— Ты знаешь магию? — не отставал Ривен.

— А что есть магия? — отозвался старик. — Если под моими руками кости срастаются лучше, а раны заживают быстрее, чем под руками других врачей-лечителей; если я могу излечить хворь внутри тела простым наложением рук... Это ли магия? Если да, то она никому не причиняет вреда. А взять отца Мерет. Он лечит снадобьями, но в снадобьях его нету магии, а есть просто знание, которому он научился. А результат одинаков. Болезнь отступает. И какова благодарность? — Старик весь кипел от негодования. Но уже через секунду он спокойно вернулся к своей работе. Ривен приумолк.

Следующим заговорил Финнан:

— Вреда-то, может, и никакого, папаша, — тон его был нарочито беспечен. — Но вот в чем загвоздка: наемники скоро уже будут здесь, и вполне может статься, что на этот раз одного моего языка будет уже недостаточно, чтоб убедить их в том, что этот дом будет плохо гореть.

— Ха! — воскликнул Фриний. — Они же боятся меня, как боятся они в глубине души и всего Горнего народа.

— А по-моему, не так уж они и боятся, — задумчиво вставил Байклин. — Те, с которыми

мы столкнулись на улице, явно не трепетали от страха перед своими подопечными.

— Хотя сила и оружие произвели на них впечатление, — заключил Ратаган.

Фриний закончил свою работу и с помощью Мадры поднялся на ноги.

— Готово, — он улыбнулся Мерет. — Теперь тебе нужен только покой и отдых, что в наши дни, быть может, не так уж и мало.

— Что мне действительно нужно, так это найти свою семью, — отозвалась светловолосая девушка. Ратаган помог ей прилечь на кушетку. Мерет подобрала свои лохмотья с едва ли не величавым достоинством. — Я не могу оставаться здесь.

— А тебе ничего больше не остается, — огрызнулся старик, и взгляд его моментально утратил всю мягкость. — Сколько ты думаешь протянуть на улицах? Если даже тебя не схватят наемники, то через четверть часа ты потеряешь сознание. Так что не болтай глупости. — Он властным жестом ткнул пальцем в грудь Ратагана. — Ты, здоровый амбал, отнеси ее наверх и уложи в кровать, раз уж так стремишься спасти ее. Финнан, проводи его. И нашу будущую сиделку тоже.

— Сию же секунду, мудрейший, — ответил Финнан, предлагая Мадре свою руку. Она посмотрела на Ривена, и тот почувствовал, как вспыхнуло у него лицо, но так ничего и не сделал. Четверо оставили комнату: Ратаган, как-то странно поглядывающий на Мерет, которую нес на руках, Финнан и Мадра, опирающаяся на его плечо. Ривен перехватил насмешливый взгляд Байклина и поморщился.

Фриний рухнул в кресло рядом с пылающей жаровней и достал трубку, которую раскурил от свечки. Вскоре клубы серого дыма окутали его седую голову. Старик тяжело вздохнул.

— Ты — Смуглолицый — барон, или я вообще ничего в этой жизни не понимаю. И этот амбал — тоже. Сопровождают вас мирканы и стражи. На вашей одежде видны застарелые пятна крови и прорехи от когтей. — Он выпустил струю дыма. Глубокие морщины на его лице разгладились, глаза блестели. — И с вами еще Сказитель: сам говорит он мало, но голос его говорит о многом. Я в жизни еще не встречал Сказителя, способного продержать рот свой закрытым больше минуты за раз. Этот же явно недугом сим не страдает. Я думаю, что вы едете по какому-то важному делу, вероятно, на север. — Старик улыбнулся беззубым ртом. — Может быть, не мое это дело, но из-за вас моему дому грозит разрушение, так что мое любопытство простительно. Слово за вами.

Байклин встретил и выдержал его пристальный взгляд. Сверху донесся звук шагов, с улицы — едва различимые голоса. Айса с Коррари по-прежнему оставались в прихожей, карауля входную дверь. Льюб не сдвинулся со своего поста, но от сурового его взгляда не укрылось ничто.

— Ты все правильно угадал, — наконец, сказал Байклин.

— И куда вы направляетесь? — Насмешливости в голосе старика как не бывало. Он вдруг стал похож на горноста, вынюхивающего след.

— В горы. Разыскать гномов и, быть может, подняться на Стэйр.

— С какой целью?

— Самой благородной. Спасти Мингниш, если удастся.

Фриний откинулся в своем кресле.

— Что ж, — проговорил он задумчиво, — цель действительно благородная. — Его взгляд вдруг остановился на Ривене. — И ты, Сказитель, чье лицо покрывают шрамы, а в глазах прячется боль... Ты — в самом центре событий, верно?

— Откуда ты знаешь? — спросил Ривен. Как это ни странно, но проницательные догадки Фриния принесли ему облегчение.

— Кое-кто говорит, будто в жилах моих течет кровь гномов, — отозвался старик. — Но, как бы там ни было, когда я сталкиваюсь с чем-нибудь необычным, я это чувствую. Чую. В тебе есть что-то такое, что никак не вяжется с самим воздухом в этой комнате. В тебе есть магия — светлая, как день. Для тех, кому дано видеть.

Ривен не сумел скрыть своего изумления. Старик кивнул.

— Но сам ты ее не видишь. Забавно. — Он вновь затянулся и выпустил струю дыма. Внешне он оставался спокоен.

— Нам нужно немедленно уходить из Талскера, — сказал Байклин. — Но нам требуется провизия; возможно — выючные животные.

— Этим девушкам, ради которых вы так рисковали, им сейчас нельзя ехать. Через неделю — как минимум. — Тон старика не терпел возражений.

— Значит, придется оставить их здесь, — вступил в разговор Финнан.

Ривен невольно вздрогнул. Оставить Мадру? Одна только мысль об этом пробудила какую-то странную боль, но он промолчал.

Я никому ничего не должен.

Фриний, похоже, как раз над этим и размышлял.

— Финнан говорит дело. Наемники в конце концов придут сюда. Имя мое слишком известно, и если вас здесь найдут, их ничто уже не остановит. Дом мой сожгут... а меня бросят в костер. Даже не сомневаюсь. Я знаю кое-какие места в Талскере, — в Верхнем городе, — их еще не коснулось это сумасшествие. Слишком близки эти дома ко Двору, чтобы туда допускали этот вооруженный сброд. Если удастся перенести туда наших милых пациенток, то они будут в безопасности, по крайней мере, какое-то время.

— А ты? — спросил Байклин.

— Я выдерживал и не такие бури. — Глаза старика сверкнули, и в это мгновение Ривен был на сто процентов уверен, что магия Фриния — если только «магия» верное слово в данном случае — простирается гораздо дальше исцеления ран и болезней.

— Но как же Вольная Братия заполучила такую власть в городе? — спросил Байклин. — И почему их так много в Талскере? Где стражи? Мы их почти не видели.

А двоих уколошили, подумал Ривен.

— Годомар нанял больше тысячи головорезов из Вольной Братии, чтобы они помогали стражникам поддерживать порядок в городе и окрестных поместьях, — объяснил Фриний. — Но людям

типа Квиринауса вовсе не нравится, когда кондотьеры хозяйничают на их землях, так что пришлось городским стражам нести службу вне стен Талскера, а Сергиус и его прихвостни остались тут. И творят, что хотят.

— Но ведь кто-то над ним стоит, — заметил Ривен. — Перед кем-то он держит отчет. Не могут же они творить, что хотят, с целым городом.

— Они исполняют приказы, — терпеливо проговорил Фриний. — И если приказано им выдворить из Талскера всех, кого подозревают в причастности к Горнему народу, то они и выдворяют.

— Но никто им не сказал, как при этом себя вести, — буркнул Байклин. Старик кивнул.

— Вот именно. А тем временем эта леди с юга поймала герцога в свой капкан между ног. И держит крепко. Она, говорят, не отказывает и Сергиусу.

— Важную, стало быть, птицу ловит, — заметил Байклин. — Раньше она была поскромнее.

— Вы что, ее знаете?

— Знаем, к сожалению, — помрачнел Смуглолицый. — Еще одна причина убраться отсюда как можно скорее.

— Вы пришли с юга, — промолвил Фриний. — Как там дела в Роримах? Это правда, что многие... были захвачены?

— Это все ложь леди Джиннет. Теперь Роримы запада объединились. — И Байклин коротко рассказал ему, что произошло за последние месяцы на юге Мингниша, не упомянув, однако, о роли Ривена во всех этих событиях. Фриний, казалось,

испытал некоторое облегчение, которое тут же сменилось безудержным гневом.

— Значит, вся здешняя истерия замешана на лжи. Иной раз мне кажется, эти чистки — скорее политика, нежели что-то иное. Впрочем, теперь все — политика.

— А с чего, вообще, они начались? — спросил Ривен. Старик хотел было затянуться, но трубка потухла. Он коротко выругался.

— Ровно двадцать восемь лет тому назад в небе появились странные знамения, в горах — кровожадные хищные твари. Дети рождались у юных дев, еще не познавших мужчины. Дела у таких, как я, пошли из рук вон плохо. Что-то было такое в самом окружающем воздухе, что мешало нашему волшебству. Люди стали бояться. Нас, наделенных волшебной силой, начали избегать, опасаться и, в конце концов, ненавидеть. Многих изгнали в дикие чащи. Кого-то сожгли на кострах. Те, кто спаслись, ушли в горы, и там им пришлось остаться. Кое-кому повезло — они сумели затаиться, чтобы выжить, переждать бурю. — Губы старика сложились в подобие улыбки. — Мне удалось. О других никто больше не слышал.

Двадцать восемь лет назад. В тот год, когда родился Ривен.

— Господи! — выдохнул он.

— И вот теперь все повторилось. Среди лета настала зима. Снежные Исполины бродят ночами по нашим полям. А вина, стало быть, наша. Нечестивые наши деяния вновь навлекли беду на Мингниш, и нам надлежит понести наказание. —

Голос Фриния стал хриплым от горечи. — А кое-кто из высоких господ не преминул использовать эту возможность, чтоб загрести под себя еще больше власти, пройдя по телам Горнего люда, чтобы добиться вожделенной цели.

Мингниш был реальным. Таким же реальным, как его собственный мир, а книги его — лишь отражение Мингниша, а не наоборот. Но что-то идет не так. За пределами книг и историй что-то такое происходило. Что-то странное. Открылся некий канал двусторонней связи, и на Ривена снизошло вдохновение. Из этого мира, которого сам он в глаза не видел. Но и он, в свою очередь, как-то влиял на Мингниш через события собственной жизни... и именно тут все пошло наперекосяк. Такие, как Брагад, просто не имеют права на существование в этом мире. И такие, как Джиннет. Что-то исказило характеры, которые вывел Ривен в своих книгах. Воображение Ривена заразило Мингниш, навязало ему историю, которая никак не вытекала из предыдущего. И людей — людей тоже. Темноволосая девушка, что бродит в горах босиком. Кто она? Некий образ, всплывший из глубин подсознания? Усталым жестом Ривен потер глаза. Даже если он не отыщет ответов у гномов, он теперь знает, что нужно сделать: закрыть этот двусторонний канал. Закрыть и запечатать вход. А потом наглухо запереться в своем мире. Какова бы она ни была, эта таинственная пуповина, что связала его с Мингнишем, ее надлежит перерезать.

Ривен и сам удивился той глубокой печали, которую пробудила в нем эта мысль.

На лестнице раздались шаги — вошли Финнан и Ратаган. Купец потянулся, и пальцы его уперлись в потолок.

— Мне нужно проветриться, — объявил он. — В отличие от некоторых, что уже успели подраться с наемниками и все утро спасали девиц, я тут сидел, словно узник, безвылазно... правда, в обществе очаровательной женщины, но все равно ведь сидел. Пойду прогуляюсь, понюхаю воздух, погляжу, что за бучу вы учинили там в городе, лишь только я успел вас привести.

— А стоит ли? — спросил Байклин.

— Но ведь это не я сталкивал лбами наемников, — фыркнул Финнан.

— А по-моему, хорошая мысль, — поддержал его Фриний. — Не зевай, смотри в оба и не засиживайся в кабаках. Если наши доброжелатели уже обыскивают дома тут в округе, то нам будет полезно об этом узнать.

Финнан отвесил общий поклон.

— Стало быть, до свидания. Притащу, может, чего поесть. Не все могут держаться, как Фриний, на одном коньяке да на трубочном табаке.

С тем он и ушел. Голос его раздался из прихожей, Айса с Коррари что-то ответили, а потом дверь за ним закрылась.

Время шло. Понемногу их одолела усталость. Наконец, Фриний, заметив, что гости клюют носами, отвел их наверх. Дом старика оказался на удивление просторным, имелась там и большая комната, где можно было улечься всем сразу. Они расстелили свои плащи и пледы на пыльном полу. В щелях за

шкафом копошились мыши. День уже близился к вечеру, шумы города за окном стали тише. Они разожгли жаровню и расселись вокруг нее.

— Такой старый дом, — тихо проговорил Байклин, обращаясь к сгустившимся сумеркам и скребущимся мышам. — И старый город. Крепость, что на вершине холма у излучины реки, стояла уже тогда, когда Роримы в южных Долах только еще начинали подниматься. Когда кочевники бродили по долине Великой реки, еще до того, как леса, покрывавшие всю страну, были повыврублены людьми.

— Тогда в лесах была магия, — вдруг раздался голос Фриния. Они не слышали, как он вошел. — В глухих чащобах таились самые настоящие чудеса. Люди жили плодами леса и ни разу не видели неба, не закрытого ветвями. Сейчас от Великих лесов остались лишь жалкие крохи, а все, что таили они, исчезло.

— Скаральский лес, — пробормотал Байклин, но Фриний, казалось, не слышал его.

— Существует предание, будто магия зародилась там, в глуши лесов, чьи корни черпают силу из самой земли. И еще существует предание, будто гномы нашли ее под землей и подняли наверх, как поднимают они серебро из своих рудников. Я не знаю, какое предание истинно, только ясно одно: магия исходит из самой земли — из земли, камней, трав и деревьев Мингниша. Люди забыли об этом. Им так было легче — забыть. И забывшие стали преследовать тех, кто помнит. Но я не забыл... — Дым от его трубки вился в свете жаровни. Его лицо в сумерках стало морщини-

стым, словно ядро грецкого ореха. Сколько же лет этому старику, спросил себя Ривен.

— Я помню время, когда мир был полон колдунов и ведьм, как их называют теперь. А они были — и есть — простые люди, наделенные особым даром, но такая же часть жизни, как мирканы, и так же нужны ей. Гномы жили тогда не так высоко в горах и устраивали базары, куда мог приехать каждый, продать что-нибудь, купить, просто так поглазеть. Но как только начались чистки, все это сошло на нет. Люди перестали верить или боялись верить, а гномы ушли высоко в горы, в самые глубокие из своих рудников. И мир стал беднее.

Откуда-то с улицы донесся смех. Забрехала собака, сцепилась с другой; рыча и скуля, они убежали в ночь. Опять стало тихо.

— Как-то странно спокойно сегодня в городе. — Фриний приподнял голову, точно лис, нюхающий воздух.

Ривен отбросил плед и встал. Не обращая внимания на вопрошающие взгляды товарищей, вышел из комнаты, поднимая шагами своими слежавшуюся на полу пыль. Он почувствовал, как пыль щекочет в горле, но сдержал подступающий кашель. Почему-то он ощущал потребность не спугнуть тайну, — ощущение, что нельзя выразить никакими словами, — словно то было последнее магическое мгновение тишины, за которым уже ничего не будет. Как будто какая-то тяжесть опустилась ему на плечи — осознание того, что он смертен. Ривен пересек лестничную площадку и вошел в комнату, где спали Мадра и Мерет.

Девушки лежали на двух узких кроватях; окно с жестяным переплетом рамы отбрасывало слабый свет звезд на их лица. Он сел на скрипучую кровать рядом с Мадрой и стал смотреть, как медленно поднимается и опадает ее грудь под одеялом. Рука, белая, точно слоновая кость, лежала на животе. Волосы тенью падали ей на лицо.

Она тихо дышала. Вокруг шеи была наложена повязка. Крошечный шрам бледнел на скуле, — там, где посох миркана задел ее, когда она бросилась защищать Ривена. Ривен дотронулся до него. Провел рукой по бархату губ, прикоснулся к смеженным векам, к мочке уха, где ее открывали волосы. И понял вдруг, что полюбил это девичье лицо в форме сердечка, упрямые брови, спокойные глаза и улыбку, такую редкую и серьезную.

Сколько миль до Вавилона?

Ривен, не злобствуй. Ты любил и был любим. Этого хватит с лихвой. Для всякого.

Хватит на всю жизнь.

Слезы застлали ему глаза. Он на мгновение ослеп. Лицо девушки на кровати расплылось размытым пятном во мраке.

Если б желания были конями, у каждого нищего был бы табун.

Он встал и вернулся ко всем остальным.

Медленно прошла ночь. Финнан не вернулся. Проснувшись, они принялись ломать голову, что могло так задержать его.

— Он, должно быть, нашел себе девчонку и не знает теперь, как вырваться из ее жарких объятий, — предположил Фриний, но и сквозь клубы

густого дыма, которые старик пускал в воздух, было заметно, что он не на шутку встревожен.

Они попеременно несли дежурство у входной двери. Коррари как раз сменил Ратагана, как вдруг на улице раздался какой-то шум, и все напряглись. Тихий их разговор оборвался на полуслове.

С улицы доносились шарканье ног, голоса, лязг металла. Они не смели шелохнуться. Руки застыли на полпути к оружию. Из забытой трубки Фриния медленно поднимался дымок.

Вдруг снизу раздалась гулкие удары в дверь. Пронзительные вопли. Деревянная дверь трещала под тяжелыми ударами, поддаваясь металлу. Снизу донесся голос Коррари, выкрикивающий имя Байклина.

Все разом вскочили на ноги. Клинки со свистом освободились от ножен. Фриний заметался во мраке, точно расшалившийся домовой.

— За мной! Все за мной! Нужно спуститься вниз. Отсюда есть выход, из погреба!

Но вряд ли они его слышали.

Ратаган с Ривеном выскочили на площадку, чтобы забрать Мадру и Мерет... и попали в самую гущу толпящихся там людей. Воинов в кольчугах. Были там и стражи и наемники. От множества ног в давно не метенной комнате пыль стояла столбом. Ратаган взревел от ярости и, вломившись в ряды пришедших, точно могучий таран, с грохотом повалил на пол сразу нескольких человек. Меч одного из наемников уже взметнулся над спиной гиганта, но Ривен вовремя подставил клинок и отразил удар. Удар болью отдался в его руке, но

вражеский меч не достиг своей цели. Выбив сноп искр, он вошел в штукатурку стены.

Байклин и Айса вырвались из комнаты следом за ними. Лестничная площадка превратилась в сплошную сутолоку тел, лежавших либо державшихся еще на ногах. Из-под мечей вылетали искры. Люди кричали, зовя друг друга, чтоб отличить своего от врага.

— Живыми! — надрывался кто-то. — Взять их живыми!

Ратаган отбивался от окруживших его наемников. Несколько воинов в тяжелых доспехах повисло на нем. Ривен увидел, как рукоять меча опустилась ему на висок, оставив после себя кровоточащую вмятину. Вверх по узкой лестнице бежали все новые и новые солдаты. Кто-то выбил вторую дверь ногой, и нападавшие бросились внутрь. Раздался женский крик.

Что-то словно бы надломилось в Ривене. Он заорал и бросился к Ратагану вместе с Байклином и Айсой. Его меч, описав короткую дугу, раскроил чей-то череп, а потом отскочил, ударившись о нагрудник кирасы. Покрытый бронею кулак попал ему в висок, и в голове Ривена раздался какой-то пронзительный свист. Краем глаза он уловил смутные очертания фигур, отступающих по лестнице вниз. Они тащили с собой бешено отбивающихся девушек. Ривен увидел длинные волосы Мадры, рассыпавшиеся по спине наемника, и вновь рванулся вперед, ощущая во рту привкус крови. Гнев, переполнявший его, придал ему сил.

Закованная в железо фигура внезапно встала на пути у Ривена, и еще один сокрушающий удар

в челюсть уложил его наземь. Возбужденный такой легкой победой талскерский страж на секунду замешкался, глядя на поверженного врага, но уже в следующий миг посох Айсы метнулся вперед, точно жало змеи, и ударил его между глаз. Тот упал прямо на руки своих сотоварищей, толпящихся у него за спиной. Айса бросился вперед и вломился в самую гущу закованных в броню людей. Они отпрянули. Один кувырком полетел вниз по лестнице, от ударов его кирасы с ветхой стены посыпалась штукатурка. Айса, сжав посох крепче, принялся молотить по головам. Тела корчились на полу, но врагов было много, они напирали, подавляя своим количеством. Все разом они навалились на Айсу, сумев усмирить его боевой посох. Миркан пошатнулся под весом повисших на нем солдат. Хриплый крик отчаяния и ярости вырвался из его горла, и Айса упал. Град ударов обрушился ему на голову. Последним усилием миркан оттолкнул одного из стражников, который, падая, врезался в Ривена, и тот упал. Он видел, как Байклин теснил неприятеля, — клинок его непрерывно мелькал и опускался на головы врагов, — и как упорно сражался старый Люб. Но тут раздался звон разбитого стекла, и через заднее окно на лестничную площадку выбралось еще несколько наемников. Ривен попытался крикнуть, но его голоса никто не услышал. Он беспомощно наблюдал, как Люба ударили сзади и он рухнул, точно подрубленное дерево. Байклин развернулся и с размаху вонзил свой клинок в горло одного из нападавших солдат. Брызнул фонтан алой крови. Но теперь Байклин остался

один, а с двух сторон напирали враги, ступая по телам своих павших товарищей. Чья-то нога опустилась на голову Ривена и соскользнула на пол. На какое-то время он ослеп и оглох и ощущал лишь, как дрожит и трясется пол. В конце концов даже это ощущение померкло. Последнее, что увидел Ривен, было лицо наемника, который поднялся по лестнице после всех. Он широко скалился, обнаруживая отсутствие одного из передних зубов. Черные волосы густыми кудрями падали ему на лоб. Он принялся с упоением пинать лежащего в беспамятстве Ратагана. Прямо в лицо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кровь стучала в висках — горячая, точно лава, тяжелая, как свинец. Она пыталась излиться наружу, накатывая на глаза волнами света и тьмы. Хриплый стон вырвался из пересохшего горла, оцарапав гортань.

Сознание медленно возвращалось. Он уже чувствовал боль в запрокинутых за голову руках и в грудной клетке — боль пронзала ее с каждым выдохом. Слепящую боль, выворачивающую кости в запястьях, и невероятную тяжесть в ногах, пригвоздившую его к полу.

Тупое, смутное любопытство пробудилось в глубине его мозга. Он попытался открыть глаза, но веки, казалось, склеились намертво. Из-под век сочился мерцающий свет факела — по крайней мере, он не ослепил его. Пальцы слабо шевельнулись. Раздался скрежет металла. Кандалы на запястьях сдвинулись, врезавшись в разодранную плоть. Ривен едва сдержал стон.

Но боль помогла. Она вытеснила биение крови в висках, влила свет в его помутившийся разум. Он сосредоточился, пытаясь пошевелить ногами. Затекшие ноги отозвались острой болью, когда кровь хлынула в них. Ривен заскрежетал зубами — боль прострелила челюсть. На мгновение сознание его поплыло, и он вновь оказался в Бичфилде. Железные спицы скрепляли его лицо. Но он поборол и эту боль. Он прошел трудную школу. Школу хорошую.

Он встал на ноги. Руки тут же опустились, и невыносимая боль от кандалов, режущих запястья,

чуть поутихла. Воздух хлынул ему в грудь, и Ривен привалился спиной к стене, впитывая его, вбирая в себя.

Жив. Ей-богу, жив.

Цепи, которыми скованы были его запястья, позволяли ему поднести руку к лицу. Он потрогал глаза, а потом одним резким движением разодрал слипшиеся от засохшей крови веки.

Когда боль поутихла, он проделал то же самое и со вторым глазом.

Темная камера. Каменный мешок в десять квадратных футов. Прямо напротив — железная дверь. Капельки влаги на решетке. У ног — охапка соломы. Вода, стекающая по стенам. Свет, исходящий от единственного факела на стене справа. И гробовая тишина.

Темница. Настоящая темница. Жуть.

Он был один.

Ни звука. Ни звона ключей, ни горестных криков узников. Никаких тюремщиков.

И тут Ривен застыл, пораженный одной мыслью.

Меня бросили здесь умирать.

Ратаган, Байклин — где они? Перед мысленным взором его проносились картины: снова Айса упал под тяжестью наседающих на него врагов. Снова наемники уносили Мадру. Где они теперь?

Где-то на самом краешке сознания поднялась было паника, но он безжалостно подавил ее.

Господи, как хочется пить.

Он провел сухим языком по растрескавшимся губам. Давненько он не был в такой плохой форме, с того самого раза...

Ривен выругался вслух, и голос его прозвучал как-то странно пугающе в этой глухой тишине.

Что-то застрекотало у него под ногами. Крыса прошуршала в соломе. Она уселась на задние лапки и посмотрела на Ривена.

— Твою мать, — проговорил он утрюмо.

Крыса метнулась прочь и исчезла в углу. Он заметил, что там была решетка водостока. Если стоять неподвижно, не шурша ногами в соломе, можно даже различить слабый звук текущей воды, отдающийся тихим эхом. Единственный звук в этой камере. Он пожалел о том, что спугнул крысу. Пусть бы осталась, пострекотала ему...

Время шло. Факел почти уже прогорел. Вскоре его должны заменить. Ему все больше хотелось пить. Ноги устали стоять, но он побоялся дать им отдых. Запястья выглядели ничуть не лучше завернутых в мясо костей. Он вновь испытал приступ паники. И страха за остальных. Быть может, Мадру тоже бросили в темницу? Быть может, прямо сейчас она «испытывала» на себе внимание своих тюремщиков?

Только подумав об этом, Ривен забился в своих цепях, не обращая внимания на боль. Он кричал и стenal. Влажный воздух царапал пересохшее горло. Ответа не было. В конце концов он умолк.

Прошло еще несколько часов. Факел замерцал, померк и, наконец, потух, оставив его в непроглядной тьме. Из горла рванулся непрошенный плач, но он обратил плач в рычание.

Вдруг за дверью раздался какой-то шум. В замке повернулся ключ. Сердце екнуло. Шурша соломой у входа, отворилась дверь. Тьму прорезал

неверный свет, исходящий от тонкой свечи в чьей-то руке. Ривен различил в пляшущих отсветах пальцы, рукав и капюшон.

Дверь со скрежетом захлопнулась.

Некто поставил свечу в нишу в стене. Фигура, в темном капюшоне похожая на монаха, приблизилась к нему. Невольно он вжался в стену.

Рука отбросила капюшон за спину, и перед Ривеном предстала Джиннет. Лабиринт света и тени на ее лице колебался в желтых отблесках пламени. В ушах сияли бриллианты.

Она склонилась к нему, вырез ее платья коснулся его лица.

— Ну здравствуй, Майкл Ривен, — вкрадчиво прошептала она. Голос шуршал, как прикосновение шелка. — Я же тебе говорила, что мы еще встретимся. Как ты находишь свой новый приют?

Слова забили его рот, словно залом из сплавных бревен реку. Дыхание застряло в горле. Он почувствовал, как жгучие слезы потекли из-под покрытых засохшей кровью век, оставляя следы на щеках. Это лицо... лицо, которое он любил и которое больше не чаял увидеть снова. И вот оно — перед ним, и блики света играют на нем. Будто отблески пылающего торфа в камине домика на берегу. И эти глаза... все те же глаза. И надо ж такому случиться, что он возненавидел его — это лицо — лютой ненавистью.

— Ты не моя жена, — хрипло выдавил он и увидел, как на секунду ее глаза распахнулись от изумления.

— В самом деле. — Голос ее тихий-тихий, словно взмах лебединого крыла. — Теперь я ничья

жена. — Тут ее голос сделался угрожающе резким. — Ты и твои друзья о том позаботились.

— Где они? Что ты сделала с ними?

Она улыбнулась.

— Не беспокойся, они еще живы. — Ее улыбка стала шире. — Ирония — штука прелестная, верно? Сначала мне пришлось бежать, спасаясь от вас, и вот теперь вы у меня в руках. Забавно, правда?

— Смешно до смерти, — прохрипел он. Ее близость кружила ему голову. От нее исходил тонкий запах духов и чистого молодого тела.

— Кто ты? — спросила она, как уже спрашивала однажды. — Откуда?

Он долго, не отрываясь, смотрел на нее, вспоминая иные выражения этого лица, иные взгляды этих глаз. Он слышал смех, что оборвался у подножия скалы. Давным-давно.

— Я Майкл Ривен из Кемасанари на Скае — Острове Туманов, Острове Неба. Я — Сказитель, — произнес он, ясно выговаривая каждое слово. У него появилось какое-то странное чувство, будто сказанным он связал себя некими обязательствами. Совершил некий поступок, возможно. Перешел какой-то рубеж. Но ему было уже наплевать. Он знал, кто он и что он делает. И этого было достаточно.

— Странные имена. — Глаза ее вдруг заблестели. Рука поднялась, и Ривен невольно отпрянул, но она лишь погладила старые шрамы у него на лбу. Она озадаченно смотрела ему в лицо. Под прикосновением ее осыпалась засохшая кровь.

Он склонил голову. В ушах отдавалось бешеное

биение сердца. И — как в былые времена — ее губы знакомо припали к его губам. Ее язык нежно коснулся его десен. Кровь с его разбитых губ испачкала ее губы. И он ощутил вкус Дженни и своей крови у нее во рту. Звякнули цепи. Он зарылся лицом в густую тьму ее волос, скользнул пальцами по ее затылку... и тут она резко отстранилась.

Он едва сдержал рыдание. Иллюзия длилась мгновение, но в это мгновение он целовал свою умершую жену.

В лице Джиннет появилась суровость, которой не было прежде: что-то безжалостное, жестокое. Она холодно улыбнулась и стала чужой. Врагом. Внезапно нахлынувший гнев смыл печаль.

— Стерва! — вырвалось у него.

На ее губах была его кровь. Она была похожа на вампира.

— Я желаю знать больше, — промолвила она. — Я желаю знать все. Почему ты и твои друзья здесь, и куда вы направляетесь. И ты мне скажешь.

— Пошла ты к черту.

— Ты скажешь мне, Сказитель. Или эту угрюмую деву, которая сопровождает тебя, и которая, как я понимаю, небезразлична тебе, — отдадут на потеху нашим наемникам. И посмотрим тогда, быть может, внимание дюжины кондотьеров сотрет хмурое выражение с ее лица.

Он беспомощно сжал кулаки. Глаза его загорелись, но он прикусил губу и смолчал.

— Ты горд и упорен. Хорошие качества для мужчины, но вряд ли достоинства эти пригодятся в теперешнем твоём положении. Я дам тебе время

подумать. Когда сидишь в темноте, один, и ничто тебя не отвлекает, тогда трезвые мысли приходят быстрее. Теперь прощай. — Подобрав юбки, она насмешливо присела перед ним в реверансе, как перед принцем крови. Потом вновь набросила капюшон, взяла свечу из ниши и вышла, оставив его в темноте.

Она ушла, но шагов ее он не слышал, — и когда приходила она, ничего не было слышно, — стало быть, тяжелая дверь заглушала все звуки. Это несколько ободрило его, поскольку означало, что друзья могут быть рядом. В соседней камере или дальше по коридору. Быть может, его вовсе не изолировали от остальных.

Он прислонился к стене. Ноги дрожали от усталости. Чего ей нужно? Чего хочет она достигнуть? Не считая, конечно, мести. Может, она принимает его за какого-нибудь могущественного волшебника и надеется использовать его силу в своих собственных целях.

Но разве могущественный волшебник позволил бы так легко захватить себя?

Он пошевелил руками в кандалах. Железо впилось в запястья. Она будет мучить Мадру. Ни одна тайна не стоит этого.

Это было ужасно. Женщина с лицом его жены будет мучить девушку, которую он полюбил. После жены. Наказание за измену. Его хриплый лающий смех отскочил эхом от камня стен.

И оборвался внезапно. Откуда-то в камеру долетел посторонний звук — скрежет железа о камень. Ривен замер, тщетно пронзая взглядом крошечную тьму.

Потом он ощутил запах. Запах дыма в затхлом воздухе подземелья. Едкий запах трубки Фриния.

Скрежет железа в углу. Чье-то тяжелое дыхание. Голос. Смачное ругательство.

— Говенная эта труба!

Треск соломы.

— Фриний! — воскликнул Ривен.

— Не ори! Ради всего святого. Черт подери, я слишком стар, чтобы лазить по сточным трубам, кипящим к тому же крысами... пусть даже весьма учтивыми крысами. Человек моего положения. О времена!

Он ощутил на лице дуновение вонючего воздуха. Костлявая рука легла ему на плечо. Ривен дернулся от неожиданности.

— Свет. Минутку.

В камере появился свет — холодное голубое свечение, исходившее от горящего пучка соломы. Лекарь держал его высоко в руке, и свет изливался лучом, как от фонаря. Он критически осмотрел источающую свет солому и удовлетворенно кивнул.

— Магия, — прошептал Ривен. Глупо, конечно, но ему хотелось смеяться.

— Ну да, магия. — Старик оглядел Ривена с головы до ног и вздохнул. — Неплохо тебя отделали. Я слышал, как эта волчица к тебе приходила.

— Побыла и ушла.

— В самом деле. Значит, у нас есть немного времени.

— Где остальные? Ты видел их? Что с ними?

Фриний поднес длинный палец к губам, потом прикоснулся к кандалам Ривена кончиком горячей

соломы. Они тут же упали с его запястий, ударившись со звоном о пол. Старик поморщился. Ривен наклонился вперед и рухнул на колени.

— Не время сейчас валяться! — встряхнул его Фриний. — Нам с тобой нужно еще обстригать одно дельце. Сходить кое-куда и кое-кого пови-
дать. — Старик хохотнул. В неверном свете соломы он походил на дьявола. — Идем. — С удивитель-
ной для такого тощего старикашки силой он поднял Ривена на ноги.

— Где мы? — спросил Ривен.

— Подземная темница в замке у герцога. Знакомое место, — он вновь подавился судорож-
ным смехом. — Герцог имел привычку отправлять меня сюда, когда приступы его подагры затяги-
вались. Но всегда потом призывал обратно. — Тут он с недоверием покосился на Ривена. — Не понимаю, зачем я-то вообще здесь понадобился. У тебя достаточно силы, чтобы уже десять раз вызволить и себя, и своих друзей из этого мрачного места... Если б ты только умел ею пользоваться. — Он оглядел каменные стены. — Это бывшая моя камера. В этих полых стенах течет вода, над потолком и внизу, в сточных трубах. — Старик усмехнулся. — Специальная камера, чтобы не дать магии выйти наружу. Но кому нужна магия, чтобы расшатать решетку. Идиоты. Мне никогда не хватало духу сказать им об этом. Впрочем, меня никогда не сажали сюда надолго. Вытрезвитель. Так называл ее герцог. А потом отпаивал меня подогретым вином и долго еще извинялся. Они странные люди, эти господа благородных кровей.

— Дверь, — сказал Ривен. — Ты можешь открыть ее?

— О нет, мой мальчик. Там тоже вода. Потом еще чары и заклинания. У герцога тоже есть свои придворные колдуны. Или были. — Старик поднес светящуюся солому к большой квадратной дыре в полу, откуда была вынута решетка водостока.

— По сточным трубам? — с трудом выговорил Ривен.

Фриний кивнул, сверкнув черными глазами.

— И до самого моего дома. Если, конечно, он еще не сгорел дотла.

— Как же тебе удалось удрать?

— Меня просто никто не видел. Они такие невнимательные, эти солдаты. Мне совсем не пришлось прилагать никаких усилий. Вы им задали такую хорошую взбучку, что они явно уже не горели желанием задерживаться там надолго. Связали вас, побросали на повозку. Посветили факелами по углам, потом запалили дом. С тем и ушли.

— Мне очень жаль.

— Пустое, — сухо проговорил Фриний. — Мне удалось спасти самые ценные мои книги. Там остались, правда, еще кое-какие полезные вещи. В железном сундуке. С ними ничего не случится. Но это может подождать. Сейчас надо придумать, как освободить твоих друзей. И особенно — тех двух девушек. — Он вдруг помрачнел. — Это не самое подходящее для них место. Для девушек есть вещи похуже, чем смерть. Так что пошли.

Он подтолкнул Ривена в угол и заглянул в булькающие глубины водостока.

— Я ни за что туда не полезу, — запротестовал Ривен.

— Припечет — ползешь, — отпарировал лекарь и принялся без лишних слов протискиваться в узкую дыру, кряхтя при этом и морщась. Вот он уже скрылся совсем, только костлявые пальцы цеплялись за край водостока. Потом и они исчезли. Снизу послышался всплеск воды и поток непечатных ругательств.

— Лезь давай. У меня нет времени тебя уговаривать! — донесся из сырой тьмы голос старика.

Ривен тоже принялся чертыхаться. Дыра была слишком узка. Однако ему, несмотря ни на что, удалось просунуть туда ноги. Его ободренные запястья горели от боли. С трудом он протиснулся по пояс. Потом, сдирая кожу, просунул плечи. При одной только мысли о том, что он может застрять в трубе, Ривен невольно поежился. Ноги погрузились в холодную воду. Интересно, насколько здесь глубоко. Он надвинул решетку на место. Потом Ривен почувствовал, как руки Фриния ухватили его за ноги. Точно пробка из бутылки, он вылетел из узкой трубы и ухнул в тускло поблескивающую воду, подняв столб брызг у ног лекаря. Тот погрузился в воду с головой, но тут же вынырнул на поверхность, держа в зубах светящуюся солому. С седых волос Фриния стекали струи вонючей жидкости.

— Тьфу, — сплюнул он, вытащив изо рта солому. — Ты — как стельная корова, такой же неуклюжий и тоже не имеешь никакого понятия о своем содержимом. Но сейчас у нас нету времени останавливаться на этом подробнее.

Ривен задыхался от тошнотворного запаха сточных вод. Они оказались в тоннеле со сводчатым потолком футов в шесть высотой. Его обшарпанные стены в нижней части покрывал толстый слой слизи. По тоннелю вонючим потоком, в фут глубиной, текла вода с нечистотами. Они услышали всплеск — в воду плюхнулась водяная крыса, — но больше здесь не было никаких звуков, за исключением шума текущей воды. Поток, с бульканьем пенящийся у его колен, был скользким и липким, и Ривена аж передернуло при одной только мысли о том, как он будет потом отмывать свои открытые раны.

Поднимая вонючие брызги, он двинулся следом за Фринием, ориентируясь на голубое мерцание факела. По мере того, как они продвигались вперед, свод потолка опускался все ниже и ниже, и вскоре Ривену пришлось пригнуться, хотя старый лекарь мог еще идти, выпрямившись в полный рост.

— А где все остальные? Далеко? — спросил Ривен шепотом, но эхо, отскочившее от гулких стен, перекрыло и плеск шагов, и журчание потока.

— Не далеко, — прошептал в ответ Фриний. — Но сначала нам нужно кое с кем встретиться. Постарайся не шуметь. Мы проходим под нижними казармами.

Словно подтверждая его слова, стремительный поток зловонной жидкости хлынул из отверстия прямо над ними, и Ривену пришлось отскочить в сторону, чтобы вонючая жидкость не окатила его. Его чуть не стошнило от запаха, и ему показалось, что в сумраке тускло блеснули в усмешке зубы Фриния.

— Это опустошили уборную. — Старик отвернулся и вновь запагал вперед.

По пути они проходили мимо входов в другие тоннели. Одни — широкие, словно улицы, другие — низкие, точно кульверты, почти полностью перекрытые застоялой водой и грязью. Квадраты лунного света пересекали тоннель, когда они проходили под решетками водостока, лежавшими под открытым небом; черные, как смола, провалы зияли там, где отсыревшие кирпичи, из которых были сложены стены сточных каналов, вывалились или пообсыпались, оставляя проемы, достаточно широкие для того, чтобы через них мог протиснуться человек. В целом тоннели, по которым шли Фриний с Ривеном, постепенно опускались, а воды становилось все больше. Чаще попадались крысы. Инстинктивно Ривен чувствовал, что они спускаются все глубже под землю, в самые недра города. Интересно, спросил он себя, на какую вообще глубину уходят эти каналы.

Наконец, они остановились. Узкий тоннель, по которому они шли, резко пошел под уклон, течение усилилось, и грязная вода поднялась почти до самого потолка. Казалось — дальше путь закрыт. Однако Фриний был как будто доволен.

— Почти пришли, — сказал он с нескрываемым облегчением. Ривен нахмурился.

— Ты имеешь в виду...

— Вот именно.

Придется нырнуть. Всего лишь короткое погружение, хотя, быть может, на слабонервных подействует раздражающее.

Ривен выругался.

— Задержи дыхание секунд на двадцать и выбирайся на поверхность, — спокойно произнес старик. — Ничего с тобой не случится. — И Фриний без лишних слов нырнул в черную воду, словно крупная отощавшая крыса. По-прежнему сжимая в руке под водой свой факел. Его понес поток. Секунды две Ривен мог еще различать этот свет, потом сияние отдалилось и исчезло совсем, оставив его в крошечной тьме.

Наверное, с полминуты стоял он в холодной вонючей воде, проклиная на чем свет стоит свою склонность к авантюрам, которая, собственно, и привела к тому, что он оказался теперь в таком неприятном положении. Наконец, он решился и нырнул.

Холодная вода поглотила его, как фригидное лоно. Ривен стал судорожно грести руками, чувствуя иной раз, как пальцы его задевают стены водостока. Он крепко зажмурил глаза и плотно сжал губы.

Прошло всего лишь несколько секунд. В лицо Ривену ударила струя воздуха, он вынырнул из воды и жадно вдохнул воздух, одновременно протирая глаза от скользкой грязи. Свет — настоящий свет. Свет от костра. Движущиеся фигуры. Двое склонились над ним и, схватив его за руки, вытащили из воды. Ривен повалился на каменный пол и, как рыба, выброшенная на сушу, принялся хватать ртом воздух. Потом смахнул с глаз непослушные намокшие волосы и огляделся.

Фриний стоял у огня, кутаясь в плащ, брошенный на плечи, и грея руки над пламенем. С ним были какие-то люди. Еще меньше ростом,

чем он. Телосложением они напоминали детей. А их лица...

Не лица даже — усаые мордочки с черными носами-пуговками. Глаза — большие, бездонные. Огромные уши чашечкой. Головы грызунов. На туловищах детей. Двое из них помогли Ривену подойти к костру. Он помотал головой. В мерцании желтых языков пламени он разглядел каменные стены, которые уходили вверх, точно колодец. Потолок терялся во мраке. Ривена бил озноб. Тело его покрывали мурашки. Весь дрожа, Ривен подошел к костру и молча принял протянутый плащ, сухой и теплый.

Виры. Люди-крысы. Дольний народ. Они селились в водостоках и под развалинами городов Мингниша. Это он их придумал, Ривен, но никогда не писал о них. Хотя и собирался... они должны были появиться в его третьей книге, когда поиск разгадки тайны, предпринятый ради спасения страны, уже подойдет почти к самому концу.

Может быть, кто-то другой пишет сейчас об этом. Вместо меня. Может, я сам теперь стал персонажем чьей-то книги.

От одной только этой мысли он похолодел.

Но, как бы там ни было, виры, похоже, были настроены дружелюбно. Пять-шесть низкорослых фигурок находилось сейчас в этой комнате. С одним из них Фриний вел разговор на языке, который больше всего походил на череду щелчков и попискиваний. Остальные отошли в сторонку и принялись распаковывать какие-то тюки из промасленных шкур. Ривен заметил, что они все же

время от времени поглядывают на него. В их зеленых горящих глазах отражался свет пламени.

Эти существа — моя выдумка. Мое воображение. Я даже не успел еще написать о них.

Он постепенно отогревался.

Мингниш снова затеял со мной игру.

Фриний закончил разговор с виром и обратился к Ривену.

— Ну, Сказитель, это — Квой, вождь виров, которых еще называют Дольним народом. Он мой друг. А это — одно из пристанищ, где находят они приют во время своих хождений под Талскером. Это место — часть уличного сообщения старого города, который был погребен под землей, а над ним выстроен новый. Здесь живут виры, укрытые от людских глаз. И жили здесь на протяжении веков.

Вопросы так и вертелись на языке у Ривена, но он прекрасно понимал, что задавать их сейчас не время. Беспокойство за своих друзей разъедало его, словно ржавчина.

Внезапно Квой заговорил. Его тонкий высокий голосок совсем не вязался с темной глубиной его глаз, мерцающих зеленоватым свечением.

— Мы нашли твоих друзей и уже сейчас готовим их побег. Их поместили в отдельные камеры на верхнем уровне герцоговой темницы. Насколько мы можем судить, никто из них серьезно не пострадал, хотя, как и тебе, им пришлось претерпеть некоторые неудобства.

Неудобства. Ну что ж, можно сказать и так.

— Когда мы отправляемся? — спросил Ривен.

Квой прикрыл веки и повернулся к Фринию.

— Он пойдет с нами?

Лекарь сердито нахмурился.

— Я бы его не пустил. Он сейчас не в том состоянии, чтобы бегать по сточным каналам и — что вполне вероятно — драться с наемниками. Он едва на ногах держался, когда шел сюда. Будет лучше, если вы сделаете все сами.

Ривен с трудом подавил свою ярость.

— Они же мои друзья. И попали в беду из-за меня. Я иду с вами.

Фриний покачал головой.

— Поверь мне, это не слишком благоразумно. И, кроме того, оставаясь здесь, ты тоже можешь помочь своим друзьям. Мы тут должны кое с кем повидаться. Тебе обязательно нужно с ним встретиться.

Он кивнул Квою, и вир оставил их, присоединившись к своим товарищам. Во мраке тускло блеснула сталь, и Ривен увидел, что в узлах, которые потащили виры, было оружие и стальная проволока.

Он с горечью поглядел на Фриния.

— Так с кем должен я встретиться?

— С Квиринусом, — ответил старик. — А теперь попрिдержи свой язык и постарайся чуть-чуть обсохнуть.

Прошло какое-то время. Почти все виры оставили их, удалившись через затопленный водой вход. Ныряли они тихонько, почти без брызг. Каждый взял с собой по куску блестящей проволоки — Ривен сообразил, что то были гарроты — и по железному пруту, которые походили скорее на вертела, нежели на шпаги. Трое виров осталось

в зале. Они уселись на корточки у огня и принялись молча таращиться на Ривена. Руки у них были длинные и тонкие, а покрытые шерсткой пальцы оканчивались черными острыми когтями. Под их пристальными взглядами ему стало как-то неловко, и он повернулся к Фринию. Старик попыхивал своей трубкой. От мокрой одежды его поднимался пар.

— И как они собираются вызволять остальных? — не без тревоги и раздражения спросил Ривен. Он чувствовал свою никчемность, ненужность здесь. Но Фриний, казалось, нисколько не беспокоился.

— Под всей территорией города проходят потайные ходы и тоннели, — старик затаился и выпустил изо рта струйку дыма. — И больше всего их под башней герцога. Его темница — всего лишь верхний уровень подземных ходов, что пронизывают весь холм, на котором стоит Талскер. Кое-кто полагает, что это гномы начали строить их в те далекие времена, когда леса покрывали землю. Но никто еще не спускался достаточно глубоко, чтобы выяснить, правда ли это, а сами гномы молчат.

— Вот по этим тоннелям и водостокам виры сумеют пройти незамеченными в самое сердце подземной темницы. Запоры же — не преграда для их ловких пальцев, а наемникам нечего противопоставить их бесшумным ногам и гарротам, которые у виров всегда с собой. Скоро твоих друзей освободят, и лучше не спрашивать «как» и «зачем». Просто прими с благодарностью то, что они поддерживают нас.

— А почему они с нами?

— Потому что они верят в цель твоих поисков и, как и я, чувят магию, заключенную в тебе.

— А этот Квиринус... ему что до этого?

Фриний улыбнулся.

— Квиринус — редкий человек. Облеченный властью, но при том самых широких взглядов. Он, по всей видимости, кое-кого знает из вашей компании. Он окажет вам помощь со снаряжением и поможет ускользнуть из города. Что для вас очень важно. В Талскере кое-что назревает... кое-что, во что лучше не вмешиваться, — борьба за власть и влияние. Впрочем, она назревала достаточно долгое время, но с прибытием леди с Юга процесс ускорился. — Старик вздохнул. — Может быть, это и к лучшему. Настало время перемен.

Леди с Юга. В самом деле.

Спустя какое-то время, когда Ривен уже почти обсох, один из виров порвался в мешке у себя на боку, молча достал оттуда строганину чего-то черного, жирного и пахнущего какими-то травами и передал ее по кругу. Ривен с сомнением уставился на доставшийся ему кусочек, но уже через мгновение последовал примеру своих товарищей и принялся есть. Слегка резиновая на зуб, эта строганина оказалась довольно вкусной. Какое-то вяленое мясо... Ривен решил, что лучше не спрашивать, из какого животного приготовлена эта пища.

Они молча сидели и ели. Внезапно виры насторожились, как будто что-то почуяли. Они повели носами и наострили уши, — ни дать, ни

взять крысы, нюхающие воздух, — потом обменялись несколькими словами на своем писклявом языке, после чего двое из них отошли от костра и встали у квадратного углубления с водой, которое было здесь единственным входом.

Что-то с шумом всплыло на поверхность, и темноволосая человеческая голова, взбаламутив воду, отряхнулась, отчего брызги разлетелись во все стороны. Два вира ухватили пришельца за руки и вытащили на сухой каменный пол. То был мужчина в кожаных доспехах с двумя кинжалами, закрепленными у обоих бедер. Вода грязными струями стекала с него. Не обращая внимания на своих хозяев, он нагнулся над колодцем. Спустя несколько мгновений над поверхностью появилась еще одна голова: совсем лысая, точно шляпка гриба, с густыми черными бровями. Первый помог второму выбраться из воды, и плащи, что согревали Ривена и Фриния, были переданы двум промокшим насквозь новоприбывшим. Лысый провел белой рукой по своей голове и рассмеялся.

— Народ ваш деградирует, — сказал он двум вирам. — Вы что, никогда не слышали о дверях? — Потом он обратился к ним на их собственном языке.

Они присоединились к Ривену и Фринию у костра, и лысый громогласно поприветствовал лекаря — слова его отдались гулким эхом в каменных стенах.

— Фриний, ты, старый козел... опять, я смотрю, у тебя неприятности. Я слышал, что сейчас ты подыскиваешь себе новую конуру.

— Лишь не имеющие никакого понятия о

приличиях пьяницы могут так потешаться над горем другого, — в тон лысому произнес старик. — Тебе все так же не хватает учтивости, милорд Квиринус, как и тогда, когда я зашивал твои раны, которые в молодости получал ты в изрядных количествах, подвизаясь на поприще драчуна и повесы. Даже возраст не повлиял на тебя благотворно.

Квиринус громко расхохотался и сел рядом с ними, а его спутник остался стоять, настороженно глядя по сторонам.

Проследив за направлением взгляда Фриния, Квиринус ткнул пальцем в своего утрюмого компаньона.

— Не обращайтесь внимания на Кейгара: он всегда обо мне, старике, беспокоится. — Он внимательно посмотрел на Ривена. — Так значит, это и есть Сказитель, о котором ты мне рассказывал. Судя по его виду, люди герцога уже успели с ним пообщаться.

— Так оно и есть. Его нужно спрятать. Его и его друзей. Еще им понадобится снаряжение для поездки в горы. И отправить их нужно как можно скорее. — Фриний помолчал и добавил: — Это очень важно, милорд.

Квиринус посмотрел на него.

— Не сомневаюсь. Раз уж даже виры взялись ему помогать, ты ради него остался без дома, а весь городской гарнизон поднят по тревоге, чтобы выследить его и его друзей. — Он усмехнулся. — И, как в доброе старое время, людям Сергиуса хорошо досталось, если то, что я слышал, — правда. С тех пор, как я последний раз видел его,

Байклин не утратил умения владеть клинком. И теперь Годомар и его новая темноволосая ведьма подняли на ноги весь Талскер своими рассказами о беде, обрушившейся на южные Роримы, и злых колдунах, разгуливающих по улицам города. Не удивительно, что все население в панике и что ни в чем не повинных людей вышвыривают из города на съедение лютым зверям. — В первый раз с тех пор, как барон появился здесь, выражение беспечной веселости стерлось с его лица, и густые нависшие брови тут же придали его лицу свирепый вид. — Даже мои собственные стражи попались на эту удочку, а мирканы засели в своих казармах и не желают ни во что вмешиваться. Они отказываются следить за порядком в городе, потому что все то, что теперь здесь происходит, на их вкус дурно пахнет. И я не виню их. Ходят слухи, что некоторые мирканы ушли на службу к баронам пограничных поместий и занялись настоящим делом.

— К каким, интересно, баронам? — лукаво полюбопытствовал Фриний, и Квиринус рассмеялся. Хорошее расположение духа вернулось к нему.

— А что мне еще оставалось делать, как не принять их? Кроме того, они мне нужны. Пока городская знать вздорит друг с другом, мы там у себя, на севере, из последних сил боремся за выживание... И это вынуждает нас искать нашего друга. — Глаза под нависшими бровями вновь обратились к Ривену. — Мне сказали, что ты — друг Байклина. Стало быть, я могу доверять тебе, не требуя иных доказательств. Я знаю, что с ним

что-то произошло, когда он ходил в горы в прошлом году, что-то, связанное с тобой. С тобой и с тем, что сейчас творится с Мингнишем, ибо Смутные времена начались как раз с того самого дня, когда Байклин поднялся на Стэйр. А что ты скажешь по этому поводу? — барон вытер все еще мокрое лицо и поглядел на Ривена в ожидании ответа, не проявляя при том ни малейшего нетерпения.

Манера лысого выражаться — напрямую, без обиняков — захватила Ривена врасплох. Он растеряно посмотрел на Фриния, но лицо старика, сморщенное, как ядро грецкого ореха, было таким же непроницаемым. Он чувствовал на себе пристально-спокойные взгляды виров и видел хмурое лицо телохранителя Квиринауса.

— Ну, что ж, — произнес он и начал повествование. То был долгий рассказ, в нем переплетались события, происходившие в двух мирах, — загадочные события, которые он не мог объяснить, — но слушатели сидели молча и ни разу не прервали Ривена. Фриний даже не заметил, что его трубка давно погасла. Ривен рассказал им обо всем, соотнеся похождения Байклина и Мертаха со своими собственными. Когда он закончил, одному из виров пришлось вновь разводить костер, от которого остались лишь тлеющие угольки. Тишина еще долго висела в воздухе. Наконец, Фриний в последний раз попытался затянуться своей потухшей трубкой и принялся выбивать ее о каблук сапога. Брови Квиринауса сдвинулись в одну жирную линию.

— В самом деле, занятная история, — тихо

заметил он. — И, похоже, тебе тоже досталось немало. Как, впрочем, и нам. — Он горестно покачал головой. — Прямо-таки в голове не укладывается. Что скажешь, Фриний?

Старый лекарь, принявшийся было заново набивать трубку, прервал на мгновение свое занятие.

— Не один век уже ходят слухи о существовании каких-то иных миров. Кое-кто из Горнего народа утверждал даже, что им удалось побывать там. И еще, говорят, гномы не раз находили Двери в иные пространства в самых глубоких своих рудниках. Но одно дело — слушать все эти сказки, совсем другое — разговаривать с человеком, который утверждает, что он пришел из такого другого мира. — Он, наконец, раскурил свою трубку и тяжело вздохнул. — Для меня это не новость. Но я встревожен. По двум причинам. Во-первых, есть нечто, что выпадает из какой бы то ни было логики, в том числе магической, — эта темноволосая девушка, которая и жена, и не жена нашему другу, как и леди Джиннет. — Он улыбнулся. — Я больше не буду называть леди волчицей, это не слишком учтиво по отношению к Ривену. Но что-то в этом не так. Есть еще кое-что, и Ривен не имеет к тому ни малейшего отношения... хотелось бы только знать, что именно. Но и это еще не все. И я сомневаюсь, что даже гномы сумеют разрешить эту головоломку... Если б они знали ответы, они бы, наверное, не стали тянуть так долго и уже предприняли бы что-нибудь? Они ведь мудрее всех, хотя и несколько скрытны. Они просто не могут не знать, что происходит сейчас

со страной. Их почитают хозяевами магии, чей источник лежит в земле... но я не думаю, что они как-то причастны к последним событиям. И я сомневаюсь, что они могут все это предотвратить. Возможно, они теперь так же беспомощны, как и все остальные, ибо и гномы — обитатели этой земли. Почти такие же, как мы. А второе, что меня беспокоит, так это то, что первая чистка в Мингнише случилась в тот самый год, когда родился Ривен. В том, своем мире. Таким образом, можно предположить, что за его связью с нашим миром стоит нечто большее, чем его книги.

— Двусторонний канал, — задумчиво произнес Ривен. — Мне кажется, существует некий канал магической связи, по которому из вашего мира ко мне приходят образы. А Мингниш, в свою очередь, получает что-то и от меня, причем с того самого дня, как я родился на свет. Не я создал этот мир. Не я. — Ривен вдруг ощутил несказанное облегчение. — Значит, не я виновник разрушений, убийств, климатических катастроф... Здесь замешано что-то еще. — Но что? Что вызывает такие изменения? И почему?

— Гномы могут и не знать, — сказал Квири-нус. — Но, с другой стороны, гномам ведомо многое. Они живут в этом мире с тех пор, как из земли поднялись первые горы, и Великая река понесла свои воды к Южному морю. Возможно, они расскажут тебе о прошлом, о чем-то таком, что поможет тебе разгадать эту загадку. Я же ничем не могу помочь, и Фриний, который моложе гномов, мне кажется, — тоже. Так что идея пойти

в горы — не такая уж и плохая, хотя, признаюсь, я рад, что мне не придется идти туда самому.

— Гресхорн, — задумчиво проговорил Фриний. — Горы на краю света. Едва ли найдется более трудный маршрут. — Он взглянул на Квиринуса. — Но ты им поможешь?

— Помогу. Не будь даже иных причин, я бы помог им единственно ради Байклина. В Армишире они найдут надежное убежище, и ни один из приспешников Сергиуса их там не достанет. А если кто из твоей компании захочет остаться, — он вновь обратился к Ривену, — мой дом будет их домом, пока они не будут готовы вернуться на Юг.

Ривен поблагодарил его, думая о всех тех бедах и потерях, которые выпали на долю его друзей. Мадра уж точно дальше идти не может, а из того, что Ривен помнил о схватке в доме Фриния, он мог заключить, что, скорее всего, Ратаган с Айсой тоже серьезно ранены.

— Мои друзья все еще там, в темнице, — сказал он.

Один из виров наклонился вперед и что-то сказал на своем языке. Квиринус кивнул.

— Уже нет. В этот самый момент они идут по тоннелям, к городским стенам. И скоро нам тоже будет пора отправляться путь.

Ривен перевел озадаченный взгляд с виров на Квиринуса и обратно. Барон Армишира рассмеялся.

— Они общаются друг с другом мысленно, мой друг. Волшебство в своем роде. И это тоже — одна из причин, почему они вынуждены скрываться.

И тут — в первый раз — заговорил молчаливый телохранитель Квиринауса.

— Если тем, ради кого мы пришли сюда, больше нечего опасаться, то, милорд, нам тоже пора отправляться. До рассвета нам нужно проделать немалый путь, а ночь над землей уже на исходе.

— В самом деле, — задумчиво пробормотал Квиринаус. — Ты, как всегда, готов напомнить мне о моих обязанностях, Кейгар; впрочем, мне не приходится о том сожалеть. Я бы, конечно, с удовольствием посидел здесь еще и поболтал с приятными людьми. — Он встал, отбросив в сторону свой плащ. Его одежда так и не высохла. Он поглядел на Фриния, сидевшего на корточках у костра. Ривен подумал, что в такой позе, да еще рядом с дородным бароном, лекарь похож на садового гнома.

— Нам, дружище, пора. Что за время такое настало: когда бы ни выдался случай нам поговорить, обязательно кто-то стоит у меня над душой и подгоняет. Надеюсь, будет еще время, когда мы сможем, наконец, спокойно посидеть и потолковать.

Фриний задержал руку друга в своей.

— С нетерпением буду ждать. Будь осторожен. — Он повернулся к Ривену. — Квиринаус отведет тебя к твоим друзьям и доставит в безопасное место. Я же свою работу исполнил.

— А ты что, не пойдешь? — с глупым видом спросил Ривен. Внезапно он понял, что ему будет недоставать этого маленького старичка.

— Я остаюсь. Виры подыщут для меня мес-

течко. Пусть опасности минуют тебя на нелегком твоём пути, и не только ради людей этой страны, но и ради тебя самого. — Он улыбнулся. — А теперь тебе снова придется вымокнуть.

Виры уже расположились у края колодца и разговаривали с Квиринусом. Раздался всплеск, и Кейгар исчез. Квиринус махнул Ривену рукой — мол, бывай, — и тоже скрылся под водой.

Ривен неохотно встал. Вода была черной, холодной и грязной — такой неприглядной... Он невольно поежился. Один из виров дотронулся до его руки и что-то сказал на своем языке.

— Он желает тебе счастливого пути, — пояснил лекарь.

— Спасибо, — пробормотал Ривен себе под нос. — Ну, вперед, — и он нырнул.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На этот раз они шли дольше, и Ривен поначалу все удивлялся тому, что они неуклонно спускаются вниз, но потом вспомнил, что Талскер стоит на высоком холме, и если они собираются выйти из города по этим тоннелям, им нужно сначала спуститься к его подножью.

Силы его были уже на исходе. Он едва поспевал за Квиринусом и Кейгаром, спотыкаясь на каждом шагу, задевая плечами о стены и время от времени стучась головой о потолок. Кроме того, Ривена томила невыносимая жажда, хотя он не дошел еще до того состояния, чтобы всерьез подумывать о воде, стекающей по стенам тоннеля. Ее вид по-прежнему не внушал доверия, хотя канализационные стоки давно остались позади.

Теперь тоннели выглядели древнее. Кое-где стены уже просели и раскрошились, а пол стал неровным. Черные, острые, точно копья, сталактиты свисали с сумрачного потолка.

Квиринус шел впереди, держа в руке факел, который дожидался его на выходе из колодца. Его мерцающий свет отбрасывал громадные размытые тени, пляшущие на стенах тоннеля. Дальние углы и боковые проходы оставались сокрыты во мраке. Крысы больше не попадались, но несколько раз Ривену показалось, что он замечал краем глаза какое-то мелькание. Наверное, это виры неслышно крались по пятам, приглядывая за ними. Или, может, еще какие-нибудь существа, обитающие в здешних темных подземных глубинах. От этой мысли по его телу побежали мурашки, и он

подумал о том, что было бы лучше, если бы он шел в середине, а не последним.

Наконец они остановились. Только шум их дыхания да треск факела нарушали тишину подземелья. Ривен был благодарен за передышку. Привалившись спиной к влажной стене, он вытер мокрый лоб. Ноги горели, как в огне, голова стала странно легкой. Горло было воспалено.

Квиринус передал ему обтянутую кожей фляжку.

— На вот, подкрепись. Скоро мы уже выйдем из этих тоннелей. Однако нам еще предстоит проделать немалый путь по земле. Несколько миль верхом. Тебе понадобятся силы.

— Далеко? — спросил Ривен, откупоривая фляжку. Из горлышка потянуло ароматом крепкого ликера.

— От городских стен до моего дома в Рим-Армишире — двенадцать миль, и нам придется поторопиться. Не сомневаюсь, что город сейчас весь гудит от известий о вашем исчезновении. Шайка Сергиуса уж постарается. Они потребуют свободы действий. — Он улыбнулся. — Пей. Это придаст тебе сил.

Ривен выпил. Крепкий напиток с привкусом мандарина охладил его горло и согрел желудок. Язык больше уже не казался разбухшим. Он протянул фляжку обратно, но Квиринус не взял ее.

— Оставь у себя. Судя по твоему виду, до восхода солнца она тебе еще не раз пригодится. — Он повернулся и, кивнув Кейгару, вновь повел их вперед.

Вскоре они снова остановились. По прикидкам Ривена, они успели пройти не больше мили, как вдруг Квиринус поднял руку, требуя тишины, и замер на месте, прислушиваясь. Спереди доносился рев стремительного потока воды, отдававшийся эхом в проходах. Квиринус нахмурился.

— Вода поднялась высоко, выше, чем я предполагал. Обычно на этом уровне она едва сочтется.

— Когда мы спускались в канал, шел дождь. Быть может, он так и идет, — высказал предположение Кейгар.

— Может быть, — проворчал Квиринус. — Но как бы там ни было, выбор у нас небольшой. Держитесь за ремни друг друга. Я гашу факел. — Он взглянул на Ривена. — Теперь придется поднапрячься, так что держись крепче.

Он поднял руку и отшвырнул факел, который упал, зашипев искрами и угольками. Все погрузилось во тьму. Шум воды как будто стал громче. Ривен почувствовал, как Кейгар сделал первый осторожный шаг, и вцепился в его ремень. Они медленно продвигались вперед, точно тройца слепцов.

Вода под ногами быстро поднималась; сначала она покрыла ступни Ривена, затем лизнула лодыжки и продолжала подниматься выше. Когда она заплескалась почти на уровне бедер, он откупорил фляжку Квиринуса и сделал несколько глотков. Если ему предстояло опять окунуться в студеную воду... у него было такое чувство, что он вполне этого заслуживает.

Когда вода поднялась по пояс, Ривен почувствовал, что поток может сбить его с ног, и еще

крепче вцепился в ремень Кейгара. Ему представилось вдруг, как этот поток унесет его по незнакомым тоннелям в темное чрево города, и он навсегда потеряется в канализации своей же собственной истории. Ривен криво усмехнулся.

Течение обратилось в стремительный поток, и, чтобы не упасть, приходилось крепче держаться друг за друга. Но впереди уже стал заметен какой-то свет. Ривен увидел, что тоннель поднялся высокой аркой, проход стал заметно шире, в потолке виднелись квадратные прорезы, через которые тоже падал свет; вода, однако, все поднималась.

— Держитесь поближе к стене! — крикнул Квиринус. — Там справа где-то должна быть лестница. Надо нащупать ее!

Вслепую, они с трудом продвигались вперед; брызги летели им в лицо, вода попадала в рот. Один раз Ривен едва не захлебнулся. Каждый вдох давался с трудом. На мгновение дно ушло из-под ног Ривена, и поток унес бы его, если бы он не повис на ремне Кейгара. Ему удалось, наконец, снова ощутить ногами дно. Его пальцы скользили по влажному камню стены, пытаясь нащупать, за что ухватиться.

Кейгар внезапно остановился и что-то прокричал, но Ривен не сумел расслышать, что именно. Потом он стал подниматься. Ривен судорожно ощупал стену и наткнулся на металлическую скобу, заделанную в камень. Он подтянулся и полез следом за Кейгаром. Вода осталась внизу. Вверху Ривен различал круг лысой головы Квирируса, вырисовывающийся на фоне квадрата ночного

неба. Они с Кейгаром вытащили Ривена из колодца, который после этого без сил повалился на влажные камни мостовой. Он лежал, прислушиваясь к шуму воды далеко внизу и подставив лицо редким каплям дождя.

И тут его разобрал смех. Вот уж действительно: тихая ночь. Тшь да покой.

Впрочем, в покое его оставили ненадолго, Квиринос и Кейгар подняли Ривена на ноги и потащили по темной улице. Он не успел даже стряхнуть с себя влагу. Из мрака выступили лошади и люди в доспехах. Он весь сжался. Ловушка после стольких усилий? Но кто-то набросил плащ ему на плечи и подтолкнул к лошади без седока.

— Садись, — шепнул ему на ухо Кейгар. — Нам надо ехать не медля!

Ривен с трудом забрался в седло. Холодная вода, пропитавшая его одежду, заляпала под ягодицами. Кто-то взял его коня под уздцы, и копыта застучали по мостовой. Ривен натянул капюшон на голову, чтобы укрыться от дождя, который снова усилился. Через некоторое время он начал узнавать громадные крепостные стены, за которыми остался город. Рассвело, но было пасмурно. Стук лошадиных копыт отдавался гулким эхом, вскоре перед ними открылась темная равнина, за нею — холмы в завесе мороси, а еще дальше угадывались черные вершины гор. Вместе с остальными, конь его перешел в легкий галоп, и Ривен прилагал все силы, чтобы не вылететь из седла. Погони не было, но он так устал, что ему было уже все равно.

Они нещадно гнали лошадей, лишь изредка замедляя бег. Дорога шла то вверх, то вниз, и несколько раз лошади их пересекали мелкие речушки, поднимая фонтаны брызг. Воздух срывал капюшон плаща с головы Ривена, отбрасывая его назад, за плечи. Он не мог сдержать дрожь. Промокшая одежда обледенела, бороду покрыл иней. Пришла настоящая зима, и они приближались к подножию Гресхорна, самых высоких гор в этом мире. Ривен толком еще и не видел этого хребта, но даже теперь ему стало ясно, что горы Гресхорна гораздо выше самого высокого края на Скае, суровее любого утеса, на который ему доводилось подниматься. Он решил пока не задумываться над тем, какой им предстоит подъем. Тепло — вот что ему сейчас нужно. Тепло и сон. Он потянулся за фляжкой Квиринуса, но ее не оказалось на месте. Скорее всего, он выронил ее в водоворотах того подземного потока. Он выругался про себя от досады. Ничего не поделаешь, придется стойчески выносить жажду и эту боль, которую пробудила в нем бешеная скачка в морозной ночи. Ривен давно уже потерял ощущение времени и расстояния и чувствовал только, как немеют пальцы рук и ноги в промокших сапогах.

Он, должно быть, заснул или задремал, или даже на какое-то время потерял сознание, потому что резкий толчок заставил его очнуться. Ривен едва удержался в седле. Всадники остановились. Вокруг них разливалось золотое сияние факелов, ветер трепал их пламя и уносил дым. Их окружили какие-то пешие люди, взяли под уздцы лошадей.

Впереди громоздилась стена, — массивная, серая, — испещренная бойницами. Посередине зиял черный провал ворот. На мгновение Ривену показалось, что они возвратились обратно в Талскер, но люди, что окружили его, помогли ему сойти с коня, и Квиринос стоял в свете факелов — лицо приобрело цвет меди, на бровях таяла изморозь, — покрикивая на них, чтобы те были поосторожнее с конем. Им пришлось подхватить Ривена, так как ноги его не держали. Он совсем окоченел и ослаб. Кто-то обхватил его за плечи. Айса, заметил Ривен, несколько не удивившись. На разбитое, все в кровоподтеках лицо миркана было страшно смотреть, глаза же его, как всегда, оставались спокойны и непроницаемы.

— Добрая встреча, Майкл Ривен, — сказал ему Айса, и Ривен закрыл глаза.

— Да уж, — выдавил он и почувствовал, как его подняли на руки и понесли куда-то, где не стало ни дождя, ни пронизывающего ветра.

Мелькали лица: то появлялись, то исчезали. Он явственно ощущал жар, исходивший от огня. Кто-то раздел его и стер ледяную воду с лица и шеи. Потом его уложили в постель, — настоящую постель, — и он сумел наконец выйти из оцепенения и ненадолго вернуться в реальный мир.

Он проснулся от света дня, который лился сквозь узкие окна и ложился золотыми полосами на покрывало. В комнате было тепло. В очаге горел огонь. Он не мог даже пошевелиться — все тело болело, однако Ривен обнаружил, что все его ссадины перебинтованы и он ощущает пальцы ног, что уже радовало.

Он сел на постели. Больше в комнате не было никого, хотя подле его кровати стоял стул. Снаружи ветер гулял по карнизам, откуда-то из дома доносились голоса. Он опять лег, устроившись поудобнее. Воспоминания о подземной темнице, о канализационных тоннелях и людях-крысах лезли в голову, словно обрывки кошмарного сна. Что за место! Что за чертово место!

Вдруг он вспомнил Айсу. Как видел его прошлой ночью. Значит, они живы. Они здесь. Слава Богу.

На низком столике подле кровати лежала одежда, и Ривен встал, чтобы посмотреть, что там ему принесли. Снова — наряды Мингниша. У него скоро будет вполне приличный гардероб... или, вернее, был бы, если бы он постоянно не рвал и не пачкал свое одеяние в переделках.

Дверь отворилась. В дверном проеме стояла Мадра. Радость озарила ее лицо, когда она увидела, что Ривен встал. Он улыбнулся ей. Она бросилась через всю комнату и упала к нему в объятия, повалив его на кровать. Он рассмеялся и принялся безудержно целовать ее. На горле ее все еще оставалась повязка. Он взял в ладони ее лицо и заглянул в глаза, сияющие от радости. От одного только вида этих сияющих глаз Ривен наполнился здоровьем и бодростью.

— Ты можешь уже говорить?

Лицо ее омрачилось. Она мотнула головой. Он поцеловал ее в лоб.

— С тобой все в порядке? Они плохо с тобой обращались?

Она кивнула и покачала головой, не в силах

оторвать взгляд от лица Ривена. В ее глазах промелькнуло вдруг недоверие, и пальцы ее пробежали по его волосам, груди, как если бы она хотела удостовериться, что действительно он сейчас спросил ее об этом, что действительно он только что целовал ее с такой страстью.

— А как все наши? Ратаган... с ним все в порядке? Я видел, как его...

Она снова кивнула, потом молча поцеловала его.

— Ратаган жив-здоров, и, я вижу, ты тоже не так уж и плох, дружище, — раздался с порога знакомый бас.

Мадра чуть отстранилась, и Ривен увидел, что у двери толпятся Ратаган, Байклин, Финнан и все остальные. Даже бесстрастное лицо Люба, казалось, светится радостью.

— Всему свое время и место, — рассмеялся Байклин, и вся честная компания шумно ввалилась в комнату. Последним вошел Квиринус с недоуменно-растерянным выражением на лице.

Ривен опустил ноги с постели и оказался в медвежьих объятиях Ратагана, который с силой прижал его к своей груди. Распухшее лицо гиганта представляло собой сплошной багровый синяк, прорезанный от виска до носа ссохшимся в корку лиловым шрамом, но голубые глаза оставались такими же ясными, как и прежде.

Остальные выглядели ничуть не лучше. Даже Финнан получил свою долю ссадин и синяков. Голова Байклина была перевязана льняными бинтами, алыми от пропитавшей их крови. Смуглолицый положил руку на плечо Ривену.

— Квиринус рассказал нам, как ты запанибрата общался с колдунами и вирами, лазил по тайным ходам Талскера и купался в сточных водах. Мы, конечно, ему не поверили. Но ты нас заставил поволноваться, Майкл Ривен. Были мгновения, мы думали, ты уже не оклемаешься.

Ривен улыбнулся. Оказалось, что это не так уж и трудно.

— Да я в полном здравии. Когда выезжаем?

— Скоро, но не так чтобы слишком, — сухо вставил Квиринус. — Тебе и твоим друзьям не мешало бы отдохнуть день-другой, прежде чем отправляться в горы. Байклин все тебе объяснит.

— В самом деле, — тот вдруг посерьезнел. — Нам всем надо немного отойти после радушного гостеприимства леди Джиннет. К тому же ее кондотьеры сейчас шарят по предгорьям в поисках наших душ. Нам нужно выждать.

— Мы удостоились особого внимания местных властей, — прогудел Ратаган.

— Мы объявлены вне закона, — уныло пояснил Финнан, должно быть, думая о своей барже, которая так и осталась стоять на приколе у Речных ворот Талскера. — Меня взяли сразу же после того, как я вышел из дома Фриния. Они следили за ним.

— А как все было? — спросил Ривен. — Как виры освободили вас?

— Благодаря хитроумию, сноровке и капле везения. — Байклин кивком указал на лысого барона, который уселся в углу и внимательно наблюдал за ним. — Люди Квиринуса помогли нам, когда мы выбрались из камер, но, прежде

чем выйти из города, нам все же пришлось убрать с дороги нескольких слишком ретивых преследователей.

— После всех синяков и шишек, обрушившихся на наши головы, не самое неприятное, должен заметить, занятие, — вставил Ратаган. В глазах его блеснул огонек, и он стал как-то странно похож на Айсу.

— А теперь мои стражи присоединились к этой охоте за вашими головами, — не без иронии добавил Квиринус. — Нет нужды говорить, что мы с Кейгаром хорошенько их проинструктировали. По крайней мере, нужно было освободить вам дорогу в горы.

— Снаряжение уже приготовлено, — сказал Байклин. — Дня через два мы можем отправиться в путь. Или даже через день... в зависимости от того, как будем себя чувствовать.

Ривен задал вопрос, который пришел ему в голову еще в доме Фриния.

— Кто едет?

— Ты, Ратаган и я. — Смуглолицый как-то неловко оглядел компанию. — Айса настаивает, чтобы его тоже взяли. Это все. Мадра, прости, но ты не в том сейчас состоянии, чтобы проделать такую дорогу...

Ривен почувствовал, как она вся напряглась.

— ... Люб и Коррари проводят тебя домой.

Коррари хотел было возразить, но замер под взглядом Байклина.

— С меня хватит того, что убили твоего брата, — тихо проговорил Смуглолицый. — Достаточно одного.

Люб, как всегда, оставался невозмутим.

— По крайней мере, этот вопрос улажен. — Квиринус поднялся со своего места в углу. Голос его был приветлив. — Близится время обеда. Мне нравится, как у меня готовят. Буду рад, если вы пожелаете составить мне компанию. — Он вышел за дверь. Финнан с задумчивым видом поплелся за ним.

— Наш речной друг ищет себе новое место, — заметил Ратаган, когда они ушли.

— И кто может его упрекнуть? — спросил Байклин. Веселое выражение уже стерлось с его лица. Он снова выглядел измученным и усталым. — Ну? Пойдем пообедаем? И ты с нами, Майкл Ривен, если чувствуешь, что в силах. У Квирируса действительно хорошая кухня. — Он улыбнулся. — Хотя его повару пока далековато до Кольбана. Ну ладно, увидимся.

Он тоже вышел, уводя за собой Коррари и двух мирканов. Ратаган задержался. Он подошел к одному из окон и уставился вдаль, на присыпанные снегом горы.

— Почти добрались, — сказал он. Потом обернулся. — Мерет поправляется. Славная девушка, правда. Квиринус сейчас пытается разыскать ее отца, тайно, конечно... — Он умолк и, склонив голову, принялся разглядывать свои руки. В огненно рыжих его волосах появились седые пряди. Заметив это, Ривен испытал нечто похожее на потрясение. Неунывающий гигант теперь казался измученным, и смертельно уставшим, и каким-то даже неуверенным: Тор в преддверии Рагнарека. Но когда Ратаган поднял голову, лицо его озаряла

все та же усмешка. — Пожалуй, пойду. А то пропущу самое лучшее пиво. Сдается мне, у вас двоих есть о чем поговорить. Будь здоров. — Он тихо вышел.

Ривен откинулся на подушки. Мадра обняла его и прижалась щекой к его плечу. Почти добрались. И в первый раз эта мысль не пробудила в Ривене страха. Он чувствовал: многие нити таинственной этой истории, наконец, сходятся вместе.

Все предначертано.

Все будет так, как должно быть.

Он еще крепче прижал к себе Мадру, наслаждаясь ощущением какой-то странной гармонии и покоя.

Позднее, когда над землей опустилась ночь и Ривен сидел у окна и глядел на покрытые снегом вершины, а огонь очага красным глазом мерцал во тьме комнаты, она пришла к нему вновь. Она была босиком, закутанная в длинный плащ. Когда она встала подле его кровати — темные волосы обрамляли лицо ее, — она напомнила Ривену Джиннет, когда та пришла к нему в камеру. Но движением плеча Мадра сбросила плащ и предстала перед ним обнаженной. Сияние тлеющих угольков омыло кожу ее плеч алым светом. В комнате было прохладно. Она скользнула к нему в постель, потянулась к его теплу. Он дал ей это тепло, — без остатка, — принимая все, что она предлагала ему. И старые призраки не стояли сегодня у него за плечом. Он снова был мальчиком... мальчиком с вопрошающим взглядом. Он вновь открывал для себя это чудо: иступленный

восторг — прикоснуться к ней, слиться с ней. Он вновь ощутил ускользающее чувство гармонии и правоты. Он был един с этим снегом, медленно падающим за окном, с этой нетронутой красотой гор, с замерзшей землей и людьми, что ходили по ней. Он вплетался нитью в ткань мира, что предъявил на него права еще до того, как Ривен появился на свет, и острое ощущение счастья пронзило его, ибо так и должно быть. Он чувствовал себя исцеленным.

Время пришло, наконец. Время подняться в горы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Теперь Талскер виделся далеким холмом, подернутым дымкой, у подножья которого серой змеей извивалась Великая река. Они остановились на склоне и еще раз оглянулись назад, на бескрайнюю равнину Большого Дола, сияющего снежной белизной в свете солнца, на скопления черных точек — деревни со струйками дыма над крышами, на Рим-Армишир — небольшое, но тесное нагромождение домов, башен и стен.

Ривен, Байклин, Ратаган и Айса. Итого — четверо. Их поход приближался к концу, и теперь они медленно, но упорно поднимались в горы. Гресхорн. И в самом сердце его — Алая гора: Стэйр. Арат-Гор для гномов и Сгарр Диг в том, другом мире.

Три недели пути, если, конечно, продержится хорошая погода. Осталось немного. Ноги Ривена разболелись и совсем окоченели, ключица ныла под тяжестью вещевого мешка — этакого громадного тюка за плечами. Мела поземка, поднимаемая взвихренные облачка сухого снега. Было холодно. Снегопад давно перестал, и теперь снег даже подтаивал, но колючий ветер продолжал наметать сугробы, и Ривен отчетливо видел, что путь к далеким вершинам там, впереди, закрыт снегами. Не обращая внимания на боль в голове и опаленное морозом горло, он пристально вглядывался в нагромождение скал и пропастей — зазубренные гранитные гряды, что поднимались к небу вереницей остроконечных вершин — голые, точно могильные плиты, с про-

жилками белого снега в складках. Одного вида их было достаточно, чтобы лишить его сил. Ему захотелось вернуться, пока не поздно: пусть спотыкаясь и скользя; но спуститься вниз по крутой тропе, снова прийти к этой хмурой юной женщине, которая не может говорить. И остаться с ней.

Но нет. Он еще должен кое-что сделать. Есть места, где он должен еще побывать, и тайны, которые ждут разгадки. Он улыбнулся студеному ветру.

Молча они продолжали путь. За спиной остались Талскер и Рим-Армишир, впереди ждали каменные вершины.

Весь день они поднимались в гору. Ноги дрожали от напряжения. Шаг за шагом: согнуть, переставить, разогнуть... Стало тепло. Они даже сняли верхнюю одежду. Пробирались через скопления валунов, мокрых от талого снега, через горные ледяные — глубиной по щиколотку, а то и по колено, — ручьи, прозрачные, точно хрусталь.

Здесь было много кроншнепов, а один раз путники вспугнули стаю куропаток, выпорхнувших прямо у них из-под ног. Там, где снег подтаял, открылись красные заросли прошлогоднего папоротника. На поросших травой откосах и полянах резвились зайцы. И еще путешественники видели парящего в вышине орла, распластавшего могучие крылья на фоне серого неба.

Лети, птица, лети...

Как только стемнело, они разбили лагерь под утесом, лишенным всякой растительности. Земля здесь была жесткой и холодной, но Ривен испытывал какое-то странное чувство удовлетворения. Почему-

то ему казалось, что с каждым шагом все окружение его обретает реальность и твердость. Здесь не было ни наемников, ни крепостей, ни свирепых чудовищ, — лишь суровые пустынные предгорья и дорога, уводящая Ривена назад, — к тому, чем он был когда-то. Он чувствовал, что может довериться этим суровым гранитным утесам и ледникам, этим утрюмым громадам гор. Здесь он был дома. Как и там — среди пустынных вершин на Скае.

Прошло еще несколько дней. Молчание гор оказалось заразительным. Даже Ратаган был тих и подавлен. С перевязанного лица Байклина не сходило хмурое выражение. Все едва передвигали ноги. Им пришлось вытерпеть многое, и события последних дней подорвали их силы. Но никто не сказал и слова против, когда на второй день их пребывания в доме Квиринаса Ривен заявил, что им пора отправляться в путь. Они словно бы ощутили некий не зависящий от него импульс, который упорно его подгонял. Как если б у них была где-то назначена встреча, на которую нельзя опоздать.

Путники вышли к подножию хребта. Тропа пролежала теперь через отвесные скалы — не холмы предгорий, а настоящие горы — стены гранита, припорошенного снегом. Ветер стих, и были слышны лишь скрежет щебня под ногами и едва различимые крики орлов, что парили в своем мире безбрежного неба.

Быть может, с высоты Гресхорна они увидят Гленбриттл и даже, возможно, море, а за морем — темные утесы Рама с Маком и Эйгом. Может быть, оттуда видны рыбацкие шхуны у Маллейга. И слышны крики чаек.

Здесь снег уже не таял, и чем выше они поднимались в горы, тем глубже становился его покров. К концу дня они брели уже по лодыжку в снегу. Серые тучи по-прежнему закрывали небо, нестерпимый, пробирающий до костей холод, казалось, просто потешался над теми кострами, которые путники разводили, чтобы согреться, и каждую ночь они подолгу не могли заснуть от холода.

Тропа исчезла, и они поднимались теперь прямо по каменистому уклону, стараясь придерживаться гребня кряжа — так было проще набирать высоту. Здесь снова поднялся ветер. Рвал их одежду, обдувал стужей лица, превращая их путь среди покрытых льдом скал в весьма опасное занятие.

На такой высоте не было ничего живого, — только орлы продолжали кружиться в небе, — но все они чувствовали чье-то присутствие: кто-то следил за ними, может быть, даже преследовал их. Наконец, неприятное ощущение это стало настолько сильным, что путешественники вынуждены были ночами то и дело останавливаться и вглядываться в близлежащие склоны и лоцины, пытаясь заметить какое-нибудь движение. Не раз они слышали, как осыпаются камни, словно под чьими-то ногами. Хотя, может быть, это был просто ветер.

— Наемники никогда бы не стали преследовать нас на такой высоте, — сказал Байклин. — Какой им от этого прок. — Все согласились, но все равно продолжали настороженно озираться вокруг.

Теперь они шли через пустыню из камня и льда. Здесь не было даже самой жалкой растительности, годной на растопку костра, и по ночам путешественники жались теснее друг к другу, как

озябшие дети, пытаясь согреться; ели холодное, вместо воды сосали лед, пока все до единого не застудили горло. Вскоре им начало казаться, что они потеряли даже представление о тепле и уюте и сами превратились в создания гор, — твердые и холодные, как гранит хребтов и вершин, немые, как камень, — а вездесущий ветер лишь придавал им форму человека.

Так — в изнурительных переходах — прошли две недели. Путешественники придерживались изогнутого подковой кряжа и в конце концов вышли к горному массиву, над которым возвышался отвесный пик Стэйр — главная вершина Гресхорна. И если действительно в этих горах жили гномы, то согласно преданию, жили они именно здесь, под сенью Алой горы, нависавшей над мрачной бездной, отделявшей ее от земли людей внизу. Много столетий тому назад мирканы использовали это место как наблюдательный пункт и часто встречались с гномами, но все прекратилось с началом чисток. Поговаривали, что Горний народ бежал в горы Гресхорна и нашел приют у каменных людей, как еще называли гномов. Но никто еще не возвратился в Доли, чтобы подтвердить этот слух.

Путники остановились на изломе хребта. Пар их дыхания уносило ветром. Байклин внимательно оглядел горную страну, раскинувшуюся перед ними.

— Мы спустимся по этому склону вон к тому распадку, где протекает ручей. Там и разобьем лагерь. Дорога станет полегче, но нам еще предстоит совершить восхождение — последнее.

Они стояли на вершине хребта, втиснув ноги в расселины камня, чтобы ветер не сбил их, и внимательно изучали ровную, каменистую долину с неглубоким холодным ручьем и каким-то темным кустарником, что цеплялся за мерзлую почву по обеим его берегам.

— Слава Богу, — произнес Ратаган. — Сегодня у нас будут дрова и горячая пища.

— И нужно использовать эту возможность сполна, — отозвался Смутлолицый. — Потому что потом нам уже вряд ли удастся найти что-нибудь, кроме снега и камня. Мы поднимемся слишком высоко.

В тот вечер стемнело раньше обычного. Густые темные тучи окутали вершины гор. Путники молча сидели вокруг костра, прислушиваясь к шуму ветра, который завывал на все лады, предвещая плохую погоду. Рядом тихо журчал ручей.

Ратаган протянул свои больные руки к огню, растопырив пальцы. Глаза его блеснули, отражая свет пламени. Он прикрыл веки.

— Как вы думаете, сколько еще нам идти? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — И где вы думаете искать гномов?

Никто не ответил. Байклин выглядел усталым, а взгляд Айсы был каким-то отсутствующим. Даже упорство миркана, похоже, отступило перед утомлением. Ривен носком сапога подтолкнул откатившуюся головешку обратно в костер. Он мог бы сказать им, что он уверен: прежде чем гномы покажутся им, должно что-то произойти, — но прозвучало бы это нелепо и зловеще, и Ривен придержал язык.

И что-то действительно произошло.

Во тьме, за пределами круга света, с грохотом

посыпались камни. Темные фигуры возникли как будто из ниоткуда, давя сапогами жесткий, как проволока, кустарник. Остальные, поднимая брызги, ринулись через ручей с другой стороны.

— Тревога, — заорал Ратаган. — Нападение!

В один миг все четверо вскочили на ноги. Усталость словно рукой сняло. В руках засверкало оружие. Ривен вскинул свой меч, который ему подарил Квиринус, Ратаган — позаимствованный взамен потерянного боевой топор, Байклин — короткий клинок, а Айса — окованный в железо посох, который он откопал в арсенале Рим-Армишира. Они встали в круг, спиной к огню, и встретили нападавших.

Те рванулись в атаку — все разом, — скользя на заиндевевшем щебне и поднимая в ручье фонтаны брызг. Байклин убил одного, когда тот, поскользнувшись, упал на берегу под ноги другого. Ратаган выбил у третьего меч и, сбив его наземь, со всего маху ударил его носком сапога. Его товарищ бросился было на помощь, но Ратаган перехватил руку с занесенным мечом и отшвырнул его в темноту, так что тот с размаху ударился головой о валун и затих. Развернувшись, гигант раскроил череп того, который пытался подняться с земли. Боевой его клич звучал как смех, и — как рев торжествующего животного.

Но врагов не убавлялось. Неуловимым движением боевого посоха Айса одним ударом сбил сразу двоих, а когда те упали, с яростью ткнул каждого под ребра острым концом своего оружия. Сквозь шум и лязг битвы прорывались крики

отчаяния и клики победы. Глаза Айсы пылали бешенством, и Ривену показалось даже, что миркан напевает себе под нос какую-то песню мщения.

Оскалившееся лицо врага возникло из тьмы прямо перед Ривеном, и рукояти их мечей со звоном сошлись. Ривен отбросил атакующего назад, и тот упал, поскользнувшись на шатком камне. Он вонзил меч ему в шею и увидел, как струей хлынула кровь — ало-черная в пляшущих отблесках пламени костра. Он едва успел выдернуть меч, как перед ним уже стоял другой. Ривен прикрылся мечом, чтобы отразить удар. Ночь прорезал высокий женский крик:

— Сказитель должен остаться живым! Не покалечьте его!

Ривена вдруг охватило нелепое желание рассмеяться, но еще один удар противника — который он успел отбить — не дал ему перевести дух. Свидание началось, но доживет ли он до того, чтоб поглядеть, что будет потом?

Он убил врага не задумываясь. Его тело теперь повиновалось лишь рефлексам, которые сформировались в нем за последние несколько месяцев. Место поверженного врага тут же занял другой.

Тело упало в костер, подняв в воздух вихрь искр, и какое-то время они сражались в этом пылающем фейерверке, пока ветер не унес летящие угольки и не загасил их в снегу. Поле сражения погрузилось во тьму, освещаемую только отблесками клинков, отражающих слабое свечение облаков над горами, да бледными пятнами искаженных от напряжения лиц врагов.

А потом схватка пошла на убыль. Их враги,

сыпня проклятия, начали пятиться назад, натываясь друг на друга. Визгливый женский голос кричал им, чтобы они остановились и выполнили свою работу, отработали деньги, а иначе они не получают вообще ни гроша. Дикий смех Ратагана разнесся в ночи, ударив в спины бегущих. Айса бросился следом — глаза миркана пылали жадной крови, — не обращая внимания на приказ Байклина оставаться на месте. Ривен почувствовал, как отвратительный пот страха, выступивший у него на спине, стал вдруг холодным и ожег старые раны. Запах жареного человеческого мяса исходил от растоптанного костра — нестерпимую вонь не мог рассеять даже свежий горный ветер. Айса вернулся назад, волоча за собой бешено отбивающуюся женщину, вцепившуюся в него, словно дикая кошка. Он швырнул ее на землю рядом с костром. Она подняла на них свои пылающие ненавистью глаза. Посох Айсы задел ее правый висок; тоненькая струйка крови медленно стекала с него вниз по шее.

— Миледи Джиннет, — с притворной учтивостью проговорил Байклин, но глаза его при этом переполнились гневом. — Что за встреча в этот прелестный зимний вечер!

В темноте свистел ветер. Ривен почувствовал холодное прикосновение к своему лицу. Он поднял голову, и ощутил хлопья снега на лбу и на губах. Ратаган поднял взгляд к высоким вершинам и долго смотрел на них, не отрываясь.

— Начинается метель, — сказал он.

Поднялся буран. В какие-то считанные минуты снег окутал их клубящимся вихрем, лег толстым слоем на одежду и волосы, налип на ресницы,

покрыл белым саваном трупы, валявшиеся вокруг лагеря.

— Так мы не протянем здесь ночь. Нужно найти укрытие! — прокричал Байклин сквозь набирающий силу буран. — Собирайтесь!

— Что делать с ней? — спросил Ратаган, показывая на женщину, сидевшую, скорчившись, на земле рядом с ними, словно дикая кошка, готовящаяся к прыжку.

— Она пойдет с нами. Айса, присмотри за ней!

Они собрали свое снаряжение, разбросанное по всему лагерю, и уложили в вещевые мешки. Во взвихренной тьме почти ничего невозможно было разглядеть. Айса связал руки Джиннет кожаным ремнем и привязал его к своему кушаку. Ривен видел, что, когда она рванулась, миркан обернулся и приставил конец своего посоха к ее горлу. По губам воина скользнула тонкая мрачная улыбка. Рывком он поднял пленницу на ноги.

С трудом они продвигались вперед сквозь разбушевавшуюся метель. Снег хлестал им по лицам, забирался под одежду. Ривен чувствовал только, что они идут в гору, и удивлялся, как это Байклин вообще разбирает, куда идти. Смуглолицый, однако, уверенно вел их вперед сквозь буран — вверх по склону хребта. До Ривена, наконец, дошло, что они поднимаются по хребту в конце горного распадка, который он успел разглядеть до того, как стемнело: по тому самому кряжу, что, свернувшись могучим изгибом хребта дракона, уходил на запад и вел к массиву самых высоких пиков Гресхорна. Вот только где там найти убежище?

Медленно продвигались они вперед сквозь

воющий ветер и снег. Борода и брови Ривена покрылись коркой льда. Его руки замерзли даже в меховых рукавицах, которыми снабдил их Квиринос. Снежный покров стал здесь глубже и доходил до икр. Ноги почти не слушались Ривена, каждый шаг давался с трудом. Он шел, не сводя напряженного взгляда с едва различимой в буране спины Байклина и покрываясь холодным потом от одной только мысли потерять его из виду в этом взвихренном мраке.

Внезапно Байклин что-то закричал и исчез. Ривен бросился вперед и с головой провалился в снег, который намело в расщелину между скал. Он забарахтался беспомощно, но Ратаган протянул ему свою могучую длань и вытащил его на твердую землю. За спиной у него из сугроба торчала голова Байклина, едва различимая сквозь завесу метели.

С секунду Ривен лежал на снегу, переводя дух, а потом присоединился к Ратагану, который пытался бросить Байклину трос. Тот высвободил руку из сугроба, чтобы схватить его, но трос отнесло ветром.

— Нужно привязать что-нибудь тяжелое! — закричал Ривен, пытаясь перекрыть свист ветра. Ратаган кивнул. Из-за льда, покрывавшего коркой лицо гиганта, выражение его невозможно было разобрать. Он с трудом снял рукавицы, засунул их за пазуху овчинного полушубка и непослушными замерзшими пальцами принялся обматывать трос вокруг рукояти своего топора.

Айса присоединился к ним, притащив за собой Джиннет. Как только он остановился, она упала коленями в снег, и Ривен увидел, что ее волосы примерзли к плечам.

— Чертовы лапы! — в ярости заревел Ратаган, пытаясь завязать на веревке узел негнушимися пальцами, потом оставил это бесполезное занятие и принялся хлопать руками себя по бокам.

— Дай мне! — прокричал Ривен. Он сбросил свои рукавицы и стал возиться с тросом, изумляясь тому, что такое незамысловатое действие может доставить столько хлопот.

Сквозь рев бури прорвался еще какой-то посторонний звук. Протяжный вой донесся сквозь свист разъяренного ветра и утонул в снегу. Ривен замер.

— Что это было?

— Завязывай этот паршивый узел! — крикнул Ратаган, вскинув голову и вглядываясь в темноту. — У нас нет времени!

Наконец, Ривен справился с узлом и бросил топор туда, где виднелась на фоне снега голова Байклина, задним числом моля Всевышнего, чтобы тот не разбил ему голову. Ветер снова донес до них жуткий вой. Казалось, что он шел откуда-то снизу, со склона. Но теперь он был громче и ближе.

Байклин уцепился за веревку, и все трое потащили его к себе. Наконец, он оказался рядом с ними, весь облепленный снегом, с посеревшим на холоде лицом.

— Снежный Исполин, — едва шевеля губами, выдохнул он. — Вы слышали?

Ратаган с Ривеном помогли ему подняться, и Байклин стряхнул с себя снег точно так же, как встряхиваются собаки. Крик снова разнесся по ветру, теперь уже — совсем близко. Тот, кто кричал, был где-то слева от них, невидимый за пеленой бурана.

— Он знает, что мы здесь, — сказал Ратаган. — Он идет по нашему следу.

— Господи! — Ривен вдруг вспомнил свой бичфилдский сон, в котором он столкнулся с Исполином среди снегов.

— Идем! — закричал Байклин, разрушив чары оцепенения, сковавшие их. — Нельзя останавливаться! Мы должны двигаться!

Он зашагал вперед, взяв правее и пытаясь пробить тропу в сугробах. Ривен увидел, как на ходу Байклин вытащил свой клинок из ножен. Его собственные пальцы замерзли так, что теперь уже мало на чтогодились, не говоря уж о том, чтобы сражаться со Снежным Исполином. Он снова спросил себя, а знает ли Байклин, куда он идет.

Похоже, они вышли на северный склон крутого хребта. Ривен чувствовал, что при ходьбе левую ногу приходится поднимать выше, чем правую. Один раз он поскользнулся на льду, засыпанном снегом, и упал на колени. Порыв ветра отшвырнул его в сторону. Почти вслепую Ривен кое-как поднялся на ноги. Ратаган налетел на него сзади. Оба разом крикнули Байклину, чтобы он сбавил ходу и подождал. Тот в нетерпении оглянулся.

Буря разыгралась с новой силой; казалось, вой ветра стал выше на десять октав. Ветер кружил и визжал вокруг них, точно ликующее, помутившее рассудком существо, рвал дыхание из горла людей, прижимал их к земле. С вершин и из расселин гор срывались глыбы снега и льда и катились по склонам вниз, превращаясь в лавины. Налетевший заряд пурги сбил путников с ног, они распластались на земле, цепляясь замерзшими

пальцами за снег и лед, чтобы их не сорвало со скалы. Ривен почувствовал, как Ратаган схватил один из ремней его вещевого мешка и удержал его, точно якорь. Байклин вцепился в покрытый льдом валун, словно паук, отчаянно льнувший к своей порванной ветром паутине.

Сквозь ветер до них вновь донесся вой, громкий и торжествующий. Теперь — совсем близко. Ривен инстинктивно приподнял голову, но ветер, бьющий колючим снегом в лицо, не дал ему открыть глаз.

Где-то за спиной у него закричала Джиннет.

Ривен вырвался из объятий Ратагана и посмотрел назад, прикрывая глаза рукой. Было трудно что-либо разглядеть, но ему показалось, что он все-таки различил какое-то движение — человеческие фигуры, с трудом прорывающиеся сквозь буран. Они что-то кричали, но крики их относилло ветром.

Ратаган поднялся.

— Он нападает, — выкрикнул он, нащупывая топор, но опять поскользнулся, и ветер сбил его с ног. Ривен напряг все свои силы, чтобы дотянуться и схватить покотившегося по снегу гиганта.

Внезапно появилась Джиннет. Ее руки были все еще связаны. Она упала и поползла по снегу, что поднимался вокруг нее белой тучей. Она что-то кричала, но Ривен не мог разобрать — что. Снег залепил все лицо и уши, слепил глаза. Когда Джиннет приблизилась, Ривен схватил ее.

— Где Айса? Что произошло? — Но буря унесла слова, заглушив их.

А потом Ривен увидел его, — Снежного Испо-

лина, — ломящегося сквозь буран, как воплощение зимы, с ледяными глазами, горящими, точно северные звезды. Шерсть его была покрыта снегом и льдом, свисавшим огромными сосульками с тяжелого квадратного подбородка.

Невероятно, но Айса еще держался на ногах. Его посох обрушился на Исполина, когда тот приблизился к миркану и принялся размахивать огромными ручищами, пытаясь добраться до воина. Айса зашатался. Ноги его не находили опоры среди снега, льда и мерзлого камня, он едва ли не падал, но каждый раз ему удавалось устоять, и он вновь бесстрашно нападал на чудовище.

Ривен отчетливо видел, как посох миркана переломился у него в руках, а сам он был сметен в сторону одним ударом косматой лапы. Исполин вновь завыл и встретился взглядом с Ривеном.

Он знает, кто я.

Ривен примерз к земле, придавленный весом лежавшей на нем Джиннет. Он не мог сдвинуться с места.

Сейчас я умру.

Он слышал, как Ратаган что-то кричал сквозь ветер и Байклин отвечал ему. Но они были слишком далеко. Ничто не могло остановить леденящие эти глаза. Разинув пасть, Исполин уже надвигался на него, полный неумолимой ярости... и вдруг пошатнулся. Камень, величиной с футбольный мяч, попал ему в голову.

Ратаган с Байклином стояли выше по склону, швыряя в разъяренную тварь обледеневшие камни. Лица их были искажены криком, который Ривен не смог услышать.

Еще один камень ударил Исполина в челюсть, потекла струйка крови, которую тут же подхватил ветер. Исполин зарычал от ярости и ринулся вверх по склону.

Айса возник словно бы ниоткуда, с обломком посоха в руке. Устремившись вдогонку за Исполином, он вонзил конец посоха прямо в крестец твари с такой силой, что сам не сумел устоять на ногах.

Исполин пронзительно закричал и завертелся волчком, упав на колено и обливаясь черной кровью, хлынувшей потоком на снег. Как одержимый безумием, Айса откатился прочь, когда тварь рухнула, стараясь схватить его. Исполин упал лицом в снег, оглашая воздух душераздирающим криком. Он пытался еще дотянуться до миркана, полз вперед, беспомощно дергая ногами. Не обращая внимания на эти конвульсии, Ратаган с Байклином вскарабкались ему на спину. Ривен увидел, как меч Байклина по рукоять вошел в спину твари, а топор Ратагана раскроил его огромный череп. Исполин затих. Кровь его начала замерзать на снегу.

Ривен, наконец, осознал, что Джиннет продолжает прижимать его к снегу, пряча лицо у него на груди. Он оттолкнул ее и поднялся, покачиваясь то ли от порывов ветра, то ли от собственной слабости. Трое его друзей приблизились к нему, безвольно опустив усталые руки.

— Я знаю, здесь где-то есть укрытие! — прокричал Байклин прямо в ухо Ривену. — Надо поторопиться, иначе она умрет. — Он указал на Джиннет, и Ривен увидел, что сознание едва

теплилось в ней. Потрясение при виде Снежного Исполина едва не убило ее. Он наклонился и принялся шлепать ее по щекам, пока в глазах Джиннет не мелькнула искорка сознания. Он схватил ее за пояс, рывком поднял на ноги, и они медленно побрели сквозь буран. Тем временем снег покрыл труп Исполина белым холмом.

Буран не ослабевал. Путники, как альпинисты, связались тросом. Они с трудом продвигались вперед, согнувшись почти пополам под порывами разъяренного ветра. На расстоянии двух шагов уже ничего невозможно было разобрать. Вскоре им пришлось карабкаться на четвереньках по камням, покрытым слоем льда. Силы Ривена были уже на исходе. Ему еще приходилось тянуть за собой Джиннет, но это как раз и не позволяло ему остановиться и подгоняло вперед. Его руки и ноги, которых он больше не чувствовал, теперь не причиняли ему хлопот. Возникло какое-то подозрительное ощущение уюта. Сонливость — первый признак переохладения — незаметно подкрадывалась к нему.

Вдруг чьи-то руки принялись трясти и дергать его. Ривен не без раздражения открыл глаза. Он лежал, уткнувшись лицом в снег. Его подняли. Джиннет, волосы которой превратились в ледяной шлем, изо всех сил молотила его кулаками. Он поднялся на ноги и вновь упал. Байклин все выдумал. Здесь нет никакого укрытия. Здесь нет ничего, кроме камня, снега, ветра и Исполинов. Ему бы лечь сейчас и немного поспать. Ему вовсе не было холодно.

Ветер стих внезапно. Как отрезало. Ривен снова

открыл глаза, но было темно. Он ничего не видел. Плечи болели, и покрывавший их коркой лед, ломаясь кусками, отлетал прочь. Наконец до него дошло, что его кто-то тащит, а ноги его волочатся по земле. Рев бури сюда не доносился, и внезапная тишина отдавалась в ушах Ривена каким-то шуршащим шипением, проникающим в самый мозг.

— Где мы? — спросил он, едва шевеля языком. Никто не ответил. Он услышал лишь удивленный вскрик Байклина. А потом его положили на пол рядом с Джиннет. Кто-то набросил на них полушубок и принялся растирать его руки и хлестать по щекам. Он огрызнулся. Они что, не могут оставить его в покое? Постепенно тепло вернулось к его лицу, свет замерцал сквозь покрытые слоем льда веки, и Ривен заставил себя открыть глаза.

Огонь. В темноте горел огонь, бросая дрожащие отблески на каменные стены. На мгновение ему показалось, что он вновь очутился в том подземном зале у водостока, но нет. У огня сустились Байклин и Айса, выбирая из большой кучи дров, сваленных у стены, поленья посуше, чтобы жарче и ярче горели. Дым пробрался Ривену в горло, и он закашлялся, почувствовав боль в руках, вновь обретших чувствительность. Он застонал. Ратаган перестал растирать его и добродушно треснул по голове, стряхнув остатки льда.

— Очень любезно с твоей стороны, друг мой, что ты все же вернулся к нам. Теперь не закрывай глаза и сосчитай свои пальцы, все ли на месте. Снимай свои тряпки и грейся. Байклин сотворил настоящее чудо.

Ривен вновь застонал. Жгучая боль пронзила его руки и ноги. Уши и нос горели. Но он заставил себя подобраться поближе к огню.

Байклин и Айса продолжали суетиться у костра. Они разделись до пояса, талая вода блестела в их волосах. Ривен тоже стал снимать с себя мокрую одежду.

— Как, черт возьми, тебе удалось отыскать это место? — спросил он Байклина.

Смутлолицый пожал плечами.

— Скорее, по случайности. Иногда этим укрытием пользуются мирканы, когда поднимаются высоко в горы. Нам повезло. Кто-то оставил хороший запас дров... им нет цены на такой высоте. И это спасло нашу жизнь, по всей видимости. Как твои пальцы? Ты их чувствуешь?

— Чуть-чуть. Долгая же была ночь, — произнес он устало. Тепло убаюкивало его, погружая в приятную дрему.

Ратаган подошел к огню, волоча на себе Джиннет, замотанную в плед как в кокон. Ее сырую, обледеневшую одежду пришлось снять. Оттаявшие волосы темными прядями падали ей на лицо.

— А вот дама, по-моему, чувствует себя неважно, — сказал он.

Голос его прозвучал трогательно. Он положил ее у пылающего огня и подоткнул плед с грубоватой нежностью. Ривен даже улыбнулся, глядя на это. Пиво — не единственная слабость рыжего гиганта. Он не мог равнодушно пройти мимо дамы в беде, даже мимо такой, которая только что пыталась его прикончить.

Джиннет слабо зашевелилась и застонала. Вскоре она открыла глаза, обвела взглядом мужчин у костра и села. Плед слетел с плеч, обнажив грудь с лиловыми от холода сосками. Ее глаза вспыхнули, и, подобрав плед, она прикрылась.

— Животные.

Байклин устало взглянул на нее.

— Мы, животные, спасли твою жизнь, после того как ты попыталась уничтожить нас, так что попрдержки свою ярость и лучше ответь нам на некоторые вопросы.

Она бросила на него испепеляющий взгляд, но ничего не сказала. Он вздохнул и уставился на огонь.

— Почему ты пошла за нами? — спросил ее Ривен. — Чего тебе нужно? — Голос его чуть заметно дрожал. Лучше бы ему не видеть ее наготы. Она воскресила слишком многие воспоминания — самые сокровенные воспоминания.

— В тебе есть какая-то сила. Я хотела взять ее у тебя, — просто произнесла она, однако звучало все это как-то отвлеченно. На лице ее промелькнуло недоуменное выражение, и она с раздражением тряхнула головой. — Не знаю. Мне нужно было пойти за тобой. Но почему, я не знаю. — В ее голосе слышались нотки растерянности. Ривену пришлось сделать усилие над собой, чтобы не обнять и не приласкать ее. Сейчас, без роскошных нарядов, блеска богатства и хитросплетения интриг, она, как никогда, походила на Дженни. Молодая, красивая. Он тяжело сглотнул и отвел взгляд.

Дым костра вился в воздухе спиралями. В

пещере было тихо, только потрескивали в костре горящие поленья. Джиннет обвела взглядом их лица — угрюмые, замкнутые.

— Куда вы идете? — теперь ее голос звучал едва ли не жалобно.

— Идем искать Гномов, — пробормотал Ратаган. — Мы пытаемся найти отгадку тайны, как прекратить мучения Мингниша.

— И ты — ключ к ней, — сказала она Ривену. Он молча кивнул.

— Вы все просто болваны.

— А ты? — тихо спросил ее Байклин, но глаза его были суровы. — Что ты за женщина такая... ты вообще женщина или ведьма?

— Да выкиньте вы ее на мороз, — сказал вдруг Айса, напугав их своим ровным, спокойным тоном. — Лучше нам от нее избавиться. Она — носительница зла.

— Нет! — воскликнул Ривен. Все уставились на него, и он стушевался под их испытующими взглядами. — Она должна пойти с нами. Не знаю — почему, но она должна быть здесь, с нами.

— Из-за той, кого она тебе напоминает? — спросил Байклин.

Ривен поник головой.

— Не знаю. Может быть. Но думаю, то, что она оказалась здесь, — не случайно. Думаю, ее привело сюда то же, что и меня.

Джиннет удивленно посмотрела на Ривена.

— И кого же я тебе напоминаю? Почему я оказалась втянутой во все это?

Он взглянул на нее.

— Ты — двойник моей жены. Которая умерла. Джиннет захлопала глазами.

— Ты колдун, — прошептала она, — ты и твои друзья. Иначе как вы могли убежать из подземной темницы?

Ратаган рассмеялся.

— Нам помогли, миледи. Ты себе даже представить не можешь, откуда пришла эта помощь. Магия здесь не причем. Но если бы даже и магия, что с того? Разве это дало бы тебе право на то, чтобы выжить наш народ с земли, на которой он жил вечно, прогнать нас в горы, мучить наших детей и отбирать у нас все нажитое? Я думаю, нет. — Он сплюнул в костер.

Джиннет не ответила, а лишь пристально поочередно посмотрела на них. Неумолимые глаза Айсы, усталые — Байклина, гневные — Ратагана, растерянные — Ривена.

— Вы, мужчины, что вы знаете о том, каково быть женщиной в этом мире, где ты должна согревать постель отвратительного самца, чтобы получить то, что тебе нужно для жизни? Вы, кто вслепую бредет по жизни со своими доспехами и мечами... что вы о ней знаете?

— Тебе, однако, живется не так уж и плохо, — заметил Байклин.

— Не так уж и плохо? Знаешь ли ты, сколько раз пресмыкалась я перед этими самцами, которых я ненавидела? Знаешь? Ты думаешь, надо так много мужества, чтобы размахивать мечом... — она вдруг умолкла.

— Не каждая женщина так одержима жаждой власти, что сама раздвигает ноги перед каждым

бароном, которому случится оказаться поблизости, — огрызнулся Ратаган.

Джиннет внезапно встала и отбросила плед. Она стояла перед ними обнаженная, в царственной позе, упершись руками в бока. Свет костра плясал на ее атласной коже. Мгновение Ривен, не отрываясь, смотрел на нее, потом закрыл глаза, и с губ его сорвался тихий стон. Ратаган отвернулся. Его щеки вспыхнули. Байклин нахмурился, отведя взгляд в огонь. Лишь Айса все так же спокойно смотрел на нее. Глубокая морщина пролегла между хмурых бровей миркана.

— Каждый из вас, дай ему только немного вина и оставь со мной наедине, почтет за счастье взять мое тело и насладиться им в свое удовольствие. И почему тогда я не могу получить что-то нужное мне взамен?

Она села и натянула на себя плед. Серебристый свет струился из ее глаз.

— Так не должно быть, — прошептал Ривен, но она не слышала его. Между ними повисла неловкая тишина.

Байклин вдруг принялся рыгаться в их вещевых мешках.

— Пора подкрепиться. Немного горячей еды нам сейчас явно не помешает.

Айса отломил и отдал ему кусок супового концентрата, который он берег с тех самых пор, как они оставили Рим-Армишир. Вскоре вода закипела в единственном у них медном котелке. По пещере разлился запах бульона. Их провизия подходила к концу. У них осталось еще немного вяленой говядины, сушеных фруктов, несколько

кусочков концентрата и мешочек крупы. С тех пор, как отправились они в путь, прошло уже более двух недель, и вещевые мешки, в начале пути казавшиеся неподъемными, теперь сильно похудели, отягощенные, в основном, личными вещами путников.

Пока готовился ужин, Ривен взял головню из костра и прошел с ней в глубь пещеры. Ратаган пошел следом, и они принялись молча осматривать свое убежище. Пещера была узкой, но с высоким и ровным сводом. Их шаги отдавались эхом в глубинах пещеры.

— Больше похоже на коридор, чем на пещеру, — пробормотал Ривен. В гробовой тишине голос его казался необычайно громким. Они уже не слышали остальных и не видели света костра. Дым от горящей головни першил в горло, вызывая кашель.

— А может, это и есть коридор в доме какого-нибудь гнома, — отозвался Ратаган. Он уселся на низенький сталагмит с тупой верхушкой и скрестил руки на груди. — Я понимаю, ты ушел из-за Джиннет. Тебе все еще больно, когда она рядом? — тихо спросил он.

Ривен посмотрел на него. В неверном свете головешки гигант казался частью сталагмита.

— Да. И здесь — особенно. Она теперь еще больше похожа...

— И ты еще говорил, что это было предопределено... то, что она оказалась здесь, — задумчиво произнес Ратаган. — Но кем? И хорошо это или плохо?

Ривен покачал головой.

— Не думаю, что здесь вообще приложимы такие понятия, как хорошо или плохо. Просто так получается. Это — то, что непременно должно случиться. Как в уравнении. Определенная последовательность действий приводит к нахождению неизвестного. Встреча с гномами вполне может оказаться катализатором и ускорить реакцию.

— Ага, — проговорил Ратаган, придавая лицу своему глубокомысленное выражение. — Мы говорили ученым языком.

Ривен невольно улыбнулся.

— Ты тоже считаешь, что в ней только зло? — спросил он гиганта.

— Зло! Что за слово. Слишком сильное и однозначное это слово, чтобы им так вот просто можно было бросаться. Нет, я не считаю, что в ней только зло, хотя она и совершает вероломные поступки во имя своих жалких целей. Я думаю, что она просто не знает, чего же ей в самом деле надо. — Он потер руки, словно стараясь отмыть их. — Зло — это нападение и убийство, если оно доставляет радость. Если оно — забава. Вот это зло. — Голос его был исполнен печали.

Ратаган посмотрел на него и криво усмехнулся.

— М-да.

По проходу вдруг потянуло холодом, и оба поежились, поскольку были легко одеты — одежда их сушилась у костра. Пламя головни в руке Ривена затрепетало, словно пойманная в силки птица, и едва не потухло.

— Пожалуй, нам лучше вернуться назад, — сказал Ривен, но почему-то они остались на месте.

Они словно бы ждали чего-то. Чего-то, что непременно должно случиться.

Они прислушались, но не услышали ничего, кроме звука сочащейся по капле воды и своего возбужденного дыхания. Пламя вспыхнуло в последний раз и погасло, их окутала тьма. Отбросив потухшую головешку, Ривен инстинктивно подобрался поближе к Ратагану. Сердце в груди его громко стучало.

И вдруг вспыхнул свет — голубое сияние постепенно заполнило всю пещеру, распространившись во всех направлениях, озарив каменные стены и высокий потолок; в этом странном сиянии они разглядели четыре невысокие и ладные человеческие фигуры, окружившие их с четырех сторон.

Люди были не более пяти футов ростом. Крепкого телосложения. Широкие плечи. Густые длинные бороды. Тяжелые молотки в огромных кулачищах. Шишковатые лысины. И глаза точно алые огоньки.

— Гномы, — хрипло вырвалось у Ратагана.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Мы — Грейдхнехр, Народ Камня, — произнес один из гномов, выступив вперед. Его голос был гулок и глух, как грохот обвала глубоко под землей, из глаз лился свет пылающих углей.

— Мы — древнейший из народов этого мира и живем дольше всех. Мы видели Мингниш, когда бескрайние леса покрывали Великий Дол, а холм Талскера не венчала ни одна из нынешних башен. Зима тогда не наступала поперек лета, на людей не нападали лютые звери и сами люди не выходили с оружием друг против друга.

Каменный потолок огромной пещеры, куда они пришли с гномами, — свод, поддерживаемый толстыми колоннами, вырубленными прямо в скале, был таким низким, что Ратаган постоянно задевал о него головой. Колонны украшали вырезанные в камне изображения мужчин, женщин, Снежных Исполинов и даже гриффешей. На одной Ривен увидел оскалившегося гогвульфа, на другой — сидящего на корточках вира и сурового миркана — на третьей.

В круглых углублениях, расположенных неравномерно в полу пещеры, горел огонь. Языки пламени лизали основания колонн, придавая всему помещению вид пылающей преисподней, как обычно ее представляли художники и поэты средневековья. Дюжина гномов восседала на креслах с высокими спинками, лицом к вошедшим людям. За спиной у них возвышалась еще череда колонн, не похожих на те, что были в зале: то были кариатиды в форме гигантских изваяний

гномов, поддерживающих своими плечами гранитный свод, с лицами, искаженными от натуги. Ровно двенадцать фигур, ни одна не похожа на другую; во взгляде каждой — болезненное напряжение. Ривен невольно поежился. Они казались живыми.

В пещере было жарко и душно, так что на лбу у Ривена выступил пот. Они молча стояли перед сидящими гномами, словно обвиняемые на суде. Оружие, по их согласию, у них отобрали в пещере те самые четверо гномов, с которыми Ривен и Ратаган столкнулись в подземном коридоре.

У гнома, который теперь обращался к ним, было лицо Кэлама Маккиннона, отца Дженни.

— Немало людей приходило сюда, в эти горы. Кости многих остались лежать здесь навечно. Кому-то мы помогали, на кого-то не обращали внимания, кого-то, за его вину, собственноручно лишили жизни. С вами миркан. Это хорошо. Ибо народ-воин вышел из камня, которого касались резцы гномов-ваятелей. С вами человек громадного роста и человек со смуглым лицом. С вами женщина. И еще с вами тот, в ком таится великая сила, запертая точно вода плотиной. Тот, кто сотворен из материи другого мира, настолько чужд этому, что мы смогли почуять его приход, как только нога его коснулась камня этих гор. Интересная компания, в самом деле. Их преследуют Исполины и люди. Люди-виры им помогают, а Горний народ дарит им свою дружбу. Интересная компания.

Гном замолчал, словно обдумывая все это. Его товарищи тоже сидели молча. Неподвижно. Словно

каменные изваяния. Но в мозгу у Ривена стоял какой-то гул, напоминающий отзвуки далекого разговора. Не отрываясь смотрел он на гнома, который был возрожденным Кэламом. Борода изменила его лицо, и глаза, горящие алым огнем, были чужими и странными, но все-таки это был Кэлам — вплоть до насмешливого изгиба в уголке рта, линию которого унаследовала Дженни, а потом получила Джиннет. Однако лицо у гнома оставалось бесстрастным. В нем не было того биения жизни, что делало лицо Кэлама таким подвижным, а красные глаза придавали ему и вовсе нечеловеческий вид.

За спиной у них тесной толпой стояли гномы. Когда Ривен и его друзья вступили в зал, им пришлось пройти, как сквозь строй, под напряженными взглядами Народа Камня. Толпа расступилась перед ними, открывая проход к двенадцати старейшинам, восседающим в креслах. Они отличались друг от друга и ростом, и внешностью. Некоторые были ростом почти с обычного человека, хотя и в два раза шире в плечах. Другие были такие маленькие, что их головы едва доставали Ривену до пояса, а руки свисали до земли. Огромные ладони лопатой, могучие ноги, широкая грудь колесом. Большинство гномов носило бороды, которые были либо пострижены коротко и топорщились во все стороны, либо, наоборот, неимоверно длинны. В таком случае их затыкали за широкие пояса или же заплетали в косы. Если отсутствовала борода, то имелись усы: концы их либо свисали ниже подбородка, либо были намажены чем-то, что

походило на известь, и торчали тогда, как клыки. Было немало лысых. Их морщинистые макушки качались бледными пятнами в алой духоте зала. Густые длинные волосы других были собраны в хвост или свободно падали на плечи. Все они казались очень и очень старыми. Морщинистые лица. Длинные носы. Глубоко запавшие глаза в похожих на пещеры глазницах под сенью мохнатых сердитых бровей. Во тьме зрачки их светились, словно глаза животных, захваченных светом прожектора, но светились красным, как будто внутри черепов их пылал крошечный ад.

Когда пришельцы входили в зал, среди толпы гномов поднялся ропот. Теперь же гномы хранили молчание, хотя Ривен все еще ощущал спиной их напряженные взгляды.

— Что вы ищете в этих горах? — спросил гном с лицом Кэлама.

Ему ответил Байклин:

— Мы искали тебя, Владыка Камня. Нам нужен мудрый совет. А Народ Камня испокон веков славится своей мудростью.

Гном приподнял бровь.

— В самом деле? Что ж, вы нас нашли. И что за вопрос хотели задать вы Народу Камня?

Байклин замялся и поглядел на Ривена. Тот кивнул ему и сделал шаг вперед.

— Сначала я расскажу вам нашу историю, — промолвил он.

Он долго стоял и говорил в красном свете зала, — стоял, обливаясь потом, под пристальными немигающими взглядами множества глаз. Он рассказал им историю, которую сложил вместе с

Мингнишем. Он рассказал о своих приключениях в Долах и о том, что случилось с ним в его собственном мире. Он рассказал им о Дженни и Хью, о Кэламе и темноволосой девушке. Он говорил о скитаниях Мертаха и Байклина, о сражениях в Рориме Раларта и Талскере, о трудном положении Горнего народа и о времени чисток. И еще он рассказал гномам о своих книгах. Он вынул их сюжеты на свет — алый свет пламени костра, пляшущий в каменном зале, — и развернул перед ними, указав на сходства и различия между тем, что написал он сам, и тем, что случилось в Мингнише на самом деле. Он сказал им, что видел этот самый зал задолго до того, как вступил в него. Ибо здесь происходит часть действия третьей книги, которая еще не написана, но замысел которой уже созрел у него голове. Он знал имя гнома, похожего на Кэлама: Тормод, — а место это называлось Кашнрим Джхаар, город Железной Крепости на языке гномов.

Толпа при этом зашевелилась, а некоторые из гномов сердито заворчали. Но большинство слушало Ривена с нескрываемым изумлением. С лица же Тормода не сходила чуть заметная улыбка, что делала его еще больше похожим на Кэлама.

— Человек этот — колдун, — проговорил один из гномов. — Он не первый колдун, побывавший у нас, и у него дар сказителя, это правда, но стоит ли верить его речам?

— Он назвал имя этого места на нашем языке. Еще никто из людей не делал такого прежде, — возразил другой.

— В нем пребывает сила, какой я не видел

еще ни в одном человеке, — задумчиво пробурчал третий.

— Его описание событий внизу соответствует истине, — подтвердил четвертый. — В этом, если ни в чем другом, он не солгал.

— Он пришел вместе с мирканом. А те — достойные воины, они не служат неправому делу, — вставил еще один, и среди сидящих прокатился гул согласия.

Тормод заговорил, прерывая дискуссию:

— Чего же ты хочешь от нас? — спросил он доброжелательным тоном.

Ривен устало взглянул на него. Его одежда вся пропиталась потом, голова начала кружиться. От долгой речи горло стало сухим, как песок. Он пошатнулся и тут же почувствовал, как крепкие руки Айсы поддержали его, не давая упасть.

— Ответов, — выдавил он. — Я хочу, чтобы вы мне рассказали о магии... и откуда пришла она в Мингниш.

Кто-то из гномов насмешливо фыркнул, а Тормод нахмурился.

— Но для чего тебе это?

Ривен вздохнул.

— Мне кажется, я должен очистить ее. Закрыть двери между Мингнишем и моим миром. Положить конец бедам, которые захлестнули эту страну.

И еще я хочу, чтобы жена моя упокоилась с миром, подумал он. Но этого он почему-то не смог сказать вслух. Может быть, потому, что у него за спиной стояла Джиннет.

С секунду Тормод молча смотрел на него.

— Мы знали, что ты придешь, — вымолвил

он, наконец. — И я, как никто другой, знал о цели твоих устремлений. Мы поддерживаем контакты с Дольним народом виров и с Горним народом волшебников и мудрецов. Мы знаем Фриния, хотя он был еще совсем юным, когда я в последний раз видел его. Ты сказал правду. Но твои намерения меня насторожили. В тебе достаточно силы, чтобы разрушить этот мир и построить другой. И кто знает, быть может, ты со своими историями именно это и делаешь.

— Мы также знаем о существовании Двери на Арат-Гор, Алой Горе, хотя никто из моих людей так и не осмелился пройти сквозь неё. Мы наложили заклятие на это место и никто не сумел пройти сквозь ту Дверь за последние месяцы. Но мы видели темноволосую девушку, похожую как две капли воды на эту женщину, что пришла вместе с вами. Она бродила в горах и ни одна из лютых тварей не посмела прикоснуться к ней. Не коснулась ее и волшебная наша сила. Даже охотники из Горнего народа не сумели поймать ее. Но мы ощущаем ее присутствие даже здесь, в глубинах Кашнрим Джхаара. Она — не человек. Она соткана из материи чистой магии, из той же материи, из какой создан Мингниш.

— Расскажите мне о магии, — повторил Ривен дрогнувшим голосом.

Тормод покачал головой.

— Сначала тебе и твоим друзьям нужно поесть и отдохнуть, а потом уже будем гадать, как разрешить эту загадку. Голова становится яснее, когда выспишься и подкрепишься. Вам пришлось претерпеть немало испытаний. Позвольте мне

предложить вам гостеприимство Джхаара и примите мои извинения за недоверие к вам.

— Я бы не прочь выкушать кружечку пива, — вполголоса пробормотал Ратаган, но его услышали. Несколько гномов прыснули со смеху.

— Вот человек, который умеет ценить радости жизни. Не беспокойся, большой человек, будет тебе пиво. И, раз отведав эль гномов, ты не забудешь его никогда. После такого нектара всякий напиток будет казаться тебе безвкусным.

Ратаган, прижав руки к сердцу, с благодарностью поклонился.

— Хиваль и Тиоф проводят вас в покои, где вы сможете вымыться и отдохнуть. Я присоединюсь к вам немного позже.

Тормод кивнул гномам, стоявшим позади компании Ривена, и, развернувшись, они обнаружили, что толпа вновь расступилась, освобождая проход, а два низеньких гнома жестами приглашают их в глубину зала.

— Тогда до скорого, — отозвался Ривен. Еле передвигая ноги, он направился следом за двумя коротышками-проводниками. Ратаган, Айса, Джиннет и Байклин поспешили за ним. Тормод прав. Ривен буквально валился с ног. Сейчас он мог бы, наверное, проспать целую неделю. Но в то же время кровь его так и кипела от лихорадочного возбуждения.

Отведенные им покои оказались парой просторных комнат, вырубленных в сплошной скале. В очагах ярко горел огонь, и Ривен не удержался от того, чтобы не выказать изумления, как удавалось гномам доставлять топливо на такую

высоту. Или глубину, напомнил ему Ратаган, улыбаясь. Они не знали, как глубоко прошли они внутрь горы, однако путь от пещеры, где они разожгли огонь, был неблизким, и четверым гномам, что наткнулись на них и пригласили к себе, приходилось всю дорогу поторапливать их.

Посреди комнаты стояли низкие столы и скамьи, которые, как казалось, были вырезаны из мрамора. Вдоль стен располагались кушетки, на которых лежали вороха мехов. На столах стояли глиняные горшки, из некоторых поднимались струйки пара и исходили запахи, от которых текли слюнки. Путники уже не могли вспомнить, когда в последний раз ели нормальную пищу.

Два проводящих, Хиваль и Тиоф, накрыли столы и подтащили к ним тяжелые скамьи, безо всяких усилий, словно те были сделаны из фанеры. Они разлили пиво в глубокие чаши и отрезали по ломтю мяса от большого куска, походившего на запеченную оленину. Потом поклонились и без лишних слов вышли, прикрыв за собой каменную дверь.

Первое, что сделал Байклин, так это встал и попробовал открыть ее. Он навалился на камень, пот выступил у него на лбу, но даже когда Айса с Ратаганом пришли ему на помощь, тяжелая дверь так и не поддавалась.

— Значит, мы пленники, — Ратаган вытер лоб и с интересом уставился на кувшины с темным пивом. Казалось, он не слишком уж был обеспокоен этой неприятной мыслью.

— В каком-то смысле, да, — отозвался Смутлолицый. — Гномы — народ скрытный. Быть

может, им просто не хочется, чтобы мы шлялись по коридорам и совали свой нос во все углы.

Ратаган сделал хороший глоток, и на лице его отразилось блаженство.

— Ради всего святого! — воскликнул он. — Народ, который умеет делать такой славный эль, не может быть плохим. Покуда чаша моя будет наполнена этим элем, они могут держать меня здесь сколько душе угодно. По сравнению с ним эль Кольбана — все равно, что вода из реки, а он знает толк в добром пиве.

Байклин рассмеялся.

— Немногого надо, чтобы угодить простаку, — заметил он, но выражение лица его изменилось, едва он попробовал эля гномов.

На какое-то время все разговоры затихли. Компания налегла на еду и напитки, время от времени делая восторженные замечания относительно поразительного разнообразия и вкуса яств. Были здесь яблоки, груши, свежий сыр, теплый — только из печки — хлеб, солености, лук, помидоры, мед в сотах, горячая похлебка и аппетитные куски свежей свинины и оленины с хрусткой румяной корочкой и розовым сочным мясом внутри. И, разумеется, пиво. Огромный кувшин. Темное и холодное с шапкой пены, похожей на свежие сливки. Джиннет наливала себе одну за другой чаши и опорожняла их так, словно умирала от жажды. Потом отломилла большой ломоть хлеба и, присовокупив к нему кусок сыра, уселась у огня спиной к мужчинам.

Ривен поглядел на Байклина. Смуглолицый пожал плечами. Все четверо тихонько перебрались

в соседнюю комнату, оставив Джиннет одну. Там они подтащили каменные скамьи поближе к огню и привольно расселись на них. Вязкая усталость опустилась на плечи. Даже Айса выглядел сонным.

Внезапно Ратаган рассмеялся. Ривен посмотрел на него.

— Что такое?

— Вспомнил лица наших хозяев, когда ты произнес название этого места. Бьюсь об заклад, немногие из живущих на этом свете видели такое: растерянных старейшин Совета гномов.

— Хорошая это была история, — заметил Байклин, — даже для Сказителя.

Айса потряс головой, отгоняя дрему.

— Во всех историях гномы любят спорить и что-нибудь обсуждать, их медом не корми — дай распутать какую-нибудь проблему. Они терпеть не могут сражаться. Говорят, это одна из причин, почему они помогли воспитать мирканов: чтобы те защищали Мингниш вместо них. Мой народ называют еще Молотом людей Камня и говорят, что в жилах наших течет кровь гномов, отсюда наши выносливость и долголетие. Знаете, я чувствую себя здесь как дома, как если бы я сейчас был в Дан Меркадоле. Уверен, они помогут нам. — Он сделал еще несколько глотков.

Ратаган ткнул его локтем.

— И в самом деле, эль гномов — крепкая штука, Айса. Это самая длинная речь, которую я когда-либо слышал из твоих уст.

Усталость их все-таки сморила. Они разлеглись на покрытых шкурами кушетках, что стояли вдоль стен, и тут же провалились в сон. Только Ривен

не мог заснуть и все спорил с собой. В конце концов, досадуя на себя, он встал и пошел в соседнюю комнату. Догорающие угольки едва рассеивали сумрак. Джиннет спала в неловкой позе у затухающего очага. Рядом валялась пустая чашка.

Ривен опустился на колени на каменную плиту перед очагом и принялся пристально рассматривать спящую женщину. Рот ее чуть приоткрылся во сне. Темные смеженные ресницы едва заметно подрагивали, щеки пылали от тепла очага. Языки пламени отбрасывали пляшущие тени на ее лицо, на разметавшиеся ее волосы цвета воронова крыла.

— Джинни, — прошептал он, убирая волосы с ее лица. Он отдал бы душу, чтобы только увидеть, как она просыпается и оказывается вдруг той женщиной, которую он знал когда-то. Но, как однажды сказал Гвилламон, смерть — это конец всему, даже в стране мечты и волшебных историй.

И он, наконец, принял это. И помогла ему Мадра. Признаться себе, что он любит эту хмурую юную женщину, было для Ривена все равно, что отбросить последнюю — неосознанную, безумную, быть может, — надежду. Его жена мертва, а эта спящая женщина — не она и никогда не была ею. Но, тем не менее, он — человек и не в силах заставить себя не смотреть на лицо, которое он когда-то любил, чтобы запомнить его таким, каким оно было на самом деле. Чтобы оно осталось нетленным.

Он поцеловал ее в лоб с бесконечной нежностью. Потом взял на руки, положил на одну из застеленных мехами кушеток, укрыл одеялом и,

больше ни разу не обернувшись, возвратился к себе.

Он проснулся, разбуженный голосами, перемежаемыми звоном чаш, выкарабкался из глубокого темного чрева забвения и принялся тереть глаза, пока они полностью не открылись. В очаге уже развели огонь. На столе горели толстые свечи. Ривен сел на постели. У очага, попыхивая длинной глиняной трубкой, сидел Тормод и вел разговор с Ратаганом и Байклином. Айса стоял рядом и молча слушал. Джиннет, похоже, все еще спала. Кувшин с пивом стоял у ножки скамьи. В руках у каждого было по кружке.

Гном заметил его.

— С добрым утром, друг мой, снаружи оно давно уже наступило. Надеюсь, ваша первая ночь в Джхааре была приятной.

Ривен невнятно пробормотал ответное приветствие. Пиво, которое выпил он прошлым вечером, давало знать о себе тяжестью в голове и хмурым настроением. Он сейчас не был готов к разговорам.

Гном улыбнулся и молча продолжил курить свою трубку. Ратаган с Байклином потягивали пиво.

У кушетки Ривена стоял кувшин с водой и лежало полотенце. Он плеснул водой себе в лицо. Холодная, она обжигала кожу. Однако после такого омовения Ривен почувствовал себя вполне проснувшимся и присоединился ко всем остальным у огня. Интересно, подумал он про себя, как Тормод узнает здесь — под землей — день сейчас или ночь?

— Чем вы тут занимаетесь? — спросил он,

наклонившись над столом и взяв себе яблоко из большой чаши с фруктами. Ратаган протянул ему кружку с пивом.

Тормод вынул трубку изо рта и принялся рассматривать ее, как это делал Кэлам, — Ривен буквально застыл, пораженный, наблюдая за ним.

— Этим утром Совет собирается обсудить некоторые детали истории, которую мы расскажем вам сегодня. Но чуть попозже, — сказал Тормод. — Наш Сказитель оттачивает сейчас свой стиль и выпытывает у старейшин древние предания, чтобы представить тебе подлинную историю, — безупречную, — подобную которой ты в жизни не слышал.

— Историю?! — воскликнул Ривен. — Ты хочешь сказать, что он будет рассказывать нам истории?

— Одну историю, — поправил его Тормод.

— Одну. — В голосе Ривена послышалось раздражение, и Байклин бросил предупреждающий взгляд в его сторону, который так и остался незамеченным. — У нас нет времени слушать легенды. Нам нужны конкретные ответы, чтобы мы могли решить, куда идти и что делать.

Тормод выпустил синий клуб дыма, завившийся змеиными кольцами в свете свечей. Его голос был также тих и сдержан, но красный огонь в глазах гнома стал ярче.

— Из этой истории ты и получишь свои ответы.

Ривен почувствовал, что густой голос гнома отдался резонансом в его душе. Он приумолк. Истории и магия. Он понимал, что гном прав.

Истории и магия составляли само существо Мингниша. Самое средоточие пересечения этого мира с его собственной жизнью. История. Магия. Горы. Сгарр Дигу еще предстояло сыграть свою роль. В этом Ривен был уверен.

В комнату вошла Джиннет и налила себе пива. Тормод поглядел на нее исподлобья. Кэлам, пристально наблюдающий за дочерью. Ривен потряс головой и отломил кусок хлеба.

— Чего уставился? — вызывающе спросила Джиннет Кэлама. — Во мне что, какой-то изъян?

Тормод вынул трубку изо рта и затушил огонь, прижав пепел большим пальцем.

— Вот именно, — ответ этот застал ее врасплох. — Изъян. Я и сам не подобрал бы более верного слова. — Его глаза сверкали в пляшущем свете свечей, точно два огромных рубина.

— Объясни! — потребовала Джиннет. Ее голос дрогнул. Ривен опустился на скамью рядом с Ратаганом.

— Ты испорчена. С тобой что-то не так, — сказал Тормод. — Со Сказителем тоже что-то не так, — он кивнул в сторону Ривена, — но такова уж природа всякого переизбытка. В нем много лишнего... в тебе же чего-то недостает. В тебе какая-то пустота, в тайну которой я не могу проникнуть. Но есть у меня подозрение, скорее — предчувствие, что ты для чего-то еще понадобишься. Если б не это, я посчитал бы за лучшее, чтобы тебя и твоих головорезов прикончили тут же, как только вы поднялись в эти горы. Но Орквилл — один из старейших в Совете — сказал, что нам следует оставить тебе жизнь, подтвердив тем

самым мои предчувствия. Ты — убийца, но все же, сдается мне, в тебе есть не только зло.

Ратаган и Ривен обменялись взглядами.

— Кроме того, Сказитель, мне кажется, не позволил бы нам причинить тебе вред, поскольку это означало бы причинить вред себе самому.

Айса открыл было рот, словно намереваясь сказать что-то, но промолчал. Только нахмурился.

— Прими это к сведению. Ты здесь и жива, потому что другие решили, что будет так, а не из-за каких-то твоих достоинств. Так что придержи язык, если не можешь не огрызаться.

Голос Тормода оставался по-прежнему тих и мягок, но Джиннет вся сжалась, как будто он ударил ее. Она нервно вертела в руках чашку, потом швырнула ее на пол. Чашка разбилась — звук заставил их вздрогнуть. Ривен не смел поднять глаз и уставился на густую шапку пены над своей кружкой пива.

— Что вам нужно от меня? — прошептала Джиннет.

— Пока мы и сами не знаем, — ответил ей Тормод, — но мы это выясним. — Лицо гнома застыло, как камень, лишь алые глаза были живыми. И все же лицо его оставалось лицом Кэлама. Ривен редко видел тестя во гневе, но, однажды увидев, запомнил на всю жизнь. А вот чего он не видел ни разу, так это — как Кэлам теряет терпение в разговоре с дочерью. И теперь почему-то ему было стыдно наблюдать подобную сцену.

— Уж не ты ли и не твои ли сородичи заставили меня прийти сюда? — спросила Джиннет. Ее лицо

пылало, волосы растрепались. Она выглядела как ребенок, которого только что наказали.

Тормод приподнял бровь.

— Заставили прийти сюда? Никто не заставлял тебя встать на тот путь, по которому ты пошла. Ты сама сделала выбор.

Она покачала головой. По щекам ее бежали слезы, достигая подбородка. Она стояла босыми ногами в луже разлитого пива среди осколков своей чашки, но как будто этого не замечала. Или ей было уже все равно.

— Нет. — Голос ее сорвался. — Что-то заставило меня прийти сюда. Что-то тянуло меня к нему. С того самого раза, когда я впервые его увидела. — Она не отрываясь смотрела на Ривена, но он был не в силах поднять глаза и открыто встретить ее взгляд.

Глаза Байклина вспыхнули гневом.

— У тебя странный способ демонстрировать свое влечение, если таковое и в самом деле имеет место.

— Влечение! — Теперь в ее голосе появилась твердость, как если бы она была королевой, обращающейся к холопам. — Влечение! Других слов ты, как видно, не знаешь. Ты не знаешь, о чем говоришь, так что лучше закрой свой рот.

Как ни странно, но Байклин действительно замолчал. Ратаган провел рукой по усам и бороде, стараясь спрятать улыбку.

Сердце Ривена глухо билось в груди. Значит, ее влекло к нему? Значит, в ней все-таки было что-то от Дженни?

Он допил пиво, в голове его все смешалось.

— Когда мы услышим эту вашу историю? — спросил он Тормода. Гном пожал могучими плечами.

— Мы подумали, что сначала тебе надо бы отдохнуть. И друзьям твоим тоже, судя по вашему виду. — Он вдруг усмехнулся, сверкнув белыми зубами. — Но у меня появилось такое чувство, что если оставить вас здесь одних еще ненадолго, вы все просто передеретесь. Между собой.

— Эта женщина не с нами, — огрызнулся Айса.

— Думаю, ты заблуждаешься, брат миркан. Как бы тебе это ни было неприятно, но она вам нужна. — Тормод помедлил, задумавшись. — Я попрошу мой народ собраться для вас еще раз и как можно скорее, хотя, как я уже говорил, нашему Сказителю надобно время, чтобы сложить историю из обрывков, которые он собрал по крупичкам у наших старейших советников.

— Должно быть, то будет и вправду нечто необыкновенное. Всем историям история, — заметил Ратаган.

— Может быть. И начинается она с того, с чего должны начинаться все хорошие истории: с самого начала.

— У меня есть вопрос, — вдруг сказал Байклин. — Наши предания утверждают, что те из Горнего народа, кто спасся от чистки, скрылись в горах, где их приняли гномы. Это действительно так или же это просто легенда?

Тормод сделал несколько затяжек, чтобы раскурить свою потухшую трубку.

— Кое-кто пришел к нам, — согласился он наконец. — Большинство же подалось в Восточные

горы, а некоторые перешли через них и, преодолев пустыню, добрались до Нальбени... по крайней мере, так говорят. Немногие пришли в Гресхорн. Слишком они высоки, эти горы, и слишком суровы. Здесь никому не выжить, кроме диких зверей и гномов, но все же нашлись и такие, кто пришел сюда, чтоб разыскать нас. Они прожили у нас здесь какое-то время, и мы с радостью приняли их, но то были тяжелые времена и для гномов тоже. Нам пришлось забросить свои рудники у подножия Гресхорна, закрыть свои рынки и ярмарки, которые мы содержали когда-то с согласия людей, живущих в Талскере, Дринане, Идригилле и Улинише. Народ Камня вернулся обратно в горы. Люди Долов больше не желали, чтобы мы вмешивались в их дела.

И вот эти несчастные из городов Большого Дола пришли искать нас среди горных вершин в самый разгар колдовской зимы, что обрушилась на Мингниш. Да, они были чародеями, но большинство из них знало лишь заговоры и заклинания, элементарные чары, из которых можно было извлечь лишь прикладную пользу. Очень немногие имели представление о высокой магии. И лишь двое или, может, трое были по-настоящему могущественными волшебниками, но те старались держаться сами по себе, — холодно улыбнулся Тормод. — Волшебники и колдуны встречаются не так часто, как некоторым представляется.

— Тем не менее, они оставались у нас, пока их не одолела тоска по свету солнца, и сиянию луны, и дуновению теплого, свежего ветра равнин. Увечный человек по имени Беркинлиг — старик,

который, как он утверждал, пришел с той стороны Гресхорна, — появился у нас и увел их с собой. И они пошли за ним в самое сердце Гресхорна, надеясь в конце концов пересечь горы и отыскать неведомую страну за ними. Так они и исчезли. Никто не вернулся назад. И никаких вестей о них не дошло до нас. Их как будто не стало. С ними ушли стражи, даже несколько мирканов, из тех, кто пошел за своими баронами в изгнание. Мы пытались разыскивать их, но не смогли найти никаких следов. Они пошли на север — это единственное, что мы выяснили. Здесь кругом только камень и лед, и нет ничего, на чем могли бы удержаться следы. Наша же власть не простирается так далеко. Что-то в сердце Гресхорна мешает нам развернуть свою силу, и мы потеряли их.

— А что там, за Гресхорном? — спросил Ривен.

— Мы не знаем. Быть может, край света или иная страна — иной мир, где изгнанники живут теперь. Кто знает?

— Беркинлиг — герой нашей древней легенды. Человек, которому Народ Камня даровал магию, чтобы тот передал ее людям Мингниша, — сказал Байклин. — Тот, кто пришел к вам, не может быть тем же Беркинлигом.

— Так он назвался.

— А все эти люди... — продолжал Байклин. — Значит, они погибли в горах, оставшись в Гресхорне навечно?

Ответом было молчание. Тормод выбил свою трубку и встал.

— Пора мне оставить вас и поглядеть, как

обстоят дела с нашей историей. Если хотите, скажу Хивалю и Тиофу, чтобы они принесли вам еще еды и питья.

— Где наше снаряжение? — спросил Ривен.

— В надежном месте. Оно немного пострадало, и сейчас мы готовим для вас новое. Мы дадим вам зимнюю одежду, намного теплее и удобнее любой другой, которую вы сумели бы раздобыть на равнине. — Он весело оглядел могучую фигуру Ратагана, при этом рот гнома сложился в усмешку — усмешку Кэлама. — Хотя придется немного ее перешить. Ждите, скоро мы вас позовем.

Не сказав больше ни слова, он направился к двери и открыл ее, просто толкнув рукой. Она с грохотом захлопнулась за ним.

— Выходит, гномы не всеведущи, — задумчиво произнес Байклин. — Есть вещи, неизвестные даже им.

Ривен понял: он все это время надеялся, что гномы подскажут ему, что делать. А оказалось, что он знает столько же, сколько знают и сами гномы... или будет знать, когда услышит их историю.

Выходит, придется до всего доходить самому. И надеяться лишь на себя.

Ривен внезапно почувствовал себя усталым, хотя только что проснулся. Он обратил внимание на лужу разлитого пива и мокрые следы, что вели в соседнюю комнату. Джиннет снова ушла к себе. Он был опечален. И в то же самое время — рад. В ее словах ему открылось что-то новое. И теперь она становилась все больше похожей на Дженни, ту Дженни, которую он знал. Но, может, так и должно было случиться.

Сам того не сознавая, он пошел по этим мокрым следам в другую комнату. Там было темнее. Свет исходил лишь из каменного очага. Она сидела, глядя в огонь, но подняла глаза, когда Ривен вошел и сел рядом. Раздраженное выражение было на ее лице. Отсветы пламени в заблестевших глазах. Однако она промолчала. Они сидели бок о бок в полукруге света, льющегося из очага. Сидели молча, украдкой бросая взгляды друг на друга. И молчание это, и эти взгляды терзали Ривена. И все же ему было хорошо.

— Почему ты так смотришь на меня? — спросила она, усмехнувшись. — Впрочем, я знаю. Твоя умершая жена, которую ты любил. Я — ее образ, ее двойник. Так что вовсе не удивительно, что ты не сводишь с меня глаз.

— Да, это так, — с трудом выдавил он. — Ты — подобие ее. Но ты — не она. У тебя только внешность ее.

Она пристально посмотрела на него.

— Ты говорил, что я должна была оказаться здесь, рядом с тобой и твоими приспешниками. Как-то участвовать в вашем поиске. Только — как? И какова, ты полагаешь, моя роль во всем этом? — В ее голосе по-прежнему звучала насмешка.

— Не знаю. — Он поправил ногой выскользнувшее из очага полено. Он ощущал запах, исходящий от этой женщины. Смесь зла и добра. Запах цветов и хвои, пота, может быть, крови. Ривен вспомнил, как стояла она, обнаженная, там, в пещере, и сердито тряхнул головой.

Она улыбнулась.

— Ты любил свою жену, это ясно. А меня ненавидишь и все же не можешь оставить в покое. Я как заноза в твоей плоти.

«Я — темная комната, куда ты боялся войти». Он явственно слышал тот голос из сна. Насмешливый голос.

— Это не имеет значения, — прохрипел он, вставая. Зачем оставаться здесь? Мучить себя? Какой в этом прок?

Она схватила его руку и притянула к себе.

— Нет. Не оставляй меня. — Она взяла его руку и положила ее себе на колени. Странная улыбка скривила ей губы. Постепенно его пальцы, стиснутые в напряженный кулак, разжались, и руки их сплелись.

— А кто эта девочка, что была с тобой в Талскере? Что не могла говорить? — спросила она его. — Та, о которой ты так беспокоился.

— Та, которую ты угрожала отдать наемникам, — сказал Ривен, и ее пальцы в руке у него напряглись.

— Да.

— Моя... сиделка.

— Ты любил ее?

Он вспомнил хмурую улыбку Мадры, ее подвижные брови, ее юное, нежное лицо. Тот безмятежный покой, который, казалось, приходил вместе с ней.

— Да, любил. Люблю.

Джиннет склонила голову; тень от волос упала ей на лицо.

— А как бы ты сказал это своей жене, будь я ею?

Ривен поморщился.

— Ты — не она.

— Но если бы я была ею?

Он попробовал убрать свою руку, но она удержала.

— Пожалуйста.

Он покачал головой в смущении и боли. Что это, опять игра, которую она затеяла с ним?

— Она умерла, Бога ради.

— А может быть, нет. Может быть, она — во мне. Быть может, поэтому я и оказалась здесь. И не позволила прикончить тебя в Талскере. И пошла за тобой в эти чертовы горы.

В ее голосе прозвучало нечто напоминающее смущение. И Ривен ощутил холодок от нахлынувшей на него волны страха.

— Смерть — это конец, — вымолвил он.

— И ты со своими друзьями ведешь меня к смерти?

— Нет, разумеется, нет. Мы не убийцы.

— Как вижу, ты идешь ва-банк. В такой игре приходится жертвовать многим. Мной, например. Твой друг миркан, дай ему волю, прикончил бы меня, не задумываясь.

— Из-за вашей с Брагадом лжи ему пришлось выйти с оружием против своих сородичей. И ты теперь удивляешься тому, что Айса желает тебе смерти?

— А ты?

— Я — нет. — Она рассмеялась.

— Ты, мне кажется, сам не знаешь. Но тебя влечет ко мне. Это ясно. Ты меня любишь и ненавидишь.

Ривен не нашел, что ответить. И удивился тому, что он все еще сидит здесь, выслушивая такое.

Внезапно она обняла его. Он опрокинулся на спину, и ее вес придавил его к полу. Руки ее обхватили его запястья, словно железные кандалы. Волосы цвета воронового крыла упали ему на лицо. Она оказалась на удивление сильной. И на мгновение у него промелькнула мысль: а не получит ли он сейчас удар ножом под ребра? Но он чувствовал, как содрогается ее тело. Она беззвучно смеялась, уткнувшись губами ему в шею. Пальцы ее отпустили его запястья, и их руки сплелись.

Она ткнулась носом ему в щеку. Провела губами по бровям. Он высвободил руку, погладил ее по спине, дотянулся до бедер, чувствуя легкую дрожь ее тела под своими пальцами. Положив руку ей на затылок, он прижал ее губы к своим с такой силой, что цокнули зубы. А потом губы слились в поцелуе. Но Ривен почувствовал, что ее губы кривятся в усмешке, и принялся неистово целовать ее, чтобы стереть поцелуями эту усмешку. Они скатились с каменной плиты у очага, словно враги, сцепившиеся в смертной схватке. Он швырнул ее под себя. Ее ноги сжали его бедра. Лицо ее все еще искажалось беззвучным смехом. В пляшущих отблесках пламени глаза ее горели, как глаза волчицы.

— Твоя жена делала это? — спросила она, и усмешка ее походила теперь на хищный оскал.

Он дал ей пощечину, довольно сильную — голова ее запрокинулась, лицо отвернулось, но ноги ее продолжали сжимать его бедра. Он ударил

ее еще раз. Кровь потекла из разбитой губы. Хватка ослабла. Не шевелясь, она лежала под ним, и в глазах ее блеснули внезапные слезы.

— Как я понимаю, не делала, — пробормотала она. Слезы блеснули теперь на щеках, стекали вниз и исчезали в черных волосах.

— Прости, — хрипло выдавил Ривен.

Она притянула его к себе.

— Не за что.

Они лежали перед очагом, сжимая друг друга в объятиях, сблизившись лицами. Он вытер кровь с ее губ, и теперь кровь ее высыхала у него на руке.

— Зачем? — тихо спросил он.

— Я люблю тебя и ненавижу. — Она еще крепче прижалась к нему. — И я знаю: ты станешь причиной моей смерти. — Тут она оттолкнула его. — А теперь уходи. Оставь меня. Возвращайся к своим друзьям, а волчицу оставь в покое.

Он встал и еще долго смотрел на нее. На кровь у нее на лице, на припухшие губы. Полные слез глаза смеялись над ним. И он, не оглядываясь, ушел.

Они почти не разговаривали. Каждый чувствовал: конец уже близко — скоро поиск их завершится. Но каков будет этот конец, не знал никто. У Ривена, правда, имелись кое-какие подозрения на этот счет — то самое предчувствие, которое подсказало ему, что, прежде чем встретиться с гномами, им предстоит еще одна встреча в горах, — но, как и в прошлый раз, он не мог быть уверен в этом полностью. Странное, смутное чувство... похожее на вырисовывающийся в созна-

нии замысел книги, еще неясный и неоформившийся, когда уже знаешь, куда должны повернуть события, но не имеешь еще представления о том, как направить их ход. Знаешь и не знаешь. То самое чувство, которое не покидало его с тех пор, как он впервые вошел в этот мир в компании одного из своих героев. Так ему было назначено. С самого рождения. Почему-то судьба именно так отметила его.

Он отдал бы многое, чтобы только узнать, как такое могло случиться. Как такое вообще может быть. Он верил в магию, потому что теперь все вокруг было магией. Но ведь в том — его — мире ничего этого нет. И это делает его бедным.

Мертвые не воскресают.

Наконец, дверь в их комнату со скрежетом распахнулась, и на пороге появились двое приземистых гномов: Хиваль и Тиоф. Они поклонились, подметая бородами пол.

— Пора, — объявил один из них. — Наш народ хочет видеть вас.

Первым, потягиваясь, встал Ратаган.

— Гномов и женщин не заставляют ждать, — произнес он с улыбкой.

Они с трудом поднялись на ноги. Джиннет присоединилась к ним, выйдя из соседней комнаты. Она низко склонила голову, пряча лицо в тени капюшона. Чтобы скрыть ссадины, дошло вдруг до Ривена. Он покраснел от стыда и отвращения к себе. Он в жизни ни разу не ударил женщину. До сегодняшнего дня.

Они вышли из комнаты следом за гномами-проводатыми.

В этот раз их повели совсем в другое место, — намного дальше, в глубь горы, как показалось Ривену. Он почти явственно ощущал ужасающее давление колоссальной массы камня над своей головой. Коридоры, по которым они шли, были всего лишь щелками горной плоти. Одно движение плеча каменного исполина, — и все они исчезнут. И он, Ривен, окажется погребенным в недрах собственной истории.

Гномы-проводящие безошибочно вели их по узким коридорам и широким, словно улицы, переходам, через перекрестки и распутья, мимо зияющих пропастей и уходящих в бесконечность стен. Они были здесь не одни. Во тьме повсюду сияли огни — алые угольки глаз гномов двигались вместе с ними; по проходам разносились гулкие звуки шагов, отзвуки разговоров, негромкий смех, замогильные голоса, звучащие на неведомые лады. В темноте — перед ними и вслед за ними — передвигались толпы. Казалось, все обитатели Джхаара собираются, чтобы услышать историю, которая будет рассказана этим вечером.

Они вошли в безбрежную тьму огромного подземного зала, такого огромного, что токи воздуха перемещались в нем, как ветер. В этой крошечной тьме ничего нельзя было разглядеть, кроме многочисленных искорок глаз, мерцающих, как драгоценные камни богатого месторождения: сотни глаз. Одни — совсем рядом, другие — так далеко, что свет их превращался в едва различимое глазом мерцание. Шепот и шорох ног людской толпы сливался в непрерывный гул. В темноте Ривен споткнулся, но Айса и Ратаган поддерживали

его. Он протянул руку, чтобы найти Байклина, и снова чуть не упал. Спотыкаясь и оступаясь на каждом шагу, они вслепую продвигались вперед. Ратаган тихо чертыхался, когда задевал обо что-то ногой.

Наконец они остановились, и внезапно двух гномов-проводников окружило голубое сияние. Точно такое, какое Ривен уже видел однажды. Хиваль и Тиоф молча указали на пол, и Ривен разглядел каменные скамьи, выбитые, вероятно, в монолите скалы. Они сели, и свет погас. Им осталось лишь вслушиваться в гулкую тьму, окружавшую их, ловить шаркающие звуки шагов гномов, ощущать спинами холодный камень скамьи.

Вскоре голоса затихли, движение прекратилось. Все кругом замерло.

А потом зажегся свет — теплый шафрановый свет, исходивший из невидимого источника. Он струился как будто из ниоткуда, озаряя каменные стены, что высокими сводами устремлялись ввысь, на недостижимую высоту, — безупречные, точно стены и своды собора, вот только пространство, которое заключали они в себе, могло вместить десяток соборов.

Зал имел форму полусферы. В середине ее располагалось черное углубление, окружённое скамьями, такими же, как и те, на которых расселись люди. Здесь без труда поместилось бы тысяч пять человек и еще бы осталось место. Ряд за рядом скамьи поднимались амфитеатром от центра зала к его величественным стенам. В углублении теперь показались языки пламени; свет и тень, сменяя друг друга, падали на бесчисленное множество

гномов, что сидели, не шелохнувшись. Рядом Ривен ощущал хриплое дыхание Байклина.

— Я и представить себе не мог, что на свете так много гномов, — прошептал он, глядя на бородатые фигуры с горящими в сумраке глазами. В воздухе струился сизый дымок от разожженных курительных трубок.

Один из гномов поднялся с места и подошел к самому краю заполненного пламенем углубления в центре зала. Ростом он был выше большинства своих сородичей, седая борода пострижена коротко, на груди его кожаной куртки вышиты языки пламени, такие же точно, какие когда-то носил и Ривен: знак Сказителя. Гном помедлил, оглядел зал, на мгновение задержав взгляд на скамье, где сидел Ривен и возвышалась фигура Ратагана, такая громадная среди гномов в пляшущем свете пламени.

— Киргаерн, — шепнул кто-то из гномов-проводников. — Сказитель Кашярим Джхаара.

Киргаерн оторвал, наконец, взгляд от сидящих в зале и, заткнув большие пальцы рук за широкий ремень, вперил свой взгляд в огонь, словно бы погрузившись в глубокий транс. За спиной у него Ривен заметил в колеблющемся свете задумчивое лицо Тормода.

Киргаерн заговорил.

— Вначале был Лик Воды, взирающий в темную высь. Под водой же были ил и камень, и опять — тьма. Недвижимой оставалась поверхность вод. Во тьму же под ней не проникал ни один луч света.

Голос его был негромким и низким, как голоса

всех гномов. Но в нем трепетала некая интонация, что делала речь его мелодичной. Она лилась, словно музыка, а слова истории Киргаерн превращал в поэму.

— Но потом что-то зашевелилось в глубинах вод, сдвинулось и открыло глаза. И взгляд его встретил тьму. То был Гном и имя его было Моди.

Рукой своей толкнул Моди камень, и не знает никто, случайно то вышло или намеренно. Но камень сдвинулся под его рукой. Камень сдвинулся и толкнул другой, тот повалился и столкнул третий, и так продолжалось, пока шум и грохот камней не заполнил глубины вод, пока не наполнило их громоподобие валунов и гул скал.

И это воистину было Начало мира. В темных глубинах начали шевелиться огромные глыбы скал и осколки камня, росли, разбухали и вновь распадались, но и разрушаясь они поднимались все выше и выше, пока не дрогнула поверхность вод, не раздалась, и вершина самой высокой скалы не поднялась над водой. Вслед за ней появились другие — острые пики скал, нагромождения зазубренных осколков, круглые бока валунов, серые наносы щебня и гальки — и вот среди вод во тьме вознеслась гора, и с мокрой ее головы и покатых плеч текла влага. И гору эту гномы называли Арат Гор, Первая Гора. И была она столь высока, что вершина ее проткнула небесную твердь и проделала в ней дыру, сквозь которую вниз из миров по ту сторону тьмы пролился свет и окрасил первой зарей Лик Воды.

И тогда гном Моди голыми руками прорыл

себе путь из глубин горы, и поднимался он все выше и выше, пока свет не залил ему глаза, а дуновение ветра не обласкало его лицо. И поднялся он, глядя на творение свое.

Но вскипели пенной яростью океаны, ибо прогневались на Моды за то, что создал он землю, что сухой была она под ногами и оспаривала их главенство, и послали свои легионы — морские волны — на штурм горы, и воды обрушились на Арат Гор в неистовстве бури, грозя сбросить Моды с тверди. И камень стал поддаваться, и крошился он и разрушался под напором Вод. Гора оседала и рушилась, увлекая с собой Моды, и океаны смеялись, ликуя, предвкушая мгновение торжества, когда вновь они обретут безраздельную власть над миром.

И закричал тогда Моды сквозь рев и грохот волн, моля океаны умерить их ярость, и не губить его, и разрешить Горе жить. И вновь рассмеялись они и спросили, зачем бы им делать это? И попытался Моды договориться. Он предложил загадать загадку, но океаны презрительно расхохотались в ответ. Тогда он предложил им послушать песню, но океаны не пожелали песен. Наконец, он пообещал рассказать им историю — самую лучшую историю в мире. И стихли волны, и перестали биться о берег, и успокоились бурные воды, и океаны согласились выслушать его и сохранить ему жизнь, покуда история не завершится.

И начал Моды свой рассказ, и другого такого рассказа не будет уже на земле. Прошли годы, а он все сидел на холодном камне Первой Горы, и

волны собирались вокруг, чтобы не пропустить ни единого слова. И лился рассказ — первозданная повесть, первая, сказанная в этом мире.

Он говорил о воде, о гневе ее и величии, о мощи волн, поднятых бурей. А потом говорил он о синих просторах морей, чья тихая гладь сияет под солнцем расплавленным серебром. Говорил он еще о струящейся музыке бегущей воды, о родниках и ручьях, об озерах и реках, порогах и водопадах. И пока говорил он, из камня горы забили ключи, и один из них рос, набирая силу, пробивая дорогу сквозь камень и влажную грязь, и устремился к морю, дабы слить свои воды с ним. Так появилась на свет Великая река.

Он говорил о податливости глины и упорстве гранита. Он говорил о горах и утесах, долинах и лощинах, камнепадах и осыпях, и пока он говорил об этом, горы вздымались, подпирая Первую Гору. — могучие хребты каменных братьев ее и сестер. Скалистые громады, озаренные светом первого дня. Гресхорн.

А история продолжалась. Он говорил о тепле солнца и плодородии почвы. И вокруг него все шевелилось — там, где скопилась сырая грязь, пустил побеги свои вереск, пробилась трава и расцвели подснежники, цветы, что появляются первыми после зимы. И пустили корни свои в самые недра земли и подняли к солнцу свои кроны дубы, сосны и ели. И под теплыми лучами солнца они тянулись вверх, а ветви их раскидывались все шире и шире.

И такова была сила слов Моды, что миры в поднебесье притихли, прислушиваясь, и столпи-

лись у дырок, пробитых в своде небесном вершиной Первой Горы и скалами, что восстали из недр ее. И пролился из отверстий тех свет, словно свет звезд. Но как только миры за пределами тьмы склонились над миром, где лился рассказ Моди, населявшие их существа вывалились из опрокинутых миров, застывших в напряженном внимании, и через отверстия в небе попали в наш мир, и упали на землю, что рождалась под ними. Так появились Исполины и виры, гогвульфы и гриффешы, лошади и люди. Они упали на землю, и лежали среди трав и древесных корней, и смотрели в недоумении на миры, из которых упали они сюда. Что им еще оставалось, как не поселиться там, где они оказались, и не сделать чужой этот край своим домом? И на земле этой, названной Мингниш, стали жить они и плодиться, и процветать. А история Моди все длилась.

Теперь поняли океаны, что Моди их обманул. Горы из истории его стали высокими и несокрушимыми, а земля — обширной и обильной. В гнев обрушились океаны на землю и стали крушить берега, стремясь уничтожить ее. Но было уже поздно. И до сих пор океаны крошат камень мира, превращая его в песок, стремясь поглотить его — этот мир. Возможно, когда-нибудь так и случится, но у мира еще есть время предотвратить это, познав магию древних.

История Моди подошла к концу, и он лег на спину, и жизнь ушла из него, потому что он отдал всего себя без остатка, чтобы история его обратилась в реальность. И когда умер Моди, его оплакали горы. Они взяли кости его и захоронили

их в созданной им земле. Из его черепа сотворили они холм Талскера, а из его бороды проросли дремучие леса и покрыли долину Великой реки. А жизнь, что была в нем, просочилась в каждый камень и каждую песчинку, и стала той магией, которой и держится этот мир.

Из костей Моды горы сотворили существ по образу и подобию его, и гномы открыли глаза и вышли на свет из могилы отца своего. Они поселились в горах, — как люди селились в лесах и долинах рек, — и углубились в темные расщелины каменных недр в поисках магии — наследия своего отца.

Проходили века и эпохи, проходили и опадали, точно листья деревьев по осени. Гномы ушли еще глубже в горы, а люди Долов смирили леса, возвели крепости и построили города. И первый из их городов расположился на высоком холме Талскера у Великой реки. Число великанов сократилось, а племя их выродилось с годами. И стали они низкорослыми и злыми, обросли шерстью и потеряли свой разум. Превратились в создания снега и высоких вершин, в зимних разбойников, и были прозваны Снежными Исполинами, которых очень боялись.

Лишь немногие из великанов сохранили свой прежний рост. Мирка как раз был одним из этих. Тот самый Мирка, из каменного изваяния которого гномы создали мирканов. Неисчислимые годы понадобились Народу Камня, чтобы укротить хищных тварей гор и чащоб, чтобы уберечь мир от их набегов. Им мешали трудиться, и они сражались в бесчисленных битвах в глубинах своих

рудников и на горных вершинах, и устали в конце концов от сражений. И вот тогда за работу воинов взялись мирканы.

Мир тогда был исполнен магии. Гномы ушли глубоко под землю, и разыскивали волшебный субстрат жизненной силы праотца своего, и выделили самую ее суть, и стали творить чудеса. В недрах гор построили они Джхаар, пронизав горный массив запутанными ходами, основав рудники и могучие крепости, и Гресхорн стал громадным единым городом. Но сила магии той оказалась слишком велика, чтобы ею владел только один народ. И тогда гном пошел против гнома, чтобы ею завладеть. И в горах разразились междуусобные войны, искалечившие Народ Камня. Многие их города опустели тогда, много великих дел так и осталось не завершено. Именно в те времена Гресхорн получил свое имя — за недоброе колдовство да изменчивую погоду.

И гномы тогда собрались на совет и решили, что негоже им владеть магией в одиночку. Сказано — сделано. И даровали они свое знание калек по имени Беркинлиг, который пришел к ним в горы с равнины, и наказали ему, чтобы он передал это знание народам Минггниша. И Беркинлиг исполнил их повеление. А самые могучие и сокровенные тайны магии запечатали гномы в вершине горы Арат-Гор, которую люди звали Стэйром, и лежали они, погребенные в камне Непроступного Пика, никому не причиняя вреда. И Минггниш расцвел. Люди стали вспоминать события прошедших лет и делать записи в книгах о событиях этих, и вести отсчет времени. Они

выкорчевали леса и удобрили землю, поделив ее между собой. И ходили войной друг на друга. А гномы взирали на людские дела и не вмешивались.

Существует такое поверье, что история Модии не кончалась, что он все еще жив и до сих пор продолжает ее рассказывать. И что в тот день, когда сказано будет последнее слово и история завершится, океаны обрушатся на землю и завладеют ею, наконец. Есть и другое поверье, что история эта не закончится никогда, потому что всегда отыщется кто-то, кто, владея магией, подхватит ее и начнет новую главу. Все это недоступно нашему разумению, ибо мы сами — персонажи истории, а посему заглянуть за пределы ее не властны. Мы — люди и гномы, виры и Исполины — можем только прожить свою жизнь. И прожить ее так, чтобы достойна она была упоминания в этой истории.

Звучный голос гнома смолк, и каменный зал наполнился тишиной. Казалось, даже самый камень его стен слушал рассказ и теперь ждал продолжения. Но Сказитель молча улыбнулся, потом поклонился публике и вернулся на свое место на скамье.

Постепенно в каменном зале поднялся гул, подобный гулкой барабанной дробью, звучащей где-то вдалеке, и Ривен увидел, что гномы бьют себя кулаками в грудь, выражая тем самым свое одобрение. Шум все усиливался. Айса, Байклин и Ратаган тоже присоединились к аплодисментам.

Ривен, не отрываясь, смотрел на голубое пламя в центре зала, где только что был Сказитель.

Теперь он получил все ответы и понял, что нужно от него Мингнишу.

Он взглянул на Джиннет. Захваченная рассказом, она не заметила, как капюшон ее плаща упал, и ссадина у ее рта была видна теперь даже при свете неяркого пламени. Глаза ее были пусты, лицо оставалось непроницаемым.

Сгарр Диг, или Арат-Гор, как называли его Гномы. Все это время он знал, что гора эта — ключ ко всему, что случилось в то летнее утро, когда умерла Дженни. Он знал, что поиск его завершится у Непроступного Пика. Потому что там все и началось.

Магия и история, облеченные в слова. Всегда все сводилось к ним. И теперь Ривен знал — почему.

То, что случилось тем утром на Сгарр Диге, каким-то образом высвободило те силы, которые гномы запрятали там. И погибшая Дженни стала их воплощением, распахнув запечатанную Дверь из того мира в этот. Тормод говорил, что темноволосая девушка — существо, сотворенное из чистой магии. Из той самой магии, что была сейчас сокрыта и в нем. Они с Дженни теперь обладали властью, позволяющей им сохранить этот мир или его уничтожить. Мир, который был бесконечен даже в своих сказаниях. И Ривен стал его Сказителем. И он не только черпал вдохновение из Мингниша, но и создавал его своим словом. Дженни мертва, но магия воплотилась в ее образе, и теперь он бродит по Мингнишу. И ищет его — Ривена.

Ему предстояла еще одна встреча. И нельзя было опоздать на нее.

Но дело не только в этом. Связь между ним и Мингнишем возникла задолго до смерти Дженни — и в результате родились его романы. И Джиннет... которая становилась все больше и больше похожа на Дженни, с каждым шагом, который приближал ее к Алой горе. Какова ее роль во всем этом? Это еще предстоит узнать.

Гномы уже вставали и покидали зал. Ривен вдруг сообразил, что на какое-то время он полностью ушел в себя и не видел ничего вокруг. Перед ним стоял Тормод.

— Получил ты свои ответы? — негромко спросил гном.

Ривен поднялся. Его друзья смотрели на него во все глаза, словно бы ожидая откровения. Он невольно улыбнулся.

— По-моему, да. Теперь я знаю, куда мне нужно идти. И у меня есть идея. Насчет того, что мне нужно сделать.

Тормод удовлетворенно кивнул.

— Вы должны отправляться как можно скорее. Мне донесли, что в горах поднимается буря, а Гресхорн всегда был суров к путникам, даже в лучшие времена. Ваше снаряжение уже готово.

— Вам пришлось повозиться, — заметил Ривен.

— Вам уже недалеко идти, — отозвался Тормод, — если цель ваша там, где я думаю. Но путь туда — не из легких. Мы вам покажем тропу, которая прямым путем выведет вас к горе.

— Спасибо. — Ривен обвел взглядом лица друзей. Суровый Айса с прищуренными глазами, в которых явственно проглядывало нетерпение,

неунывающий, как всегда, Ратаган, — лишь ранние морщины прорезали его лоб. Байклин — серьезный, с иронической улыбкой, и Джиннет, с ее ссадинами и отчаянием во взгляде, от которого у Ривена щемило сердце.

— Я полагаю, что теперь мы готовы, — сказал он твердо.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Снег слепил своей белизной, сияя под ярким солнечным светом, так что путникам приходилось щуриться, чтобы не разболелись глаза. Безоблачное небо поднималось над ними голубым куполом, покоившимся на вершинах гор, окружавших долину со всех сторон. Ривен примерно прикинул их высоту. Где-то двенадцать тысяч футов. Он жадно втянул в себя чистый, животворный горный воздух. Он знал эти горы. Он увидел их с другой стороны, но узнал их. Отсюда он различал вдали изгиб Квиллинского хребта, Старр-нан-Гиллеан, Старр-Алисдайр, Старр-на-Банахдиш... Все те горы, на которые он восходил когда-то, лежали сейчас перед ним. Восхождение будет нелегким делом. А если погода испортится вновь, то практически неосуществимым..

Он бросил взгляд на Джиннет. Свежий воздух вернул румянец ее щекам, глаза ее вновь заблестели. Крепкий ветер, сдувающий снег с вершин, теперь развеивал ее волосы. Казалось, что в ней больше не было ничего чужого: ее лицо столь же знакомо ему, как свое. Он отвел взгляд.

Гномы проводили их вверх по бесконечной спиральной лестнице, что была вырублена в скале и вывела их наружу, на покрытую накидкой снега вершину, с которой открывался вид на северную оконечность хребта. Тормод сообщил, что Стэйр лежит на расстоянии одного дня пути, и что заклятие, которое гномы наложили когда-то на Алую гору, теперь снято. Ривен не спрашивал —

как. У него было такое чувство, что в этом мире не одни они могли общаться на уровне магии.

Попрощавшись с путниками, гномы закрыли за ними каменную дверь и удалились в свое подземелье, не оставив после себя никакого следа, кроме чуть примятого снега в том месте, где была дверь.

Вот и все. Теперь рядом не было никого, с кем путники могли бы посоветоваться, никого, чья мудрость могла бы помочь им понять, что делать дальше. Теперь Ривену придется рассчитывать лишь на себя.

Конец уже близко.

— Надеюсь, ты знаешь дорогу, Байклин, — обратился он к Смуглолицему.

— В жизни ее не забуду, — ответил Байклин, — хотя я выходил не отсюда. Я шел низом, вдоль неглубокой долины, что лежит по другую сторону хребта. Но мне будет несложно сориентироваться.

Ривен поправил ремень рюкзака, что впился ему в плечо.

— Тогда пошли.

Гномы хорошо снарядили их. Дали теплую одежду, сшитую из шкур оленя, отороченную мехом, подозрительно напоминавшим шерсть исполинов. Ноги их были обуты в ботинки с железными шипами, — что-то вроде кошек, — у каждого имелись при себе трос и ледоруб. На долгом своем веку гномам пришлось пережить не одну зиму в горах, так что, надо отдать им должное, они знали толк в походном снаряжении, пусть даже Ратаган с Айсой и поглядывали на эту необычную для них экипировку с некоторым сомнением.

С трудом они продвигались вперед. Первым шел Байклин, потом — Ривен, за ним — Айса и Джиннет. Ратаган замыкал колонну. Они шли, проваливаясь по щиколотку в снег, шипы на ботинках цеплялись за лед, что таился под снежным покровом. Шли, опираясь на свои ледорубы, упрямо продвигаясь вперед, несмотря на порывистый ветер, что застилал слезами глаза и трепал волосы — свежий ветер, обрушившийся на горы, поднявший вихри сухого снега с вершин, так что россыпи белых крупинок кружились в воздухе и горы, казалось, курятся белым дымком, поднимающимся в ясное небо. Их дыхание замерзало у них на губах, окутывая изморозью бороды, брови и мех одежды. А ветер прошупывал каждый шов, каждую щель, просачиваясь под одежду. А что сейчас в Долах? — думал Ривен. Лежит ли там снег? Запорошило ли Талскер? Может быть, Мадра сейчас — именно в это мгновение — глядит из окна в доме Квиринаса, как пурга наметает сугробы, и думает о нем? А дома? Может быть, у их домика на берегу тоже сейчас выпал снег? Там снег был редкостью и выпадал лишь в отдельные морозные деньки посередине зимы, и они с Дженни радовались ему, словно дети, и взбирались на скалы, и неслись взапуски по сугробам до почты в Элголе — целых шесть миль. Они вваливались туда, все в снегу, продрогшие до костей и счастливые, как летние ласточки. То был один из тех дней, о которых потом можно сложить долгий-долгий рассказ, о которых потом вспоминаешь, сидя у разожженного очага, когда наступает вечер, огонь в камине

особенно ярко и сухой плавняк горит голубоватым пламенем среди пылающего торфа. Настоящая роскошь. Несметное богатство. Он был богачом и даже не знал об этом.

И вот он опять пришел в эти горы, только теперь они возвышались над ним, величественные, суровые и не умеющие прощать, — прекрасные и жестокие, как клинок меча. Теперь он достаточно знал для того, чтобы быть благодарным только за то, что это существует на свете. Они — эти горы — стоили того, чтобы вобрать их в себя и сохранить в сокровенных глубинах души горечь с радостью пополам.

Они шли весь день, медленно спускаясь по склону к тропе, которую знал Байклин. Они продвигались вперед, втыкая ледорубы в лед и вонзая шипы своих новых ботинок в смерзшийся снег, где — вырубая ступени, где — спускаясь на тросах, спотыкаясь, помогая друг другу и принимая помощь, в полном молчании. Джиннет помогали все. Они слишком много пережили вместе, понял Ривен, чтобы помнить сейчас о былом вероломстве или спорить о чем-либо. У них теперь общая дорога. И по ней нужно дойти до конца.

Они непрерывно спускались четыре часа и, наконец, добрались до тропы Байклина; хотя ноги у них так и гудели от напряжения, путники не стали задерживаться и тут же начали восхождение на хребет по узкой тропе. Поднявшись на гребень хребта, они пойдут уже по траверсу от одной вершины к другой. Ривен никак не мог избавиться от навязчивой мысли о том, где они будут спать этой ночью, если вдруг разразится буря. Небо

по-прежнему оставалось безоблачным, однако у горизонта появились скопления туч, окутав вершины вуалью из серого тумана, да и ветер, кажется, поднимался. Даже теплая одежда, сшитая гномами, не спасала от его леденящих порывов.

Путники остановились, чтобы оглядеться; мощный порыв ветра буквально вдавил их в лед и снег, покрывавший скалы. Они прошли уже около трети пути. Еще пять-шесть тысяч футов — и они достигнут уровня вершин.

— Это ж сколько еще идти?! — воскликнул Ратаган, изучая взглядом громоздящиеся над ними вершины. И сам же себе ответил: — Долго еще и нудно.

— Мы должны подняться до темноты, — решительно проговорил Байклин. — Перейдем на ту сторону и поднимемся на подветренный склон, там можно будет разбить лагерь.

— И разжечь костер из снега, за неимением ничего другого, — отозвался гигант.

Байклин рассмеялся.

— Гномы уложили нам достаточно горючего камня, чтобы мы смогли согреться, так что не нужно сильно отчаиваться.

Лицо Ратагана просветлело.

— Вот и славно. Меня, впрочем, и так уже греет мысль, что где-то там у меня припрятана бутылка доброго эля, призванная поднять настроение изнывающим от жажды и утомленным путникам.

— Так что у нас есть к чему стремиться, — сказал Байклин и сделал им знак продолжать восхождение.

Они поднимались по южному склону хребта, день постепенно сходил на нет, и морозная ночь надвигалась на горы. Небо потемнело, тучи закрыли вершины гор. Снег не блестел уже, но лишь тускло мерцал в догорающем свете дня. К тому времени, когда путники выбрались на гребень хребта, стало совсем темно. Ветер выл и свистел, разбиваясь о южный склон, как о стену. Они перебрались через острый гребень хребта, и Джиннет с Ривеном едва ли не кубарем покатались вниз по обледеневшему склону. Байклин тоже упал. Они шли в связке, и Айса с Ратаганом, точно две неколебимые скалы, остановили их беспорядочное падение. На этом склоне горы ветер тут же утих. Они ничего не могли разглядеть во мраке — только темные очертания фигур на пока еще светлом снеге. Снег вился в воздухе и, падая, заметал их следы. Байклин встал первым.

— Надо найти укрытие попримичнее. Здесь близко есть такое место. Вставайте.

Они поплелись следом за ним, снег налипал на ресницы, слепил глаза, так что и на расстоянии в несколько ярдов уже ничего нельзя было разглядеть. Однако через несколько минут по левую руку от них показалась группа исполинских скал — цельные каменные монолиты. Путники стали протискиваться между ними и, наконец, отыскивали расселину со скальным карнизом, достаточно широкую для того, чтобы вместить их всех. Ривен уселся на корточки; для того чтобы вытянуть ноги, здесь просто не было места. Ветер шумел где-то вверху. Ратаган уже рылся в своем мешке, разыскивая трутницу, Байклин и Айса

вытаскивали поленья и горючий камень из своих. Ривен с Джиннет готовили место для бивуака, однако еще с четверть часа им пришлось провести, дрожа от холода, пока Ратаган не добился того, чтобы трут разгорелся, и потом тряся над тоненьким язычком пламени, раздувая костер. И вот, наконец, он запылал. Пламя высветило их лица из снежной круговерти ночи, тепло костра немного облегчило боль в поджатых ногах Ривена, которые давно свело судорогой.

— На сколько у нас хватит топлива? — спросил он Байклина.

Тот поморщился.

— Ненадолго. На пару часов точно хватит, но не больше. Можно, конечно, разжечь костер и поменьше, тогда топлива хватит часа на четыре. Но нам необходимо тепло. Сейчас я подброшу побольше дров, а там уже видно будет, может, снег к тому времени перестанет.

Они сбились в кучу в неверном свете костра, снег укрывал им плечи. Это будет долгая ночь. А когда догорит огонь, она покажется бесконечной.

Они достали свои спальные мешки и забрались в них, укрывшись от снегопада под каменной стеной. Дым костра почти не уходил из расселины и ел глаза, но путники все равно теснились у костра.

Ривен задремал, уже притерпевшись к тому, что в скрюченные его ноги почти не поступает кровь. Он лежал в полудреме, в сознании его проносились туманные образы: Исполины и гномы, подземные залы и города за высокими стенами. Столько всего... Такое многообразие лиц

и мест, и каждое он узнавал. Но среди них было и что-то еще. Возможно, другая глава этой долгой истории или лицо, которое ему еще предстоит увидеть. От этих сумбурных видений ему стало как-то не по себе. Ривен медленно всплыл на поверхность сна и очутился в неярко красном свете затухающего костра, ощутив холод снега, который лежал у него на лице и не таял. Было все так же темно и ветер свистел на вершинах скал, как и прежде. На какое-то время его охватила ненависть к этой чертовой погоде, горам и всему тому, из-за чего он оказался здесь. Что притащило его сюда.

Он посмотрел на своих друзей. Все они спали, даже Айса. Байклин вызвался первым нести караул, но он теперь спал, примостившись рядом с Ратаганом. На исхудалом его лице застыло хмурое выражение, как будто даже во сне он осуждал себя за то, что так непростительно забыл о долге. Ривен прекрасно понимал, что у него просто не было больше сил. Ведь на плечах Байклина лежала ответственность за них: все они полностью зависели от его опыта и сноровки с того самого момента, как пришли в эти горы. Байклин их вел. Айса защищал. Ратаган веселил. Ривен же и Джиннет не делали ничего существенного для остальных — им еще предстояло исполнить свою часть работы.

Из всего этого выйдет какая-то история, думал Ривен. Если только будет кому ее рассказать.

Ему нелегко будет из этих людей, что были героями его книг, а теперь стали его друзьями, вновь сделать литературные персонажи. Хотя

может случиться и так, что ему больше уже никогда не придется писать свои книги.

Костер, наконец, потух, последний отблеск его растворился в холодной тьме. Редкий снег тихо падал на путников, спящих в толстых спальных мешках из меховых шкур, которые им дали гномы. Медленно, но неотвратимо холод просачивался и сквозь них, и Ривен видел, как зябко ежились и дрожали во сне его спутники, чувствовал, как Джиннет прижимается к нему, ища тепла. Он не мог заснуть. Его охватило вдруг странное, тревожное чувство, что должно еще что-то случиться. Оно появлялось и прежде, например, до того, как они столкнулись с Джиннет и ее наемниками, но теперь ощущение это было острее, определеннее. Чем меньшее расстояние отделяло его от Алой Горы, тем сильнее одолевали его предчувствия. Как будто он уже вышел из этого мира и снова стал автором, слагающим его историю. Эта мысль опечалила Ривена. Он сроднился уже с этим миром — с Мингнишем — и некоторые из здешних связей пролегли глубже и крепче, чем даже те, что остались в том, другом мире, которому принадлежал он изначально. Он даже не был уверен, сможет ли так вот просто оставить их, пробудиться от сна. Если человеку больше нравится сон, чем реальная жизнь, разве должен он обязательно открывать глаза?

Что за вздор ты несешь?

Ривен улынулся нелепым своим размышлениям.

Вскоре проснулся Байклин. Ривен слышал, как он вполголоса бранил себя за то, что заснул на

посту. Он потолкал каждого, чтобы удостовериться, что никто не замерз. Ратаган выругался и послал его куда подальше, чтобы он отвязался и дал человеку поспать. Лишь Джиннет, казалось, помедлила с ответом, словно смущенная чем-то, и Смуглолицему понадобилось еще некоторое время, чтобы проверить, что она в полном сознании.

Снег перестал. Ривен ощущал его вес сквозь спальный мешок. Место, где когда-то горел костер, совсем завалило снегом, но Ривену не было холодно. Складывалось впечатление, что под снегом ему стало теплее. У него озябло только лицо, и он несколько минут растирал щеки и нос, чтобы возвратить им чувствительность. Веки заиндевели, и Ривену пришлось протереть их краем спального мешка. В воздухе разливалось голубое сияние, предвещающее приближение зари. Байклин вышел уже из-за укрывавших их скал и осматривал предстоящий путь на сегодняшний день. Хотелось бы думать, что последний день. Сгарр Диг уже близко.

Они выбрались из спальных мешков и хорошенько встрясли их. Пришлось откапывать занесенные снегом рюкзаки. Темные силуэты скал уже обретали четкие очертания — свет нарождающегося дня становился ярче, превращаясь из голубого в серо-белый. Они молча уложили спальные мешки, тишину лишь изредка нарушали кашель да чьи-нибудь ворчливые сетования на чертов холод и снег. У Ривена было такое чувство, будто мозг его заледенел, — настолько он ощущал себя безразличным и тупым. Внезапный радостный крик Ратагана вывел его из оцепенения. Гигант

держал в руках бутыль и теперь с этакой лихорадочной бережностью вытаскивал из нее пробку. Потом пустил его по кругу.

— У меня идея. Это, думаю, несколько нас подбодрит.

Эль гномов. Ривен сделал два хороших глотка и почувствовал, как крепкое пиво обожгло его горло и согрело желудок. Дрожь прекратилась. Он стоял и наблюдал за тем, как на востоке медленно разливается бледный свет восходящего солнца. Лед в его мозгу растаял. Он улыбнулся Ратагану, передразнил хмурое выражение лица Байклина и кивнул Айсе, который казался удивительно молодым из-за того, что мороз разгладил ему щеки, а черные волосы успели отрасти. Он долго смотрел на Джиннет, пока та не подняла удивленно брови и, забрав у него бутыль, не отпила из нее. Он знал, что это утро, когда он видит всех своих друзей, — его последнее утро в Мингнише. Осознание этого опечалило Ривена. Но он понимал, что так нужно. Не следует неумолимо длить то, что заканчивается, даже самое лучшее. Нужно уметь прощаться. Этому его научила Дженни, а Мадра помогла в том убедиться. Вот что дал ему этот мир. И этого, быть может, достаточно. Он чувствовал себя как ребенок, которого силком уводят от витрины магазина игрушек. До этого момента у него как-то не было ни времени, ни случая, чтобы остановиться и оглядеться вокруг. Теперь же вокруг только горы, — смотри, не хочу — те самые горы, с которых все и началось. Круг замкнулся. Наконец-то Сказитель истории осознал полностью свою принадлежность к ней.

Сложив свои пожитки и наскоро проглотив холодный завтрак, они вновь надели рюкзаки и вышли вслед за Байклином в серое утро. Хотя теперь Ривен и сам знал дорогу. И, может быть, даже лучше, чем Байклин.

Они шли на уровне горных вершин и теперь могли заглянуть в глаза Гресхорна. Пик поднимался за пиком, утесы и скалы хребта вздымались к небу, где среди облаков стали теперь появляться голубые просветы. Солнечные лучи осветили их путь, снег засверкал на голых громадах гор, лишенных всякой растительности, их вершины вонзались в облака, как острия копий. У Ривена было такое чувство, словно они вступили в пределы иного царства — царства, где дела людей не принимались в расчет и не значили ничего. Казалось, здесь он был столь же ничтожным и неприметным, как какой-нибудь муравей. Однако он не осознавал реальности магии. На самом деле все обстояло иначе. В нем таилась сила, которая, раскройся она в полной мере, умалила бы величие даже этих гор.

Тропа, по которой им предстояло пройти, была открыта всем ветрам — зазубренная цепь следующих одна за другой вершин, что вздымались и опадали, как гигантские волны океана в шторм. Шаг путников замедлился, и вновь им пришлось связаться друг с другом тросом, прежде чем идти дальше, используя ледорубы для опоры. Были места, где обломки скал преграждали им путь, и им приходилось перепрыгивать с одного камня на другой. Кто-то — обычно Байклин — подстраховывал.

Небо прояснилось еще больше, ветер почти совсем стих. Стало жарко даже в их тяжелых одеждах, ладони в меховых рукавицах вспотели. Крутом не было слышно ни звука — только скрип снега под ногами да их собственное дыхание.

В полдень путники остановились, чтобы отдохнуть и перекусить; достали из мешков хлеб, фрукты и вяленое мясо, опорожнили фляжки и тут же набили их ледяной крошкой. На солнце снег ослепительно блестел, и Ривен вспомнил о своих темных очках, оставшихся в домике на берегу моря. Губы обветрели и растрескались. Он то и дело облизывал их, но от этого становилось еще хуже.

Вновь они двинулись в путь. Гномы подсчитали, что для того, чтобы дойти до Стэйра, им понадобится полтора дня, однако они продвигались медленнее, чем планировали. Каждый шаг по нехоженому снегу давался с трудом, рюкзаки тянули к земле. Все устали, вымотались до предела, даже Айса. Они ничего уже не могли — только тихонько плестись вслед за Байклином, что упрямо шагал во главе цепочки. Алая Гора была не только намного выше своего двойника на Скае, она была значительно выше, чем соседние вершины, ее пик высоко поднимался над хребтом, тогда как в мире Ривена он был отнюдь не самым высоким среди Квиллинских гор. Однако его очертания остались прежними; они были столь же знакомы ему, как и профиль Дженни.

День пролетел быстро. С тревогой Ривен заметил, что небо уже темнеет. Воздух был тих и недвижим. Ближе к вечеру белой бесшумной пеленой вновь пошел снег.

Путники остановились, пристально вглядываясь в даль. Они вышли к изгибу кряжа, по левую руку возвышался крутой утрюмый гранитный пик, огромная масса гладкого льда лежала в распадке, раскинувшись широко, словно белое заледеневшее озеро; справа за осыпью открывалась пропасть.

— У нас есть выбор, — проговорил Байклин в тишине. — Либо начать восхождение на пик по траверсу, либо перейти ледяное поле. Но, в любом случае, мы должны дойти до горы сегодня. Мы не можем больше останавливаться. На такой высоте нам не найти топлива для костра, и мы вряд ли выдержим здесь еще одну ночь. — Он ничего не сказал о том, что они будут делать после того, как доберутся до Алой горы, и как потом отыщут дорогу обратно в Джхаар.

— Ледник, — отрывисто бросил Ривен. — Становится слишком темно, чтобы начинать прямое восхождение.

— Я тоже так думаю, — сказал Байклин.

Они по-прежнему шли в связке: обогнули скалу и вышли на ледник, передвигаясь почти наощупь, точно процессия слепых. Ледник был наклонным, и они шли, опираясь на ледорубы, осторожно делая каждый шаг. Ледовое поле терялось где-то внизу, сползая через плечо горы.

Тяжелое дыхание, хруст фирна под ногами, покачивание рюкзака отдавались в ушах Ривена, все тело болело, но еще подчинялось его воле. Пелена снегопада поглотила все звуки вокруг, приглушая шаги и дыхание остальных. На горы опустилась почти сверхъестественная тишина, даже никогда не смолкающий шелест воздушных

потоков, перемещающихся между вершинами и равниной, — и тот умолк.

В сгустившихся сумерках внезапно над ними раздался треск лопнувшего льда — оглушительный, словно выстрел. Осколки льда покатались к ним. Путники остановились. Пар дыхания замутил воздух перед глазами, застилая взор. Ривен вопросительно посмотрел на Байкина и увидел, что лицо его стало вдруг белым, как бумага.

— Что это?

— Не знаю. Продолжайте идти! Не останавливайтесь! — И трос, привязанный к поясу Ривена, натянулся, рывком увлекая его за собой. Он стал пристально всматриваться в темноту, но не мог разглядеть ничего, кроме нетронутой белизны ровной поверхности ледяного уклона. Выругавшись, он двинулся вперед.

Внезапно лед у него под ногами взорвался. Он заметил, как что-то серое, похожее на змею, вырвалось из-под льда, словно струя гейзера, и ударило его в грудь; он упал и покатился вниз по склону. Перекувырнувшись, он ударился головой о торос и услышал, как лед треснул под ним. Трос врезался в него, точно стальная проволока, так что Ривен даже вскрикнул. Все пространство вокруг оглашали крики. Он висел, беспомощно раскачиваясь, точно пойманная паутиной муха. Трос натянулся, словно струна. Он отчаянно цеплялся за лед своим ледорубом, пытаясь остановить скольжение. Потом поднял глаза и увидел светло-серое змееподобное чудовище, нависшее над ним. Хриплый крик отчаяния пронзил воздух, отдавшись болью в его ушах.

— Ледовый Червь! — раздался надрывный голос Байклина.

Ривен слышал его крик и видел, как существо бросилось на него, сбило с ног, Байклин покатился вниз по склону ледника. Трос со всей силы врезался в пояс Ривена, он стиснул зубы от резкой боли, но ничем не мог помочь товарищу. Ривен ощутил вкус крови во рту, а потом его ледоруб сорвался, и он вновь заскользил вниз. Ривен ощутил рывок такой силы, что у него потемнело в глазах, и он опять закачался в воздухе, ощущая вес Байклина, который тянул его вниз. Айса с Ратаганом держали их.

Вновь сверху раздался звенящий крик, какой издает ястреб, бросаясь на добычу. Свист и лязг оружия. Треск раскалывающегося льда. Там, наверху, шла схватка.

Ривен повернулся лицом к ледяному склону и, размахнувшись, вонзил свой ледоруб как можно глубже в лед. Хорошо еще, что ледоруб был привязан к поясу, иначе он давно уже потерял бы его. Ривен взбрыкнул ногами, уперся шипами ботинок в гладкую стену и удостоверился, что закрепился как следует. Невыносимой тяжести вес, тянувший его вниз, вдруг уменьшился. Он посмотрел вниз по склону и увидел, что Байклин на ногах и взбирается вверх. Глаза его сверкали.

Что-то тяжелое рухнуло на лед — весь ледник застонал и затрясся.

— Он ушел! — прокричал сверху Айса. Они стали подниматься ему навстречу. Лед вокруг превратился в лабиринт ледяных глыб и осколков. Ратаган, Айса и Джиннет стояли, пригнувшись, в

самом центре ледяного массива, с дикими глазами и с ледорубами в руках наготове.

— Он вернется. Он еще вернется, — прохрипел Байклин. — Нужно уходить со льда, выбираться на камень. Здесь у нас нет никаких шансов.

Не успел он договорить, как буквально под ногами у них взметнулся фонтан снега и льда, и ледовое чудовище вновь нависло над ними, зияя разверстой пастью. Змееподобное тело толщиной со ствол сосны. Драконий гребень на голове. Глаза — точно два зеленых огня. Тварь взвилась на дыбы, поднявшись в два ратагановых роста, и обратила свой немигающий взор на Ривена.

Айса рванулся вперед и с криком вонзил в нее свой ледоруб. Змееподобное существо вскрикнуло и принялось извиваться, словно червяк на крючке. Миркан отлетел в сторону, отброшенный ударом корчащегося тела; трос потянул Джиннет за ним. Ратаган, увлекаемый следом за Джиннет, упал. Гигантский Червь бросился на Айсу, и его челюсти сомкнулись на ноге миркана.

— Нет! — закричал Ривен и устремился вперед, вскинув ледоруб. Ледовый Червь поднял Айсу в воздух и принялся трясти его, как собака трясет пойманную крысу; привязанный к его поясу трос поднял и Джиннет. Та кричала не переставая. Ривен метнул ледоруб, перерезав веревку, и Джиннет упала на лед. Червь отшвырнул Айсу в сторону. Тот, взлетев высоко в воздух, рухнул на лед в двадцати ярдах от места схватки.

Ратаган рванулся вперед, рыча от гнева. Его ледоруб оставил глубокий алый след вдоль змееподобного туловища твари. Она отпрянула, шипя

от боли и ярости, а потом бросилась на него. Гигант все-таки увернулся, барахтаясь в обломках льда, и тело Червя просвистело в каком-то футе от него. Голова его расколола лед, за ней потянулось и тело, и Ривен вдруг сообразил, что Червь с невероятной быстротой уходит под лед. Извивающийся хвост исчез в дыре, которую проделала голова. Тварь ушла.

Секунду они стояли не в силах пошевелиться, хватая ртом воздух. Потом Байклин сжал руку Ривена.

— Возьми женщину и бегите под защиту камней. Мы задержим его.

— Айса... — голос Ривена дрогнул.

— Беги! Мы справимся с ним. Ты должен идти!

Ривену хотелось разрыдаться. Он схватил руку Джиннет и потащил ее за собой. Но не прошел он и десяти футов, как лед рядом с ним раскололся, и Ледовый Червь взвился в воздух, отбросив Ривена в сторону. Зеленые глаза, не отрываясь, смотрели на него. Слабым движением руки Ривен занес свой ледоруб, приготовившись к самому худшему. Но вдруг между ним и ледовой тварью встала громадная фигура Ратагана, и топор гиганта погрузился по рукоять в тело Червя. Крик, всколыхнувший воздух, казалось, разорвал Ривену барабанные перепонки. Тварь отпрянула и устремилась прочь. Ратаган, весь в крови, стоял над Ривеном и Джиннет. Они слышали его смех, — свободно и вольно льющийся смех, — какого Ривен еще от него не слышал.

— Ну, что же ты, жалкий червяк! Давай-ка,

отведай еще выкованной гномами стали. Сразись с Ратаганом, посмотрим, как тебе это понравится! Байклин и Айса вылезли из-под снега и подошли к нему. Осколки кости выпирали из безжизненно повисшей руки Айсы. Его лицо было залито кровью, однако здоровой рукой миркан по-прежнему сжимал ледоруб, и глаза его сверкали пылом битвы. Байклин поддерживал его одной рукой, в другой блестел его короткий клинок. Наледь покрывала их плечи и лица.

Ледовый Червь с ненавистью шипел на них. Темная жидкость хлестала фонтаном из глубокой раны, нанесенной ему ледорубом Ратагана. Огонь его глаз зажег зеленым кружащиеся в воздухе хлопья снега. Голова на какое-то время зависла в воздухе, качаясь туда-сюда, потом она упала на лед и с каким-то скрежещущим звуком исчезла в глубине, только осколки льда брызнули во все стороны. Мгновение ледяное поле еще дрожало у них под ногами. Потом все стихло.

Айса тяжело опустился в снег, и Ривен только теперь заметил, что нога его, от бедра до щиколотки, распорота и кровоточит. Весь лед кругом уже был залит кровью — людей и ледового чудовища. Байклин сел рядом и принялся обрезать остатки одежды на руке и ноге миркана, чтобы очистить рану.

— Он вернется? — хрипло спросила Джиннет.

— Может быть, — отозвался Смуглолицый. Он невольно поморщился, перетянув глубокую рану на бедре Айсы, чтобы остановить кровотечение.

— Но тут могут быть и другие, — сказал

Ратаган. — Я слышал об этих тварях. Они не любят одиночества.

— Оставь меня, — прошептал Айса, но Байклин лишь бросил на миркана испепеляющий взгляд.

— Сейчас мы залатаем Айсу, и потом надо будет убираться с этого ледяного поля. Черви — создания снега и льда. Там, где камни, их не бывает.

Ривен опустился на землю рядом с Байклином и лежащим мирканом. Кровь уже начала замерзать на снегу.

— Как он?

— Не очень. Спляшет он еще нескоро. Его кровь привлечет к нам Червей.

— Рука, — выдавил Айса. Он то и дело впадал в беспамятство. Ривен испытал шок: видеть Айсу таким беспомощным, искалеченным ему не приходилось.

Я, наверное, выглядел так же, когда упал с горы. Весь — кровь и переломанные кости.

— Он поправится, — уверенно произнес Ривен, отводя взгляд от осколков кости, торчавших из предплечья миркана.

Отдаленный крик, приглушенный пеленой снегопада, внезапно послышался сверху. Во тьме где-то внизу ему отозвался другой.

— Они учуяли нас, — сказал Ратаган, хлопнув правой рукой о штаны. В его рукавицы забился снег. — Скоро здесь станет не слишком уютно. И для здоровья опасно. Ты закончил, Байклин?

Смутлолицый кивнул. Айса впал в беспамятство; его нога была перевязана кусками шкур,

лентами ткани и кожи. Байклин обмотал его руку толстым плащом и зафиксировал ее с помощью станковой пластины рюкзака.

— Готово. Грубовато сработано, но пока что сойдет и так. Ну что ж, пора двигать отсюда.

Ратаган наклонился, поднял Айсу на руки, — нежно, точно ребенка, — и уложил его через плечо, так что изувеченная рука Айсы повисла безжизненно как раз вдоль его рюкзака. Они запагали вперед. На этот раз — без страховки. Теперь они продвигались медленнее, чем прежде. Ноги Ривена дрожали от усталости, а ему еще приходилось поддерживать Джиннет, которая вообще еле шла. Мышцы его рук и ног горели огнем. Ледоруб приходилось втыкать поглубже, чтобы поддерживать вес их обоих.

Видимость ухудшилась. Тьма сгущалась. Снег продолжал падать — так же бесшумно, как прежде. Той же плотной пеленой. Ривен не сомневался в том, что Алая гора уже где-то близко. Но точнее определить было никак невозможно. Высота этих гор и сбивавшая с толку тьма не позволяли сориентироваться.

Они едва ли прошли половину пути по леднику.

Выше по склону раздался рев и треск. Град из битого льда обрушился на путешественников. Они замерли, лихорадочно вглядываясь во мрак, пытаясь различить там движение.

— Они приближаются, — спокойно объявил Байклин. — Они чуют запах крови.

— Сколько идти до камня? — В голосе Ратагана теперь чувствовалась усталость, но в темноте невозможно было разобрать выражение его лица.

— Слишком далеко. Мы не успеем дойти.

Вновь послышался рев, похожий на крик попавшей в сеть хищной птицы. Ему вторили два других. Сверху, снизу и за спиной у них. Впереди путь был свободен, — по крайней мере, там было тихо.

— Пока еще можно идти, — сказал Ривен. Ратаган аккуратно положил Айсу на лед и закрепил его, чтобы он не скатился, воткнув рядом с ним ледоруб. Ривену показалось, что он улыбается. Гигант обратился к Байклину:

— Ты ему скажешь или я?

Смутлолицый стоял, опершись на рукоятку своего ледоруба и склонив голову. Что-то двигалось наверху. Был слышен звук ползущего по льду тяжелого тела. Джиннет вздрогнула, услышав этот шум, и вцепилась в руку Ривена. Позади послышался треск и хруст льда, — ледник под ногами у них задрожал. Черви быстро приближались.

— Они идут на запах крови, — сумрачно произнес Байклин. — Они чувствуют ее. Вы с Джиннет идите, а мы останемся здесь и задержим их. Дадим вам время добраться до камня.

Ривен упрямо посмотрел на него.

— Нет.

— Ты должен, мой друг, — сказал Ратаган. — Ты должен выбраться любой ценой, иначе все это было зря. Все, через что мы прошли. Ты обязан исполнить свой долг — и она должна пойти с тобой.

— Нет, — прошептал Ривен.

— Ты должен, Майкл, — Байклин положил руку ему на плечо. — Для этого мы и пошли с тобой: чтобы ты добрался до этой горы, чтобы

сделал, что должен сделать. Не подводи нас теперь... не подведи Мингниш.

— Я не могу, — вырвалось у Ривена. — Не могу уйти без вас. Я не могу это сделать без вас.

— Ты должен, — настаивал Ратаган. — И потом, ты не один. С тобой женщина. Нет, ты не один...

— И не будешь один. Никогда, — добавил Байклин. — Пока продолжается эта история, ты не будешь один.

Ему показалось, он слышит голос из прошлого:

— История не прекращается никогда. История не умирает. Всегда что-нибудь остается. Быть может, появятся в истории этой другие герои... может быть, даже рассказывать будет кто-то другой, не ты. Но она продолжается.

Она продолжается.

Живые, яркие персонажи. Вымышленные герои. Он создал их, встретил их, полюбил. Он считал их своими друзьями, может быть, самыми лучшими из всех друзей, какие были у него когда-либо. И вот теперь он должен оставить их, бросить здесь умирать.

Ни за что.

В темноте раскололся лед. Рядом что-то зашипело. В пелене снегопада зажглись зеленым огнем глаза. Ратаган решительно поднял свой ледоруб.

— Ты должен идти, Майкл Ривен.

Я знаю.

Какой-то комок встал в горле. Он не мог говорить. Байклин и Ратаган больше не обращали на него внимания, глядя на зеленые огни, едва различимые за пеленой снега. Три пары глаз.

— Постарайся им не попасться, — предупредил его Ратаган. — Уходи сейчас, пока еще не поздно.

Слезы обожгли щеки Ривена. Он отступил.

— Когда-нибудь я расскажу историю. Про вас обоих, — сумел выдавить он. Шатаясь, он шел через ледник, врезаясь шипами ботинок в лед. Джиннет плелась следом. У себя за спиной он слышал визг тварей и вспугнувший ночь смех Ратагана, чистый, как колокольный звон. Снегопад прекратился.

— Только пусть эта история не будет печальной! — крикнул гигант ему вдогонку. Послышались крики людей и рев чудовищ, и Ривен отвернулся. Все осталось позади. Теперь лицо его было обращено к горам, что поднимались в ночи, словно величественный собор.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сгарр Диг. Они уже вышли на предплечье его вершины и теперь, обливаясь потом, поднимались по крутому откосу, покрытому смерзшимся щебнем и льдом. Облака стали реже, и Ривену показалось, что за ними угадывается свет полной луны. Шипы ботинок проскрежетали о камень, и, поскользнувшись, он упал на колени. Ривен провел ладонью по лицу. Оно было мокрым. Лишь теперь он понял, что все время, пока он шел, слезы текли у него по лицу. Он упал ничком в снег, не в силах сдержать рыдания. Их больше нет. Теперь он остался один.

Джиннет опустилась рядом, и ее рука обняла его за плечи. В ночи не раздавалось ни звука. И если битва на леднике еще продолжалась, то отрог горы заглушал ее шум.

Ком в горле перехватил дыхание Ривена, он до крови закусил губу и поднялся на ноги.

Давай заканчивай, Ривен.

Не проронив ни слова, он пошел дальше. Он боялся, что, если заговорит сейчас с Джиннет, она отзовется голосом его жены. А этого он не вынесет. В своих мыслях он уже был готов расстаться с ее призраком. Или, может быть, встретить его.

В его сознании накопилось слишком много лиц. Слишком много картин. На него предъявляли права сразу два мира, разрывая его на части. И оба требовали от него безоговорочной преданности. Сейчас ему больше всего хотелось быть там, на леднике, и сражаться бок о бок со своими друзьями. В который раз они спасали ему жизнь,

а он оставил их там — умирать. А Ратаган при этом еще смеялся.

Он видел реку в Бичфилде, блестящую под луной; волны, набегающие на берег Кемасанари; Алую гору летним утром, когда солнце уже согрело камень. Он чувствовал руки сестры Коухен, ее губы, прикоснувшиеся к его лбу... вдруг она обратилась в Мадру, и мохнатая голова волка лежала у нее на коленях...

Слишком много всего. Слишком много воспоминаний.

Облака рассеялись, и путь их озарил лунный свет — холодное, жуткое сияние, которое превратило тени в черные провалы. Гора сияла в лунном свете как призрачная. Ривен усмехнулся в пустоту и безмолвие, но вспомнил смех Ратагана, и его усмешка растаяла. Не имеет значения. Все кончено. Сон остался позади. Впереди нет ничего. Только гора.

И Дженни.

Старр Диг заполнил собою полнеба, — темная громада, освещенная полной луной. Вершину ее окутал клочок серебристого облачка.

Ясная зимняя ночь на Скае. Он идет среди гор, и яркие воспоминания из недавнего сна скользят по краю его сознания. Он возвращается в свой мир, а за спиной у него стоит призрак того — другого.

Путь стал труднее и круче, щебень осыпался у них из-под ног, с грохотом падая вниз. Заоблачные ветры не давали снегу здесь закрепиться. Лишь в тех местах, где выступы скалы отрезали порывы ветра, снег собирался в сугробы. Но скалы по

большей части были голыми, как могильные плиты. Лед, покрывавший камень, поблескивал под луной.

Каждый шаг отдавался болью. Старые переломы Ривена давали о себе знать. Впечатление было такое, что во всем его теле не осталось ни одной целой кости. Рядом слышалось торопливое, прерывистое дыхание Джиннет. Она старалась не отставать от него. Ривен различал в полумраке ее лицо — застывшее маской в мертвенно-бледном свечении луны. Она казалась холодной, точно мраморное изваяние, с глазами, блестевшими серебром под темными бровями, которые сходились на переносице.

Вскоре ему пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Она опустилась на камень рядом. Он вспомнил себя, здорового, бодрого, чисто выбритого... вспомнил, как он взбирался по горным склонам в Бреконе без единой передышки. Лейтенант Ривен.

Снова — вперед. Тяжело дыша. Так дышал Джордж, раненный в грудь.

Больше уже не солдат.

Первые утесы — крутые подступы к вершине — уже предстали перед ними, черные, сверкающие от снега в расщелинах, зажженного лунным светом.

Теперь — наверх.

У них не было даже троса, лишь жалкие обрывки, обмотанные вокруг их поясов. Трос остался внизу, с Байклином, Ратаганом и Айсой. И с Червями. Он снял рукавицы, зная, что при подъеме пальцы должны быть свободными, и предложил Джиннет сделать то же. Она пребывала в каком-то полусне, — беспомощная, как загип-

нотизированный кролик. Однако она беспрекословно послушалась Ривена.

Он начал подъем. В ярком свете луны найти опору для пальцев не составляло труда, однако ноги постоянно соскальзывали с обледеневших камней.

Ложные вершины поднимались и пропадали. Острые камни резали окоченевшие пальцы. Дважды Ривену приходилось втыкать ледоруб в расщелину и тянуть за собою Джиннет. Она вся дрожала. Зубы стучали от холода и страха. По сбитым рукам текла кровь.

Крутой скалистый подъем подошел к концу, и они оказались на относительно ровной широкой площадке недалеко от вершины. Еле передвигая ноги, они поплелись вперед. Снег хрустел и шуршал под ногами. На полпути Ривен сбросил рюкзак с плеч на землю. Потом снял рюкзак Джиннет. У нее был такой же, но полегче. Она покачнулась, и ему пришлось подхватить ее. Мгновение они стояли так, обнявшись, уже на подступах к вершине. Она прильнула к нему, уткнувшись лбом ему в плечо.

— Моя смерть рядом. Здесь, — прошептала она и зарыдала беззвучно. Он погладил ее по волосам с вмерзшими в них льдинками, но не нашел что сказать. Он зашел слишком уж далеко. Они двинулись дальше, держась за руки, словно дети, пытаясь ободрить друг друга.

Наконец, они были наверху, на знакомом месте.

Ривен не удивился бы, увидев обрывок троса, свободно свисающий вниз. Но там не было ничего, только голый гранит в пятнах белого снега, только черная тьма по ту сторону Алой горы и глубокая

пропасть долины, что безмолвно ждала внизу. За черной бездной пропасти виднелся уклон, долгий, точно река, в озаренной луной ночи. Далеко-далеко, в конце его, спал Мингниш. Если б сейчас был день, Ривен разглядел бы отсюда деревни и фермы вокруг Талскера, может быть, даже сам город и Великую реку, извивающуюся у его стен. И безбрежные просторы Большого Дола... Хотя, может быть, — только Гленбриттл, дома, растянувшиеся вдоль узкой извилистой дороги на дне долины. Пустой дом, где когда-то родилась Дженни.

Они с Джиннет вышли на выступ, на котором Ривен лежал тогда — год назад или век назад. И он понял вдруг, что они не одни.

Она была с ними на этом выступе. Джиннет в испуге отпрянула, но Ривен замер на месте и только смотрел на нее, не в силах пошевелиться.

Смуглая девушка-жена.

Все та же тонкая рубашка на ней. Руки и ноги — в крови. Истощенная, худая, как будто давно уже голодала. Щеки запали. Казалось, кости вот-вот прорвут ее тонкую кожу. Но она улыбалась.

Джиннет вскрикнула и отпрянула, но один лишь взгляд этих темных глаз парализовал ее, пригвоздив к месту. Женщины не отрываясь смотрели друг на друга. Одна — с дрожью ужаса, другая — с нечеловеческим спокойствием, с безмятежным безмолвием трупа. Ривен прижался к скале между ними.

Беззвучный крик вырвался изо рта Джиннет. Она бешено затрясла головой, не сводя глаз со своего двойника. А потом рванулась — шагнула с уступа. В пустоту...

— Нет! — Ривен бросился к ней. Слишком поздно.

Не проронив ни звука, она упала с уступа, перевернулась в воздухе, — лицо мелькнуло в свете луны, — и исчезла.

Боже правый!

Ривен прижался губами к камню и зажал уши руками. Он не хотел этого видеть, не хотел слышать... глухой звук удара и крик. Он не в силах был вынести ее крик. Ему показалось, что он слышит собственный голос, яростный вопль где-то там, далеко-далеко, и на мгновение за спиной у него вспыхнуло солнце. Он даже ощутил его тепло. А потом все пропало. Камень, к которому он прижимался щекой, был холодным, как смерть.

Осторожное прикосновение руки к его плечу. Он вздрогнул, точно испуганный заяц.

— Майкл, — сказала она.

На камне перед Ривеном сидела Дженнифер Маккиннон. На лице — тревога, на губах — ускользающая улыбка. Та самая улыбка — с чуть опущенным вниз уголком рта, — которую ей передал отец.

Его жена. Не какой-то двойник, не видение, не сон. Его жена. Здесь. Перед ним. На той же самой горе, что убила ее.

Он протянул к ней потрескавшиеся, изрезанные о камни руки. Их руки сплелись. Холодными пальцами она сжала его ладонь. Живая.

— Дженни? — глухо прошептал Ривен. Голос его сорвался.

На мгновение она нахмурилась, озадаченная. Потом лоб ее разгладился.

— Да. Дженни. Я — Дженни.

— Ты... Ты жива.

Она вновь улыбнулась.

— И даже больше, чем просто жива. Я — в этой истории, как теперь и ты сам. Теперь о тебе будут слагать легенды. И молва о тебе пройдет от этих гор и до самого моря. Ты стал легендарным персонажем, Майкл, и будешь жить вечно.

Ему на глаза навернулись слезы.

— Я не хочу быть легендарным персонажем. Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне. Вернулась домой.

Она покачала головой.

— Эта часть истории закончена. Ее уже не переделаешь и не перескажешь заново. Я не вернусь. Не могу.

Теперь Ривен понял: это не та женщина, с которой он поднялся в тот день на Сгарр Диг. Не та, не совсем та. Рыдание комком встало в горле, когда он осознал, наконец, что его Дженни потеряна навсегда.

— Мингниш, так зовется земля, которая стала теперь твоим домом, — продолжала она. — Ты никогда его не покидал. Он проникает в тот мир и он часть того мира, который ты знаешь как свой, так что даже люди, которых ты знал в одном мире, стали людьми из другого.

— Кем была Джиннет? — спросил Ривен.

— Она была частью тебя. И меня. Ты боялся за меня, и она была этим страхом. И больше того. Магия, Майкл. Теперь ты веришь в нее?

Тупая боль поселилась в нем. Боль, которую он знал и прежде.

— Да, верю. Теперь.

— Мингниш соткан из магии. Он — не за-

стывший, как мир Ская. Он постоянно меняется, и ты — то, что меняет его. Ты родился с историей, заключенной в твоей голове, история эта была так близка к сути этого мира, что Мингниш вошел в тебя. И кому ведомо — почему и как? Может быть, когда-нибудь ты узнаешь. И вместе с Мингнишем в тебя вошла его магия. Ты стал вершителем его судеб. Ты изменял его, а он изменял тебя. Но ты впитал в себя слишком много от этого мира. Слишком сильной стала связь, и когда... когда я умерла... это был катарсис. На какое-то время весь поток магии устремился в одном направлении — в Мингниш — и создал... Дженнифер. Ту самую смуглую молчаливую девушку, которая не давала тебе покоя, шла за тобою как тень с того момента, когда ты сам появился здесь. Потому что она любила тебя.

Он поднял глаза. Ее взгляд был устремлен в пропасть, в зияющую пустоту, лицо искажено горем, которое она пыталась сдержать.

— Магия была во мне, — продолжала она, — Она скопилась во мне, но не находила выхода. И мир, лишившийся магии, стал умирать. И лишь когда я вновь обрела свою целостность, магия освободилась.

— Потому что мы с Джиннет пришли сюда? — спросил Ривен.

Она кивнула.

— Теперь эта земля сама исцелит себя. А я снова стала собой.

Он попытался привлечь ее к себе, но она не сдвинулась с места.

— Почему?

— Смерть — это конец, — тихо вымолвила она. — Но история продолжается.

— Да, я и забыл. Жизнь продолжается, — хрипло выдавил он, заморгав, чтобы смахнуть предательскую слезу. — Но что теперь у меня осталось?

Она провела рукой по его щеке:

— История, быть может. Которая стоит того, чтобы ее рассказать. И причина, чтобы ее продолжить.

— Все закончилось, правда? Я должен вернуться. Туда, откуда пришел.

Она кивнула еще раз, молча.

— А я попаду сюда, в Мингниш, еще когда-нибудь?

— Сейчас ты возвращаешься. Ты идешь домой. И ты забываешь. Ты все забудешь. Иначе тебе никогда не найти покоя.

— Забуду все? — спросил он и вспомнил Исполинов и гномов, горы и города, друзей и врагов, и любимую, которая была совсем еще ребенком.

Все.

Поднялся ветер и завертелся вокруг скалы, словно стражник в панике. Ривен замерз. Его одежда совсем износилась и обтрепалась. Камни больно впивались в спину. Рассвет разлился, как кровь, по восточному небосклону, расцветая над зубчатой грядой Квиллина. Ривен весь дрожал, зябко ежась и обхватив себя руками.

Какого черта?

Сквозь рассеивающуюся тьму внизу вырисовывались туманные очертания долины. В окнах

некоторых домов уже зажглись огни. Он стоял, пошатываясь, удивленно соображая, почему его одежда так странно сидит на нем. Хотелось есть. Руки горели от боли.

Он снова сел. Что-то забрезжило на самом краешке сознания — как смутный, едва уловимый образ. Он чувствовал себя ужасно. Но было еще одно странное ощущение. Ощущение того, что он жив... по-настоящему жив. Он мог теперь рассмеяться, отдав смех свой этим суровым горам, и голос его, многократно усиленный, обрушился бы на него звенящим эхом.

Не будешь же ты целый день тут сидеть.

Он поднялся. До хижины — расстояние приличное. Но небо вроде бы прояснялось. Похоже, будет хороший денек, — чистый, прозрачный, точно родниковая вода. Он улыбнулся безбрежным просторам, горам, голубому небу, отдаленному плеску морского прибоя у берега Ская.

Он заторопился домой. Потому что теперь Ривен знал, о чем будет писать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	26
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	68
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	82
ГЛАВА ПЯТАЯ	103
ГЛАВА ШЕСТАЯ	123
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	153
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	185
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	232
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	269
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	323
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	367
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	406
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	443
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	465
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	493
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	507
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	533
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	573
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	597

Литературно-художественное издание

**Пол Керни
ПУТЬ К ВАВИЛОНУ**

Заведующий редакцией А. А. Кирюшкин
Ведущий редактор Ю. Б. Воронов
Художники Ю. Л. Максимов, К. А. Сошинская
Художественный редактор Ю. Л. Максимов
Технический редактор Е. В. Денюкова
Корректор Н. Н. Устякова

Оригинал-макет подготовлен Н. Б. Андреевой
в пакете Xerox Ventura Publisher
в редакции АИП издательства «Мир».

ИБ № 8613

Л.Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 6.12.95. Формат 70 × 100 1/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Объем 9,50 бум. л. Усл. печ. л. 24,70.
Усл. кр.-отт. 25,28. Уч. изд. л. 23,79.
Изд. № 9/9464. Тираж 15 000.
Зак. 33 С 104

Издательство «Мир» Комитета Российской Федерации по печати. 129820, ГСП, Москва, И-110, 1^й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской Федерации по печати. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Зарубежная

фантастика

П. Керн
ПУТЬ
К ВАВИЛОНУ

Издательство «Мир»

